

Российское
психологическое
общество

ISSN 1812-1853 (Print)
ISSN 2411-5789 (Online)

Том 20 № 3

РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ /
RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL

2023

Российский психологический журнал

Учредитель – Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Митина Л. М. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Яницкий М. С. (КемГУ, Кемерово, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
Ph. D. Granhag Pär-Anders (University of Gothenburg, Sweden)
Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)

Ph. D. Kalmus V. (University of Tartu, Estonia)
д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
д. биол. н. Полевая С. А. (ПИМУ, Нижний Новгород, РФ)
Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
Dr. Стошич Л. (Institute of management and knowledge, Скопье, Македония)
д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь

и литературный редактор

Ответственный редактор

Секретарь по рецензиям

– Вороная Виктория Дмитриевна

– Проненко Евгений Александрович

– Запорожец Диана Валерьевна

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 140,
ком. 114
E-mail: editor@rpj.ru.com

Адрес издателя:

ООО "КРЕДО"
129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:

Российское психологическое общество
125009, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Каталог Урал-Пресс
Подписной индекс 46723
Цена свободная

© Российское психологическое общество, 2023

© ООО "КРЕДО", 2023

Веб-сайт: rpj.ru.com

Концепция, миссия, цель и задачи Российского психологического журнала

Российский психологический журнал – научное рецензируемое издание, открытое для международного сотрудничества и публикующее оригинальные научные статьи и обзоры по психологии. Журнал основан Российским психологическим обществом в 2004 году, выпускается 4 раза в год. С 2019 года издается на русском и английском языках.

Миссия журнала – в повышении качества и открытости психологической науки. Журнал стремится к поддержанию высокого уровня психологических исследований и повышению доступности научного знания для всех категорий читателей.

Цель журнала заключается, с одной стороны, в вовлечении российских исследователей в международное научное пространство, что обеспечивается внедрением современных международных издательских практик, с другой стороны, в содействии научной коллаборации российских и зарубежных авторов за счет знакомства иностранных исследователей с российскими научными разработками, не имеющими аналогов за рубежом.

Задачи журнала:

- 1) предоставление качественных научных результатов для начинающих и опытных ученых;
- 2) предоставление возможности исследователям публиковать и делиться своими работами в научных кругах по всему миру;
- 3) продвижение статей журнала в международном научном пространстве через вхождение в авторитетные международные базы данных и каталоги;
- 4) повышение международной кооперации авторов;
- 5) повышение видимости, цитирования, доверия и авторитета российских научных работ в мировом научном пространстве.

В журнале осуществляется двойное слепое рецензирование, каждая рукопись оценивается не менее чем двумя экспертами.

Журнал придерживается международных стандартов издательской этики в соответствии с рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Читательская и авторская аудитория журнала

Читательская аудитория Российского психологического журнала состоит из нескольких категорий.

Наибольший интерес статьи журнала представляют для академического сообщества, исследователей в сфере психологии; на страницах журнала публикуются передовые исследования в актуальных областях науки.

Студенты и аспиранты могут найти необходимый материал, который послужит опорой в обучении и который поможет начать собственные исследования. Также статьи журнала будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся конкретными или новыми темами в сфере психологии.

Авторскую аудиторию журнала составляют сотрудники университетов (преподаватели, доценты, профессора), научные сотрудники научно-исследовательских организаций, активные исследователи различных областей психологии, практикующие специалисты, а также аспиранты и соискатели ученой степени – им предоставляется возможность публиковать статьи высокого качества.

Журнал входит в Перечень ВАК, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Scopus, Ulrichsweb, ResearchBib, Directory of Open Access

Journals (DOAJ) и другие базы и каталоги научных журналов.
Редакция журнала является членом ассоциаций АНРИ, CrossRef.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0 Всемирная.

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-16511 от 13 октября 2003 года.

Содержание

Общая психология, психология личности

**Наталья В. Гришина, Марина О. Аванесян, Мария В. Макарова,
Вероника Д. Мамаева-Найлз**

Контекстуальный характер жизненных целей: ситуационные
и индивидуально-психологические детерминанты целеполагания.....6

Елена А. Суроедова, Мария А. Давыдова, Анастасия В. Гришина

Молодые люди и Интернет: субъективные факторы выбора стратегий
онлайн-поведения.....29

Александр О. Прохоров, Альберт В. Чернов

Ментальная регуляция психических состояний студентов в
повседневной и напряженной ситуациях обучения.....48

Ирина В. Белашева, Павел Н. Ермаков

Эмоциональное здоровье личности: методика измерения трудностей
личностной рефлексии эмоций.....66

Психофизиология, исследование когнитивных процессов

**Андрей В. Бочаров, Дмитрий А. Лебедин,
Александр Н. Савостьянов, Геннадий Г. Князев**

Адаптация шкалы фокуса внимания на себе и шкалы самосознания в
русскоязычных версиях.....97

Елена С. Горбунова

Механизмы построения репрезентации в категориальном поиске: роль
внимания и рабочей памяти.....116

**Алексей А. Созинов, Игорь О. Александров, Александр Г. Горкин,
Татьяна Н. Греченко, Юрий И. Александров**

Консолидация, реконсолидация памяти, угашение и забывание:
обзор литературы.....131

Юлия А. Грибер

Влияние цвета на успешность запоминания культурных ландшафтов...157

Ольга В. Шевалдова, Александр В. Вартанов

Проявления речевого дефекта в процессе восприятия речи
и внутреннего проговаривания.....173

**Инна В. Королева, Анна А. Балякова, Эльвира И. Столярова,
Сергей П. Пак, Елена А. Огородникова**

Развитие процессов слухового анализа у пользователей кохлеарных
имплантов с применением программных средств.....188

Маргарита Г. Филиппова, Наталья В. Андриянова, Роман В. Чернов

Что скрывается за «недостатками многозначности» при восприятии
двойственных изображений?.....206

Социальная психология

**Wahyu Rahardjo, Indah Mulyani, Milka Santoso, Meity Arianty, Ridho
Akbar Yogandito**

Lurking In Office WhatsApp Group: Examining the Role of Neuroticism,
Knowledge Contribution Loafing, Fear of Losing Face, and Playing Dumb....220

Татьяна А. Воронцова, Алёна Г. Артамонова

Отношение к своему внешнему облику и конструирование
воспринимаемого возраста мужчин и женщин: почему женщины
выглядят моложе?.....237

Вера А. Лабунская

Социально-демографические факторы в структуре взаимосвязей
между самооценками внешнего облика и оценками субъективного
благополучия.....255

Экономическая психология

Александр А. Максименко, Дина В. Крылова, Ольга С. Дейнека

Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем отношения
к социальному доминированию.....274

Контекстуальный характер жизненных целей: ситуационные и индивидуально-психологические детерминанты целеполагания

Наталья В. Гришина , Марина О. Аванесян , Мария В. Макарова* ,
Вероника Д. Мамаева-Найлз

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: maria.makarova.mow@gmail.com

Аннотация

Введение. Предметом исследования является целевая и ситуационная детерминация поведения человека. Основополагающим для наших исследований стало представление о контекстуальном характере целей человека. В соответствии с ним цели должны изучаться (1) в широком жизненном контексте, в соотношении с теми возможностями, которые, по мнению человека, предоставляет ему жизненная ситуация, или с ограничениями, которые она содержит; (2) во временном контексте, в соотношении с жизненными планами человека, его представлениями о своем будущем, а также с успешным или неуспешным опытом прошлого по реализации своих целей **Методы.** Была создана опросная форма, в которой фиксировались гипотетически предполагаемые факторы целеполагания (значимость целей в различных жизненных сферах и удовлетворенность своей реализацией в них, оценка возможностей ситуации и др.); кроме этого, использовались методика «Потенциал самоизменений» (В. Р. Манукян, И. Р. Муртазина, Н. В. Гришина), «Тест экзистенциальных мотиваций» (А. Лэнгле), «Опросник временной перспективы» (Ф. Зимбардо). Численность выборки – 350 человек, участниками исследования стали молодые люди (84,8 % респондентов в возрасте от 17 до 25 лет). Был проведен

корреляционный и факторный анализ. **Результаты.** Значимость целей человека соотносится с оценкой возможностей их достижения в актуальной жизненной ситуации, удовлетворенностью своей реализацией в основных жизненных сферах, соответствием достижений ожиданиям прошлого, готовностью к самоизменениям и изменениям жизненной ситуации. Основной фактор целеполагания, обозначенный как «окно возможностей», интегрирует оценку человеком того, насколько его актуальная жизненная ситуация в разных сферах позволяет ему реализовать себя и свои возможности. «Окно возможностей» также описывается значимыми связями с потребностью человека в самоизменениях, его способностью к осозанным самоизменениям, верой в возможность самоизменений и фундаментальной экзистенциальной мотивацией, направленной на обретение жизненных смыслов. **Обсуждение результатов.** Полученные данные подтвердили правомерность и необходимость контекстуального изучения жизненных целей человека и эвристическую ценность данного подхода.

Ключевые слова

контекстуальный принцип, факторы целеполагания, жизненные цели, жизненные сферы, оценка возможностей, временная перспектива

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00871 (2022-2023) «Целевые и ситуационные детерминанты процесса самоизменений личности».

Для цитирования

Гришина, Н. В., Аванесян, М. О., Макарова, М. В., Мамаева-Найлз, В. Д. (2023). Контекстуальный характер жизненных целей: ситуационные и индивидуально-психологические детерминанты целеполагания. *Российский психологический журнал*, 20(3), 6–28. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.1>

Введение

Вопрос об источниках активности личности является одним из фундаментальных вопросов психологии личности. Традиционно источники активности личности описываются через соотношение индивидуально-психологических и ситуационных детерминант поведения человека. Первоначальные исследования в этой области были направлены на изучение стратегий поведения человека в конкретных жизненных ситуациях и поиск объяснительных моделей, описывающих поведение индивида в конкретных ситуациях его жизнедеятельности (Хекхаузен, 1986; Baumert et al., 2017;

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Champagne & Pervin, 1987; Fleeson, 2007; Funder, 2008; Parrigon, Woo, Tay, & Wang, 2017 и др.).

Наряду с подходами к изучению процесса целеполагания и «работы» целей в конкретных ситуациях деятельности человека (в частности, исследования О. К. Тихомирова, 1977), цели рассматриваются и в более широком, жизненном контексте. Методологические основы изучения целевой детерминации поведения человека заложили работы С. Л. Рубинштейна о детерминации жизненного пути человека (2003), А. Н. Леонтьева о целях и смыслах деятельности (1977), Н. А. Бернштейна о «модели потребного будущего» (1990), И. М. Фейгенберга (2011) о «вероятностном прогнозировании» и др.

Теоретическая разработка проблемы регуляции поведения человека имеет свою историю в отечественной и зарубежной психологической науке (Меркурьев, 2023; Inzlicht, Werner, Briskin, & Roberts, 2021 и др.). В последнее время в психологической науке возрастает интерес к изучению целей, которые выполняют важную регулятивную функцию, связанную с направленностью активности личности (DeYoung & Weisberg, 2018; Heller, Perunovic, & Reichman, 2009; Hoyle, 2010; Quirin et al., 2020 и др.). Сложные системные и кибернетические теории описывают цели как сознательные или бессознательные представления желаемых состояний (DeYoung & Weisberg, 2018; Elliot & Fryer, 2008; Quirin et al., 2020). Исследователи выявили значимые различия между целями, ориентированными на достижение желаемого результата, и целями избегания, ориентированными на предотвращение нежелательного результата (Heimpel, Elliot & Wood, 2006). В исследованиях последних лет созданы таксономии ситуаций, соотносимых с целями и мотивами (Brown, Neel & Sherman, 2015; Rauthmann, 2016; Rauthmann et al., 2014); определены таксономии конкретных целей (McCabe & Fleeson, 2016), предложен теоретически обоснованный метод классификации ситуаций на основе теории фундаментальных мотивов и целей (Morse, Neel, Todd & Funder, 2015). Описаны характеристики ситуаций, которые должны приниматься во внимание при оценке ситуаций с точки зрения целей человека. В частности, это (а) степень, в которой ситуации могут привести к благоприятным или неблагоприятным результатам; (б) степень, в которой они способствуют или препятствуют достижению желаемых результатов; (в) объем усилий, необходимых для преодоления ограничений, налагаемых ситуациями. Модели, основанные на целях, также обычно включают конструкцию ожидания: чувство уверенности или сомнения в том, что данный результат будет достигнут успешно (Elliot & Friedman, 2007).

Цели, которые ставит перед собой человек, определены его мотивацией, системой ценностей, личностными особенностями. С другой стороны, цели могут формировать личность и регулировать ее поведение как в краткосрочной (Di Sarno, Costantini, Richetin, Preti, & Perugini, 2022), так и в долгосрочной перспективе (Heller et al., 2009; Roberts, O'Donnell, & Robins, 2004). Yang, Read, & Miller, 2009 и др.).

Важнейшей характеристикой цели является ее контекстуальный характер, она выступает в качестве интегральной единицы описания «человека-в-ситуации», его связи с контекстом.

Ситуации остаются малоизученным и «трудноуловимым» объектом психологических исследований. Осознаваемая необходимость учета ситуаций и ситуационного контекста в изучении психологической феноменологии сталкивается с рядом методических трудностей, связанных с отсутствием разработанного языка описания ситуаций (Rauthmann & Sherman, 2018; Rauthmann, Sherman, & Funder, 2015).

В настоящее время фокус исследовательского интереса начинает смещаться в область изучения широкого спектра проявлений активности в жизненном контексте – детерминант жизненных стратегий, жизненных выборов, выстраивания жизненного сценария и т.д. Соответственно, в центре внимания оказываются такие феномены, как жизненные планы, жизненные задачи, цели человека.

Целевая и ситуационная детерминация поведения человека стала **предметом** нашего теоретического анализа, поиска методических решений, отвечающих современным методологическим представлениям, и проведенного эмпирического исследования. Исходным для нашего исследования является представление о контекстуальном характере целей человека, которое было положено в основу исследовательских задач и гипотез. Основные **задачи** проведенного исследования были связаны с (1) теоретическим анализом проблемы целевой и ситуационной детерминации поведения человека и концептуализацией представлений о контекстуальном характере целей; (2) созданием методического инструментария, позволяющего учитывать соотношение жизненных целей человека с его оценкой возможностей и ограничений его жизненной ситуации, его представлениями о будущем, прошлым опытом успешной или неуспешной реализации своих жизненных целей; (3) эмпирической верификацией предложенной концептуализации контекстуального характера целей.

В основу эмпирического исследования были положены **гипотезы**, вытекающие из представления о контекстуальном характере целей. В соответствии с ним предполагалось, что постановка человеком целей в разных сферах его жизни связана с оценкой им возможностей или ограничений, которыми обладает его жизненная ситуация, ее соответствием его ожиданиям и планам в прошлом, удовлетворенностью своей реализацией в этих сферах, готовностью к изменениям ради достижения своих целей.

Методы

Общая цель исследовательского проекта, связанная с разработкой теоретических представлений о контекстуальном характере целеполагания, была конкретизирована в решении теоретических, методических и эмпирических исследовательских задач, важнейшей среди которых стала разработка методического инструментария.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

При разработке методического инструментария мы исходили из того, что цели, которые ставит перед собой человек в основных сферах своей жизни, соотносятся им с возможностями для их достижения, которыми обладает конкретная ситуация. Опыт успешности в реализации человеком своих целей изучался через два компонента: (1) удовлетворенность реализацией в основных жизненных сферах и (2) соответствие достижений прошлым ожиданиям. Значимость поставленных целей определяется тем, что готов человек сделать для их достижения, насколько он готов изменить свою жизненную ситуацию или измениться самому.

Параметры описания целей были конкретизированы относительно основных значимых сфер жизнедеятельности человека, выделенных в ранее проведенных исследованиях, посвященных жизненным сценариям и жизненным моделям человека. В качестве основных сфер рассматривались профессиональная, материальная, сфера межличностных отношений и персональная сфера, отражающая стремления человека к саморазвитию, личностному росту и т. д. (Костромина, Гришина, Москвичева, Зиновьева, 2021). В соответствии с этими основными сферами жизни человека его цели были конкретизированы в следующих формулировках: (1) «иметь хорошую работу, стать профессионалом в своем деле, добиться высокого статуса»; (2) «быть финансово обеспеченным человеком, иметь достаток, хорошее материальное положение и жилищные условия», (3) «иметь хорошую семью, детей, круг близких людей», (4) «стать более гармоничным человеком, расширить свой кругозор, уделять внимание самообразованию и самосовершенствованию, заниматься собой».

В специально созданной опросной форме фиксировались: (1) значимость для человека сформулированных целей, (2) удовлетворенность своей реализацией в основных значимых сферах жизнедеятельности, (3) соответствие актуальной жизненной ситуации и достижений в отдельных сферах ожиданиям прошлого, (4) оценка возможностей, которые, по мнению человека, ему предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения этих целей, (5) готовность к изменению жизненной ситуации и самоизменениям ради достижения стоящих перед человеком целей. Общий объем разработанного опросника составил 40 пунктов.

Для онлайн-опроса на платформе Google Forms были включены авторский опросник, а также методики «Потенциал самоизменений» (В. Р. Манукян, И. Р. Муртазина, Н. В. Гришина), «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, «Тест экзистенциальных мотиваций» А. Лэнгле; с помощью этих методик выявлялось наличие теоретически прогнозируемых связей с показателями разработанного нами опросника.

Методический инструментарий проекта, его обоснование прошли утверждение Этического комитета Санкт-Петербургского психологического общества (протокол № 17 от 22.09.2022).

Эмпирическое исследование проводилось с октября по декабрь 2022 года. Общий объем выборки – 350 человек. В опросе принимали участие молодые люди (84,8 % в возрасте от 17 до 25 лет); 63,8 % из них учатся, 23,6 % учатся и работают;

45,9 % женщин и 53,8 % мужчин. Обращение к молодежной выборке обусловлено тем, что именно в молодежном возрасте задачи целеполагания и построения планов на будущее обладают особой актуальностью.

Сбор данных проводился посредством применения платформы Google Forms, среднее время заполнения опросной формы – 35 минут. Статистическая обработка осуществлялась с помощью лицензионного статистического программного пакета IBM SPSS Statistics 27.0.

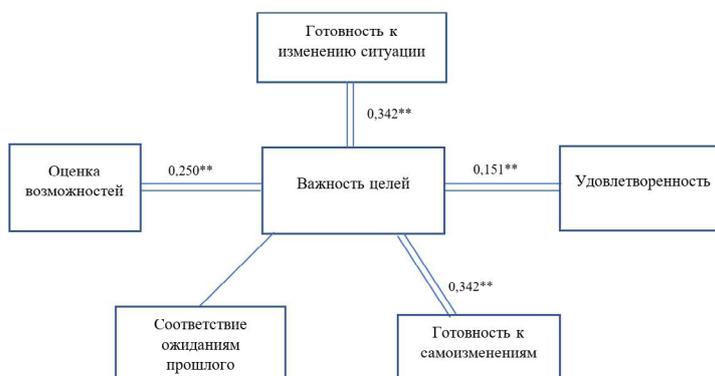
Результаты

Теоретическая модель целеполагания, в соответствии с которой цели человека должны изучаться в соотнесении с его жизненным контекстом (возможностями и ограничениями его жизненной ситуации) и временным контекстом (опытом прошлого и представлениями о будущем) была подтверждена с помощью выявления взаимосвязей значимости целей, которые ставит перед собой человек в различных сферах своей жизнедеятельности, с указанными параметрами жизненного и временного контекста.

Важность целей в профессиональной сфере («иметь хорошую работу, стать профессионалом в своем деле, добиться высокого статуса») обнаруживает значимые положительные связи (значимых отрицательных связей не было обнаружено ни в одной из описанных корреляционных матриц – прим. авт.) с оценкой возможностей, которые, по мнению человека, ему предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения этих целей (0,371); с удовлетворенностью своей реализацией в этих сферах (0,308); с соответствием актуальной жизненной ситуации и достижений в этой сфере ожиданиям прошлого (0,297); с готовностью к самоизменениям ради достижения стоящих целей (0,213) (рис. 1).

Рисунок 1

Корреляционные плеяды в профессиональной сфере (значимые положительные взаимосвязи $** p < 0,001$)

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Важность целей в сфере отношений («иметь хорошую семью, детей, круг близких друзей») обнаруживает значимые положительные связи с готовностью к изменению жизненной ситуации (0,265) и самоизменениям ради достижения стоящих целей (0,236); с оценкой возможностей, которые, по мнению человека, ему предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения этих целей (0,157); с удовлетворенностью своей нынешней реализацией в этой сфере (0,138).

Рисунок 2

Корреляционные плеяды в сфере отношений (значимые положительные взаимосвязи ** $p < 0,001$)

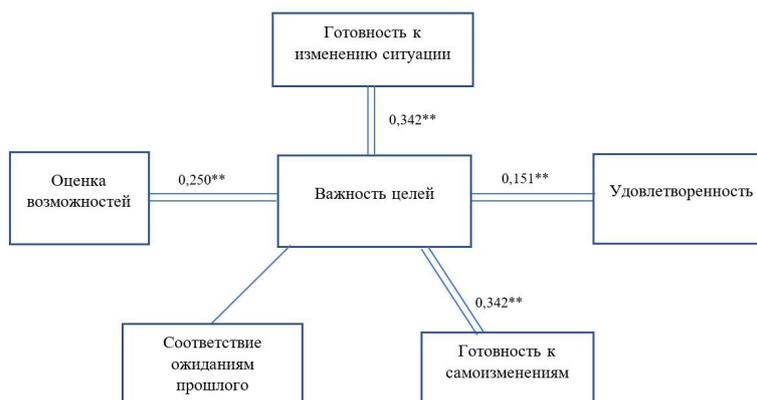

Важность целей в сфере саморазвития, персональной сфере («стать более гармоничным человеком, расширить свой кругозор, уделять внимание самообразованию и самосовершенствованию, заниматься собой») обнаруживает значимые положительные связи с готовностью к изменению жизненной ситуации (0,342) и самоизменениям ради достижения стоящих целей (0,342); с оценкой возможностей, которые, по мнению человека, ему предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения этих целей (0,250); с удовлетворенностью своей нынешней реализацией в этой сфере (0,151); с соответствием актуальных достижений в этой сфере ожиданиям прошлого (0,137).

Важность целей в материальной сфере («быть финансово обеспеченным человеком, иметь достаток, хорошее материальное положение и жилищные условия») показала только две значимые положительные корреляции – с готовностью к изменению жизненной ситуации (0,320) и самоизменениям ради достижения стоящих целей (0,283).

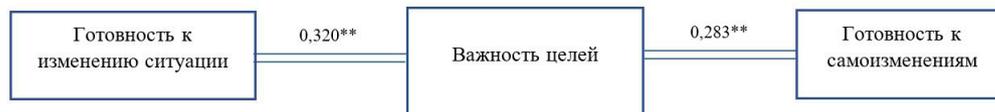
Рисунок 3

Корреляционные плеяды в сфере саморазвития (значимые положительные взаимосвязи
 $*p < 0,01$, $**p < 0,001$)

Рисунок 4

Корреляционные плеяды в материальной сфере (значимые положительные взаимосвязи
 $**p < 0,001$)

Таким образом, корреляционные связи между различными параметрами оценки целевой регуляции подтвердили их значимость для ее общего понимания.

Был проведен факторный анализ показателей опросных методик и переменных авторской анкеты. В результате факторного анализа (меры адекватности выборки $KMO = 0,835$, критерий сферичности Бартлетта $p < 0,001$, что свидетельствует об адекватности применения факторного анализа) методом главных компонент с последующим Varimax-вращением (вращение сошлось за 10 итераций) с нормализацией Кайзера получено 11 факторов, объясняющих 60,9% дисперсии. Первые 4 фактора достаточно согласованы между собой, и их осмысление легло в основу анализа данных (табл. 1). Альфа Кронбаха 0,81; 0,756; 0,738; 0,768 соответственно. Остальные факторы удовлетворительно согласованы между собой ($\alpha = 0,524$ до $\alpha = 0,666$).

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Таблица 1

Матрица компонентов первых четырех факторов (N=350)

Вопросы опросника	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Насколько Ваша нынешняя профессиональная деятельность (или учеба, если Вы еще учитесь) открывает возможности достижения этой цели? (профессиональная сфера)	0,747			
Насколько Ваша нынешняя (или будущая, если Вы еще учитесь) работа открывает возможности достижения этой цели? (материальная сфера)	0,745			
В какой мере Вы сейчас удовлетворены своей профессиональной деятельностью (работой или учебой, если Вы еще только приобретаете профессию), насколько она интересна и перспективна для Вас?	0,629			
Насколько Ваша нынешняя жизненная ситуация (наличие свободного времени, необходимых средств и т. д.) и мотивация (желание самосовершенствования, организованность и т. д.) открывают возможности достижения этой цели?	0,529			

Вопросы опросника	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Насколько Ваша сегодняшняя жизненная ситуация позволяет Вам реализовать себя, свой потенциал, свои возможности?	0,456			
В какой мере Вы сейчас удовлетворены тем, насколько Вам удастся заниматься своим развитием, совершенствованием себя?	0,383			
Насколько Ваша сегодняшняя жизненная ситуация соответствует Вашим ожиданиям и планам прошлого? (сфера отношений)		0,833		
Насколько то, какой Вы сейчас, соответствует Вашим ожиданиям о себе в прошлом? (сфера отношений)		0,788		
В какой мере Вы сейчас удовлетворены своими отношениями с людьми? (сфера отношений)		0,632		
Насколько Ваша сегодняшняя жизненная ситуация соответствует Вашим ожиданиям и планам прошлого? (сфера финансов)			0,855	
Насколько то, какой Вы сейчас, соответствует Вашим ожиданиям о себе в прошлом? (сфера финансов)			0,838	

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Вопросы опросника	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
В какой мере Вы сейчас удовлетворены своим финансовым положением (насколько оно позволяет Вам удовлетворять свои потребности)?			0,786	
Насколько то, какой Вы сейчас, соответствует Вашим ожиданиям о себе в прошлом? (сфера профессиональной деятельности)				0,736
Насколько Ваша сегодняшняя жизненная ситуация соответствует Вашим ожиданиям и планам прошлого? (сфера профессиональной деятельности)				0,717
Насколько то, какой Вы сейчас, соответствует Вашим ожиданиям о себе в прошлом? (сфера самосовершенствования)				0,510
Ожидания и планы прошлого, касающиеся профессиональной сферы				0,473
Оглянувшись назад, считаете ли Вы, что то, какой Вы сейчас в профессионально сфере, определилось Вашими жизненными выборами, интересами, Вашей личностью? (сфера профессиональной деятельности)				0,413

Вопросы опросника	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Оглянувшись назад, считаете ли Вы, что Ваше сегодняшнее финансовое положение определено Вашими жизненными выборами, интересами, Вашей личностью?			0,425	
Насколько Ваша сегодняшняя жизненная ситуация соответствует Вашим ожиданиям и планам прошлого? (сфера самосовершенствования)				0,468

Первый фактор отражает, насколько человек считает свою актуальную ситуацию как открывающую ему возможности для достижения своих целей в определенной сфере жизни, и может быть обозначен как **«ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ»**. Его оценка касалась трех из четырех изучаемых сфер жизни – профессиональной деятельности, самосовершенствования, материальной сферы (несмотря на то, что вопросы для каждой из сфер жизни были разнесены по разным блокам опросника). В этот же фактор вошла текущая удовлетворенность респондентов первыми двумя сферами, интерес к ним и оценка их перспективности для себя. Таким образом, удовлетворенность актуальной ситуацией оказывается связанной с видением этой ситуации в будущем. Данный фактор интегрирует оценку человеком своей сегодняшней жизненной ситуации в разных сферах как позволяющей ему реализовать себя, свой потенциал, свои возможности в будущем.

Второй фактор объединяет ответы на вопросы, относящиеся к сфере отношений, соединяющие два контекста – **образ ситуации и образ себя в ней**: соответствие сегодняшней ситуации ожиданиям и планам прошлого и соответствие Я в настоящем ожиданиям от себя в прошлом; удовлетворенность этой ситуацией в настоящем. В данном факторе отчетливо проявилось влияние временной координаты: оценка удовлетворенности актуальной ситуацией и собой тесно связана с планами и ожиданиями прошлого.

Третий фактор похож по структуре на предыдущий, поскольку объединяющим принципом опять стала конкретная сфера жизни – **материальный достаток**. Его структура – соответствие сегодняшней ситуации ожиданиям и планам прошлого и соответствие того, какой «Вы сейчас» ожиданиям от себя в прошлом. Данная структура показывает, что эти два компонента интегрированы в представлении

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

человека. Можем предположить, что в этой интеграции участвует эмоционально-оценочный компонент, поскольку в этот фактор также вошла удовлетворенность своим финансовым положением в настоящем. По сравнению со вторым фактором добавилось то, что сегодняшнее финансовое положение респонденты осмыслили как связанное с их предыдущими жизненными выборами и интересами.

Четвертый фактор объединил профессиональную сферу и сферу самосовершенствования. Структура связей в этих двух сферах повторяет структуру предыдущих двух факторов: **соответствие сегодняшней ситуации в сфере профессии/самосовершенствования ожиданиям и планам прошлого**, а также соответствие того, какой «Я сейчас», ожиданиям от себя в прошлом, и данная структура опять показывает взаимозависимость этих образов. Для профессиональной сферы добавилось согласие с суждением: «Оглянувшись назад, считаете ли Вы, что то, какой Вы сейчас в профессионально сфере, определилось Вашими жизненными выборами, интересами, Вашей личностью?».

Важный вклад в понимание полученных результатов вносят связи выделенных факторов с данными личностных опросников.

Использование теста экзистенциальной мотивации А. Лэнгле определено теоретическими основаниями нашего исследования, в соответствии с которыми понимание целей человека требует их рассмотрения в широком жизненном контексте, выходящем за пределы актуальной жизненной ситуации, их связи с общим отношением человека к жизни. По А. Лэнгле, первая фундаментальная экзистенциальная мотивация связана с принятием мира, доверием к нему и готовностью обнаруживать в мире множество опор, в том числе духовных, вторая – с переживанием ценности жизни, третья – с развитием самооценности, принятием себя, четвертая – со смыслами деятельности и созиданием (Лэнгле, Уколова, Шумский, 2014). Их связи с выделенными факторами приведены в таблице 2.

Таблица 2

Фундаментальные мотивации и их взаимосвязь с факторами опросника

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
ФМ1	0,370**	0,289**	0,229**	0,205**
ФМ2	0,315*	0,359**	0,170**	0,215**
ФМ3	0,264**	0,251**	–	0,174**
ФМ4	0,461**	0,203**	0,226**	0,333**

Примечание: * $p < 0,01$, ** $p < 0,001$.

Первая ФМ, связанная с принятием мира и опорами в нем, сильнее всего проявляется в оценке своих возможностей (фактор 1) и в сфере отношений (фактор 2). Ценность жизни (ФМ2) более всего связана именно со сферой отношений (фактор 2) и со своими возможностями в ней (фактор 1). ФМ3 (самоценность личности) обнаруживает наименьшие связи с оценками своей актуальной ситуации, ожиданиями прошлого и другими индикаторами нашего опроса, что, возможно, объясняется молодежным составом выборки. Наконец, четвертая фундаментальная мотивация, ФМ4, которая, по А.Лэнгле, соотносится со смыслами и в содержательном плане с ценностью в будущем, ожидаемо более всего связана с оцениваемыми человеком своими возможностями (фактор 1).

Полученные данные показывают, что все факторы обнаруживают значимые связи с экзистенциальными мотивациями человека: в наименьшей степени с ними связан третий фактор, относящийся к материальной сфере жизни, а в наибольшей – первый фактор, обозначенный нами как «окно возможностей». При этом именно этот фактор положительно коррелирует со такими шкалами методики самоизменений, как «Потребность в самоизменениях» как стремление к новизне, разнообразию, направленности на личностный рост («хочу меняться») ($r = 0,262, p < 0,01$); «Способность к осознанным самоизменениям» – способность к сознательной работе над собой, способность планомерно воплощать задуманное в жизнь («надо меняться») ($r = 0,327, p < 0,01$); «Вера в возможность самоизменений» – представления человека о возможности сознательно менять свой характер и поведение в течение жизни ($r = 0,259, p < 0,01$); с общим показателем потенциала самоизменений $r = 0,320 (p < 0,01)$. Остальные факторы не обнаруживают связей с потенциалом самоизменений или эти связи слабы.

Полученные результаты подчеркивают пространственно-временные координаты целеполагания, включающие оценку актуальной ситуации, планирование будущего, роль ожиданий прошлого. Включение этих координат в изучение целей определило применение в нашем исследовании опросника временной перспективы Ф. Зимбардо. В таблице 3 показаны связи шкал опросника с выделенными нами факторами целеполагания.

Таблица 3

Корреляционные связи между шкалами опросника временной перспективы Ф. Зимбардо и факторами целеполагания

Показатели временной перспективы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
«Негативное прошлое»	-0,229**	-0,287**	-0,168**	-0,277**
«Гедонистическое настоящее»	-0,194**			-0,212**

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Показатели временной перспективы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
«Будущее»	0,194**			0,241**
«Фаталистическое настоящее»	-0,259**	-0,140**		-0,257**
«Позитивное прошлое»	-	0,110*		0,215**

Примечание: * $p < 0,01$, ** $p < 0,001$.

Наибольшим весом обладают корреляции составляющих временной перспективы с факторами 1 и 4.

Первый из них – «Окно возможностей» – предполагает активное отношение ко времени: настоящее и будущее не воспринимаются фаталистически, при этом не принимается ориентация на гедонизм в актуальной ситуации. Фактор 4 возвращает нас к профессиональной сфере, добавляя к ней сферу самосовершенствования. Данный фактор, как и первый, имеет значимые положительные связи с будущим, отрицательные – с гедонистическими и фаталистическими установками в отношении настоящего. Однако, в отличие от первого фактора, в факторе самосовершенствования человек опирается на позитивное прошлое.

Касаясь других результатов исследования, которые не нашли отражения в описанных данных, отметим проявившуюся в ответах участников нашего исследования склонность оценивать свою жизненную ситуацию как результат собственных жизненных выборов, собственного вклада (что согласуется с ранее упомянутым результатом неприятия фаталистических и гедонистических установок). При этом данная позиция респондентов характерна для всех четырех изучаемых сфер жизнедеятельности, что позволяет оценивать ее как общую жизненную установку.

Еще один результат, который позволяет сделать аналогичный вывод – обозначенная респондентами готовность к изменению себя для расширения возможностей достижения во всех основных сферах жизненной активности: в профессиональной, материальной, в сфере отношений и саморазвития. Однако эта готовность к самоизменениям оказалась не связанной с готовностью к изменению своей жизненной ситуации.

Обсуждение результатов

Проведенное эмпирическое исследование было направлено на изучение целей человека в жизненном контексте, в соотношении с возможностями и ограничениями,

которые содержит его актуальная жизненная ситуация, а также во временном контексте, в соотношении с ожиданиями и планами прошлого, их успешной или неуспешной реализацией.

Исходные положения предложенного нами подхода к изучению целевой детерминации созвучны представлениям классической отечественной науки о детерминации активности человека, в частности работам Н. А. Бернштейна и его идее «модели потребного будущего» (Бернштейн, 1990) и работам И. М. Фейгенберга и концепта «вероятностное прогнозирование» (Фейгенберг, 2011). «Модель потребного будущего» представляет собой образец, проект, отражающий будущие планы и намерения человека. В идее «вероятностного прогнозирования» акцент делается на соотношении с прошлым опытом, действиями в аналогичных ситуациях. Данные концепты описывают детерминацию активности человека в широком временном диапазоне, в связи с его будущими целями и задачами и с успешностью их реализации в прошлом.

Логичным продолжением данного утверждения является предположение о контекстуальном характере целеполагания и необходимости изучения целей человека в пространственном и временном контексте.

Правомерность данного подхода полностью подтверждена результатами эмпирического исследования.

Целеполагание в профессиональной сфере и сфере саморазвития оказалось тесно связанным с оценкой человеком возможностей, предоставляемых его жизненной ситуацией, его удовлетворенностью своей реализацией в этих сферах, готовностью к самоизменениям ради достижения своих целей, соответствием актуальной ситуации своим ожиданиям и планам в прошлом; в сфере саморазвития к этому добавляется готовность и к изменению жизненной ситуации (рис. 1, 3). Структура факторов, описывающих целеполагание в сфере отношений, также включает оценку человеком возможностей, предоставляемых его жизненной ситуацией, его удовлетворенностью своей реализацией в этой сфере, а также готовность к изменению жизненной ситуации и самоизменениям (рис. 2). Заметные отличия относятся к материальной сфере, связанной с финансовыми проблемами и благосостоянием – здесь важность целей, которые ставит перед собой человек, связана только с осознаваемой им необходимостью изменений – самоизменений и изменений жизненной ситуации (рис. 4).

Факторный анализ подтвердил значение возможностей, которыми располагает человек, в постановке его целей и стремлению к их достижению. Наиболее значимый фактор, описывающий собранные эмпирические данные, был назван нами **«ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ»**, поскольку он интегрирует оценки человеком своей ситуации в разных жизненных сферах, оценки того, насколько она позволяет ему реализовать себя, свои возможности, свой потенциал. Этот фактор имеет наиболее общий характер, так как он объединяет все основные сферы жизненной ситуации. Еще один

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

фактор объединил профессиональную сферу и сферу самосовершенствования и может быть обозначен как «цели саморазвития».

Два других фактора организованы вокруг отдельных сфер жизни – сферы отношений и материальной сферы.

Более глубокое понимание природы выделенных факторов было достигнуто благодаря изучению их связей с психологическими тестами, позволяющими учитывать контекстуальный характер переменных. Тест фундаментальных мотиваций А. Лэнгле описывает экзистенциальные мотивации, реализуемые человеком в жизненном контексте. Выделенные в нашем эмпирическом исследовании факторы обнаружили значимые связи с экзистенциальными мотивациями: меньше всего с ними связана материальная сфера, что вполне объяснимо, а больше всего – фактор «окно возможностей». Именно здесь в наибольшей степени проявляется стремление человека к созиданию, имеющему осмысленный и ценностный характер (ФМ4), опирающееся в том числе на принятие мира (ФМ1). Дополняют понимание природы этого фактора его связи со шкалами потенциала самоизменений – потребностью в самоизменениях, способностью к осозанным самоизменениям и верой в их возможность. Эти данные свидетельствуют о «вписанности» целей человека в широкий жизненный контекст, контекст отношений человека с миром.

Оправдало себя и включение в проведенное исследование опросника временной перспективы, позволяющего учесть временной контекст целеполагания. Потенциально негативную роль в целеполагании – постановке целей и стремлении к их достижению – могут играть гедонистические и фаталистические установки, позитивную – ориентация на будущее. Опыт прошлого может иметь неоднозначное влияние: позитивный опыт может быть опорой в сегодняшних планах человека, но нейтральная или даже негативная оценка опыта прошлого может стимулировать стремление человека к его использованию как ресурса в дальнейшем развитии.

Еще одно, хотя и косвенное, подтверждение доминирования личностных установок над ситуационными факторами проявилось в том, что готовность человека к самоизменениям для расширения своих возможностей как личностная установка оказалась «сквозной» характеристикой, пронизывающей разные сферы жизнедеятельности человека, независимо от их особенностей.

К этому можно добавить, что готовность к изменению себя оказалась несвязанной с готовностью к изменению своей жизненной ситуации: эти два действительно разных вида изменений различаются нашими респондентами. Этот результат совпадает с результатами ранее проведенных нами исследований, что подтверждает правомерность их раздельного представления в дизайне исследования.

Тезис о необходимости контекстуального изучения психологической феноменологии как реакция на ограниченность и противоречивость эмпирических данных, получаемых вследствие деконтекстуализированного характера проводимых исследований, активно отстаивается современной психологией личности.

Предпринимаются попытки создания исследовательских решений, позволяющих тем или иным образом учитывать влияние контекста. Так, в работах К. Геукес и ее коллег предложен интегральный подход, предполагающий получение информации об индивиде в контексте и информации о самом контексте. Респонденту предлагается перечень ситуаций, из которых он должен выбрать ту, которая наилучшим образом описывает тот контекст, в котором он сейчас находится. Под информацией о «контекстуализированном» индивиде имеется в виду оценка самим индивидом себя, своего состояния и своего поведения в данном контексте (Geukes et al., 2017). Подобные исследовательские решения довольно типичны для зарубежной психологии личности, в которых, на наш взгляд, реализуются довольно «механические» попытки соединения индивида и контекста.

Вместе с тем идея неразрывной связи человека с пространством его существования присутствует в психологии еще с предложенного К. Левином концепта жизненного пространства и поставленной им методологической задачи поиска языка общего описания индивида и ситуации.

Особенность параметра цели среди других регуляторов активности человека состоит в непосредственной связи целей с ситуациями, контекстом, в котором они реализуются. Человек ставит перед собой конкретные задачи или отдаленные цели в рамках конкретной ситуации своей деятельности или – более широко – в рамках своей жизненной ситуации. Соответственно, цель соотносится с возможностями или ограничениями ситуации, по отношению к которой она должна быть реализована (Argyle, Furnham, & Graham, 1981; Grant & Dweck, 1999; Kruglanski, Chernikova, Rosenzweig, & Kopetz, 2014; Pervin, 1992; Yang, Read, & Miller, 2009 и др.). Подчеркивается, что ситуации не просто предоставляют (или не предоставляют) возможности для реализации потребностей и мотивов человека, но и само восприятие ситуации будет отражать эти мотивы (Morse et al., 2015). Возможности для достижения целей, таким образом, определяют первоначальные решения индивидов (включиться в ситуацию или избежать ее) и характер взаимодействия с ситуацией (Diekman, Joshi, & Benson-Greenwald, 2020). Как уже отмечалось, важнейшей характеристикой цели является ее контекстуальный характер. Это во многом объясняет усиление исследовательского к концепту цели в современной психологии, в которой в последнее время все более отчетливо звучит критика деконтекстуализированного характера проводимых исследований и получаемых эмпирических данных (Heller, Watson, Komar, Min, & Perunovic, 2007 и др.).

Преимуществом использованного нами в эмпирическом исследовании методического решения является принципиально иной подход к реализации принципа контекстуальности. Это не просто фиксация вариаций изучаемых феноменов в зависимости от того или иного контекста, но выявление контекстуальной природы самих феноменов. Демонстрация этого на примере изучаемого нами целеполагания, на наш взгляд, выгодно отличает предложенный нами подход к изучению целеполагания.

Заключение

В соответствии с представлениями об уровне структуры личности и соотношением личностной феноменологии с разными контекстами ее жизнедеятельности (Гришина, Костромина, Мироненко, 2018) нами была предложена уровневая концепция целевой регуляции активности человека (Гришина, 2023).

В основу проведенного исследования была положена модель процесса целеполагания, построенная на идее контекстуального характера целей, что означает необходимость учета пространственно-временных характеристик при изучении целей. Пространственный контекст означает рассмотрение конкретной ситуации в более широком формате жизненной ситуации, временной – учет координат временной перспективы прошлого, настоящего и будущего и их роль в постановке актуальных жизненных задач и целей.

Полученные результаты подтвердили правомерность и эффективность данного подхода, позволяющего увидеть сложную природу жизненных целей человека, соотносимых им с оценкой его реальных возможностей, степенью удовлетворенности актуальными достижениями, их соответствием ожиданиям прошлого, готовностью к изменениям ради достижения своих целей. В этом сложном процессе взаимодействия и взаимовлияния разных факторов и кристаллизуются цели человека, направляющие его жизненную активность.

Предложенный нами подход обладает эвристическим потенциалом и позволяет увидеть перспективы дальнейших исследований, в частности необходимости их углубления и расширения в поиске ответов на вопросы о том, какие детерминанты стоят за тем или иным видением человеком своей жизненной ситуации, что позволяет ему видеть в ней новые возможности или существующие ограничения, что, как было установлено, оказывает существенное влияние на жизненные планы и жизненные цели человека.

Ограничения исследования

К ограничениям проведенного исследования следует отнести молодежный состав его выборки, что было сделано сознательно, поскольку именно в молодежном возрасте постановка жизненных планов и целей обладает особой актуальностью. Вместе с тем понятно, что изучение факторов целеполагания в группах среднего и старшего возраста может дать другую структуру факторов и «силы» их влияния на цели человека.

Литература

- Бернштейн, Н. А. (1990). *Физиология движений и активность*. Наука.
Гришина, Н. В. (2023). Целевая регуляция поведения человека. *Вестник СПбГУ. Психология*, 3(13), 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>

- Гришина, Н. В., Костромина, С. Н., Мироненко, И. А. (2018). Структура проблемного поля современной психологии личности. *Психологический журнал*, 39(1), 26–35. <https://doi.org/10.7868/S0205959218010038>
- Костромина, С. Н., Гришина, Н. В., Москвичева, Н. Л., Зиновьева, Е. В. (2021). Жизненные модели молодежи: изменения и традиции. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*, 1(103), 79–98. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
- Леонтьев, А. Н. (1977). *Деятельность. Сознание. Личность*. Политиздат.
- Лэнгле, А., Уколова, Е. М., Шумский, В. Б. (2014). Современный экзистенциальный анализ: История, теория, практика, исследования. Логос.
- Меркурьев, Д. В. (2023). Совладающее поведение личности: обзор исследований. *Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение*, 1(21). https://journals.csu.ru/index.php/vcsu_oh/article/view/1963
- Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Питер.
- Тихомиров, О. К. (1977). Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии. В О. К. Тихомиров (ред.), *Психологические механизмы целеобразования* (с. 5–18). Наука.
- Фейгенберг, И. М. (2011). *Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли*. Медицинское информационное агентство.
- Хекхаузен, Х. (1986). Мотивация и деятельность (Т. 1.) (Б. М. Величковский, Пер. с нем. и науч. ред.). Педагогика.
- Argyle, M., Furnham, A., & Graham, J. A. (1981). *Social situations*. Cambridge University Press.
- Baumert, A., Schmitt, M., Perugini, M., Johnson, W., Blum, G., Borkenau, P., ... Wrzus, C. (2017). Integrating personality structure, personality process, and personality development. *European Journal of Personality*, 31(5), 503–528. <https://doi.org/10.1002/per.2115>
- Brown, N. A., Neel, R., & Sherman, R. A. (2015). Measuring the evolutionarily important goals of situations: Situational affordances for adaptive problems. *Evolutionary Psychology*, 13(3), 1–15. <https://doi.org/10.1177/1474704915593662>
- Champagne, B. M., & Pervin, L. A. (1987). The relation of perceived situation similarity to perceived behavior similarity: Implications for social learning theory. *European Journal of Personality*, 1(2), 79–91. <https://doi.org/10.1002/per.2410010203>
- DeYoung, C. G., & Weisberg, Y. J. (2018). Cybernetic approaches to personality and social behavior. In M. Snyder & K. Deaux (Eds), *Oxford handbook of personality and social psychology* (pp. 387–414). Oxford University Press.
- Diekmann, A. B., Joshi, M. P., & Benson-Greenwald, T. M. (2020). Goal congruity theory: Navigating the social structure to fulfill goals. In B. Gawronski (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 62, pp. 189–244). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2020.04.003>
- Di Sarno, M., Costantini, G., Richetin, J., Preti, E., & Perugini, M. (2022). Why are you (un) conscientious? The dynamic interplay of goals, states, and traits in everyday life. *Journal of Personality*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1111/jopy.12701>
- Elliot, A. J., & Friedman, R. (2007). Approach—avoidance: A central characteristic of personal goals. In B. Little, K. Salmela-Aro, & S. Phillips (Eds.), *Personal project pursuit: Goals, action, and human flourishing* (pp. 97–118). Lawrence Erlbaum.
- Elliot, A. J., & Fryer, J. W. (2008). The goal construct in psychology. In J. Y. Shah & W. L. Gardner (Eds.), *Handbook of motivation science* (pp. 235–250). Guilford Press.
- Fleeson, W. (2007). Situation-based contingencies underlying trait-content manifestation in behavior. *Journal of Personality*, 75(4), 825–862. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00458.x>

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Funder, D. C. (2008). Persons, situations, and person-situation interactions. In O. P. John, R. W. Robins & L. A. Pervin (Eds.), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 568–580). Guilford Press.
- Geukes K., Nestler St., Hutteman R., Kүfner A., & Back M. (2017). Trait personality and state variability: Predicting individual differences in within- and cross-context fluctuations in affect, self-evaluations, and behavior in everyday life. *Journal of Research in Personality*, 69, 124–138.
- Grant, H., & Dweck, C. (1999). A goal analysis of personality and personality coherence. In D. Cervone & Y. Shoda (Eds.), *The coherence of personality: Social-cognitive bases of consistency, variability, and organization* (pp. 345–371). Guilford Press.
- Heimpel, S. A., Elliot, A. J., & Wood, J. V. (2006). Basic personality dispositions, self-esteem, and personal goals: An approach-avoidance analysis. *Journal of Personality*, 74(5), 1293–1320. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00410.x>
- Heller, D., Perunovic, W. Q. E., & Reichman, D. (2009). The future of person-situation integration in the interface between traits and goals: A bottom-up framework. *Journal of Research in Personality*, 43(2), 171–178. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2008.12.011>
- Heller, D., Watson, D., Komar, J., Min, J.-A., & Perunovic, W. Q. E. (2007). Contextualized personality: Traditional and new assessment procedures. *Journal of Personality*, 75(6), 1229–1254. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00474.x>
- Hoyle, R. H. (2010). Personality and self-regulation. In R. H. Hoyle (Ed.), *Handbook of personality and self-regulation* (pp. 1–18). Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444318111.ch1>
- Inzlicht, M., Werner, K. M., Briskin, J. L., & Roberts, B. W. (2021). Integrating models of self-regulation. *Annual Review of Psychology*, 72, 319–345. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-061020-105721>
- Kruglanski, A. W., Chernikova, M., Rosenzweig, E., & Kopetz, C. (2014). On motivational readiness. *Psychological Review*, 121(3), 367–388. <https://doi.org/10.1037/a0037013>
- McCabe, K. O., & Fleeson, W. (2016). Are traits useful? Explaining trait manifestations as tools in the pursuit of goals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 110(2), 287–301. <https://doi.org/10.1037/a0039490>
- Morse, P. J., Neel, R., Todd, E., & Funder, D. C. (2015). Renovating situation taxonomies: Exploring the construction and content of fundamental motive situation types. *Journal of Personality*, 83(4), 389–403. <https://doi.org/10.1111/jopy.12111>
- Parrigon, S., Woo, S. E., Tay, L., & Wang, T. (2017). CAPTION-ing the situation: A lexically-derived taxonomy of psychological situation characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology*, 112(4), 642–681. <https://doi.org/10.1037/pspp0000111>
- Pervin, L. A. (1992). Transversing the individual–environment landscape: A personal odyssey. In W. B. Walsh, K. H. Craik, & R. H. Price (Eds.), *Person–environment psychology: Models and perspectives* (pp. 71–87). Lawrence Erlbaum.
- Quirin, M., Robinson, M. D., Rauthmann, J. F., Kuhl, J., Read, S. J., Tops, M., & DeYoung, C. G. (2020). The dynamics of personality approach (DPA): 20 tenets for uncovering the causal mechanisms of personality. *European Journal of Personality*, 34(6), 947–968. <https://doi.org/10.1002/per.2295>
- Rauthmann, J. F. (2016). Motivational factors in the perception of psychological situation characteristics. *Social and Personality Psychology Compass*, 10(2), 92–108. <https://doi.org/10.1111/spc3.12239>
- Rauthmann, J. F., Gallardo-Pujol, D., Guillaume, E. M., Todd, E., Nave, C. S., Sherman, R. A., ... Funder, D. C. (2014). The Situational Eight DIAMONDS: A taxonomy of major dimensions of situation characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology*, 107(4), 677–718. <https://doi.org/10.1037/a0037250>

- Rauthmann, J. F., & Sherman, R. A. (2018). The description of situations: Towards replicable domains of psychological situation characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology, 114*(3), 482–488. <https://doi.org/10.1037/pspp0000162>
- Rauthmann, J. F., Sherman, R. A., & Funder, D. C. (2015). Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations. *European Journal of Personality, 29*(3), 363–381. <https://doi.org/10.1002/per.1994>
- Roberts, B. W., O'Donnell, M., & Robins, R. W. (2004). Goal and personality trait development in emerging adulthood. *Journal of Personality and Social Psychology, 87*(4), 541–550. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.87.4.541>
- Yang, Y., Read, S. J., & Miller, L. C. (2009). The concept of situations. *Social and Personality Psychology Compass, 3*(6), 1018–1037. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2009.00236.x>

Поступила в редакцию: 07.05.2023

Поступила после рецензирования: 06.06.2023

Принята к публикации: 29.06.2023

Заявленный вклад авторов

Гришина Наталия Владимировна – разработка теоретической концепции и исследовательской методологии, анализ и интерпретация данных, подготовка и редактирование текста статьи;

Аванесян Марина Олеговна – разработка методического инструментария исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка и редактирование текста статьи;

Макарова Мария Владимировна – сбор данных, проведение статистического анализа, техническое оформление текста статьи;

Мамаева-Найлз Вероника Давидовна – подготовка литературного обзора, написание вводной части текста статьи.

Информация об авторах

Гришина Наталия Владимировна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: F-8228-2015; SPIN-код РИНЦ: 3225-0645; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>; e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Аванесян Марина Олеговна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Researcher ID: K-9125-

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

2015; Scopus ID: 57192277958; SPIN-код РИНЦ: 7045-8406; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2482-9043>; e-mail: marina.avan@gmail.com

Макарова Мария Владимировна – кандидат политических наук, ассистент кафедры психологии личности факультета Психологии СПбГУ, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 6473-1200; ResearcherId: IRZ-8135-2023; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8279-0581>; e-mail: m.v.makarova@spbu.ru

Мамаева-Найлз Вероника Давидовна – магистр (психология личности, экзистенциальная психология); аспирант кафедры психологии личности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»; г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 6926-5616; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-3728-3491>; e-mail: veronikaniles@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Молодые люди и Интернет: субъективные факторы выбора стратегий онлайн-поведения

Елена А. Суроедова¹ , Мария А. Давыдова^{1*} , Анастасия В. Гришина¹

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: 18121980dma@gmail.com

Аннотация

Введение. Технологии и цифровая коммуникация играют важнейшую роль в повседневной жизни. В связи с растущим числом людей, проводящих значительное количество времени в сети Интернет, набирает актуальность изучение субъективных факторов выбора стратегий онлайн-поведения. Новизна исследования заключается в выделении стратегий онлайн-поведения молодежи и изучении факторных структур молодых людей с разными стратегиями поведения в Интернет-среде. В статье представлены результаты исследования личностных особенностей студентов с разными стратегиями поведения в Интернет-среде. **Методы.** Использованы такие методы, как теоретический анализ и обобщение результатов исследования по данной проблеме; психодиагностические методы исследования; математико-статистический анализ (описательная статистика, U-критерий Манна-Уитни, кластерный анализ, факторный анализ). В исследовании принимали участие 177 студентов в возрасте от 17 до 21 года. С целью дифференциации студентов по стратегиям поведения были выделены две группы: студенты с развлекательной направленностью поведения в Интернете (n = 124) и студенты с продуктивной направленностью поведения в Интернете (n = 53). **Результаты.** Были получены следующие результаты: у современной молодежи, проявляющих активность в Интернет-среде, выделяется две стратегии онлайн-поведения: стратегия с развлекательной направленностью онлайн-поведения и стратегия с продуктивной направленностью; причем выбор стратегии поведения связан с личностными особенностями респондентов. Обнаружены значимые различия между группами

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

студентов с разными стратегиями поведения в Интернете по адаптивности, самопринятию и автономности. **Обсуждение результатов.** Авторы рассматривают личностные особенности молодежи с разными стратегиями онлайн-поведения. В заключение делается вывод, что факторные структуры студентов с разными стратегиями онлайн-поведения различаются.

Ключевые слова

стратегии онлайн-поведения, поведение молодежи в Интернете, Интернет-среда, адаптивность, психологическое благополучие, смысложизненные ориентации, студенты

Финансирование

Статья выполнена при поддержке РФФИ (Проект 22-78-10107) «Трансформации конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения молодежи в условиях роста геополитических рисков: психологические, психофизиологические и психогенетические предикторы»

Для цитирования

Суроедова, Е. А., Давыдова, М. А., Гришина, А. В. (2023), Молодые люди и Интернет: субъективные факторы выбора стратегий онлайн-поведения, *Российский психологический журнал*, 20(3), 29–47. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.2>

Введение

Интеграция в повседневную жизнь Интернета, виртуального пространства, цифровых технологий и сетевого общества обозначила сдвиг поведения в сторону онлайн-активности, что побудило социологов и психологов задуматься о кризисе реальности. Еще в начале XXI века виртуальное пространство считалось отдельным измерением, в которое можно было входить и выходить, поскольку пользователи были ограничены настольными компьютерами (Кастельс, 2004). С развитием же мобильных устройств цифровая среда стала повсеместной (Кравченко, 2019). Стирание грани между реальным и виртуальным пространствами отражено в парадигмах «общества синхронизации» (Моисеев, 2014) и «дополненной реальности» (Diemer, Alpers, Peperkorn, Shiban & Mühlberger, 2015). Цифровая среда – это сфера деятельности, основанная на цифровых технологиях, включающая программные продукты, информационные системы и устройства. Цифровая среда – компонент работы инновационного человека и часть социальной структуры общества. Благодаря неограниченным возможностям медиапространства пользователи могут выбирать комфортные роли и стратегии онлайн-поведения в

условиях интенсивно растущих возможностей виртуальной реальности. Активность в социальных сетях может оказывать влияние на статус и престиж молодых людей.

Цель исследования – изучить субъективные факторы выбора стратегий онлайн-поведения студентов. Можно предположить, что будут обнаружены различия в личностных особенностях у студентов с разными стратегиями онлайн-поведения. Задачи исследования:

- 1) сравнительный анализ личностных особенностей студентов с разными стратегиями поведения в Интернет-среде;
- 2) определение субъективных факторов выбора студентами стратегий онлайн-поведения.

Методы

В исследовании принимали участие 177 студентов Донского государственного технического университета. Средний возраст респондентов составил 19 лет (от 17 до 24 лет), распределение по полу – 15% юношей и 85% девушек.

Для выявления стратегий поведения в Интернет-пространстве у студенческой молодежи нами было проведено анкетирование.

С целью выявления личностных особенностей были использованы следующие методики:

- Методика диагностики социально психологической адаптации Роджерса–Даймонд (Осницкий, 2004);
- Мельбурнский опросник принятия решений (в адаптации Т. В. Корниловой) (Корнилова, 2013);
- Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолл (Банщикова, Соколовский, Моросанова, 2020);
- Методика «Оценка нервно-психического напряжения» (Т. А. Немчин);
- Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина (Леонтьев, Осин, 2014);
- Шкала психологического благополучия Рифф (ШПБ) (в адаптации Н. Н. Лепешинского) (Лепешинский, 2007);
- Шкала тревоги Спилберга-Ханина (в адаптации (Батаршев, 2007)).

В исследовании применялись количественные и качественные методы обработки и интерпретации результатов: кластерный анализ; факторный анализ (метод главных компонент, метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера); метод описательной статистики; статистический критерий для поиска различий между группами (метод U-критерия Манна-Уитни).

Результаты

Данные анкетирования были подвергнуты кластерному анализу, в ходе которого были выявлены группы студентов с двумя разными стратегиями онлайн-поведения:

- стратегией с развлекательной направленностью поведения в Интернет-среде;
- стратегией с продуктивной направленностью поведения в Интернет-среде.

В первую группу (стратегия с развлекательной направленностью) вошло наибольшее количество респондентов (124 человека). Студенты в ходе опроса отмечали, что в условиях изменения медиа ландшафта в связи с ограничением действий компаний, обеспечивающих работу некоторых ранее популярных социальных сетей на территории Российской Федерации увеличилось или не изменилось количество времени, проводимого в онлайн-среде, практически не изменилось потребление медиа-контента. Респонденты отметили, что они не проявляют интерес к сайтам знакомств, проведению прямых трансляций в социальных сетях, заработку через социальные сети и Интернет, деловому общению. Данную группу респондентов можно назвать **«потребителями медиа-контента»**.

Во вторую группу (стратегия с продуктивной направленностью) вошло 53 респондента. Студенты этой группы отмечают, что в последнее время у них резко снизилось или умеренно снизилось количество времени, проводимого в Интернет-среде. Резко снизилось использование социальных сетей для общения (межличностного и делового), поиска партнеров для романтических отношений, обучения и развития, игровой деятельности, публикационной активности, заработка в Интернете. Увеличилось информационное потребление, общение оффлайн и в мессенджерах. Необходимо отметить, что в прошлом и настоящем эта группа студентов отличалась активностью в создании медиа-контента.

Таким образом, нами было выявлено две группы студентов с разными стратегиями поведения в Интернет-среде. В первую группу вошли студенты, которые характеризуются высоким уровнем потребления медиа-контента, но не являются активными создателями контента, количество времени, проводимое ими в Интернет-среде, не изменилось либо увеличилось. Во вторую группу вошли респонденты, которые являются потребителями и активными создателями медиа-контента, количество времени, проводимое ими в Интернет-среде в актуальных условиях, снизилось, но увеличилось время общения в мессенджерах и оффлайн.

В ходе изучения личностных особенностей в группах студентов с разными стратегиями онлайн-поведения в актуальных условиях нами были выявлены следующие различия (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа личностных особенностей респондентов с разными стратегиями поведения в Интернете

(U-критерий Манна-Уитни)							
Шкалы методики диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд				Шкалы методики «ШПБ»			
	Дезадаптивность	Неприятие других	Интегральный показатель эмоциональной комфортности	Эмоциональный дискомфорт	Ведомость	Автономия	Самопринятие
	M (σ)	M (σ)	M (σ)	M (σ)	M (σ)	M (σ)	M (σ)
Группа 1	82,61 (35,5)	18,09 (8,9)	56,90 (19,1)	20,00 (11,7)	18,03 (8,4)	46,39 (22,3)	45,73 (23,9)
Группа 2	68,55 (35,5)	15,08 (7,3)	61,64 (19,1)	15,51 (9,6)	15,60 (7,1)	52,23 (21,0)	52,60 (22,7)
U-критерий	2520,5	2540,0	2627,5	2492,0	2648,5	2679,500	2643,500
p	,01	,01	,03	,01	,04	,05	,04

По результатам методики «Социально-психологическая адаптация» и «Шкала психологического благополучия» респонденты с первой стратегией (с развлекательной направленностью) характеризуются незрелостью, невротическими отклонениями, неспособностью принимать решения; низкой степенью потребности в общении и взаимодействии; неопределенностью эмоционального отношения к миру и окружающим людям, происходящим событиям, предметам и явлениям (дискомфорт, апатия, подавленность и т. п.).

Студенты со второй стратегией поведения в Интернете (с продуктивной направленностью) характеризуются самостоятельностью и независимостью, нонконформностью и способностью противостоять давлению общества; они самостоятельно регулируют собственное поведение; оценивают себя в соответствии с личными критериями; позитивно относятся к себе, знают и принимают различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества, положительно оценивают свое прошлое.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

С целью выявления структуры личностных особенностей респондентов с разными стратегиями поведения в Интернете и изучения взаимосвязи между этими особенностями был проведен факторный анализ. В процессе факторизации и ротации были получены две структуры, отличающиеся между собой количественными и качественными характеристиками.

В группе студентов с первой стратегией поведения в Интернете факторную структуру можно охарактеризовать как неустойчивую, несогласованную и неполную (о чем свидетельствует 4 переменных (они составляют 8,88 %), выпавших из общей структуры. Шесть переменных (13,3 %) имеют отрицательную направленность). Структура включает семь факторов, объясняющих 73,2 % дисперсии (метод выделения факторов — метод главных компонент, метода вращения: веримакс с нормализацией Кайзера, вращение сошлось за десять итераций) (таблица 2). Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина равна 0,812. Анализ общности показал, что самые высокие значения выявлены по показателям «Управление средой» (,963), «Самопринятие» (,961), «Цели в жизни» (,956) и «Личностный рост» (0,952).

Первый, наиболее информативный, фактор объединяет показатели, характеризующие личностную незрелость: «Дезадаптивность», «Интегральный показатель эмоциональной комфортности» (отрицательная направленность), «Интегральный показатель адаптации» (отрицательная направленность), «Шкала личностной тревожности», «Эмоциональный дискомфорт», «Внешний контроль», «Интегральный показатель самопринятия» (отрицательная направленность), «Непринятие себя», «Интегральный показатель интернальности» (отрицательная направленность), «Шкала ситуативной тревожности», «Избегание», «Квазирефлексия», «Интегральный показатель стремления к доминированию» (отрицательная направленность), «Ведомость», «Интегральный показатель принятия других» (отрицательная направленность). Данный фактор можно обозначить как **«личностная незрелость»**.

Для студентов с первой стратегией поведения в Интернете личностная незрелость и невротические отклонения тесно связаны с личностной и ситуативной тревожностью, низким уровнем потребности во взаимодействии с другими, общении и контактах с окружающими, низкой удовлетворенностью своими чертами характера, высоким уровнем подавленности, вялости и апатии по отношению к окружающему миру, происходящим событиям и явлениям. Вышеуказанные характеристики связаны с такими особенностями, как неспособность взять на себя ответственность за происходящие события вокруг и в своей жизни, склонность приписывать свои неудачи влиянию обстоятельств, склонность приспособливаться к реальным или предполагаемым потребностям и интересам других людей. Размышления таких респондентов направлены не на актуальную жизненную ситуацию, а на прошлые или будущие возможные события.

Шесть переменных имеют отрицательную направленность в структуре. Студенты с первой стратегией испытывают негативные эмоциональные состояния, стараются не брать на себя ответственность за происходящие события в своей жизни на себя, не склонны доминировать над другими.

Второй фактор включает показатели, характеризующие психологическое благополучие: «Личностный рост», «Цели в жизни», «Автономия», «Управление средой», «Психологическое благополучие», «Самопринятие», «Позитивные отношения». Эти переменные относятся к смысложизненным ориентациям личности и создают базис для полноценного развития и жизнедеятельности.

Третий фактор объединяет переменные, связанные с поведенческими особенностями студентов: «Сверхбдительность», «Прокрастинация», «Избегание», «Осторожные действия», «Интрорспекция», «Поиск социальной поддержки».

Четвертый фактор объединяет следующие показатели: «Адаптивность», «Системная рефлексия», «Внутренний контроль», «Принятие себя», «Принятие других».

Пятый фактор представлен Манипулятивными, Агрессивными, Асоциальными и Импульсивными действиями.

Шестой фактор объединяет шкалы «Доминирование», «Эскапизм», «Непринятие других».

Седьмой фактор включает в себя шкалу «Вступление в социальный контакт», что говорит о потребности студентов с первой стратегией в получении поддержки и внимания со стороны других.

Из факторной структуры взаимосвязей «выпали» такие показатели, как «Эмоциональный комфорт», «Шкала нервно-психического напряжения», «Ассертивные действия», «Бдительность». Можно предположить, что эти показатели не связаны с особенностями поведения в Интернете у студентов с первой стратегией.

Таким образом, факторная структура субъективных особенностей студентов с первой стратегией онлайн-поведения является неполной, несогласованной и противоречивой (табл. 2).

Таблица 2

Повернутая матрица компонентов субъективных особенностей в группе респондентов с первой стратегией онлайн-поведения

Переменные	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
Дезадаптивность	0,946	-0,058	-0,025	-0,013	-0,007	-0,014	0,009
Интегральный показатель эмоциональной комфортности	-0,821	0,244	-0,045	0,070	-0,022	-0,199	-0,013

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Переменные	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
Интегральный показатель адаптации	-0,820	0,147	-0,178	0,144	-0,036	0,282	0,069
Шкала личностной тревожности	0,816	-0,103	-0,230	-0,010	0,107	-0,035	-0,117
Эмоциональный дискомфорт	0,794	-0,098	0,373	-0,014	0,050	0,182	-0,086
Внешний контроль	0,774	-0,009	0,383	-0,089	-0,060	0,341	0,031
Интегральный показатель самопринятия	-0,760	0,085	0,079	0,299	0,112	-0,238	-0,064
Непринятие себя	0,730	-0,046	0,301	-0,124	-0,029	0,087	0,009
Интегральный показатель интернальности	-0,700	0,173	-0,271	0,179	0,081	-0,326	-0,187
Шкала ситуативной тревожности	0,674	-0,151	0,037	0,007	0,247	0,089	-0,297
Избегание	0,592	-0,019	0,266	-0,053	0,288	-0,015	0,381
Квазирефлексия	0,567	0,043	0,204	0,377	0,146	0,106	-0,104
Интегральный показатель стремления к доминированию	-0,564	0,150	-0,166	0,244	0,229	0,234	-0,470
Ведомость	0,549	-0,016	-0,183	-0,139	-0,178	0,308	0,478
Интегральный показатель принятия других	-0,508	0,137	-0,147	0,328	-0,046	-0,468	0,349
Эмоциональный комфорт	-0,435	0,031	0,409	0,399	0,048	0,207	0,153
Шкала нервно-психического напряжения	0,379	-0,052	-0,111	-0,007	0,316	-0,086	-0,144

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Переменные	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
Ассертивные действия	-0,327	0,077	-0,097	0,022	-0,084	0,127	-0,133
Личностный рост	-0,036	0,970	-0,012	0,091	-0,010	0,005	-0,020
Цели в жизни	-0,131	0,963	0,031	0,103	0,004	0,005	0,018
Автономия	-0,099	0,956	-0,035	0,051	0,019	0,044	-0,070
Управление средой	-0,201	0,951	0,012	0,083	-0,099	0,019	0,022
Психологическое благополучие	-0,048	0,947	-0,111	0,082	0,030	0,001	0,037
Самопринятие	-0,244	0,944	0,051	0,084	-0,026	0,025	0,007
Позитивные отношения	-0,028	0,910	0,001	0,053	-0,140	-0,059	0,065
Сверхбдительность	0,242	-0,052	0,924	-0,061	0,017	0,067	-0,062
Прокрастинация	0,216	-0,060	0,913	-0,105	0,001	0,103	-0,054
Избегание	0,245	-0,040	0,885	-0,182	-0,027	0,044	0,006
Осторожные действия	-0,098	-0,003	0,739	0,018	0,304	0,054	0,304
Интроспекция	0,613	-0,053	0,654	0,047	0,090	0,008	-0,119
Поиск социальной поддержки	-0,073	0,132	0,537	0,002	0,184	-0,009	0,487
Бдительность	0,035	0,027	0,477	0,001	-0,016	-0,015	-0,038
Адаптивность	-0,438	0,227	-0,314	0,704	0,088	-0,173	0,081
Системная рефлексия	0,063	0,096	-0,127	0,670	-0,041	0,152	-0,023
Внутренний контроль	-0,050	0,225	-0,310	0,653	-0,002	-0,223	-0,305
Принятие себя	-0,499	0,105	0,076	0,648	0,110	-0,138	0,041
Принятие других	-0,116	0,079	0,199	0,546	-0,218	-0,209	0,381
Манипулятивные действия	0,017	-0,131	0,127	0,063	0,735	0,225	0,143

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Переменные	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
Агрессивные действия	0,373	0,011	-0,062	0,064	0,719	-0,074	0,074
Асоциальные действия	-0,078	-0,072	0,368	-0,056	0,715	0,011	-0,059
Импульсивные действия	-0,020	0,021	-0,120	-0,127	0,621	0,131	0,465
Доминирование	-0,126	0,050	0,255	0,030	0,270	0,805	0,067
Эскапизм (уход от проблем)	0,469	0,068	-0,185	-0,077	0,016	0,699	0,082
Непринятие других	0,528	-0,017	0,317	-0,131	-0,023	0,610	-0,221
Вступление в социальный контакт	-0,089	0,012	-0,058	0,087	0,255	0,010	0,748
Дисперсия (нагрузка)	22,21	14,91	12,30	6,45	6,06	5,93	5,37

В группе студентов **со второй стратегией поведения в Интернете** в изменившихся условиях факторную структуру можно охарактеризовать как неполную, устойчивую, согласованную. Она включает шесть факторов, объясняющих 79,527% дисперсии (метод выделения факторов – метод главных компонент, метода вращения: веримакс с нормализацией Кайзера, вращение сошлось за десять итераций) (табл. 3). Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина равна 0,585 (что является хорошим значением меры выборочной адекватности). Анализ общности показал, что самые высокие значения выявлены по показателям «Управление средой» (,957), «Личностный рост» (,957), «Интегральный показатель адаптации» (,921). Данная структура неполная, о чем свидетельствует две переменных (они составляют 4,44 %), «выпавших» из общей структуры (табл. 3). Переменных с отрицательной направленностью в структуре не выявлено.

Главный кристаллизующий фактор включает в себя такие шкалы, как «Шкала личностной тревожности», «Дезадаптивность», «Интроспекция», «Эмоциональный дискомфорт», «Шкала ситуативной тревожности», «Сверхбдительность», «Непринятие себя», «Непринятие других», «Избегание», «Внешний контроль», «Квазирефлексия», «Ведомость». Результаты показывают, что выбор молодежью стратегии поведения с продуктивной направленностью в Интернет-среде связан с повышенной тревожностью, незрелостью личности и трудностями принятия

решений, негативными переживаниями относительно сложившейся ситуации, излишним самокопанием и рефлексией по поводу прошлого или будущего, нежеланием вступать в контакт с окружающими людьми и неудовлетворенностью своими качествами и способностями, экстернальностью и ожиданием неприятностей и угроз. Этот фактор характеризует незрелость личности, ее неспособность брать на себя ответственность за происходящие события в жизни, неспособность гибко адаптироваться к изменяющимся условиям.

Во **второй фактор** были включены такие шкалы, как «Адаптивность», «Интегральный показатель адаптации», «Принятие себя», «Интегральный показатель самопринятия», «Интегральный показатель принятия других», «Принятие других», «Интегральный показатель эмоциональной комфортности», «Интегральный показатель интернальности», «Внутренний контроль», «Системная рефлексия», «Бдительность», «Интегральный показатель стремления к доминированию». Характер полученной плеяды указывает на взаимосвязь второй стратегии онлайн-поведения со способностью респондентов адаптироваться к требованиям общества в соответствии со своими потребностями и целями; адекватной самооценкой, желанием вступать в контакт и общение с другими; положительными эмоциональными переживаниями по отношению к окружающей действительности; высокой интернальностью, то есть способностью взять на себя ответственность за свою жизнь; интолерантностью к неопределенности, рациональностью и рефлексивностью; стремлением к лидерству.

Третий фактор включает в себя шкалы, отражающие психологическое благополучие: «Позитивные отношения», «Личностный рост», «Управление средой», «Цели в жизни», «Автономия», «Психологическое благополучие», «Самопринятие».

В **четвертый фактор** вошли следующие шкалы: «Поиск социальной поддержки», «Вступление в социальный контакт», «Осторожные», «Манипулятивные», «Асоциальные», «Ассертивные» и «Агрессивные действия».

Пятый фактор включил в себя «Доминирование», «Эмоциональный комфорт», «Эскапизм».

В состав **шестого фактора** (5,639% от общей дисперсии) вошли копинг-стратегии поведения «Избегание», «Импульсивные действия».

Таблица 3

Повернутая матрица компонентов субъективных характеристик в группе респондентов со второй стратегией поведения в Интернете

Переменные	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Шкала личностной тревожности	0,920	0,119	0,014	-0,110	-0,027	0,079
Дезадаптивность	0,887	-0,138	-0,104	0,135	0,035	0,210
Интроспекция	0,840	0,009	0,091	0,147	-0,005	0,080

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Переменные	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Эмоциональный дискомфорт	0,820	-0,239	-0,231	0,045	0,320	-0,011
Шкала ситуативной тревожности	0,799	-0,021	0,030	-0,015	-0,080	0,064
Сверхбдительность	0,751	-0,182	-0,102	-0,070	-0,050	0,176
Непринятие себя	0,723	-0,278	-0,102	0,254	0,263	0,038
Непринятие других	0,697	-0,313	-0,304	0,233	-0,069	-0,050
Избегание	0,663	-0,005	0,003	0,144	0,036	0,569
Внешний контроль	0,662	-0,214	-0,024	0,074	0,600	0,230
Квазирефлексия	0,652	0,247	-0,010	-0,044	0,277	0,295
Ведомость	0,601	-0,111	-0,016	-0,141	0,366	0,497
Прокрастинация	0,493	-0,077	0,088	0,065	0,166	0,455
Шкала нервно-психического напряжения	0,469	-0,013	0,032	-0,047	-0,052	-0,084
Адаптивность	-0,009	0,888	0,203	0,113	0,046	-0,002
Интегральный показатель адаптации	-0,290	0,855	0,301	0,120	0,012	-0,043
Принятие себя	-0,149	0,835	0,282	0,160	-0,012	0,061
Интегральный показатель самопринятия	-0,294	0,833	0,304	-0,006	-0,041	0,045
Интегральный показатель принятия других	-0,198	0,833	0,382	-0,067	0,088	0,139
Принятие других	-0,057	0,787	0,250	-0,117	0,116	0,242
Интегральный показатель эмоциональной комфортности	-0,422	0,764	0,342	0,079	0,042	0,113

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Переменные	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Интегральный показатель интернальности	-0,200	0,754	0,279	0,130	0,013	-0,258
Внутренний контроль	0,278	0,733	0,151	0,244	0,320	-0,238
Системная рефлексия	0,325	0,715	0,113	0,301	0,047	0,096
Бдительность	0,240	0,643	0,138	0,200	-0,295	-0,169
Интегральный показатель стремления к доминированию	-0,204	0,612	0,214	0,365	0,193	-0,369
Позитивные отношения	-0,012	0,258	0,928	-0,107	-0,044	0,061
Личностный рост	0,004	0,296	0,916	0,164	0,011	0,065
Управление средой	-0,159	0,292	0,915	0,086	-0,003	-0,033
Цели в жизни	-0,028	0,306	0,892	0,135	0,029	-0,011
Автономия	0,056	0,219	0,887	0,181	-0,089	-0,159
Психологическое благополучие	0,017	0,235	0,882	0,096	-0,045	0,007
Самопринятие	-0,114	0,327	0,873	-0,140	0,026	0,051
Поиск социальной поддержки	-0,115	0,134	0,061	0,905	-0,013	0,203
Осторожные действия	0,139	0,095	0,168	0,862	0,034	0,142
Манипулятивные действия	-0,045	0,034	-0,052	0,855	0,020	-0,193
Асоциальные действия	0,182	-0,024	-0,032	0,828	0,212	-0,020
Вступление в социальный контакт	0,098	0,293	0,084	0,821	0,000	0,293

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Переменные	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
Ассертивные действия	-0,150	0,206	0,211	0,799	-0,252	0,047
Агрессивные действия	0,496	0,152	-0,036	0,637	0,173	-0,189
Доминирование	-0,061	0,138	0,004	0,093	0,904	-0,111
Эмоциональный комфорт	-0,070	0,369	0,007	0,027	0,838	0,144
Эскапизм (уход от проблем)	0,393	-0,125	-0,093	-0,007	0,828	0,140
Избегание	0,549	-0,200	-0,039	0,032	-0,047	0,644
Импульсивные действия	0,145	0,169	0,005	0,193	0,074	0,628
Дисперсия (нагрузка)	19,907	19,110	15,032	12,259	7,579	5,639

Обсуждение результатов

Концепция «цифрового поворота» (Кравченко, 2019) подчеркивает влияние цифровизации на свободное время и поведение людей в Интернет-среде. Большинство сфер, таких как труд, образование и досуг, становятся цифровыми, втягивая все больше людей в Интернет-пространство. Создание приложений для смартфонов, социальных сетей, онлайн-игр и прямых трансляций спортивных мероприятий формируют цифровую культуру и онлайн-поведение. Под онлайн-поведением пользователей понимается, как правило, потребление информации в Интернете и производство контента на различных платформах новых медиа (Гарбузняк, 2022).

Из опроса студентов выявлено, что большинство из них являются активными потребителями медиа-контента, а некоторые активно создают контент. Студенты проводят все больше времени в Интернете, в основном играют в игры и проводят время в социальных сетях. Однако им менее интересно общаться в мессенджерах, зарабатывать деньги через социальные сети или заводить романтические отношения через Интернет. Методом кластерного анализа было выделено две группы студентов: первая группа предпочитает онлайн-общение и потребление контента, в то время как вторая группа склонна создавать свой собственный контент и зарабатывать в Интернете. В последнее время они начали больше общаться в реальной жизни и в мессенджерах.

Результаты сравнительного анализа показали, что девушки и юноши с первой стратегией поведения в Интернет-среде менее адаптивны, они испытывают чаще негативные эмоции и переживания, в меньшей степени проявляют желание непосредственно общаться с окружающими, меньше устанавливают межличностные контакты, склонны считать других враждебно настроенными, отличаются ведомостью и конформностью. Студенты со второй стратегией в большей степени проявляют положительное отношение к себе и самопринятие, самостоятельность и независимость.

Рассматривая в сравнении факторные структуры, мы можем сказать, что они различаются по качественным характеристикам, по количеству выделенных факторов и их последовательности, полноте и согласованности. Первый фактор, который нами был назван «Личностная незрелость» в обеих группах совпадает, однако состав несколько отличается. В составе генерального фактора в первой группе значительно больше переменных, кроме того, имеются шкалы с отрицательной направленностью. Вторым фактором в группе студентов с первой стратегией выделилась плеяда с шкалами методики «Шкала психологического благополучия», а в группе студентов со второй стратегией сформировалась плеяда, демонстрирующая связи адаптивности, самопринятия и принятия других, интернальности, рефлексивности, бдительности и склонности к лидерству. Различия в составе плеяд отмечаются в четвертом факторе. Так, для студентов с первой стратегией характерны неконструктивные способы совладающего поведения, а для респондентов со второй стратегией комплекс конструктивных и деструктивных способов выхода из сложной ситуации.

По мнению Т. Шольца, существуют две основные тенденции трансформации аналоговой культуры поведения в цифровую: детерриториализация пространства и времени и дезинтермедиация (Scholz, Routledge, 2013). К. Спраклен, эксперт в области Интернет-поведения, считает, что различия между реальностью и имитацией исчезают, появляются виртуальные пространства для работы, учебы и развлечений. Онлайн-деятельность интерактивна, а социальные сети способствуют формированию чувства принадлежности (Spracklen, 2015). Результаты исследований проблемного использования Интернет-технологий людьми указывают на развитие у них дезадаптации (Churchill, Clark, Prochaska-Cue, Creswell, 2007). Были выявлены различные типы поведения в Интернете, такие как покупки, порнография, серфинг и чрезмерное использование чата и социальных сетей. Установлено, что мужчины чаще играют в онлайн-игры, а женщины склонны к проблемным покупкам в Интернете (Ioannidis et al., 2018). Люди, которые часто используют Интернет, могут испытывать депрессию, тревогу и деперсонализацию, а также желание справиться с негативными эмоциями и отсутствием социальной поддержки (Долженкова, Бортникова, 2021).

Исследования в области проблемного использования Интернета и его связи с личностными особенностями людей проводятся все чаще. Они включают исследования личности Интернет-зависимых пользователей, выявление предикторов формирования Интернет-зависимого поведения (Mehroof, Griffiths, 2010; Дмитриев,

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

2013; Колмогорцева, 2017; Hawi, Samaha, 2019), клинические варианты проблемного использования Интернета (Петров, Черняк, 2020), предпочтения Интернет-зависимых респондентов (Зыкова, 2020), связь между личностными особенностями и регуляцией сетевой активности студентов (Паньшина, Сунгурова, Карабущенко, 2021), связь проблемного использования Интернета с психическим неблагополучием (Холмогорова, Герасимова, 2019), психологические характеристики людей с проблемным и адаптивным использованием сети (Орестова, Филиппова, 2022), культурно-исторические явления в Интернете (Zhuravlev, Zinchenko, Kitova, 2022), культурная медиация идентичности цифрового поколения (Shaigerova, Shilko, Vakhantseva, 2022)

В последние годы отечественные исследователи проявляют интерес к нескольким аспектам роли Интернета в формировании личности молодых людей и ценностных ориентаций (Коптева, 2017; Маяцкая, 2017; Шумских, Гладских, Буданова, 2017; Темина, 2017), духовно-нравственного развития молодежи (Грандова, 2017; Емельяненко, 2017), социализации в среде Интернет (Орлов, Орлова, 2018). Все эти исследования помогают сформировать представление об актуальных изменениях в процессах социализации современной молодежи, которые происходят под влиянием цифровизации. Также существует представление о киберсоциализации как о новом социально-психологическом феномене (Плешаков, 2011; Марцинковская, 2012; Martsinkovskaya, 2019).

Заключение

Поведение студентов в Интернет-среде в актуальных условиях обусловлено различными субъективными факторами и оказывает влияние на дальнейшую направленность жизнедеятельности молодых людей. Изучение особенностей поведения молодежи в виртуальном пространстве в связи с их личностными особенностями дает возможность прогнозировать адаптационные возможности, смысложизненные и поведенческие ориентации молодых людей. Анализ результатов позволяет заключить, что у молодых людей со второй стратегией поведения значительно более выражен адаптационный потенциал и психологическое благополучие. Кроме того, эти респонденты в актуальных условиях Интернет-среды склонны удовлетворять свои потребности в общении и контактах в реальном взаимодействии и коммуникации, в трудных ситуациях используют комплекс различных копинг-стратегий.

Определение структурных особенностей субъективных факторов студентов показало, что факторные структуры в группах респондентов с разными стратегиями онлайн-поведения отличаются по степени полноты, согласованности и интегрированности. Обнаружена тенденция к повышению уровня сформированности факторных структур в зависимости от поведения в Интернет-среде в актуальных условиях. Полученные результаты позволяют проводить коррекционные мероприятия с молодежью, направленные на изменения

поведения в Интернет-среде, формирование адаптивного потенциала, адекватных поведенческих реакций, развитие личностных характеристик.

Литература

- Банщикова, Т. Н., Соколовский, М. Л., Моросанова, В. И. (2020). Стратегии преодоления стрессовых ситуаций: психометрические характеристики русской версии методики. *Сибирский психологический журнал*, 76, 55–77. <https://doi.org/10.17223/17267080/76/4>
- Батаршев, А. В. (2005). *Базовые психологические свойства и самоопределение личности: Практическое руководство по психологической диагностике*. Речь.
- Гарбузняк, А. Ю. (2022). Анализ онлайн-поведения российских пользователей новых медиа в периоды политической напряженности в 2020-2021 гг. *Журнал политических исследований*, 4, 31–43. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-31-43>
- Грандова, С. И. (2017). Воздействие Интернета на духовно-нравственное развитие школьников и студентов. *Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций*, 1, 1094–1098.
- Дмитриев, К. Г. (2013). *Психологические детерминанты Интернет-зависимости в юношеском возрасте*. Московский педагогический государственный университет.
- Долженкова, М. И., Бортникова, Т. Г. (2021). Проблематика организации цифрового досуга в зарубежной исследовательской практике. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 26(195), 210–222.
- Емельяненко, В. Д. (2017). Интернет и духовный мир человека: ценностно-мировоззренческий подход. *Вестник Мининского университета*, 4(21).
- Зыкова, Е. И. (2020). Особенности взаимосвязи психологической границы со склонностью к Интернет-зависимости. *Национальное здоровье*, 2, 63–68.
- Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет*. Екатеринбург.
- Колмогорцева, А. А. (2017). Прогностическая модель структуры личностных особенностей субъектов с Интернет-зависимостью. *Мир науки*, 5(3), 1–9.
- Коптева, В. К. (2017). Воздействие Интернет-сообщества на формирование личности. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 2(3), 67–74
- Корнилова, Т. В. (2013). Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация. *Психологические исследования*, 6(31), 4. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.671>
- Кравченко, С. А. (2019). Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 19(3), 397–405. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405>
- Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н. (2014). Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(4), 110–135.
- Лепешинский, Н. Н. (2007). Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф. *Психологический журнал*, 3, 24–37.
- Марцинковская, Т. Д. (2012). Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 5(26), 7.
- Маяцкая, О. Б. (2017). Влияние сети Интернет на ценностные установки молодого поколения россиян. *Бюллетень науки и практики*, 12(25), 354–358.
- Моисеев, В. Н. (2014). Общество синхронизации: человек и его цифровой профайл. *Обсерватория культуры*, 5, 109–113. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2014-0-5-107-111>
- Орестова, В. Р., Филиппова, О. С. (2022). Различия психологических характеристик людей

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- с проблемным и адаптивным использованием сети Интернет. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 1, 119–133.* <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-1-119-133>
- Орлов, А. А., Орлова, Л. А. (2018). Характеристика «сетевой личности» как инновация в структуре содержания педагогического образования. *Педагогика, 7, 12–22.*
- Осницкий, А. К. (2004). Определение характеристик социальной адаптации. *Психология и школа, 1, 43–56.*
- Паньшина, С. Е., Сунгурова, Н. Л., Карабущенко, Н. Б. (2021). Личностные характеристики студентов в регуляции сетевой активности. *Образование и наука, 23(3), 101–130.*
- Петров, А. А., Черняк, Н. Б. (2020). Современные тенденции неблагоприятной клинико-социальной динамики расстройств личности при проблемном использовании Интернета. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии, 3(108), 83–91.*
- Плешаков, В. А. (2011). *Теория киберсоциализации человека.* Номо Cyberus.
- Темина, С. Ю. (2017). Основные направления и ведущие тенденции влияния информационных технологий на развитие и воспитание взрослеющей личности. *Мир образования — образование в мире, 1(65), 206–210.*
- Холмогорова, А. Б., Герасимова, А. А. (2019). Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста. *Консультативная психология и психотерапия, 27(3), 138–155.*
- Шумских, Т. Ю., Гладских, Н. А., Буданова, М. В. (2017). Влияние сети Интернет на процессы социальной адаптации школьников и студентов. *Центральный научный вестник, 2(9), 3–6.*
- Churchill, S. L., Clark, V. L. P., Prochaska-Cue, K., Creswell, J. W. (2007). How rural low-income families have fun: a grounded theory study. *Journal of Leisure Research, 39(2), 271–294.*
- Diemer, J., Alpers, G. W., Peperkorn, H. M., Shibani, Y., Mühlberger, A. (2015). The impact of perception and presence on emotional reactions: A review of research in virtual reality. *Frontiers in psychology, 6, 26.*
- Scholz, T. (2013). *Digital labor: the internet as playground and factory.* Routledge.
- Hawi, N., Samaha, M. (2019). Identifying commonalities and differences in personality characteristics of Internet and social media addiction profiles: traits, self-esteem, and self-construal. *Behaviour & Information Technology, 38(2), 110–119.*
- Ioannidis, K., Treder, M. S., Chamberlain, S. R. et al. (2018). Problematic internet use as an age-related multifaceted problem: Evidence from a two-site survey. *Addictive Behaviors, 81, 157–166.* <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.02.017>
- Martsinkovskaya, T. D. (2019). The Person in Transitive and Virtual Space: New Challenges of Modality. *Psychology in Russia: State of the art, 12(2), 165–176.*
- Mehroof, M., Griffiths, M.D. (2010). Online Gaming Addiction: The Role of Sensation Seeking, Self-Control, Neuroticism, Aggression, State Anxiety, and Trait Anxiety. *Cyberpsychology, behavior, and social networking, 13(3), 313–316.*
- Spracklen, K. (2015). *Digital Leisure, the Internet and Popular Culture. Communities and Identities in a Digital Age.* Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137405876>
- Shaigerova, L.A., Shilko, R.S., Vakhantseva, O.V. (2022) Cultural Mediation of the Identity of the Digital Generation: Perspectives on the Analysis of Internet Activity and Social Media. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 73–107.* <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.04>
- Zhuravlev, A.L., Zinchenko, Y.P., Kitova, D.A. (2022). Trends in the Study of Cultural-Historical Phenomena on the Internet (based on a study of Russians' attitudes towards money). *Psychology in Russia: State of the Art, 15(1), 103–119.* <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0107>

Поступила в редакцию: 14.02.2023

Поступила после рецензирования: 04.04.2023

Принята к публикации: 06.06.2023

Заявленный вклад авторов

Суроедова Елена Александровна – планирование и проведение исследования, анализ и интерпретация результатов.

Давыдова Мария Анатольевна – работа с источниками, написание обзорной части статьи.

Гришина Анастасия Васильевна – планирование и проведение исследования, анализ и интерпретация результатов.

Информация об авторах

Мария Анатольевна Давыдова – кандидат социологических наук, доцент, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9101-1885>; e-mail: 18121980dma@gmail.com

Елена Александровна Суроедова – кандидат психологических наук, доцент, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 1460-0988, РИНЦ AuthorID: 758849; Web of Science ResearcherID: V-9677-2017; Scopus Author ID: 57193068821; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9784-0142>; e-mail: suroedova@mail.ru

Анастасия Васильевна Гришина – кандидат психологических наук, доцент, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 3773-3150, РИНЦ AuthorID: 756187; Web of Science ResearcherID: AAE-1641-2020; Scopus Author ID: 57218092586; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4005-8744>; e-mail: avgrishina.donstu@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ментальная регуляция психических состояний студентов в повседневной и напряженной ситуациях обучения

Александр О. Прохоров^{1*} , Альберт В. Чернов¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: Alexander.Prokhorov@kpfu.ru

Аннотация

Введение. Проблема регуляции психических состояний и поведения субъекта приобретает особую актуальность в современных условиях жизнедеятельности. Существующие на сегодняшний день подходы и концепции рассматривают, в первую очередь, индивидуальный стиль саморегуляции поведения, или же саморегуляцию функциональных состояний, как специфический вид деятельности субъекта. В разрабатываемой авторами концепции ментальной регуляции психических состояний центральное место занимают структуры сознания: смысловые, рефлексивные, репрезентативные и др. Функциональная организация структур сознания формируется в связи со спецификой комплексов, состоящих из ментальных структур (смысловых, рефлексивных и др.), состояний и операциональных средств регуляции. **Методы.** В исследовании приняли участие 132 студента (средний возраст – 19 лет), учащиеся 2 курса Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета. В повседневных (на лекциях) и в напряженных (на экзаменах) ситуациях учебной деятельности изучались интенсивность проявлений психических состояний и эффективность их саморегуляции со стороны ментальных структур. Ментальные структуры исследовались с помощью стандартизированных методик, а также с применением специально разработанных авторских анкет. **Результаты.** Выявлена ситуационная обусловленность эффективности ментальной регуляции психических состояний студентов. В повседневной ситуации ключевыми элементами функциональной регуляторной структуры выступают: рефлексия состояний, эмоциональная насыщенность жизни и принятие окружающими людьми. В свою

очередь, в напряженной ситуации на передний план выходят: уверенность студентов в своих силах, удовлетворенность самореализацией и низкий уровень рефлексии прошлого опыта. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты подтверждают основные положения концепции ментальной регуляции психических состояний, обозначая значимую роль структур сознания (рефлексивных, смысловых, системы Я) в регуляции психических состояний студентов. Результаты также согласуются с исследованиями других авторов, занимающихся данной проблемой.

Ключевые слова

повседневная ситуация, напряженная ситуация, психическое состояние, ментальная регуляция, эффективность регуляции, рефлексия, система Я, смысловые структуры

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект 23-18-00232) «Ментальная регуляция психических состояний».

Для цитирования

Прохоров, А. О., Чернов, А. В. (2023). Ментальная регуляция психических состояний студентов в повседневной и напряженной ситуациях обучения. *Российский психологический журнал*, 20(3), 48–65. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.3>

Введение

В современных условиях жизнедеятельности на передний план выходит проблема регуляции и саморегуляции состояний и поведения. Исследования в данной области представлены различными подходами и концепциями. В работах В. И. Моросановой акцентируется внимание на индивидуальных особенностях саморегуляции и анализе ситуативных факторов, связанных с условиями деятельности: изучается «индивидуальный стиль саморегуляции», выделяются регуляторно-личностные свойства, оказывающие влияние на всю систему психической саморегуляции (Моросанова, 2012).

В концепции контроля поведения Е. А. Сергиенко (2018) показан психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека и обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции – когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль – интеграция которых создаёт индивидуальный паттерн саморегуляции.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

В области регуляции психических состояний весомый вклад вносят работы Л. Г. Дикой (2003) и А. Б. Леоновой (2007). Согласно Л. Г. Дикой, психическая саморегуляция функциональных состояний выступает в качестве специфического вида деятельности субъекта. Для нее свойственны определенные отношения с профессиональной деятельностью, а ее развитие обуславливает формирование адаптивных свойств субъекта и эффективность профессиональной деятельности. В свою очередь, структурно-интегративный подход к саморегуляции функциональных состояний А. Б. Леоновой базируется на деятельностной парадигме А. Н. Леонтьева. Саморегуляция ею анализируется на уровнях операционально-технического обеспечения деятельности (операции); изменений в целевой структуре деятельности (действия); смены доминирующей мотивационной направленности субъекта труда (деятельность в целом).

В зарубежных исследованиях проблема саморегуляции рассматривается как способность, которая развивается в ходе упражнений или в процессе достижения различных целей жизнедеятельности (Schmeichel & Baumeister, 2004; Vohs & Heatherton, 2000). Так же, как и в отечественной психологии, в качестве основных концептов в регуляции выступают «обратная связь» и «иерархия целей» индивида. Кроме того, большое внимание уделяется индивидуальным различиям и социальному контексту (Berger, 2011). Модели саморегуляции основаны на идее, что внутренние, личностные процессы являются первичными детерминантами поведения, которые связаны с вниманием к себе и к своему здоровью (De Ridder & de Wit, 2006), навыками самообладания (Muraven & Slessareva, 2003). Активно разрабатывается и концепция саморегулирующего обучения (Pintrich, 2000), которое включает в себя мотивационные характеристики, постановку целей, выбор стратегии обучения, регулирование собственного поведения (Calkins & Howse, 2004).

В разрабатываемой нами концепции структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний центральное место занимают структуры сознания: смысловые, рефлексивные, репрезентативные и др. (Прохоров, 2020, 2021). Согласно концептуальной модели, совокупность регуляторного комплекса является составляющей частью субъективного (ментального) опыта человека. Субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания (личностный смысл, ценности, смысловые установки и ориентации), ментальные репрезентации, входящие в структуру знаний (ассоциативные, оценочные, понятийные, образные характеристики), переживания, рефлексивные структуры, процессы понимания. Организация структур сознания формируется в связи со спецификой комплексов (блоков), состоящих из состояний, средств регуляции и ментальных структур, образующихся в диапазоне текущего времени и в условиях повторяющихся ситуаций жизнедеятельности.

Анализ исследований в области ментальных механизмов саморегуляции показывает, что изучение вклада структур сознания в регуляцию психических

состояний представлено лишь отдельными работами. Рассмотрим их последовательно.

Смысловая система сознания является звеном, опосредующим влияние разнообразных факторов жизнедеятельности субъекта. Она представляет собой «осознаваемую детерминанту» психического состояния, через которую преломляются любые воздействия на личность (Алексеева, 2006). Установлено, что специфика смысловой саморегуляции личности определяется эмоциональным дискомфортом, субъективным неблагополучием, адаптивностью, осознанным планированием деятельности, что отражается на профессиональном здоровье (Рябова, 2015). В работе Н. И. Наенко (1976) показано, что различный личностный смысл выполняемой деятельности обуславливает разные формы психической напряженности. М. В. Ермолаевой (1984) была обнаружена зависимость изменения эмоциональной стороны функциональных состояний от смысловых характеристик при изменении мотива деятельности и условий ее протекания.

Вовлеченность рефлексивных механизмов определяется целью регуляции – потребностью изменения психического состояния как несоответствующего ситуации и условиям жизнедеятельности (Голицын, 1987). Благодаря рефлексии происходит оценка, осознание и сличение актуального состояния с искомым и, далее, в случае необходимости, субъект вносит коррекцию в используемые способы и приемы регуляции. Отмечается, что необходимость изменения психического состояния и процесс самопознания субъектом состояний осознается благодаря рефлексии (Василевская, 2017). В исследовании М. Г. Юсупова (2014) установлено, что рефлексия влияет на процессы переработки информации, выполняя метакогнитивные действия в процессе регуляции когнитивных процессов. Как отмечает Л. А. Савинкина (2000), рефлексивная саморегуляция психических состояний человека представляет собой систему воздействий на психическое состояние, особенностью которой является ее осознанность, вербализованность и системный характер.

Отдельно изучаются взаимоотношения психических состояний и системы Я. Исследования, в основном, сосредоточены в области медицины, где показана роль «Я системы» в лечении депрессии (Strauman & Eddington, 2017). Выявлена связь между адекватностью самооценки и переживанием одиночества у подростков (Кошкаров, Бородина, Кадетова, 2013). Показано, что позитивное самоотношение противодействует развитию профессионального выгорания (Водопьянова, Густелева, 2010). В нашем исследовании было выявлено, что по мере роста напряженности ситуации от лекции к экзамену возрастает и роль составляющих самоотношения в регуляции как отдельных подструктур, так и психических состояний студентов в целом.

Цель исследования: выявить влияние ментальных структур на эффективность применяемых способов регуляции психических состояний в повседневных и напряженных ситуациях учебной деятельности.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Задачи исследования:

1. Выявить психические состояния, характерные для студентов с разной эффективностью саморегуляции, в повседневных и напряженных ситуациях учебной деятельности. Рассмотреть особенности выделенных состояний, их интенсивность, модальность, знак.

2. Рассмотреть типологию саморегуляции психических состояний студентов с высокой эффективностью саморегуляции в разных по напряженности ситуациях деятельности.

3. Установить роль каждой из ментальных структур (смысловых, рефлексивных, системы Я) в эффективности саморегуляции психических состояний студентов в повседневной и напряженной ситуациях обучения.

Методы

В исследовании приняли участие 132 человека (все – студенты 2 курса Института психологии и образования Казанского федерального университета, обучающиеся по направлениям «Психология» и «Клиническая психология»). Средний возраст респондентов составил 19 лет.

Исследования интенсивности проявления каждой подструктуры психических состояний и эффективность их саморегуляции проводились в повседневных (на лекциях) и в напряженных (на экзаменах) ситуациях учебной деятельности. Было выделено две примерно равные группы студентов, разделенные по уровню эффективности саморегуляции (низкий и высокий уровень) для каждой ситуации (обыденная и напряженная). Критерием деления на группы явился уровень эффективности саморегуляции психических состояний, выявленный при помощи разработанной авторской методики. Отдельно изучалась выраженность каждой составляющей ментальной структуры: рефлексия, смыслы, самоотношение. Все авторские методики прошли необходимую процедуру проверки на валидность и надежность.

В процессе исследования были использованы следующие **методики**:

1. Опросник «Эффективность саморегуляции психических состояний» А. Н. Назарова, А. О. Прохорова (2018). Опросник предназначен для диагностики эффективности саморегуляции как отдельных подструктур состояний (когнитивных процессов, переживаний, соматических реакций, переживаний), так и психических состояний в целом. Данная методика использовалась в обыденной и напряженной ситуациях.

2. Методика «Рельеф психических состояний личности (краткий вариант)» (Прохоров, Юсупов, 2011). Методика направлена на изучение интенсивности проявления основных составляющих психического состояния: когнитивных процессов, поведения, переживания и соматических реакций.

3. Методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева (МИС) (1993), включающая 9 основных шкал: «закрытость», «самоуверенность», «саморуководство», «отраженное самоотношение», «самоценность», «самопринятие», «самопривязанность», «внутренняя конфликтность», «самообвинение».

4. Опросник рефлексивности А. В. Карпова и И. М. Скитяевой (2005). Опросник позволяет измерить общий уровень развития рефлексивности, а также уровень рефлексии в различных временных отрезках: ретроспективную, актуальную и перспективную.

5. Методика диагностики рефлексивных процессов: распознавания, осознания и идентификации А. О. Прохорова и А. В. Чернова (2019). Она направлена на диагностику рефлексии образа психического состояния на разных этапах: распознавания, осознания и идентификации.

6. Методика «Типология саморегуляции психических состояний» А. О. Прохорова и А. Н. Назарова (2019). Методика применялась для выявления предпочтительных способов саморегуляции и включает 8 типов саморегуляции состояний: пассивный отдых, актуализация позитивных образов и воспоминаний, самовнушение/самоприказы, активная разрядка, размышление/рассуждение, отключение/переключение, общение, пассивная разрядка.

7. Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева (2000). Методика включает в себя общий показатель осмысленности жизни, а также пять субшкал («цели в жизни», «процесс жизни», «результат жизни», «локус контроля – Я» и «локус контроля – жизнь»).

8. Методика «Самооценка уровня онтогенетической рефлексии» (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002).

9. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой (2001).

В ходе исследования применялись: анализ средних значений, частотный анализ данных, Т-критерий Стьюдента для независимых выборок, корреляционный анализ методом Спирмена. Далее, по результатам анализа взаимосвязей показателей высчитывался индекс организованности структур (ИОС) (по А. В. Карпову), где связям на уровне статистической значимости $p < 0,05$ приписывался 1 балл, $p < 0,01$ – 2 балла и $p < 0,001$ – 3 балла. Для анализа полученных данных применялись методы математико-статистического анализа, содержащиеся в стандартном пакете программ SPSS 23.0.

Результаты

В процессе исследования респонденты указывали своё актуальное психическое состояние в ходе повседневной (лекция) и напряженной ситуаций обучения (экзамен). Было установлено, что в ходе лекции студенты с высоким уровнем эффективности саморегуляции переживают, преимущественно, состояния спокойствия, бодрости – 48% или познавательные (заинтересованность, вдохновение, сосредоточенность)

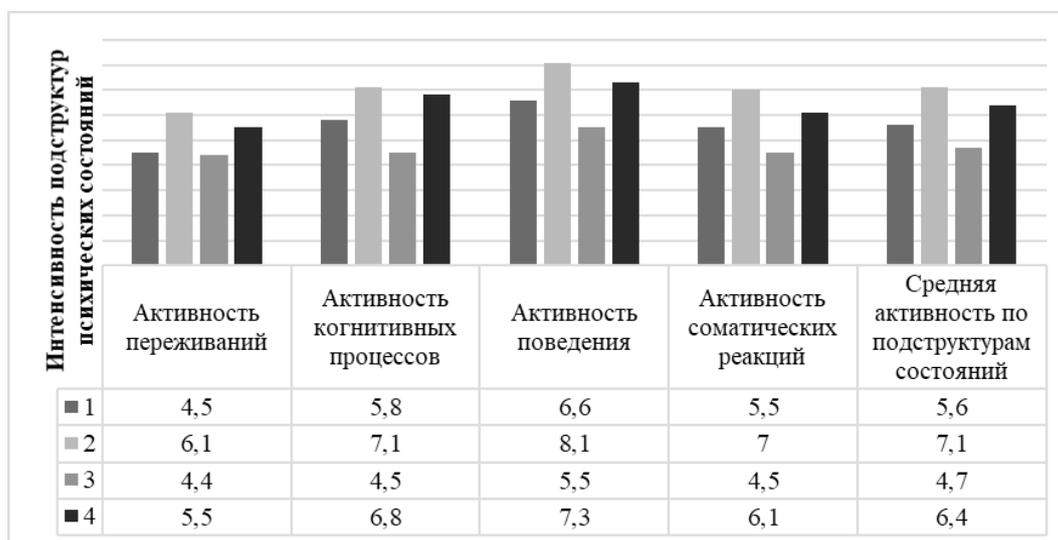
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

состояния (42% респондентов). Лишь у 10% респондентов были выявлены состояния низкой интенсивности (усталость, скука, вялость). В то же время студенты, отнесенные к группе низкоэффективных, показали иные характеристики: 33% опрошенных испытывали состояния низкой интенсивности (скука, вялость и др.), 31% – средней интенсивности (спокойствие, бодрость) и только 36% отметили у себя наличие позитивных познавательных состояний. Таким образом, у студентов с высокой эффективностью саморегуляции доминируют положительные состояния, способствующие продуктивной учебной деятельности, тогда как у низкоэффективных студентов существенную долю составляют состояния, препятствующие успешному освоению учебного материала.

В процессе сдачи семестрового экзамена студенты преимущественно испытывают состояния волнения, тревоги, напряжения. В данном случае обе группы испытуемых обозначают переживаемые состояния, в целом, одинаково, однако интенсивность этих состояний и активность отдельных подструктур состояний значительно отличаются. Для наглядной иллюстрации данной закономерности обратимся к рисунку 1.

Рисунок 1

Интенсивность подструктур психических состояний студентов с разным уровнем эффективности их саморегуляции в повседневной и напряженной ситуациях обучения

Примечание. Условные обозначения: 1 – студенты с низкой эффективностью саморегуляции состояний в повседневной ситуации обучения, 2 – студенты с высокой эффективностью саморегуляции состояний в повседневной ситуации обучения, 3 – студенты с низкой эффективностью саморегуляции состояний в напряженной ситуации обучения, 4 – студенты с высокой эффективностью саморегуляции состояний в напряженной ситуации обучения.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Как видно из рисунка 1, студенты с высоким уровнем субъективной эффективности саморегуляции психических состояний демонстрируют более высокую активность всех подструктур психических состояний. Значимые различия в группах по всем исследуемым показателям были обнаружены как в повседневной, так и в напряженной ситуациях обучения. Независимо от ситуаций учебной деятельности и уровня эффективности саморегуляции наибольшую активность имеют показатели поведения, а наименьшую – показатели активности переживания. Интересный факт: студенты с высокой эффективностью саморегуляции на экзамене проявляют более высокую интенсивность всех подструктур состояний, нежели студенты с низкой эффективностью саморегуляции на лекции, что свидетельствует о значимости эффективной регуляции состояний в ходе учебной деятельности.

Рассмотрим различия в регуляторных свойствах личности, а также в способах саморегуляции состояний, применяемых респондентами с разным уровнем эффективности саморегуляции в повседневных и напряженных ситуациях учебной деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Различия способов саморегуляции и регуляторных свойств личности у студентов с разной эффективностью саморегуляции состояний

Повседневная ситуация обучения			
Способы саморегуляции и регуляторные качества	Низкая эффективность саморегуляции состояний	Значимость различий	Высокая эффективность саморегуляции состояний
Самовнушение / самоприказы	10,5	0,045	11,9
Отключение-переключение	10,8	0,018	12,8
Моделирование	4,6	0,003	5,7
Гибкость	5,8	0,005	6,7
Общий уровень саморегуляции	28,4	0,004	31,3

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Напряженная ситуация обучения			
Актуализация позитивных образов и воспоминаний	10,1	0,050	11,9
Отключение-переключение	11,3	0,037	13,2
Моделирование	4,8	0,013	5,7
Гибкость	5,8	0,001	6,8
Общий уровень саморегуляции	28,9	0,030	31,1

В результате сравнения показателей регуляторных свойств личности и операциональных средств саморегуляции у студентов было выявлено, что, независимо от напряженности ситуаций учебной деятельности, студенты с высокой эффективностью саморегуляции состояний характеризуются большей выраженностью регуляторного свойства гибкости. Аналогичные закономерности выявлены для общего уровня саморегуляции студентов. По-видимому, именно сформированность индивидуальной системы осознанной саморегуляции и гибкость как способность перестраивать собственную систему саморегуляции выступают в качестве важнейших детерминант эффективной саморегуляции состояний. Кроме того, студенты с высокой эффективностью саморегуляции состояний демонстрируют значительно более высокую способность выделять значимые условия достижения цели (моделирование), а также чаще используют отключение (переключение) как операциональное средство саморегуляции негативных психических состояний. Отметим также, что в напряженной ситуации экзамена для лиц с высокой эффективностью саморегуляции характерно более частое использование такого способа, как актуализация позитивных образов и воспоминаний, в то время как в повседневной ситуации такие респонденты чаще прибегают к самовнушению и самоприказам.

Далее был проведен корреляционный анализ данных с целью выявления взаимосвязи применяемых способов саморегуляции и ментальных структур (рефлексивных, смысловых, самоотношения) в различных по напряженности ситуациях обучения у студентов с разной эффективностью саморегуляции состояний. В каждой выделенной группе и в каждой отдельной форме обучения подсчитывался индекс организованности структур (ИОС), являющийся

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

результатом подсчета количества и силы корреляционных связей. ИОС позволяет сделать выводы об общей структурированности взаимосвязей, а также выделить системообразующие (ведущие) элементы в каждой структуре. В таблице 2 показаны индексы организованности структур для разных способов саморегуляции состояний в напряженной и повседневной ситуациях обучения. Отметим большее число значимых взаимосвязей для группы студентов с низкой эффективностью саморегуляции. Последнее свидетельствует о значимом вкладе ментальных структур в регуляцию состояний и о низкой эффективности применения операциональных регуляторных средств в учебной деятельности. Стоит также отметить значительное число отрицательных взаимосвязей в случае низкой эффективности саморегуляции, что является показателем дезинтегрированности регуляторной структуры.

Таблица 2

Индексы организованности структур (ИОС) взаимосвязи способов саморегуляции состояний и ментальных характеристик (рефлексии, самоотношения и смысложизненных ориентаций) в различных по напряженности ситуациях обучения

Способы саморегуляции / эффективность саморегуляции состояний	Низкая эффективность саморегуляции	Высокая эффективность саморегуляции
Повседневные ситуации обучения		
Пассивный отдых	7	2
Актуализация позитивных образов	7	8
Самовнушение / самоприказы	7	13
Активная разрядка	19	2
Размышление / рассуждение	12	5
Отключение / переключение	8	0
Общение	14	6
Пассивная разрядка	8	3
Напряженная ситуация обучения		
Пассивный отдых	7	0
Актуализация позитивных образов	10	6
Самовнушение / самоприказы	7	17

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Способы саморегуляции / эффективность саморегуляции состояний	Низкая эффективность саморегуляции	Высокая эффективность саморегуляции
Активная разрядка	10	9
Размышление / рассуждение	12	6
Отключение / переключение	5	2
Общение	13	2
Пассивная разрядка	6	0

Как показано в таблице 2, в повседневной ситуации обучения ведущей структурой способов саморегуляции, связанной с ментальными структурами, выступает активная разрядка (ИОС = 19), а также средства общения (ИОС = 14) и рассуждения (ИОС = 12). В то же время, для лиц с высокой эффективностью саморегуляции такой структурой является самовнушение и самоприказы (ИОС = 13) и актуализация позитивных образов (ИОС = 8). В напряженной ситуации экзамена у лиц с высокой эффективностью саморегуляции по-прежнему ведущим способом является самовнушение / самоприказ (ИОС = 17), возрастает роль активной разрядки (ИОС = 9). Вместе с тем, у студентов с низкой эффективностью саморегуляции на экзамене ведущим способом регуляции становится общение (ИОС = 13). Примечательно, что активная разрядка, будучи непродуктивной в повседневных ситуациях обучения, выступает в качестве системообразующего элемента в ходе напряженной ситуации экзамена.

Обратимся к результатам изучения связи ментальных структур с выявленными способами саморегуляции психических состояний у студентов с высокой и низкой эффективностью саморегуляции в различных по напряженности ситуациях обучения (табл. 3). Установлено, что у лиц с низкой эффективностью саморегуляции высокая уверенность в себе выступает в качестве ведущей структуры системы Я в повседневной и напряженной ситуациях обучения. Среди рефлексивных процессов наибольшие связи способов саморегуляции установлены с уровнем социорефлексии, которая направлена на рефлексию других и не способствует выбору оптимальных способов регуляции состояний у студентов. Кроме того, в напряженной ситуации значимое влияние на выбор способов саморегуляции оказывает и общий уровень рефлексивности. Среди смысловых структур следует выделить наиболее высокий ИОС результативности жизни, которая отражает оценку пройденного отрезка жизни, то есть, ощущение того, насколько осмысленна была прожитая ее часть.

Таблица 3

Ведущие подструктуры составляющих ментальной регуляции психических состояний у студентов с низкой и высокой эффективностью саморегуляции в повседневной и напряженной ситуациях обучения

	Напря- женность обучения	Операциональ- ное средство саморегуляции	Структура само- отношения	Рефлек- сивная структура	Смыс- ловая струк- тура
Высокая эффе- ктив- ность само- регуля- ции состояний	Повсед- невная ситуация	Самовнушение / самоприказы; Активация позитивных образов	Самору- ководство	Ауто- рефлексия	Цели в жизни
	Напря- женная ситуация	Самовнушение- самоприказы; Активная разрядка	Низкая внутренняя конфлик- тность	Перспек- тивная рефлексия	Цели в жизни
Низкая эффе- ктив- ность саморе- гуля- ции состояний	Повсед- невная ситуация	Активная разрядка; общение	Уверенность в себе	Социо- рефлексия	Резуль- татив- ность жизни
	Напря- женная ситуация	Общение; размышление	Уверенность в себе	Социо- рефлексия	Резуль- татив- ность жизни

У лиц с высокой эффективностью саморегуляции состояний, в отличие от студентов с низкой эффективностью, на первый план выходит наличие в жизни испытуемого целей в будущем, что придаёт жизни осмысленность. Среди рефлексивных структур можно выделить наибольшее число взаимосвязей способов саморегуляции с перспективной рефлексией, связанной со способностью к анализу предстоящей деятельности, поведения, умением планировать. Данные составляющие ментальной структуры одинаково значимы для «высокоэффективных студентов» как в повседневных, так и напряженных ситуациях обучения. Однако в обыденной ситуации, помимо отмеченных структур, значимую роль играет и способность к пониманию собственных состояний и переживаний (ауторефлексия). Что касается компонентов самоотношения, то здесь существуют различия в количестве связей

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

со способами саморегуляции в зависимости от уровня напряженности обучения: в повседневной ситуации наибольший вес имеет саморуководство, отражающее внутренний локус контроля, тогда как в напряженной большее значение отводится уровню внутренней конфликтности субъекта (чем он ниже, тем чаще студент прибегает к эффективным способам саморегуляции состояний).

Рассмотрим операциональные средства саморегуляции структур сознания (рефлексия, смысложизненные ориентации, самоотношения) и подструктур психических состояний, связанных с эффективностью саморегуляции состояний в повседневной и напряженной ситуациях обучения. На рисунке 2 показаны структуры, имеющие наиболее сильные связи с общей эффективностью саморегуляции состояний студентов.

Рисунок 2

Показатели ментальной регуляции, определяющие эффективность саморегуляции психических состояний студентов в повседневной и напряженной ситуациях

Примечание. Условные обозначения. 1 – эффективность саморегуляции психических состояний в повседневной ситуации; 2 – эффективность саморегуляции психических состояний в напряженной ситуации. Сплошной линией обозначены прямые взаимосвязи, пунктирной – обратные.

Показано, что в повседневной ситуации обучения эффективность саморегуляции связана с каждой из составляющих ментальной структуры. Наиболее сильные связи установлены с показателями отраженного самоотношения ($r = 0,396$ при $p < 0,001$), то есть, положительное представление о человеке сказывается позитивно на саморегуляции состояний, и, как следствие, на продуктивности учебной деятельности студентов. Важное значение для эффективной саморегуляции имеет способность студента идентифицировать свое состояние, осознавать собственные переживания ($r = 0,352$ при $p < 0,001$). Кроме того, отметим, что существенную роль здесь играет интерес и эмоциональная насыщенность жизни студентов ($r = 0,187$ при $p < 0,05$): высокая осмысленность жизни способствует более эффективной регуляции состояний в повседневных ситуациях деятельности. Среди операциональных средств саморегуляции ключевым является использование студентами самовнушения и самоприказов ($r = 0,266$ при $p < 0,01$), а среди подструктур психического состояния наиболее значимые связи установлены со средним показателем по подструктурам состояний ($r = 0,303$ при $p < 0,01$). Последнее свидетельствует о том, что высокая эффективность саморегуляции в ситуации лекции значимо влияет на все составляющие психических состояний.

Обратимся к рассмотрению структуры взаимосвязей эффективности саморегуляции психических состояний и ментальных составляющих в напряженной ситуации экзамена. В отличие от повседневной формы обучения в этом случае структура взаимосвязей иная. Самоотношение в структуре представлено показателем саморуководства ($r = 0,353$ при $p < 0,001$), отражающим уверенность студентов в своих силах, их самостоятельность. На экзамене на передний план выходит показатель результативности жизни ($r = 0,276$ при $p < 0,01$), следовательно, эффективность саморегуляции студентов зависит от удовлетворенности самореализацией, осмысленности прожитого отрезка жизни. Отметим также значимость рефлексии прошлого опыта в эффективности саморегуляции состояний ($r = -0,245$ при $p < 0,01$). Примечательно, что высокая выраженность данного типа рефлексии негативно влияет на саморегуляцию состояний, что, по-видимому, связано с «самокопанием» и «зацикливанием» студентов на негативном опыте сдачи экзамена. Среди регуляторных структур большое значение имеет развитость у студентов процессов моделирования ($r = 0,296$ при $p < 0,001$), умения выделять существенные условия достижения цели, их осознанность и адекватность. Отметим также значимую взаимосвязь эффективности саморегуляции состояний и подструктуры когнитивных процессов ($r = 0,503$ при $p < 0,001$), поскольку именно от их активности во многом зависит итоговый результат в напряженной ситуации экзамена.

Обсуждение результатов

Полученные результаты отражают влияние ментальной регуляции психических состояний и подтверждают значимую роль структур сознания (рефлексивных,

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

смысловых, системы Я) в регуляции психических состояний студентов (Прохоров, 2021). Кроме того, выявленные закономерности сочетаются с более ранними исследованиями (Прохоров, Чернов, 2016), где было показано, что напряженность формы обучения выступает значимым фактором в рефлексивной регуляции психических состояний. Результаты исследования также согласуются с работами М. И. Карташевой (2022), где показана роль системы Я в структуре ментальной регуляции психических состояний учебной деятельности студентов. Ситуационная детерминация актуализации смысловых структур в регуляции состояний была выявлена и в работах Е. М. Алексеевой (2006).

Заключение

Характер взаимосвязи ментальных структур, операциональных средств саморегуляции, подструктур психических состояний и эффективность саморегуляции состояний зависит от напряженности ситуаций обучения.

1. Выявлены психические состояния, характерные для студентов с разной эффективностью саморегуляции в различных по напряженности ситуациях обучения. В повседневной ситуации студенты с высокой эффективностью саморегуляции в основном переживают состояния, способствующие продуктивной учебной деятельности (заинтересованность, сосредоточенность), тогда как студенты с низкой эффективностью саморегуляции чаще испытывают состояния, препятствующие успешному освоению учебного материала (усталость, скука). В напряженной ситуации обучения студенты обеих групп обозначают переживаемые состояния в целом одинаково (волнение, тревога), однако лица с высокой эффективностью саморегуляции на экзамене проявляют более высокую интенсивность всех подструктур психических состояний.

2. Установлены ведущие способы саморегуляции психических состояний студентов с высокой и низкой эффективностью саморегуляции. В напряженной ситуации экзамена для лиц с высокой эффективностью саморегуляции характерно частое использование актуализации позитивных образов и воспоминаний, в то время как в повседневной ситуации такие респонденты чаще прибегают к самовнушению и самоприказам, нежели студенты с низкой эффективностью саморегуляции состояний. Данные способы саморегуляции выступают ведущими во взаимосвязи с ментальными структурами (смысловыми, рефлексивными, системой Я) в обеих ситуациях обучения.

3. Обнаружены ведущие ментальные структуры, определяющие эффективность саморегуляции психических состояний в различных по напряженности ситуациях обучения. В повседневной ситуации высокая эффективность саморегуляции состояний студентов связана с саморуководством, ауторефлексией и наличием целей в жизни. У студентов с низкой эффективностью саморегуляции ведущими подструктурами выступают: уверенность в себе, социорефлексия и результативность

жизни. В напряженной ситуации обучения высокая эффективность саморегуляции состояний связана с наличием значимых целей в жизни, рефлексией будущего и низким уровнем внутренней конфликтности. Низкая эффективность саморегуляции в данной ситуации определяется теми же ментальными структурами, что и в повседневной ситуации.

4. В повседневной ситуации, в целом, эффективность саморегуляции связана с каждой подструктурой состояний, а ведущим способом саморегуляции выступает внушение. Высокую значимость имеют такие структуры сознания, как осмысленность процесса жизни, рефлексия собственного состояния и отраженное самоотношение.

В напряженной ситуации экзамена структура взаимосвязей приобретает иной вид: на передний план выходит подструктура когнитивных процессов психических состояний, а ведущим становится регуляторный процесс моделирования ситуации. Ведущие ментальные структуры представлены высоким уровнем уверенности студентов в своих силах, удовлетворенностью самореализацией и низкими показателями рефлексии прошлого опыта.

Литература

- Алексеева, Е. М. (2006). Исследование смысловой детерминации психических состояний с использованием имплицитного ассоциативного теста (IAT). В А. О. Прохоров (ред.), *Психология психических состояний: Сборник статей. Вып.6.* (с. 172–192). Казанский университет.
- Василевская, Е. А. (2017). Изучение эмоционально-ценностного компонента самосознания студентов разных специальностей. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 6(4), 281–284.
- Водопьянова, Н. Е., Густелева, А. Н. (2010). Позитивное самоотношение как фактор устойчивости к профессиональному выгоранию учителей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 4, 166–172.
- Голицын, Г. А. (1987). *Рефлексия как фактор развития.* В И. С. Ладенко (ред.), *Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования* (с. 54–60). Наука.
- Дикая, Л. Г. (2003). *Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход).* Институт Психологии РАН.
- Ермолаева, М. В. (1984). *Смысловые факторы эмоциональной устойчивости.* В В. И. Медведева (ред.), *Компоненты адаптационного процесса* (с. 87–100). Наука.
- Карпов, А. В., Скитяева, И. М. (2005). *Психология метакогнитивных процессов личности.* Институт Психологии РАН.
- Карташева, М. И. (2022). Роль системы «Я» в структуре ментальной регуляции психических состояний в процессе учебной деятельности. *Ярославский педагогический вестник*, 124(1), 162–174. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2022-1-124-162-174>
- Кошкарров, В. И., Бородин, В. Н., Кадетова, Л. А. (2013). Исследование взаимосвязи одиночества и самооценки у подростков. *Сибирский педагогический журнал*, 3, 201–205.
- Леонова, А. Б. (2007). Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 87–103.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Леонтьев, Д. А. (2000). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. (2-е изд.). Смысл.
- Моросанова, В. И. (2001). *Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека*. Наука.
- Моросанова, В. И. (2012). *Саморегуляция и индивидуальность человека*. (2-е изд.). Наука.
- Наенко, Н. И. (1976). *Психическая напряженность*. Издательство Московского университета.
- Назаров, А. Н., Прохоров, А. О. (2018). *Методика изучения эффективности саморегуляции психических состояний*. В Б. С. Алишев, А. О. Прохоров, А. В. Чернов (ред.), *Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы Третьей Международной научной конференции* (с. 361–364). Издательство Казанского университета.
- Пантеев, С. Р. (1993). *Методика исследования самоотношения*. Смысл.
- Прохоров, А. О. (2020). Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта. *Психологический журнал*, 41(1), 5–18. <https://doi.org/10.31857/S020595920007852-3>
- Прохоров, А. О. (2021). Ментальные механизмы регуляции психических состояний. *Экспериментальная психология*, 14(4), 182–204. <https://doi.org/10.17759/expsy.2021140410>
- Прохоров, А. О., Назаров, А. Н. (2019). Методика исследования типологии методов саморегуляции психических состояний. В А. В. Чернов, М. Г. Юсупов (ред.), *Психология психических состояний: сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых* (с. 274–279). Издательство Казанского университета.
- Прохоров, А. О., Чернов, А. В. (2016). Рефлексия и психические состояния при разных формах учебной деятельности студентов. *Психологический журнал*, 37(6), 47–56.
- Прохоров, А. О., Чернов, А. В. (2019). *Рефлексивная регуляция психических состояний. Экспериментальные исследования*. Институт психологии РАН.
- Прохоров, А. О., Юсупов, М. Г. (2011). *Методика измерения психического состояния в учебной деятельности студентов (краткий вариант)*. В А. О. Прохоров (ред.), *Психология психических состояний* (с. 277–288). Издательство Казанского университета.
- Рябова, М. Г. (2015). Развитие смысловой саморегуляции как основы профессионального здоровья сотрудников правоохранительных органов. *Педагогическое образование в России*, 11, 125–133.
- Савинкина, Л. А. (2000). *Рефлексивный механизм саморегуляции психических состояний человека* (докторская диссертация). Новосибирский государственно-педагогический университет.
- Сергиенко, Е. А. (2018). Контроль поведения как основа саморегуляции. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19(4), 130–146. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-130-146>
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Издательство Института Психотерапии.
- Юсупов, М. Г. (2014). Взаимосвязь психических состояний и метакогнитивных процессов в экстремальных жизненных ситуациях. В А. О. Прохоров (ред.), *Психология психических состояний: сборник статей. Выпуск 9*. (с. 181–196). Отечество.
- Berger, A. (2011). *Self-Regulation: Brain, Cognition, and Development*. American Psychological Assn.
- Calkins, S. D., & Howse, R. B. (2004). *Individual differences in self-regulation: Implications for childhood adjustment*. In P. Philippot & R. S. Feldman (Eds.), *The regulation of emotion* (pp. 307–332). Erlbaum.
- De Ridder, D., & De Wit, J. (2006). *Self-regulation in Health Behavior*. John Wiley & Sons Ltd. <https://doi.org/10.1002/9780470713150>
- Muraven, M., & Slessareva, E. (2003). Mechanisms of self-control failure: Motivation and limited resources. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29(7), 894–906. <https://doi.org/10.1177/0146167203029007008>

- Pintrich, P. R. (2000). The role of goal orientation in self-regulated learning. In M. Boekaerts, P. R. Pintrich & M. Zeidner (Eds.), *Handbook of self-regulation* (pp. 451–502). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-012109890-2/50043-3>
- Schmeichel, B. J., Baumeister, R. F. (2004). Self-regulatory strength. In R. F. Baumeister & K. D. Vohs (Eds.), *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications* (pp. 84–98). The Guilford Press. <https://doi.org/10.5860/choice.42-3719>
- Strauman, T. J., & Eddington, K. M. (2017). Treatment of Depression from a Self-Regulation Perspective: Basic Concepts and Applied Strategies in Self-System Therapy. *Cognitive Therapy Research*, 41(1), 1–15. <https://doi.org/10.1007/s10608-016-9801-1>
- Vohs, K., & Heatherton, T. (2000). Self-Regulatory Failure: A Resource-Depletion Approach. *Psychological Science*, 11(3), 249–254. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00250>

Поступила в редакцию: 01.06.2023

Поступила после рецензирования: 18.07.2023

Принята к публикации: 17.08.2023

Заявленный вклад авторов

Прохоров Александр Октябрьнович – 50% авторского вклада: концептуализация, планирование исследования, подготовка обзорной части статьи, обобщение результатов и подготовка заключения.

Чернов Альберт Валентинович – 50% авторского вклада: планирование исследования, проведение исследования, анализ и интерпретация результатов.

Информация об авторах

Прохоров Александр Октябрьнович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация; WoS ResearcherID: M-9449-2013; Scopus Author ID: 23393491600; SPIN-код РИНЦ: 1658-6960; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8636-2576>; e-mail: Alexander.Prokhorov@kpfu.ru

Чернов Альберт Валентинович – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация; WoS ResearcherID: M-9116-2013; Scopus Author ID: 56439003700; SPIN-код РИНЦ: 4670-1867; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-8400>; e-mail: Albert.Chernov@kpfu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Эмоциональное здоровье личности: методика измерения трудностей личностной рефлексии эмоций

Ирина В. Белашева^{1*} , Павел Н. Ермаков²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: ibelasheva@ncfu.ru

Аннотация

Введение. В статье предложен новый инструмент, претендующий на охват различных синтетически объединенных процессных образований и их эффектов, лежащих в основе трудностей личностной рефлексии эмоций как внутриличностного предиктора развития состояний эмоционального нездоровья. **Целью** исследования являлась разработка и валидизация методики диагностики трудностей личностной рефлексии эмоций (ТЛРЭ). **Методы.** В исследовании приняли участие 1688 человек (62,26% женщин, 37,74% мужчин) в возрасте от 15 до 60 лет. В основу разработки утверждений методики ТЛРЭ была положена авторская модель исследовательского инструментария, представленная тремя компонентами, объединяющими семь параметров (шкал): несформированность способностей понимания и выражения своих эмоций (трудности осознания собственных чувств, трудности выражения эмоций); неустойчивость к эмоциональным нагрузкам (неспособность выдерживать (переносить) эмоции; склонность использовать физиологически ориентированные защиты); психологические механизмы, препятствующие эффективной рефлексии эмоций (запреты на эмоции; подавление эмоций; избегание эмоций). Для проверки конвергентной валидности методики использовались: опросник эмоциональной регуляции (Гросс, 2003), методика диагностики ценности и самоэффективности эмоционального контроля (Маусс, 2010), тест эмоционального интеллекта (Люсин, 2006), краткий пятифакторный опросник личности (Gosling, Rentfrow & Swann,

2003). Для статистического анализа данных вычислялись коэффициент α Кронбаха, критерий Кайзера-Майера-Олкина, коэффициент сферичности Бартлетта, критерий Пирсона; проводился эксплораторный факторный анализ. **Результаты.** Определен достаточный уровень надежности корреляционной матрицы, характеризующей структуру опросника, и внутренней согласованности его шкал. Группировка шкал в факторы соотносится с предложенной моделью исследовательского инструментария: трехкомпонентная структура (66,85% объясненной дисперсии), включающая семь параметров (шкал) (62,15% объясненной дисперсии). Подтверждена конвергентная валидность 6 шкал опросника. **Обсуждение результатов.** Методика ТЛРЭ является самостоятельным, надежным и валидным инструментом, позволяющим измерить степень выраженности трудностей личностной рефлексии эмоций за относительно короткий промежуток времени и сделать вероятностный прогноз развития состояний эмоционального нездоровья.

Ключевые слова

личностная рефлексия эмоций, эмоциональное здоровье, эмоциональные компетенции, регуляция эмоций, методика, надежность, валидность

Для цитирования

Белашева, И. В., Ермаков, П. Н. (2023). Эмоциональное здоровье личности: методика измерения трудностей личностной рефлексии эмоций. *Российский психологический журнал*, 20(3), 66–96. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.4>

Введение

Разработка измерительного инструмента, позволяющего получить данные о психологических (личностных) predispositions негативных сдвигов в эмоциональной жизни человека, необходима для решения прогностических задач мониторинга состояний эмоционального здоровья личности и определения направленности мероприятий психологической профилактики, а также поддерживающей, переучивающей и личностно-реконструктивной психологической интервенции.

Утрата личностью рефлексивного контакта со своими душевными состояниями и, соответственно, возможности не только понимать, но и управлять ими, имеет негативные последствия для эмоционального здоровья. Они подтверждаются соответствующими исследованиями алекситимии, эмоционального выгорания, невротических расстройств, деструктивных форм эмоционального реагирования (Брель, 2012; Шейнина, Третьякова, 2016; Искусных, 2015; Юткина, 2017; Гаранян, Холмогорова, 2017; Люсин, Овсянникова, 2013; Сысоева, 2009, 2013; Пряхина, 2017;

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Belasheva et al., 2018; Rottenberg, 2005; Direnfeld & Roberts, 2006; Bar-Haim, Lamy, Pergamin, Bakermans-Kranenburg & Van Ijzendoorn, 2007; Derryberry & Reed, 2002; Gross & John, 2003; Gross & Jazaieri, 2014; Gratz & Roemer, 2004; Lis, Greenfield, Henry, Guilé & Dougherty, 2007; Gard et al., 2007; Campbell-Sills & Barlow, 2007; Падун, 2015; Ermakov et al., 2022). Благодаря личностной рефлексии эмоций, предполагающей активность личности по сравнению с состоянием пассивной охваченности эмоциями (Башанаева, Шумилкина, 2016), происходит не только осознание текущих эмоций, но и понимание причин их появления, их направленности, определение стратегий их трансформации. Личностная рефлексия эмоций занимает центральное место в саморегуляции эмоциональных состояний человека (Прохоров, Чернов, 2012), является «ключом» к осознанности собственной жизни, условием развития личности, ее интеграции в общество, сохранения психического (Ingram, 1990) и психологического здоровья в целом.

Затруднения личностной рефлексии эмоций формируются под влиянием различных факторов. К ним относятся психотравмирующий опыт, особенности семейного воспитания, интериоризированные социокультурные установки, кризисное реагирование, специфический индивидуальный склад личности. Результативными эффектами трудностей личностной рефлексии эмоций выступают эмоциональная напряженность; нарушение баланса позитивных и негативных аффектов за счет накопления отрицательных эмоций; чрезмерное регулирование эмоций на физиологическом уровне (соматизация), индивидуальная уязвимость к эмоциональным расстройствам, появление невротических симптомов; снижение доверительности межличностных отношений и повышение дефицита социальных связей; переживание субъективного неблагополучия. Перечисленные эффекты по сути есть проявления эмоционального нездоровья, а сами трудности личностной рефлексии эмоций – его внутриличностные предикторы.

Цель нашей работы – разработка русскоязычной методики для исследования трудностей личностной рефлексии эмоций. Разработка должна осуществляться в соответствии со следующими требованиями:

1. Методика должна охватывать наиболее часто встречаемые трудности личностной рефлексии эмоций и обладать четкой концептуальной структурой;
2. Результаты методики должны отражать показатели степени выраженности той или иной трудности личностной рефлексии эмоций, суммарные показатели несформированности соответствующих способностей и степени выраженности психологических механизмов, блокирующих эффективную рефлексия эмоций, а также суммарные показатели, позволяющие сделать вероятностный прогноз развития состояний эмоционального нездоровья;
3. Методика должна быть удобной в использовании и для респондентов (содержать обоснованное количество стимульного материала, представленного в виде удобного регистрационно-опросного листа), и для исследователя

(зафиксированные в опросно-регистрационном листе данные могут подвергаться компьютерной обработке).

Теоретической базой для разработки методики диагностики трудностей личностной рефлексии эмоций (ТЛРЭ) стали представления, концепции и модели рефлексивных процессов (Карпов, 2001) и оздоравливающей (саногенной) рефлексии (Орлов, 2006); процессуальной эмоциональной регуляции (Gross, 2014) и ее дисфункциональных стратегий (Werner & Gross, 2010; Gross & Jazaieri, 2014; Sheppes, Suri & Gross, 2015; Aldao, Nolen-Hoeksema & Schweizer, 2010; Падун, 2015); многоуровневого строения системы эмоциональной регуляции и ее нарушений (Лебединский, Бардышевская, 2006); эмоционального интеллекта (Люсин, 2006; Zeidner & Olnick-Shemesh, 2010); влияния эмоциональных свойств и состояний личности на процессы переработки эмоциональной информации (Люсин, Овсянникова, 2013; Сысоева, 2013; Пряхина, 2017; Austin, 2004; Rusting, 1998; Segerstrom, 2001; Bar-Haim et al., 2007); многофакторности эмоциональных расстройств (Холмогорова, Гаранян, 2006); симптомокомплекса алекситимии, включающего трудности идентификации и описания чувств (Sifneos, Apfel-Savitz & Frankel, 1977; Taylor & Bagby, 2021; Провоторов, Кравченко, Будневский, Грекова, 1998; Искусных, 2015; Юткина, 2017; Соложенкин, Гузова, 1992; Брель, 2012); защитных механизмов как процессов интрапсихической адаптации личности в условиях травмирующего эмоционального напряжения (Bond, 1992; Пантिलеев, Жилина, 2009; Plutchik, Kellerman & Conte, 1979; Романова, Гребенников, 1996); эмоциональной устойчивости как способности выдерживать эмоции разной степени интенсивности, знака и модуса (Васильева, Филатов, 2018; Дубровина, 2015; Сиротин, 2018).

Анализ обозначенных концепций и представлений позволяет рассматривать трудности личностной рефлексии эмоций как характеристики свойств и состояний системы эмоциональных, когнитивных и личностных процессных образований и их результативных эффектов, функционирующих в динамическом единстве на основе нелинейного комплексного взаимовлияния и представленных на разных уровнях индивидуальности, снижающих осознанность и адекватность переживаний и поведения в условиях воздействия субъективно эмоциогенной информации.

В таблице 1 приведены конструкты процессных средств, связанные с личностной рефлексией эмоций (темперамент, защитные механизмы и копинги, когнитивная переработка эмоциональной информации, регуляция эмоций, эмоциональные компетенции), которые объединены в три группы, различающиеся по факторам детерминации, по значению для социальной адаптации субъекта, по лежащим в их основе процессам.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Таблица 1

Конструкты процессных средств, связанные с личностной рефлексией эмоций

Группа	Конструкт	Процессы и компоненты
Переносимость эмоций	темперамент	Совокупность динамических особенностей психической деятельности и поведения (активность, темп, ритм, интенсивность, эмоциональность и др.), имеющих связь с миром внутренних репрезентаций (мыслей, аффектов, воспоминаний и др.)
Автоматизированные защиты	защитные механизмы и копинги	Конструкты, описывающие способы работы сознания, модулирующие нежелательные разряды аффектов в ситуациях конфликта, стресса, травмы. Их основу составляют перцептивные, интеллектуальные и двигательные механизмы, которые обеспечивают последовательную переработку образа реальной ситуации для снижения травмирующего эмоционального напряжения
Осознание и регуляция эмоций	когнитивная переработка эмоциональной информации	Работа отдельных системных модулей когнитивной переработки информации, входящих в состав системы нисходящей переработки информации, определяемой индивидуальными особенностями субъекта, и системы восходящей переработки информации, определяемой информацией, поступающей на входы когнитивной системы
	регуляция эмоций	Автоматизированный процесс мониторинга, состоящий из двух основных компонентов: контроля, ориентированного на сравнение текущего состояния индивида с желаемым, и операционального процесса, ориентированного на сокращение расхождения между текущим и желаемым состоянием индивида
	эмоциональные компетенции	Система приобретенных процедурных навыков, являющихся по сути операциями, находящимися вне области осознания, и декларативных навыков, полученных в ходе жизненного опыта и обучения, к которым человек имеет осознанный доступ, может продемонстрировать и словесно описать

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

На основе конструкторов процессных средств нами была разработана модель исследовательского инструментария, включающая семь параметров (шкал): трудности осознания собственных чувств; трудности выражения эмоций; неспособность выдерживать (переносить) эмоции; склонность использовать физиологически ориентированные защиты; запреты на эмоции; подавление эмоций; избегание эмоций. Параметры объединены в три компонента: несформированность способностей понимания и выражения своих эмоций; неустойчивость к эмоциональным нагрузкам; психологические механизмы, препятствующие эффективной рефлексии эмоций (табл. 2).

Таблица 2

Модель исследовательского инструментария трудностей личностной рефлексии эмоций

КОМПОНЕНТЫ	несформированность способностей понимания и выражения своих эмоций	неустойчивость к эмоциональным нагрузкам	психологические механизмы, препятствующие эффективной рефлексии эмоций
ПАРАМЕТРЫ	трудности осознания собственных чувств трудности выражения эмоций	неспособность выдерживать (переносить) эмоции склонность использовать физиологически ориентированные защиты	запреты на эмоции подавление эмоций избегание эмоций

Выделение параметров (шкал) также обосновано данными консультативной психологической работы в рамках разных психотерапевтических подходов. Большинство подходов исходят из того, что рефлексивная проработка сложного эмоционального опыта и его факторов необходима для устранения симптомов, побуждающих клиентов идти на психотерапию. Стратегии работы с эмоциями в разных психотерапевтических подходах имеют общие черты и направлены на: осознание клиентом присутствия эмоции и контакт с ней до момента трансформации, на толерантность к эмоциям, на способность выражать эмоции, на преодоление психологических (подавление, избегание, запрет) и физиологически

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ориентированных защит от эмоций, затрудняющих как полноценное формирование и проживание эмоций, так и выдерживание (переносимость) эмоций (Jung, 1960; Stolorow, Brandchaft, Atwood, 1995; Laplace & Pontalis, 1998; Dayananda, 2002; Selvam, 2019).

Описание параметров (шкал) опросника ТЛРЭ:

- шкала ТОСЧ (*трудности осознания своих чувств*): затруднения в распознавании и описании своих чувств и эмоций и осознании их влияния на поведение и деятельность;
- шкала ТВЭ (*трудности выражения эмоций*): неспособность давать эмоциям адекватный выход и выражать эмоции в понятной для окружающих форме на основе «словаря» эмоций;
- шкала НВЭ (*неспособность выдерживать (переносить) эмоции*): низкая толерантность к интенсивным полярным эмоциям, неспособность пребывать в эмоции до момента ее трансформации, быстрая утомляемость в эмоциогенных ситуациях;
- шкала СИФОЗ (*склонность использовать физиологически ориентированные защиты*): склонность снимать эмоциональное напряжение лекарственными препаратами или другими веществами (алкоголь, никотин), физической нагрузкой, дыхательными упражнениями, едой; наличие выраженных физиологических защит от эмоций снижает способности выдерживать интенсивные полярные эмоции и быть в осознанном контакте с собственными эмоциями;
- шкала ЗЭ (*запреты на эмоции*): негативное отношение к эмоциям, запрет на их открытое проявление;
- шкала ПЭ (*подавление эмоций*): сдерживание переживаний и внешних проявлений чувств и эмоций;
- шкала ИЭ (*избегание эмоций*): избегание эмоций и ситуаций, провоцирующих их.

Поскольку компоненты и параметры исследовательского инструментария отражают трудности личностной рефлексии эмоций, базирующиеся на разных процессных образованиях, реализующихся как в поле сознания, так и в поле бессознательного, то и подходы к их измерению могут различаться. Тем не менее, как показывает анализ, в диагностике всех описанных в модели исследовательского инструментария процессных образований наряду с другими методами используются опросники, основанные на самоотчете испытуемых (опросники эмоционального интеллекта, эмоциональной регуляции, выраженности защитных механизмов, личностные опросники). Поэтому, на наш взгляд, наиболее удовлетворяющим задачам комплексного измерения трудностей личностной рефлексии эмоций является опросник.

Методы

Описание методики измерения трудностей личностной рефлексии эмоций

Для создания опросника «Трудности личностной рефлексии эмоций» (ТЛРЭ) были разработаны утверждения для измерения соответствующих параметров, представленных в таблице 2. В основу разработки утверждений опросника, направленных на измерение степени представленности психологических механизмов, препятствующих эффективной рефлексии эмоций, которые чаще всего не осознаются человеком, были положены идеи Bond (1992) о том, что человек может с достаточной степенью точности найти объяснение своему поведению через определенное время после события, даже если во время этого события его поведение не было осознанным; люди часто замечают проявления защитного поведения у других людей (Туник, 2010).

Принципы, по которым подбирались утверждения опросника ТЛРЭ:

- утверждения, выявляющие индивидуально характерный стиль поведения, связанный с личностной рефлексией эмоций, который человек может идентифицировать у себя самостоятельно (например, утверждение «Мне трудно выражать свои эмоции и чувства словами», связанное со способностью выражать эмоции, или утверждение «Мне помогают справиться с эмоциями физические (или дыхательные) упражнения», связанное со способностью переносить (выдерживать) эмоции);
- утверждения, построенные на выявлении трудностей личностной рефлексии эмоций через описание поведения человека окружающими (например, утверждение «Окружающие считают меня эмоционально сдержанным человеком», связанное со способностью выражать эмоции);
- утверждения в виде императивных высказываний, отражающие установки человека относительно эмоций (например, утверждение «Взрослый человек должен быть сдержанным в проявлении эмоций», связанное с запретами на эмоции).

Около 10% утверждений опросника были заимствованы из других стандартизированных методик, направленных на диагностику разных дефиниций личностной рефлексии эмоций: например, утверждение «Я могу распознать большинство своих чувств» из опросника эмоциональных навыков и компетенций Avsec et al. (2020); утверждение «Взрослый человек должен быть сдержанным в проявлении эмоций» близко соотносится с утверждением «Взрослые люди должны быть сдержаны в проявлении своих чувств» опросника «Запрет на выражение чувств» В. К. Зарецкого, А. Б. Холмогоровой, Н. Г. Гаранян (2006).

Утверждения опросника были подвергнуты *экспертной оценке* на предмет их соответствия параметрам, отражающим трудности личностной рефлексии

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

эмоций. В экспертизе приняли участие 6 экспертов (один доктор психологических наук, 5 кандидатов психологических наук, один из которых является специалистом по профайлингу, другой – по телесно-ориентированной психотерапии, третий – по патопсихологической и нейропсихологической диагностике), которым было предложено оценить утверждения из опросника по четырехбалльной шкале (0 – не соответствует, 1 – скорее не соответствует, 2 – скорее соответствует, 3 – полностью соответствует). По результатам работы экспертной группы был получен средний балл для каждого утверждения, который учитывался при их отборе для окончательной версии опросника: в опросник вошли утверждения, независимые оценки которых экспертами носили согласованный характер со средним баллом не ниже 2,6. В первоначальной версии опросника было 32 утверждения. Четыре утверждения были исключены.

Разработанный опросник является опросником закрытого типа и содержит 28 утверждений (табл. 9). Для каждого из семи параметров предусматривается по четыре суждения (утверждения). Вербальные ответы опираются на набор суждений (утверждений) о наличии и степени выраженности изучаемого признака с использованием шкалы «согласен» – «скорее согласен» – «скорее не согласен» – «не согласен». Ответы испытуемого сводятся к обозначению нужного варианта простыми символами (крестик, кружочек и т. п.) в опросном бланке.

Для подсчета баллов используются ключи, согласно которым пункты (утверждения) опросника относятся к определенной шкале (параметру). В опроснике есть прямые (89,3%) и обратные (10,7%) пункты. Все пункты, относящиеся к определенной шкале, равнозначны. Ответы испытуемых кодируются по следующей схеме:

- для утверждений с прямым ключом: «согласен» – 4, «скорее согласен» – 3, «скорее не согласен» – 2, «не согласен» – 1;
- для утверждений с обратным ключом: «согласен» – 1, «скорее согласен» – 2, «скорее не согласен» – 3, «не согласен» – 4.

Значения по шкалам получаются путем простого суммирования соответствующих баллов.

Описание выборки

Исследование валидности и надежности методики ТЛРЭ проводилось на выборке из 1688 респондентов (преподаватели и учащиеся 10-11 классов школ Ставропольского края, студенты, магистранты и преподаватели вузов РФ (г. Ставрополь, г. Ростов-на-Дону, г. Курск, г. Санкт-Петербург, г. Москва), сотрудники организаций, банков, силовых структур, спасатели, врачи. В таблице 3 представлены гендерно-возрастные показатели выборки.

Таблица 3
Гендерно-возрастные показатели выборки

Пол	женский	мужской	
Кол-во	1051	637	
Возраст*	Подростковый и юношеский возраст (15 – 19 лет)	Ранняя зрелость (20 – 39 лет)	Средняя зрелость (40 – 60 лет)
Кол-во	737	823	128

Примечание. *Разделение выборки на возрастные группы осуществлено в соответствии с классификацией Реана (2013).

Психодиагностические методики для оценки конвергентной валидности опросника ТЛРЭ

Оценка конвергентной валидности (основной составляющей конструктивной валидности) опросника ТЛРЭ осуществлялась с использованием шкал следующих психодиагностических методик, изучающих, исходя из теоретических предположений, близкие феномены:

- опросник «*Emotion Regulation Questionnaire*» (ERQ) (Gross & John, 2003), адаптированный Панкратовой (2017), направленный на диагностику двух стратегий эмоциональной регуляции: когнитивной переоценки (cognitive reappraisal) и подавления экспрессии (expressive suppression); состоит из 10 утверждений, оцениваемых по семибальной шкале; шкала опросника «подавление экспрессии» выявляет регулятивную стратегию, ориентированную на сдерживание внешних проявлений уже возникшей эмоциональной реакции и теоретически частично соотносится со шкалой «подавление эмоций» опросника ТЛРЭ;
- опросниковая методика диагностики ценности и самооффективности эмоционального контроля «*Emotion Control Values*» (ECV) (Mauss, Butler, Roberts & Chu, 2010), адаптированная Панкратовой (2015): состоит из 15 утверждений, по которым респондентам необходимо отметить степень своего согласия; две шкалы опросника предположительно частично соотносятся с шкалой «трудности осознания собственных чувств» опросника ТЛРЭ;

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- *тест эмоционального интеллекта (ЭМИн) Люсина (2006)* – опросниковая психодиагностическая методика, состоящая из 46 утверждений, оценивающая эмоциональный интеллект по четырем шкалам и пяти субшкалам; шкала «внутриличностный эмоциональный интеллект» и составляющие ее субшкалы («понимание своих эмоций», «управление своими эмоциями») теоретически могут соотноситься с группой шкал, входящих в комплексный показатель «несформированность способностей понимания и выражения своих эмоций» («трудности осознания собственных чувств», «трудности выражения эмоций») и показатель «неустойчивость к эмоциональным нагрузкам» («склонность использовать физиологически ориентированные защиты», «неспособность выдерживать (переносить) эмоции») опросника ТЛРЭ;
- *краткий пятифакторный опросник личности (TIPI-RU) (Gosling, Rentfrow & Swann, 2003)*, адаптированный Сергеевой, Кирилловым и Джумагуловой (2016), состоящий из 10 утверждений (личностных качеств), оцениваемых респондентами по семибалльной шкале; шкалы теоретически могут коррелировать со шкалами опросника ТЛРЭ ввиду преимущественно личностного характера трудностей рефлексии эмоций.

Методы анализа данных

Статистическая обработка полученных в исследовании данных проводилась с использованием программного обеспечения SPSS 27.0; вычислялись коэффициенты α Кронбаха, критерий Кайзера-Майера-Олкина (КМО), коэффициент сферичности Бартлетта, критерий Пирсона, критерий Краскала-Уоллиса, t-критерий для независимых выборок, Хи-квадрат, z-преобразование; описательные статистики; проводился эксплораторный факторный анализ (на основе использования метода главных компонент, вращение по методу Варимакс с нормализацией Кайзера). Статистическая достоверность считалась при уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты

Исследование валидности и надежности методики ТЛРЭ проходило в несколько этапов.

На первом этапе была проведена **оценка качества выборки и внутренней согласованности семишкальной структуры опросника ТЛРЭ.**

Для оценки исходной выборки на предмет соответствия нормальному распределению были использованы критерии Шапиро-Уилка и Колмогорова-Смирнова (табл. 4). Полученные результаты свидетельствуют, что все шкалы опросника ТЛРЭ соответствуют нормальному распределению.

Таблица 4

Соответствие выборки нормальности распределения по шкалам опросника ТЛРЭ

Шкала	Критерий Шапиро-Уилка	Критерий Колмогорова-Смирнова
Подавление эмоций (ПЭ)	0,9706***	0,1191***
Избегание эмоций (ИЭ)	0,9872***	0,0919***
Трудности осознания собственных чувств (ТОСЧ)	0,9569***	0,1412***
Склонность использовать физиологически ориентированные защиты (СИФОЗ)	0,9623***	0,1224***
Неспособность выдерживать (переносить) эмоции (НВЭ)	0,9706***	0,1190***
Трудности выражения эмоций (ТВЭ)	0,9872***	0,0919***
Запреты на эмоции (ЗЭ)	0,9685***	0,1085***

Примечание. Уровень значимости * $0,05 < p < 0,10$; ** $0,01 < p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Для оценки внутренней согласованности шкал опросника ТЛРЭ были определены значения парных коэффициентов корреляции Пирсона (табл. 5). Значения парных коэффициентов корреляции по всем шкалам не превышает 0,7 при уровне значимости $p < 0,05$. Это позволяет сделать вывод об отсутствии коллинеарности и тесной связи между шкалами и, как следствие, о том, что уменьшения размерности или исключения шкал не требуется.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Таблица 5

Матрица парных коэффициентов корреляции* между шкалами опросника ТЛРЭ

Шкала	Подавление эмоций	Избегание эмоций	Трудности осознания собственных чувств	Склонность использовать физиологически ориентированные защиты	Неспособность выдерживать эмоции	Трудности выражения эмоций	Запреты на эмоции
Подавление эмоций	1,000	0,507	0,269	0,168	0,227	0,437	0,543
Избегание эмоций	0,507	1,000	0,158	0,212	0,262	0,347	0,400
Трудности осознания собственных чувств	0,269	0,157	1,000	0,162	0,241	0,386	0,273
Склонность использовать физиологически ориентированные защиты	0,168	0,212	0,162	1,000	0,233	0,247	0,209
Неспособность выдерживать (переносить) эмоции	0,227	0,262	0,241	0,233	1,000	0,269	0,262
Трудности выражения эмоций	0,437	0,347	0,386	0,247	0,269	1,000	0,358
Запреты на эмоции	0,543	0,400	0,2737	0,209	0,262	0,358	1,000

Примечание. * Уровень значимости корреляций $p < 0,05$.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Адекватность выборки и внутренняя согласованность структуры опросника также подтверждаются значением критерия Кайзера-Майера-Олкина (КМО), которое превышает 0,7 (расчетное значение 0,812), и значением коэффициента сферичности Бартлетта (значение Хи-квадрат составляет 1746,42, что соответствует уровню статистической значимости 0,001) (табл. 6).

Таблица 6

Расчетные коэффициенты адекватности выборки

Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО)		0,812
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	1746,421
	Значимость	0,000

Полученные результаты подтверждают достаточный уровень надёжности корреляционной матрицы, характеризующей структуру опросника.

Оценка *внутренней согласованности по показателю α Кронбаха* показала следующее: по пяти шкалам (избегание эмоций (ИЭ), трудности осознания собственных чувств (ТОСЧ), склонность использовать физиологически ориентированные защиты (СИФОЗ), неспособность выдерживать (переносить) эмоции (НВЭ), трудности выражения эмоций (ТВЭ)) значение α Кронбаха превышает 0,7; по двум шкалам (подавление эмоций (ПЭ) и запреты на эмоции (ЗЭ)) значение α Кронбаха находится в допустимых пределах (превышает 0,65); общее значение α Кронбаха составляет 0,749 (табл. 7). Это позволяет сделать вывод об удовлетворительном уровне внутренней согласованности шкал опросника ТЛРЭ.

Таблица 7

Психометрические характеристики шкал опросника ТЛРЭ*

Шкала	Подавление эмоций	Избегание эмоций	Трудности осознания собственных чувств	Склонность использовать физиологически ориентированные защиты	Неспособность выдерживать (переносить) эмоции	Трудности выражения эмоций	Запреты на эмоции
α Кронбаха	0,689	0,711	0,736	0,752	0,737	0,701	0,698

Примечание. * Итоговые расчеты для опросника: α Кронбаха = 0,749407; стандартизованное α = 0,744315; средняя межпозиционная корреляция = -0,298058.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Применение эксплораторного факторного анализа к 28 утверждениям опросника ТЛРЭ позволило воспроизвести структуру из 7 шкал и определить значимость вклада каждого утверждения в соответствующую шкалу. Семифакторное решение объясняет 62,15% объясненной дисперсии: первый фактор охватывает 17,9% дисперсии, второй – 14,9%, третий – 8,8%, четвертый – 6,51%, пятый – 5,24%, шестой – 4,64%, седьмой – 4,16%. Целесообразность семифакторного решения подтверждают и значения критерия Кайзера-Майера-Олкина (КМО) (превышает 0,7) и коэффициента сферичности Бартлетта (статистически значимо на уровне 0,001) (табл. 8).

Таблица 8

Расчетные коэффициенты адекватности выборки для семифакторного решения

Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО)		,859
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	8955,511
	ст.св.	378
	Значимость	,000

В табл. 9 представлены значения коэффициентов эксплораторного факторного анализа (анализ методом главных компонент с последующим Варимакс-вращением с нормализацией Кайзера), показывающие, с каким весом шкала входит в тот или иной фактор.

Таблица 9

Результаты эксплораторного факторного анализа утверждений опросника ТЛРЭ. Повернутая матрица компонентов.

Утверждения опросника	Ключ	Компонент						
		1	2	3	4	5	6	7
Я могу распознать большинство своих чувств	ТОСЧ	-,195	,643	,418	,031	,020	,053	-,107
Я не умею давать выход своим эмоциям	ТВЭ	,207	,427	,501	-,061	-,013	-,036	-,080
Я могу испытывать очень сильные эмоции	НВЭ	,110	,237	,034	,034	,630	-,074	,044

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Утверждения опросника	Ключ	Компонент						
		1	2	3	4	5	6	7
Взрослый человек должен быть сдержанным в проявлении эмоций	ЗЭ	,637	-,187	-,172	,237	,067	-,053	-,083
Я слежу за тем, чтобы внешне не показывать свои эмоции	ПЭ	,425	,112	,205	,430	-,067	-,153	-,026
В стрессовой ситуации я начинаю думать о чем-нибудь другом	ИЭ	,187	,206	,234	-,016	,044	-,092	,643
Эмоциональные переживания отражаются на моем физическом самочувствии	НВЭ	-,037	,073	,240	-,076	,687	,068	,213
Чтобы справиться с эмоциями, я использую лекарственные препараты	СИФОЗ	,073	,265	,197	,031	-,241	,527	,153
Мне трудно описать эмоции, которые я сейчас испытываю	ТОСЧ	,086	,632	,437	,044	-,163	,258	,100
Окружающие считают меня эмоционально сдержанным человеком	ТВЭ	,308	,314	,552	,209	,112	-,274	-,071
Я не могу подолгу переживать о чем-то	НВЭ	,067	-,141	-,061	,159	,442	,036	,269

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Утверждения опросника	Ключ	Компонент						
		1	2	3	4	5	6	7
Открыто радоваться и смеяться при людях – это дурной тон	ЗЭ	,613	,143	,192	-,043	,111	,295	,199
Когда я радуюсь, то стараюсь держать себя в руках	ПЭ	,454	,174	,273	,492	,112	-,062	,092
Я стараюсь избегать конфликтные ситуации и конфликтных людей	ИЭ	,112	,070	,168	,401	-,095	-,354	,407
Лучше всего эмоциональное напряжение у меня снимается алкоголем (или курением)	СИФОЗ	,086	,199	,115	,088	-,062	,671	-,056
Для меня хорошая еда – это лучшее лекарство от стресса	СИФОЗ	-,037	,151	,054	,094	-,079	,494	,068
Часто я ничего не чувствую	ТОСЧ	,189	,554	,421	,162	,134	,200	,050
Мне трудно выражать свои эмоции и чувства словами	ТВЭ	,155	,417	,717	,032	-,121	,035	-,001
Эмоциональные люди не внушают уважения	ЗЭ	,552	,036	,114	,050	,117	,325	,164
Я стараюсь подавлять в себе отрицательные эмоции	ПЭ	,214	,165	,181	,699	,071	,012	,048

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Утверждения опросника	Ключ	Компонент						
		1	2	3	4	5	6	7
Я стараюсь избегать сильные положительные эмоции (радость, ликование)	ИЭ	,462						
Мне помогают справиться с эмоциями физические (или дыхательные) упражнения	СИФОЗ	-,024	-,062	-,219	,152	-,086	,384	,368
В стрессовой ситуации я ничего не чувствую кроме усталости	НВЭ	,106	,404	,342	,057	,503	,136	,344
Эмоции влияют на мое поведение и деятельность	ТОСЧ	,137	,524	,387	-,101	,440	-,007	-,029
Окружающие не понимают, что я переживаю на самом деле	ТВЭ	,177	,412	,429	,197	-,340	,007	,035
Эмоции мешают делу и затрудняют общение	ЗЭ	,513	,206	,171	,251	-,219	,146	,044
Я подавляю в себе страх, тревогу, гнев и агрессию усилием воли	ПЭ	,159	,013	,050	,728	,025	,137	,011
Я стараюсь избегать отрицательные эмоции и ситуации, провоцирующие их	ИЭ	,100	-,011	-,026	,410	-,055	-,208	,413

Примечание. Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 8 итераций. Выделены факторные нагрузки пунктов, которые вошли в фактор.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Первый фактор объединяет 4 пункта, разработанные нами для шкалы «запрет на эмоции» (ЗЭ); также определенный вклад в него вносят утверждения, теоретически относящиеся к шкалам «подавление эмоций» (ПЭ) и «избегание эмоций» (ИЭ).

Во *второй фактор* с высоким весом вошли 4 утверждения, отражающие трудности осознания собственных чувств (ТОСЧ), и с весами более 0,4 утверждения, относящиеся к шкалам «трудности выражения эмоций» (ТВЭ) и «неспособность выдерживать (переносить) эмоции» (НВЭ);

Третий фактор включает все утверждения, характеризующие трудности выражения чувств (ТВЭ); определенный вклад в него вносят утверждения, разработанные для шкалы «Трудности осознания собственных чувств» (ТОСЧ).

Четвертый фактор охватывает 4 утверждения, теоретически относящиеся к шкале «подавление эмоций» (ПЭ), и с меньшими весами (но более 0,4) утверждения, отражающие тенденции избегания эмоций (ИЭ).

Пятый фактор включает 4 утверждения, предположительно относящиеся к шкале «неспособность выдерживать (переносить) эмоции» (НВЭ) и 1 утверждение, относящееся к шкале «Трудности осознания собственных чувств» (ТОСЧ).

В *шестой фактор* с наибольшими весами вошли утверждения, отражающие склонность использовать физиологически ориентированные защиты (СИФОЗ).

Седьмой фактор объединяет 4 утверждения, характеризующих тенденцию избегания эмоций (ИЭ).

Таким образом, наиболее весомый и статистически значимый вклад каждое утверждение опросника вносит в ту шкалу, к оценке которой оно теоретически было отнесено (см. ключ, табл. 9).

Существуют «перехваты» по утверждениям между разными факторами. Наиболее значимые из них между 2-м фактором («трудности осознания собственных чувств» (ТОСЧ)) и 3-м фактором («трудности выражения эмоций» (ТВЭ)): «Окружающие не понимают, что я переживаю на самом деле» (ТВЭ), «Часто я ничего не чувствую» (ТОСЧ), «Я не умею давать выход своим эмоциям» (ТВЭ); между 1-м фактором («запреты на эмоции» (ЗЭ)) и 4-м фактором («подавление эмоций» (ПЭ)): «Когда я радуюсь, то стараюсь держать себя в руках» (ПЭ), «Я слежу за тем, чтобы внешне не показывать свои эмоции» (ПЭ); между 1-м фактором («запреты на эмоции» (ЗЭ)) и 7-м фактором («избегание эмоций» (ИЭ)): «Я стараюсь избегать сильные положительные эмоции» (ИЭ); между 4-м («подавление эмоций» (ПЭ)) и 7-м фактором («избегание эмоций» (ИЭ)): «Я стараюсь избегать отрицательные эмоции и ситуации, провоцирующие их» (ИЭ). Вклады утверждений опросника ТЛРЭ в шкалы, не совпадающие с ключом, менее значимы, чем в шкалы в соответствии с ключом. Тем не менее они свидетельствуют о «детерминационной» близости защитных механизмов избегания, запрета и подавления, а также трудностей осознания и выражения эмоций.

Таким образом, значения всех статистических характеристик структуры опросника ТЛРЭ и согласованности его шкал подтверждают его семифакторную структуру и обоснованность включения утверждений опросника в соответствующие шкалы, а полученные «перехваты» утверждений между шкалами дополнительно свидетельствуют о близости описываемых шкалами феноменов в соответствии с предложенной нами структурной моделью трудностей личностной рефлексии эмоций.

На втором этапе для **проверки предложенной нами трехкомпонентной теоретической структурной модели трудностей личностной рефлексии эмоций** был проведен эксплораторный факторный анализ с использованием метода главных компонент (РСА). Трехфакторное решение объясняет 66,85% объясненной дисперсии (первый фактор охватывает 40,3% дисперсии, второй – 14,0%, третий – 12,6%). Следовательно, семь шкал опросника ТЛРЭ целесообразно объединить в три фактора. Это подтверждают и значения критерия Кайзера-Майера-Олкина (КМО) (превышает 0,7) и коэффициента сферичности Бартлетта (статистически значимо на уровне 0,001) для трехфакторного решения (табл. 10).

Таблица 10

Расчетные коэффициенты адекватности выборки для трехфакторного решения

Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО)		,799
	Примерная Хи-квадрат	2247,588
Критерий сферичности Бартлетта	ст.св.	21
	Значимость	,000

Для того чтобы отнести каждую из шкал опросника ТЛРЭ к одному из трех факторов, нами были определены значения коэффициентов эксплораторного факторного анализа (анализ методом главных компонент с последующим Варимакс-вращением с нормализацией Кайзера), показывающие, с каким весом шкала входит в тот или иной фактор (табл. 11).

Шкалы, факторные нагрузки которых превышают 0,7 или находятся в допустимых пределах, объединяются в соответствующие группы (факторы):

- в 1-ую группу (фактор) вошли шкалы «подавление эмоций» (ПЭ), «избегание эмоций» (ИЭ), «запреты на эмоции» (ЗЭ);
- во 2-ую группу (фактор) вошли шкалы «трудности осознания собственных чувств» (ТОСЧ) и «трудности выражения эмоций» (ТВЭ);

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- в 3-ю группу (фактор) вошли шкалы «склонность использовать физиологически ориентированные защиты» (СИФОЗ) и «неспособность выдерживать (переносить) эмоции» (НВЭ).

Таблица 11

Повернутая матрица компонент*

Шкала	Компонент		
	1	2	3
Подавление эмоций (ПЭ)	0,829	0,227	0,030
Избегание эмоций (ИЭ)	0,785	-0,037	0,223
Трудности осознания собственных чувств (ТОСЧ)	0,075	0,908	0,096
Склонность использовать физиологически ориентированные защиты (СИФОЗ)	0,099	0,004	0,876
Неспособность выдерживать (переносить) эмоции (НВЭ)	0,273	0,290	0,712
Трудности выражения эмоций (ТВЭ)	0,336	0,681	0,214
Запреты на эмоции (ЗЭ)	0,726	0,232	0,123

Примечание. *Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 5 итераций.

Такая группировка шкал в группы (факторы) соотносится с предложенной нами моделью исследовательского инструментария трудностей личностной рефлексии эмоций, в соответствии с которой 1-ый фактор – это психологические механизмы, препятствующие эффективной рефлексии эмоций (ПЭ, ИЭ, ЗЭ); 2-ой фактор – несформированность способностей понимания и выражения своих эмоций (ТОСЧ, ТВЭ); 3-й фактор – неустойчивость к эмоциональным нагрузкам (СИФОЗ, НВЭ).

Результаты статистического анализа показывают, что внутренняя структура проанализированного набора утверждений является достаточно сильной и легко поддается осмысленной интерпретации, которая соответствует теоретической структурной модели трудностей личностной рефлексии эмоций, положенной в основу разработки опросника ТЛРЭ. Подавляющее большинство утверждений вносят высокий вклад в соответствующую им шкалу, а шкалы имеют высокие нагрузки на соответствующий им фактор. Таким образом, содержательная интерпретация опросника ТЛРЭ возможна на основе семи шкал, объединяющихся в три суммарных показателя трудностей личностной рефлексии эмоций.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

На *третьем* этапе исследовалась **конвергентная валидность опросника ТЛРЭ**, которая определялась через оценку значений коэффициентов корреляции шкал опросника ТЛРЭ со шкалами других методик, изучающих близкие феномены, исходя из наших теоретических предположений (Анастаси, Урбина, 2003).

Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 12, куда внесены шкалы психодиагностических методик, которые показали достоверные корреляционные связи со шкалами опросника ТЛРЭ.

Таблица 12

Корреляции шкал опросника ТЛРЭ со шкалами методик, измеряющих близкие феномены

	1	2	3	4			
Шкалы опросника ТЛРЭ	Подав- ление экспрес- сии	Сам- оэффе- ктивность эмоцио- нального контроля	Пони- мание своих эмо- ций	Внут- рилич- ностный эмоцио- нальный интел- лект	Друже- любие	Экстра- вер- тиро- ван- ность	Эмоцио- нальная стабиль- ность
Подав- ление эмоций	0,297	-0,169	-0,216	-0,078	-0,1934	-0,131	-0,065
Избегание эмоций	0,026	-0,120	-0,104	-0,096	-0,136	-0,094	-0,101
Трудности осознания собст- венных чувств	0,0716	-0,522	-0,505	-0,059	-0,148	-0,071	-0,031
Склон- ность исполь- зовать физио- логически ориен- тиро- ванные защиты	0,029	-0,127	-0,131	-0,382	-0,048	-0,076	-0,080

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

	1	2	3	4			
Шкалы опросника ТЛРЭ	Подав- ление экспрес- сии	Сам- оэффек- тивность эмоцио- нального контроля	Пони- мание своих эмо- ций	Внут- рилич- ностный эмоцио- нальный интел- лект	Друже- любие	Экстра- вер- тиро- ван- ность	Эмоцио- нальная стабиль- ность
Неспособ- ность выдер- живать (пере- носить) эмоции	0,072	-0,133	-0,093	-0,054	-0,299	-0,216	-0,364
Трудности выражения эмоций	0,068	-0,160	-0,116	-0,017	-0,330	-0,245	-0,204
Запреты на эмоции	-0,004	-0,116	-0,090	-0,068	-0,613	-0,528	-0,181

Примечание. 1 – опросник Гросса; 2 – методика Маусс; 3 – тест ЭМИн Люсина; 4 – TIPI-RU; для всех корреляций $p < 0,01$.

Анализ корреляционных связей между шкалами опросника ТЛРЭ и шкалами методик, измеряющих близкие к трудностям личностной рефлексии эмоций феномены, подтверждает конвергентную валидность опросника ТЛРЭ: шкала опросника ТЛРЭ «подавление эмоций» положительно коррелирует со шкалой «подавление экспрессии» опросника Гросса; шкала «трудности осознания собственных чувств» отрицательно коррелирует со шкалой «самоэффективность эмоционального контроля» методики Маусс и шкалой «понимание собственных эмоций» опросника ЭМИн Люсина, шкала «склонность использовать физиологически ориентированные защиты» отрицательно коррелирует с комплексным показателем «внутриличностный эмоциональный интеллект» опросника ЭМИн Люсина, что логично, поскольку наличие выраженных физиологических защит от эмоций снижает способность человека быть в осознанном контакте с собственными эмоциями; шкала «неспособность выдерживать (переносить) эмоции» отрицательно коррелирует со шкалой эмоциональной устойчивости опросника TIPI-RU, а также со шкалами «дружелюбие» и «экстравертированность» этой методики; с этими же шкалами опросника TIPI-RU отрицательно коррелируют шкала «трудности выражения эмоций» и шкала «запреты на эмоции», что укладывается в представления о том, что

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

проблемы построения доверительных, дружелюбных, открытых контактов с другими людьми имеют внутриличностную predisposition, связанную с трудностями эмоционального самовыражения и наличием блоков на свободное проявление эмоций.

На четвертом этапе исследовалась **чувствительность методики ТЛРЭ к факторам «пол» и «возраст»**. Так как показатель «пол» является бинарным, то различия между мужской и женской выборками по шкалам опросника ТЛРЭ определялись на основе использования t-критерия для независимых выборок (табл. 13).

Таблица 13

Различия по шкалам опросника ТЛРЭ по полу и возрасту*

Шкала ТЛРЭ	Пол		Возраст	
	t-значение	Краскала-Уоллиса	Chi-квадрат	
Подавление эмоций	1,25887	6,5183*	9,3480***	
<i>Значения p-value</i>	<i>0,20825</i>	<i>0,1722</i>	<i>0,1875</i>	
Избегание эмоций	-0,84063	6,353*	9,8687***	
<i>Значения p-value</i>	<i>0,40067</i>	<i>0,1135</i>	<i>0,1445</i>	
Трудности осознания собственных чувств	-0,44213	1,4985	3,8939	
<i>Значения p-value</i>	<i>0,65845</i>	<i>0,4727</i>	<i>0,1427</i>	
Склонность использовать физиологически ориентированные защиты	-2,78514***	6,390*	9,357***	
<i>Значения p-value</i>	<i>0,00541</i>	<i>0,0410</i>	<i>0,0093</i>	
Неспособность выдерживать (переносить) эмоции	-0,59129	0,018	1,945	
<i>Значения p-value</i>	<i>0,55440</i>	<i>0,9910</i>	<i>0,3780</i>	
Трудности выражения эмоций	-0,04240	0,809	0,4932	

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Шкала ТЛРЭ	Пол		Возраст	
	t-значение	Краскалла-Уоллиса	Хи-квадрат	
Значения <i>p-value</i>	0,96618	0,6670	0,7814	
Запреты на эмоции	0,51864	2,167	4,157	
Значения <i>p-value</i>	0,60407	0,3383	0,1251	

Примечание. *Уровень значимости: * $0,05 < p < 0,10$; ** $0,01 < p < 0,05$; *** $p < 0,01$; в таблице приведены значения *p-value*.

Результаты анализа подтвердили значимые различия мужской и женской выборки по шкале «склонность использовать физиологически ориентированные защиты» (СИФОЗ). Анализ средних значений по шкале показывает, что в наибольшей степени эта склонность характерна для мужчин.

Для определения различий по шкалам опросника ТЛРЭ между выделенными тремя возрастными группами был использован критерий Краскалла-Уоллиса и медианный тест (табл. 13), поскольку его целесообразно использовать для трех и более групп сравнения. Для снятия ограничений по объему выборки (обычно эти критерии используют для небольших выборок) при проведении расчетов было проведено z-преобразование. Статистически значимые различия между выделенными 3-мя возрастными группами (15–19 лет; 20–39 лет; 40–60 лет (табл. 3)) были обнаружены по шкалам «подавление эмоций» (ПЭ), «избегание эмоций» (ИЭ) и «склонность использовать физиологически ориентированные защиты» (СИФОЗ) (табл. 13). Анализ описательных статистик показывает, что у респондентов 40–60 лет (возраст средней зрелости) чаще встречается склонность к физиологическим защитами от эмоций, подавлению эмоций и избеганию эмоций.

Обсуждение результатов

В результате исследования на репрезентативной выборке респондентов и статистического анализа его данных показана психометрическая обоснованность разработанной методики оценки трудностей личностной рефлексии эмоций (ТЛРЭ). Подтвержден предложенный нами конструкт исследовательского инструментария, включающий 7 шкал (трудности осознания собственных чувств; трудности выражения эмоций; неспособность выдерживать (переносить) эмоции; склонность использовать физиологически ориентированные защиты; запреты на эмоции; подавление эмоций; избегание эмоций), сгруппированных в три комплексных показателя (несформированность способностей понимания и выражения своих эмоций; неустойчивость к эмоциональным нагрузкам; психологические механизмы, препятствующие эффективной рефлексии эмоций).

Выявленные в ходе анализа вклады некоторых утверждений опросника ТЛРЭ не только в соответствующую теоретически предложенную шкалу, но и в другие его шкалы, имеют свое логическое объяснение и не снижают диагностической ценности шкал опросника ТЛРЭ, так как, во-первых, вклады утверждений опросника в соответствующие ключу шкалы высоки, во-вторых, шкалы, между которыми существуют «перехваты» по обсуждаемым утверждениям, относятся к одному комплексному показателю (теоретически предположенному и статистически подтвержденному эксплораторным факторным анализом).

Подтверждена конвергентная валидность опросника ТЛРЭ через корреляционный анализ его шкал с соответствующими шкалами опросниковых методик, измеряющих феномены, близкие к трудностям личностной рефлексии эмоций. Ожидался более высокий коэффициент корреляции между шкалой «подавление эмоций» опросника ТЛРЭ и шкалой «подавление экспрессии» опросника Гросса (2003). Вероятно, это связано с большей ориентацией утверждений опросника Гросса, оценивающих стратегию регуляции эмоций «подавление экспрессии», на внешние проявления эмоций, их демонстрацию, чем на внутренний рефлексивный контакт с ними. Не обнаружены корреляции шкалы «трудности осознания собственных чувств» опросника ТЛРЭ со шкалой «внутриличностный эмоциональный интеллект» опросника ЭИИн Люсина (Люсин, 2006), включающей в себя субшкалы «понимание своих эмоций» и «управление своими эмоциями», при этом с субшкалой «понимание своих эмоций» отрицательные корреляции ожидаемо высокие и значимые. Шкала «трудности выражения эмоций» опросника ТЛРЭ не связана со шкалами и субшкалами эмоционального интеллекта, однако коррелирует со шкалами – личностными характеристиками опросника TIPI-RU ((Gosling, Rentfrow & Swann, 2003), адаптированного Сергеевой, Кирилловым и Джумагуловой (2016)): интроверсией, эмоциональной нестабильностью, антагонизмом по отношению к другим людям, что подтверждает личностный характер трудностей рефлексивного контакта с собственными эмоциями. Шкала «избегание эмоций» не коррелирует ни с одной из шкал используемых психодиагностических методик. Эта шкала отражает стремление человека не погружаться в эмоциональные переживания и избегать ситуации, провоцирующие их, то есть связана с личностной блокировкой рефлексии эмоций и соответствующей поведенческой стратегией. Возможна проверка этой шкалы в последующих исследованиях через использование теста Томаса–Килманна на определение способов (стратегий) поведения в конфликтных ситуациях (шкала «избегание»), копинг-теста Лазаруса и Фолкмана (шкала «бегство–избегание») и др.

Подтверждена диагностическая чувствительность разработанного инструментария к факторам «пол» и «возраст». К фактору «пол» чувствительна шкала «склонность использовать физиологически ориентированные защиты». К фактору «возраст» (речь идет о трех возрастных группах, выделяемых в возрастном промежутке от 15 до 60 лет) чувствительны шкалы «подавление эмоций», «избегание эмоций», «склонность использовать физиологически ориентированные защиты».

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

К достоинствам методики можно отнести то, что ее конструкт уточняет научные представления (Гаранян, Холмогорова, 2017; Люсин, Овсянникова, 2013; Сысоева, 2009, 2013; Пряхина, 2017; Belasheva et al., 2018; Rottenberg, 2005; Dirlenfeld & Roberts, 2006; Bar-Haim et al., 2007; Derryberry & Reed, 2002; Gross & John, 2003; Gross & Jazaieri, 2014; Gratz & Roemer, 2004; Lis et al., 2007; Gard et al., 2007; Campbell-Sills & Barlow, 2007; Падун, 2015; Андреева, 2006; Либин, 2000; Люсин, 2004; Виленская, 2020; Rothbart, Sheese, Posner & Voelker 2014) о процессных образованиях, лежащих в основе трудностей личностной рефлексии эмоций как внутриличностных предикторов и индикаторов развития состояний эмоционального нездоровья, и позволяет измерить степень их выраженности за относительно короткий промежуток времени, что важно для практических целей психологического консультирования и коррекции.

Дальнейшая работа по уточнению конструкта, тестовых норм и формулировок утверждений по шкалам методики ТЛРЭ может быть связана с описанием результатов пошаговой проверки шкал с пороговыми значениями α Кронбаха на предмет утверждений, снижающих согласованность шкал; проверкой конвергентной валидности шкалы «избегание эмоций»; определением ретестовой валидности методики; определением различий по степени выраженности трудностей личностной рефлексии эмоций у представителей разных профессий.

Литература

- Анастаси, А., Урбина, С. (2003). *Психологическое тестирование (7-е изд.)*. Питер.
- Андреева, И. Н. (2006). Эмоциональный интеллект: исследования феномена. *Вопросы психологии*, 3, 78–86.
- Башанаева, Г. Г., Шумилкина, М. С. (2016). Рефлексия эмоциональных состояний как способ управления ситуативными негативными эмоциями. *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*, 6, 80–98.
- Брель, Е. Ю. (2012). Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3(51), 173–176.
- Васильева, О. С., Филатов, Ф. Р. (2018). *Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Издательский центр Академия.
- Виленская, Г. А. (2020). Эмоциональная регуляция: факторы ее развития и связанные с ней виды поведения. *Психологический журнал*, 41(5), 63–76. <https://doi.org/10.31857/S0205959200110837>
- Дубровина, И. В. (2015). Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития. *Развитие личности*, 2, 67–95.
- Искусных, А. Ю. (2015). Алекситимия. Причины и риски возникновения расстройства. *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*, 6(52), 59–68.
- Карпов, А. В. (2001). Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал*, 24(5).
- Лебединский, В. В., Бардышевская, М. К. (2006). *Психология аномального развития ребенка*. Издательство Московского государственного университета.
- Либин, А. В. (2000). *Дифференциальная психология: На пересечении европейских, российских и американских традиций (2-е изд.)*. Смысл; Per Se.

- Люсин, Д. В. (2006). Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*, 4, 20–22.
- Люсин, Д. В. (2004). Современные представления об эмоциональном интеллекте. (В кн.): *Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования*. Институт психологии РАН, С. 29–36.
- Люсин, Д. В., Овсянникова, В. В. (2013). Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста. *Психологический журнал*, 34(6), 82–94.
- Орлов, Ю. М. (2006). *Саногенное (оздоравливающее мышление)* (2-е изд.). Слайдинг.
- Падун, М. А. (2015). Регуляция эмоций и ее нарушения. *Психологические исследования*, 8(39), 5.
- Панкратова, А. А. (2015, сентябрь). Русскоязычная адаптация опросника ECV (Emotion Control Values) А. Маусс и изучение индивидуальных различий. (В кн.): *Материалы Юбилейной конференции «От истоков - к современности» (130 лет организации психологического общества при Московском университете)*, РПО, 5, 95–98.
- Панкратова, А. А., Корниенко, Д. С. (2017). Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса. *Вопросы психологии*, 5, 139–149.
- Пантिलеев, С. Р., Жилина, Е. Ю. (2009). Методика диагностики защитных механизмов личности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 67–80.
- Провоторов, В. М., Кравченко, А. Я., Будневский, А. В., Грекова, Т. И. (1998). Традиционные факторы риска ИБС в контексте проблемы алекситимии. *Российский медицинский журнал*, 6, 45–47.
- Проخورов, А. О., Чернов А. В. (2012). Рефлексивная регуляция психических состояний. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 154(6), 244–257.
- Пряхина, Т. В. (2017). Особенности смещения внимания при восприятии табуированных слов. *Шаги/Steps*, 1, 81–86.
- Реан, А. А. (2013). *Психология личности*. Питер.
- Романова, Е. С., Гребенников, Л. Р. (1996). *Механизмы психологической защиты*. Талант.
- Сергеева, А. С., Кириллов, Б. А., Джумагулова, А. Ф. (2016). Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности. *Экспериментальная психология*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>
- Сиротин, О. А. (2018). К вопросу о психофизиологической природе эмоциональной устойчивости спортсменов. *Вопросы психологии*, 1, 129–133.
- Соложенкин, В. В., Гузова Е. С. (1992). Алекситимия (адаптационный подход) и психотерапевтическая модель коррекции. *Социальная и клиническая психиатрия*, VIII(2), 18–24.
- Сысоева, Т. А. (2013). Выраженность эмоционального эффекта Струпа и эмоциональный интеллект. *Психологический журнал*, 34(6), 35–44.
- Сысоева, Т. А. (2009). Приемы и стратегии, используемые при идентификации эмоций. (В кн.): *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*, Институт психологии РАН, 153–166.
- Тунник, Е. Е. (2010). *Психологические защиты*. Тестовая методика. Речь.
- Холмогорова, А. Б., Гаранян, Н. Г. (2017). Культура, эмоции и психическое здоровье. *Вопросы психологии*, 2, 24.
- Холмогорова, А. Б. (2006). *Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройства аффективного спектра*. Московский научно-исследовательский институт психиатрии Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Шейнина, О. А., Третьякова, О. А. (2016). Алекситимия как психологическая проблема современного общества: Материалы VIII Международного семинара молодых ученых и аспирантов «Психолог и вызовы современного общества». Тамбов.
- Юткина, О. С. (2017). Изучение уровня алекситимии у детей школьного возраста. *Современные проблемы науки и образования*, 2, 43–47.
- Aldao, A., Nolen-Hoeksema, S. & Schweizer, S. (2010). Emotion-regulation strategies across psychopathology: A meta-analytic review. *Clinical Psychology Review*, 30(2), 217–237. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2009.11.004>
- Austin, E. J. (2004). An investigation of the relationship between trait emotional intelligence and emotional task performance. *Personality and Individual Differences*, 36, 1855–1864.
- Austin, E. J. (2005). Emotional intelligence and emotional information processing. *Personality and Individual Differences*, 39, 403–414.
- Austin, E. J. (2010). Measurement of ability emotional intelligence: Results for two new tests. *British Journal of Psychology*, 101(3), 563–578.
- Avsec, A., Belasheva, I., Cenek, J., Khan A., Mohorić T., Takšić V., & Zager Kocjan, G. (2020). Cross-cultural and gender measurement invariance of the intrapersonal and interpersonal emotional competence questionnaire. *Psihologijske Teme*, 29, 167–190. <https://doi.org/10.31820/pt.29.1.10>
- Bar-Haim, Y., Lamy, D., Pergamin, L., Bakermans-Kranenburg, M.J., & Van Ijzendoorn, M. H. (2007). Threat-related attentional bias in anxious and nonanxious individuals: a meta-analytic study. *Psychological Bulletin*, 133(1), 1–24.
- Belasheva, I. V., Yesayan, M. L., Polshakova, I. N., Pogorelova, V. A., Nishitenko S. V. (2018). On the Role of the Brain Asymmetry Profile in the Implementation of Emotional Competence in Stroke Patients. *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*, 10(9). 2134–2141.
- Bond, M. (1992). An empirical study of defensive styles: the defense style questionnaire. In *Ego mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers*. Psychiatric Association.
- Campbell-Sills, L., & Barlow, D. H. (2007). Incorporating Emotion Regulation into Conceptualizations and Treatments of Anxiety and Mood Disorders. In J. J. Gross (Ed.), *Handbook of emotion regulation*. The Guilford Press.
- Dayananda, S. (2002). *The teaching of the Bhagvad Gita*. Vision Books.
- Gard, D. E., Kring, A. M., Gard, M. G., Horan, W. P., & Green, M. F. (2007). Anhedonia in schizophrenia: distinctions between anticipatory and consummatory pleasure. *Schizophrenia research*, 93(1–3), 253–260. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2007.03.008>
- Gosling, S. D., Rentfrow, P. J., & Swann, W. B. Jr. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37, 504–528.
- Gratz, K. L., & Roemer, L. (2004). Multidimensional assessment of emotion regulation and dysregulation: Development, factor structure, and initial validation of the difficulties in emotion regulation scale. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 26(1), 41–54. <https://doi.org/10.1023/B:JOBA.0000007455.08539.94>
- Gross, J. J. (2014). *Emotion regulation: Conceptual and empirical foundations*. In J. J. Gross (Ed.), *Handbook of emotion regulation*. The Guilford Press.
- Gross, J. J., & Jazaieri, H. (2014). Emotion, Emotion Regulation, and Psychopathology: An Affective Science Perspective. *Clinical Psychological Science*, 2, 387–401. <https://doi.org/10.1177/2167702614536164>
- Gross, J. J., & John, O. P. (2003). Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 85(2), 348–362. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.2.348>
- Derryberry, D., & Reed, M. A. (2002). Anxiety-related attentional biases and their regulation by attentional control. *Journal of Abnormal Psychology*, 111(2), 225–236. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.111.2.225>

- Direnfeld, D. M., & Roberts, J. E. (2006). Mood congruent memory in dysphoria: the roles of state affect and cognitive style. *Behaviour research and therapy*, 44(9), 1275–1285. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2005.03.014>
- Ermakov, P. N., Vorobyeva, E. V., Denisova, E. G., Yavna, D. V., Babenko, V. V., Kovsh, E. M., Alekseeva, D. S. (2022). Recognition of Emotional and Neutral Visual Scenes in Carriers of the MAOA, COMT, DRD4, and 5HT2A Gene Polymorphisms. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(4), 159–169. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0410>
- Ingram, R. E. (1990). Self-focused attention in clinical disorders: Review and a conceptual model. *Psychological Bulletin*, 107(2), 156–176. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.107.2.156>
- Jung, C. G. (1960). *The structure and dynamics of the psyche*. Princeton University Press.
- Lis, E., Greenfield, B., Henry, M., Guilé, J. M., & Dougherty, G. (2007). Neuroimaging and genetics of borderline personality disorder: a review. *Journal of psychiatry & neuroscience: JPN*, 32(3), 162–173.
- Laplace, J. & Pontalis, J. (1988). *The pleasure principle. The language of psychoanalysis*. Karnac Books.
- Mauss, I. B., Butler, E. A., Roberts N. A., & Chu A. (2010). Emotion Control Values and Responding to an Anger Provocation in Asian-American and European-American Individuals. *Cognition & emotion*, 1(24(6)), 1026–1043. <https://doi.org/10.1080/02699930903122273>
- Posner, M. I., Rothbart, M. K., Sheese, B. E., & Voelker, P. (2014). Developing Attention: Behavioral and Brain Mechanisms. *Advances in neuroscience (Hindawi)*, 2014, 405094. <https://doi.org/10.1155/2014/405094>
- Plutchik, R., Kellerman, H., & Conte, H.R. (1979). *A Structural Theory of Ego Defenses and Emotions*. In: Izard, C. E. (eds) *Emotions in Personality and Psychopathology. Emotions, Personality, and Psychotherapy*. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-2892-6_9
- Rottenberg, J. (2005). Mood and Emotion in Major Depression. *Current Directions in Psychological Science*, 14(3), 167–170. <https://doi.org/10.1111/j.0963-7214.2005.00354>
- Rusting, C. L. (1998). Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: three conceptual frameworks. *Psychological Bulletin*, 124(2), 165–196.
- Segerstrom, S. C. (2001). Optimism and attentional bias for negative and positive stimuli. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27(10), 1334–1343.
- Selvam, R. (2019). *The Practice of Embodying Emotions: A Guide for Improving Cognitive, Emotional, and Behavioral Outcomes*. North Atlantic Books.
- Sifneos, P. E., Apfel-Savitz, R., & Frankel, F. H. (1977). The phenomenon of 'alexithymia': Observations in neurotic and psychosomatic patients. *Psychother Psychosom*, 28(1-4), 47–57. <https://doi.org/10.1159/000287043>
- Sheppes, G., Suri, G., & Gross J. J. (2015). Emotion regulation and psychopathology. *Annu Rev Clin Psychol*, 11, 379–405. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-032814-112739>
- Stolorow, R., Brandchaft, B., Atwood, G. E. (1995). *The psychoanalytic treatment: An intersubjective approach*. Routledge.
- Taylor, G. J., & Bagby, R. M. (2021). Examining Proposed Changes to the Conceptualization of the Alexithymia Construct: The Way Forward Tilts to the Past. *Psychother Psychosom*, 90, 145–155.
- Werner, K., & Gross, J. J. (2010). *Emotion regulation and psychopathology: A conceptual framework*. In A. M. Kring & D. M. Sloan (Eds.), *Emotion regulation and psychopathology: A transdiagnostic approach to etiology and treatment*. The Guilford Press.
- Zeidner, M., & Olnick-Shemesh, D. (2010). Emotional intelligence and subjective well-being revisited. *Personality and Individual Differences*, 48(4), 431–435. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.11.011>

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Поступила в редакцию: 19.05.2023

Поступила после рецензирования: 07.07.2023

Принята к публикации: 17.08.2023

Заявленный вклад авторов

Белашева Ирина Валерьевна – планирование и проведение исследования, анализ и интерпретация результатов; работа с источниками, написание обзорной части статьи.

Ермаков Павел Николаевич – критический пересмотр содержания статьи.

Информация об авторах

Белашева Ирина Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии и психологии личности, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия; WoS Researcher ID: ACR-9588-2022, Scopus ID: 57190427634, РИНЦ Author ID: 271903, SPIN-код РИНЦ: 9097-1524; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1289-2224>; e-mail: ibelasheva@ncfu.ru

Ермаков Павел Николаевич – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия; WoS Researcher ID: B-3040-2016; Scopus ID: 6602450914; РИНЦ Author ID: 90844, SPIN-код РИНЦ: 7706-9441; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8395-2426>; e-mail: paver@sfedu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Адаптация шкалы фокуса внимания на себе и шкалы самосознания в русскоязычных версиях

Андрей В. Бочаров^{1,2*} , Дмитрий А. Лебедин^{1,2} ,
Александр Н. Савостьянов^{1,2,3} , Геннадий Г. Князев¹

¹Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины, Новосибирск, Российская Федерация

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

³Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: bocharovav@neuronm.ru

Аннотация

Введение. Фокус внимания на себе рассматривается как особенность личности, предрасполагающая к возникновению депрессивных и тревожных мыслей. Целью данного исследования стала валидизация русскоязычных версий опросников «Шкала самосознания» и «Шкала фокуса внимания на себе», позволяющих оценить степень фокусировки на себе. Впервые была исследована надёжность и валидность русских версий опросников. **Методы.** В исследовании приняли участие 149 человек (99 женщин, 50 мужчин), средний возраст – 22,6, SD = 6,9. Был использован эксплораторный и конфирматорный факторный анализ. **Результаты.** Применение факторного анализа выявило двухфакторную структуру «Шкалы самосознания» (субшкала «приватное самосознание» и субшкала «публичное самосознание и социальная тревожность») и однофакторную структуру «Шкалы фокуса внимания на себе». Анализ коэффициентов внутренней согласованности выявил высокую гомогенность шкал. Шкалы опросников коррелировали положительно с симптомами тревожности и депрессии и отрицательно с эмоциональной стабильностью. Шкала фокуса внимания, субшкала «публичное самосознание и социальная тревожность» и шкала «личностная тревожность» положительно коррелировали между собой. У женщин по сравнению с мужчинами были достоверно

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

выше оценки по шкале фокуса внимания и субшкале «публичное самосознание и социальная тревожность». **Обсуждение результатов.** Русские версии опросников показали хорошую факторную структуру и высокую внутреннюю согласованность шкал. Выявленные половые различия по шкалам соответствуют описанным в литературе. Корреляции со шкалами депрессии, тревожности и эмоциональной стабильности соответствуют теоретически предсказанным. Полученные результаты дают основание полагать, что русскоязычные версии опросников «Шкала фокуса внимания на себе» и «Шкала самосознания» являются надежными и валидными инструментами.

Ключевые слова

шкала самосознания, приватное самосознание, публичное самосознание, социальная тревожность, факторный анализ, конфирматорный анализ, надежность, валидность, депрессия

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) (проект № 22-15-00142).

Для цитирования

Бочаров, А. В., Лебедин, Д. А., Савостьянов, А. Н., Князев, Г. Г. (2023). Адаптация шкалы фокуса внимания на себе и шкалы самосознания в русскоязычных версиях. *Российский психологический журнал*, 20(3), 97–115. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.5>

Введение

Чрезмерная фокусировка на себе привлекает внимание исследователей как важная личностная черта, предрасполагающая к возникновению депрессивных и тревожных мыслей (Gotlib & Joormann, 2010; Mor & Winquist, 2002). Первоначально считалось, что фокус внимания на себе в первую очередь связан с депрессией. Позднее было показано, что фокусировка на собственном «Я» также может быть связана с переживанием тревоги, когда человек сосредотачивается на потенциальной неудаче, которую боится, а не на реально существующей неудаче (Pyszczynski, Hamilton, Greenberg, Becker, 1991).

Целью настоящей работы была валидизация русскоязычных версий опросников «Шкала самосознания» (ШСС) и «Шкала фокуса внимания на себе» (ШФС), позволяющих оценить степень фокусировки на себе.

Было переведено два международных опросника – ШСС и ШФС. ШФС (Self-focused Attention Scale (Bögels, Alberts & de Jong, 1996) состоит из 11 пунктов, пять

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

из которых относятся к вниманию, направленному на собственное возбуждение в социальных ситуациях (состояние тела и эмоциональное состояние), а шесть пунктов – к вниманию, направленному на межличностное поведение.

Шкала самосознания (ШСС) (Self Consciousness Scale (Fenigstein, Scheier & Buss, 1975; Fenigstein, 1987) – опросник, состоящий из 23 пунктов и измеряющий фокус на собственном «Я», был разработан Фенигстейном и соавторами. Шкала самосознания предполагает разделение самофокусировки на себе на приватную и публичную шкалы:

Шкала «приватное самосознание» (Private Self-Consciousness Scale) оценивает склонность к интроспекции и изучению внутреннего «Я» и своих собственных чувств и определяется как степень осознания испытываемыми их собственного настроения, установок, мыслей и физического состояния;

Шкала «публичное самосознание» (Public Self-Consciousness Scale) отражает осознание человеком того, как его воспринимают другие люди, и измеряет степень осознанной озабоченности человека по поводу того, как он выглядит в социальных ситуациях. Данная форма самосознания может приводить к избыточному самоконтролю и тревожности (Carver & Scheier, 1987).

В дополнение к оценке приватного и публичного самосознания, ШСС также включает субшкалу «социальная тревожность», которая оценивает особый тип фокусирования на публичном «Я». Социальная тревожность вытекает (по крайней мере частично) из публичного самосознания, так как субъективный опыт социальной тревоги предполагает сосредоточенность на публичном «Я» (Schlenker & Leary, 1982).

Также существует опросник фокуса внимания (Woody, 1996), состоящий из двух шкал. Одна из шкал измеряет фокус внимания на себе, другая шкала измеряет фокус внимания на других людях в социальных ситуациях. Этот опросник обычно используется сразу после выполнения задания для оценки состояния испытуемого (Woody, 1996). В настоящей работе опросник фокуса внимания не использовался.

Методы

Испытуемые

В исследовании приняли участие 149 человек (99 женщин, 50 мужчин), средний возраст – 22,6, SD = 6,9. От всех испытуемых было получено информированное согласие на участие в исследовании. Исследование было одобрено Локальным этическим комитетом НИИНМ.

Инструменты

Перевод опросников ШСС и ШФС был выполнен вторым автором статьи – Д. А. Лебедкиным, свободно владеющим русским и английским языками. Перевод

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

осуществлялся по смыслу, был проверен и доработан (было внесено несколько поправок для улучшения понимания пунктов опросников) остальными авторами статьи.

Помимо ШСС и ШФС был использован ряд других опросников. Выраженность симптомов депрессии выявлялась с помощью опросника Бека (Beck, Steer, Ball & Ranieri, 1996). Кроме этого, использовался хорошо известный опросник Спилбергера-Ханина для измерения личностной тревожности (State Trait Anxiety Inventory) (Spielberger, Gorsuch & Lushene, 1970; Ханин, 1989). Для измерения личности в рамках пятифакторной модели нами был ранее переведен и валидизирован (Князев, Митрофанова, Бочаров, 2010) опросник «Маркеры факторов большой пятерки» (МФБП) (Big Five Factor Markers, URL: <https://ipip.org/newitemtranslations.htm> (Goldberg et al., 2006)). Опросник МФБП содержит 100 коротких высказываний, на основании которых оцениваются пять факторов «Большой пятерки»: «Эмоциональная стабильность», «Экстраверсия», «Уступчивость», «Сознательность» и «Интеллект». Эмоциональный интеллект измерялся с помощью опросника Барчард, также переведенного и валидизированного нами (Князев, Митрофанова, Разумникова, Барчард, 2012).

Для оценки выраженности индивидуалистических и коллективистских тенденций использовались два опросника. Первый – это известный опросник Сингелиса «Коллективная и независимая Я-концепция» (Self Construal Scale, Singelis, 1994). Второй опросник – Родственная Я-концепция – измеряет аффилиативные тенденции избирательно к ближайшим родственникам, или к любимому человеку (RISC, The Relational-Interdependent Self-Construal (Cross, Bacon & Morris, 2000; Дорошева, Князев, Корниенко, 2016)).

Анализ данных

Анализ собранных по опросникам данных проводился в статпакете SPSS и включал оценку внутренней согласованности шкал с расчетом альфы Кронбаха и корреляции каждого пункта опросника со шкалой, а также эксплораторный и конфирматорный факторный анализ. В эксплораторном факторном анализе с помощью графика собственных значений факторов оценивалось соответствующее эмпирическим данным количество факторов, которые потом извлекались и с помощью ортогонального вращения Варимакс переводились в пространство, в котором они минимально коррелировали друг с другом. По матрице факторных нагрузок оценивали соответствие распределения пунктов опросника по факторам тому ключу, который предлагают авторы опросника. Конфирматорный факторный анализ проводили в программе AMOS и использовали для оценки соответствия теоретической модели эмпирическим данным, а также для расчета факторных нагрузок и индексов модификации модели, по которым оценивали необходимость внесения изменений в состав шкал. Для оценки внутренней согласованности шкал рассчитывались альфы Кронбаха.

Результаты

Анализ психометрических показателей ШСС

Были выявлены значения КМО = 0,77 и критерий Бартлетта ($p < 0,0001$), что говорит о целесообразности факторного анализа. В проведенном нами факторном анализе по методу главных компонент с ортогональным вращением Варимакс анализ собственных значений факторов показал, что оптимальным для наших данных является двухфакторное решение, так как на графике был виден явный перелом после двух первых факторов (собственные значения первых шести факторов: 4.6, 2.6, 1.6, 1.2, 1.0, 1.0). При извлечении двух факторов было видно, что пункты шкал социальной тревожности и публичного самосознания грузятся на один фактор. Поэтому было принято решение создать две субшкалы – субшкала «Приватное самосознание» (ПСС) и субшкала «Публичное самосознание и социальная тревожность» (ПССТ).

Далее был проведен анализ надежности этих шкал и корреляций их пунктов со средними значениями по шкалам. Было выявлено, что четыре пункта слабо коррелировали со своими шкалами. Удаление этих пунктов привело к увеличению альфа Кронбаха: ПСС ($\alpha = 0,75$) и ПССТ ($\alpha = 0,83$), что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности этих шкал. Начальные собственные значения и факторные нагрузки представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Начальные собственные значения опросников ШСС и ШФС (N=149)

Начальные собственные значения опросника ШСС			Начальные собственные значения опросника ШФС		
Всего	% дисперсии	Кумулятивный %	Всего	% дисперсии	Кумулятивный %
4,64	24,44	24,44	4,66	42,35	42,35
2,63	13,83	38,27	1,26	11,41	53,77
1,55	8,14	46,41	1,16	10,53	64,29
1,21	6,34	52,75	0,78	7,07	71,36
1,05	5,52	58,27	0,70	6,34	77,71
1,00	5,28	63,54	0,57	5,15	82,86
0,89	4,68	68,23	0,51	4,60	87,46
0,86	4,54	72,76	0,45	4,05	91,51
0,76	3,98	76,74	0,39	3,58	95,09
0,66	3,45	80,20	0,30	2,76	97,86
0,63	3,31	83,51	0,24	2,14	100,00
0,56	2,95	86,46			
0,53	2,77	89,22			
0,46	2,42	91,64			
0,42	2,21	93,85			
0,34	1,79	95,64			
0,31	1,62	97,26			
0,27	1,41	98,67			
0,25	1,33	100,00			

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Таблица 2

Факторные нагрузки пунктов опросника ШСС (N = 149)

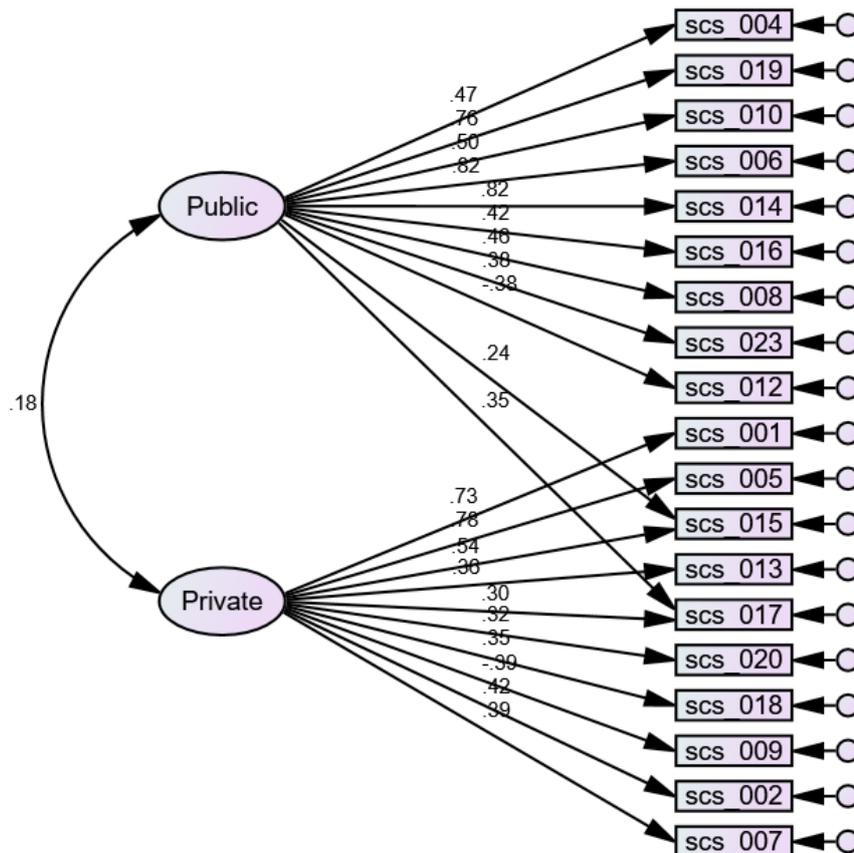
Вопрос опросника ШСС	Факторные нагрузки	
6. Я обычно беспокоюсь о том, чтобы произвести хорошее впечатление на окружающих.	0,73	0,17
14. Обычно я беспокоюсь о том, чтобы создать хорошее впечатление о себе.	0,72	0,15
4. Мне нужно время, чтобы преодолеть свою застенчивость в новых ситуациях.	0,71	0,09
19. Я беспокоюсь о том, что другие люди думают обо мне.	0,71	0,07
10. Я очень легко смущаюсь.	0,65	0,10
8. Я испытываю трудности при выполнении работы, когда кто-то наблюдает за мной.	0,61	0,09
16. Я чувствую тревогу, когда выступаю перед группой людей.	0,59	0,05
23. Большие группы людей меня нервируют.	0,57	-0,10
12. Мне не трудно заговорить с незнакомыми людьми.	-0,51	-0,06
1. Я всегда пытаюсь разобраться в самом себе.	-0,03	0,76
5. Я много размышляю о самом себе.	0,11	0,74
15. Я постоянно думаю о причинах своих поступков.	0,24	0,67
13. Я обычно внимателен к своим внутренним ощущениям.	-0,16	0,51
9. Я никогда не изучаю себя внимательно и пристально.	0,07	-0,50
17. Прежде чем выйти из дома, я проверяю, как выгляжу.	0,34	0,48
18. Я иногда мысленно делаю шаг назад, чтобы рассмотреть себя со стороны.	0,08	0,48
7. Я часто становлюсь объектом собственных фантазий.	0,06	0,45
2. Я озабочен тем, каким образом я делаю дела.	0,17	0,43
20. Я быстро замечаю изменения в своем настроении.	0,10	0,41

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

На рисунке 1 представлены результаты конфирматорного анализа двухфакторного решения. По общепринятым стандартам, показатели соответствия (CFI и IFI больше 0,9 и RMSEA меньше или равно 0,05) можно интерпретировать как свидетельство хорошего соответствия модели эмпирическим данным. Все регрессионные веса латентных факторов ПСС и ПССТ на свои пункты достоверны и выше 0,3. Нужно, однако, отметить два кросслодинга от фактора ПССТ на пункты 15 и 17 фактора ПСС, которые пришлось ввести в соответствии с индексами модификации. Это говорит о неполной независимости шкал ПСС и ПССТ. Тем не менее, корреляция между факторами была невелика (0,18) и недостоверна ($p = 0,98$). Кроме того, отдельная структурная модель с одним фактором вместо двух показала низкие индексы соответствия и должна быть отвергнута.

Рисунок 1

Результаты конфирматорного факторного анализа опросника ШСС. ($\chi^2 = 208,2$, $p < 0,001$, $CFI = 0,91$, $IFI = 0,91$, $RMSEA = 0,05$, $df = 145$). Приведены стандартизованные регрессионные веса

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Опросник ШФС

Были выявлены значения КМО = 0,85 и критерий Бартлетта ($p < 0,0001$). Анализ собственных значений факторов в факторном анализе по методу главных компонент показал отчетливое преимущество однофакторного решения (собственные значения первых шести факторов: 4.7, 1.3, 1.2, 0.8, 0.7, 0.6). Начальные собственные значения опросника ШФС представлены в таблице 1. Альфа Кронбаха ($\alpha = 0,86$) и корреляции пунктов со средним значением (все выше 0,3) указывали на хорошую внутреннюю согласованность. Конфирматорный анализ подтвердил соответствие однофакторной модели эмпирическим данным ($\chi^2 = 76,4$, $p < 0,001$, CFI = 0,93, IFI = 0,93, RMSEA = 0,082, $df = 39$). Согласно Browne & Cudeck (1993), значение RMSEA меньше или равное 0,05 указывает на близкое соответствие, а значение меньше 0,08 предполагает приемлемое соответствие модели (Browne & Cudeck, 1993). Другие авторы считают, что значение RMSEA в диапазоне от 0,05 до 0,1 считается показателем приемлемого соответствия модели, а при значениях выше 0,1 модель не рассматривается (MacCallum et al., 1996). Однако, эти предложения в значительной степени основаны на интуиции, а не на статистическом обосновании (Marsh, Hau & Wen, 2004). В своем исследовании Kenny, Kaniskan & McCoach (2015) показали, какой процент корректно указанных моделей может быть некорректно отклонен на основании RMSEA меньше 0,1 в зависимости от разных размеров выборки и степеней свободы. Авторы утверждают, что для моделей с малым размером выборки и числом степеней свободы, RMSEA часто может ошибочно указывать на плохое соответствие модели (Kenny, Kaniskan & McCoach, 2015). Выявленное в нашей работе для опросника ШФС значение RMSEA = 0,082 может быть связано с небольшим размером выборки и числом степеней свободы. Выявленные для опросника ШФС значения показателей CFI и IFI больше 0,9 указывают на хорошее соответствие модели эмпирическим данным.

T-тест для независимых выборок показал, что оценки ШФС и ПССТ были достоверно выше у женщин, чем у мужчин ($t = 4,2$, $p < 0,001$ и $t = 6,7$, $p < 0,001$, соответственно).

Для анализа конструктивной надежности опросников ШСС и ШФС у тех же испытуемых были получены данные по известным, ранее нами переведенным и валидизированным опросникам, которые на этой выборке показали следующие индексы внутренней согласованности:

- Опросник Бека (BDI-II) (Beck et al., 1996) на выраженность симптомов депрессии ($\alpha = 0,92$);
- Опросник личностной тревожности (TA) (Spielberger et al., 1970; Ханин, 1989) ($\alpha = 0,90$);
- Опросник «Маркеры факторов большой пятерки» (МФБП) (Goldberg, 2001; Князев и др., 2010) со шкалами экстраверсии ($\alpha = 0,74$), уступчивости ($\alpha = 0,74$),

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

сознательности ($\alpha = 0,73$), эмоциональной стабильности ($\alpha = 0,87$) и интеллекта ($\alpha = 0,67$);

- Опросник на эмоциональный интеллект (ЭИ, Князев и др., 2012) ($\alpha = 0,88$).
- Опросник Сингелиса «Коллективная (коллективизм, $\alpha = 0,78$) и независимая (индивидуализм, $\alpha = 0,84$) Я-концепция» (Singelis, 1994).

В таблице 3 приведены статистически значимые коэффициенты корреляций Спирмена шкал ШШС и ШФС со шкалами этих опросников, а также средние и стандартные отклонения шкал. Шкалы ШШС и ШФС не коррелировали статистически значимо со шкалой сознательности опросника МФБП. Мы не делали поправку Бонферрони на количество корреляций, так как в данном случае важен паттерн ассоциаций, а не достоверность каждой корреляции. Тем ни менее, поправка Бонферрони дает в данном случае ($0,05/27 = 0,0018$), поэтому все корреляции, помеченные тремя звездочками ($p < 0,001$), остаются достоверными даже с поправкой.

ШФС и ПССТ показывают схожий паттерн корреляций. Они коррелировали положительно с выраженностью симптомов депрессии и тревожности, а также с коллективизмом, и отрицательно с экстраверсией, эмоциональной стабильностью, интеллектом и индивидуализмом.

Похожие корреляции были выявлены для ПСС. Так, ПСС коррелирует положительно с депрессией (BDI-II) и отрицательно с эмоциональной стабильностью. В отличие от ШФС и ПССТ, ПСС положительно коррелирует с интеллектом. Кроме того, ПСС положительно коррелирует с уступчивостью и ЭИ (эмоциональным интеллектом).

Между собой шкалы коррелировали следующим образом: ШФС–ПССТ ($r = 0,53$, $p < 0,001$), ШФС–ПСС ($r = 0,19$, $p = 0,024$), ПССТ–ПСС ($r = 0,22$, $p = 0,007$).

Таблица 3

Корреляции шкал ШШС и ШФС со шкалами других опросников (N=149)

	ШФС	ПССТ	ПСС
Шкалы опросников	(19,3 ± 8,7)	(14,8 ± 6,1)	(19,6 ± 5,2)
BDI-II (10,9 ± 10,2)	0,36***	0,28**	0,11
ТА (47,8 ± 9,9)	0,44***	0,52***	0,14
Экстраверсия (34,9 ± 7,37)	-0,24**	-0,32***	0,061

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Шкалы опросников	ШФС (19,3 ± 8,7)	ПССТ (14,8 ± 6,1)	ПСС (19,6 ± 5,2)
Уступчивость (40,8 ± 6,03)	0,08	0,12	0,23**
Эмоциональная стабильность (26,9 ± 8,1)	-0,31***	-0,37***	-0,2*
Интеллект (40,6 ± 5,8)	-0,29**	-0,3***	0,26**
ЭИ (232,1 ± 25,6)	0,1	0,22**	0,32***
Коллективизм (57,6 ± 10,8)	0,17*	0,22**	0,04
Индивидуализм (53,8 ± 9,6)	-0,27**	-0,26**	0,12

Примечание. ***достоверно на уровне $p < 0,001$; **достоверно на уровне $p < 0,01$;
 * достоверно на уровне $p < 0,05$.

Обсуждение результатов

Анализ факторной структуры опросника ШФС, выполненный с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, подтвердил хорошее соответствие однофакторной модели эмпирическим данным, Альфа Кронбаха (выше 0,86) и корреляции пунктов со средним значением (все выше 0,3) указывали на высокую внутреннюю согласованность.

Анализ коэффициентов внутренней согласованности опросника ШСС также показал хорошую гомогенность шкал ШСС. Исходно предполагается, что ШСС содержит три субшкалы – «Приватное самосознание» (ПСС), «Публичное

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

самосознание» и «Социальная тревожность». Проведенный нами факторный анализ опросника ШСС показал преимущественно двухфакторное решение и было создано две субшкалы – ПСС и ПССТ. Публичное самосознание относится к тем аспектам поведения, в которых потребности, желания или реакции других людей признаются и принимаются во внимание. Оно обусловлено стремлением к социальному одобрению и желанием учитывать влияние, которое то или иное действие может оказать на впечатление других о себе (Carver & Scheier, 2000). По мнению авторов опросника, социальная тревожность вытекает из публичного самосознания, но осознание публичного «Я» само по себе недостаточно для возникновения социальной тревоги. У человека должно также присутствовать чувство страха по поводу того, что его/ее оценивают другие люди в социальном контексте, или сомнения в том, что он/она способен создать адекватную самопрезентацию (Scheier & Carver, 1985).

Шкалы ПССТ и ШФС сильно коррелировали между собой. Согласно Noda, Okawa, Shirotaki, Sasagawa, & Bögels (2021) сфокусированное на себе внимание, по-видимому, является основным механизмом поддержания социальной тревожности. Так, применение методик снижения концентрации внимания на себе помогало предотвратить и лечить социальную тревожность (Vriends, Meral, Bargas-Avila, Stadler & Bögels, 2017). В целом выявленная корреляционная связь согласуется с данными иностранных исследований о связи ШФС с социальной тревожностью (Poole & Henderson, 2022; Woody, Chambless, Glass, 1997), а также с тем, что выявленная нами шкала ПССТ включает в себя вопросы социальной тревожности. Также, шкалы ШФС и ПССТ были сильно связаны с личностной тревожностью, что, вероятно, объясняется схожестью этих конструктов.

Согласно исследованиям, приватная и публичная формы самосознания рассматриваются как свойства личности, которые относительно стабильны, но слабо связаны друг с другом (Bögels et al., 1996). В нашем исследовании было выявлено два кросслодинга от фактора ПССТ на пункты фактора ПСС, что говорит о неполной независимости шкал ПСС и ПССТ, и небольшая корреляция между ними согласуется с данными других исследований (Bögels et al., 1996). В целом, паттерн корреляций опросников друг с другом и с личностными шкалами соответствует тому, что было описано в литературе для исходных англоязычных шкал (Scheier & Carver, 1985).

У женщин по сравнению с мужчинами были достоверно выше оценки ШФС и ПССТ. Это согласуется с данными о связях ШФС с социальной тревожностью (Woody et al., 1997; Poole & Henderson, 2022) и результатами исследований, показавших, что у женщин публичное самосознание (Bögels et al., 1996) и симптомы социальной тревоги выражены сильнее, чем у мужчин (Баринов, 2011; Asher, Asnaani & Aerka, 2017). Таким образом, можно заключить, что обнаруженный нами паттерн половых различий хорошо согласуется с установленными фактами, что является подтверждением валидности шкал ШФС и ПССТ.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Интересно, что была выявлена противоположная направленность корреляций со шкалой «Интеллект» опросника МФБП. Так, шкалы ПССТ и ШФС были отрицательно связаны со шкалой «Интеллект», тогда как ПСС была связана положительно. Шкала «Интеллект» связана с такими свойствами, как высокая самооценка, активность и склонность к риску (Князев и др., 2010). Шкала публичного самосознания связана с конформностью, низкой самооценкой и низким уровнем принятия риска (Tunnel, 1984). Отрицательные корреляции Интеллекта со шкалами ШФС и ПССТ согласуются с тем, что шкалы связаны с социальной тревожностью, которая в свою очередь также сочетается с низкой самооценкой, низкой активностью и заторможенностью (Никитина и Холмогорова, 2011; Dale, Vanderloo, Moore & Faulkner, 2019; Jiang & Ngien, 2020). Согласно Carver & Scheier (1987) ПСС связано с преследованием личных, эгоцентрических интересов и не требует от человека учитывать реакции других людей на то, что он делает (Carver & Scheier, 1987). Возможно, что положительная корреляция интеллекта со шкалой ПСС может быть связана с более высокой активностью и склонностью к риску у людей с высоким уровнем ПСС, так как они в меньшей степени подвержены необходимости социального одобрения, которое может сдерживать проявление активности.

Следует отметить, что шкала ПСС слабо коррелировала с депрессией ($(r) = 0,11$; $r = 0,17$), что согласуется с данными других исследований (Takishima-Lacasa, Higa-McMillan, Ebesutani, Smith & Chorpita, 2014). ПСС – это тип сфокусированного внимания на себе, при котором индивиды оценивают свои действия, не принимая во внимание социальный контекст, что, вероятно, в меньшей степени может иметь негативный оттенок, по сравнению с ШФС и ПССТ. Согласно Mor & Winquist (2002), фокус внимания на себе является дезадаптивным, когда человек обнаруживает «негативное» несоответствие между настоящим «я» и сравниваемым стандартом и не в состоянии минимизировать это несоответствие. При переживании негативных жизненных событий такое несоответствие будет особенно заметно (Mor & Winquist, 2002). Появлению депрессии способствует наличие стойкого негативного аффекта (Котова, Беляев, Акарачкова, 2021). Можно предположить, что фокус внимания на себе будет предрасполагать к усилению депрессии и негативного аффекта при переживании негативных событий.

Важно отметить, что все три шкалы коррелировали положительно с симптомами депрессии и отрицательно с эмоциональной стабильностью. Результаты корреляционного анализа позволяют считать созданную нами русскоязычную версию опросников адекватной. В целом, полученные результаты позволяют заключить, что русские версии ШФС и ШСС достаточно надежны, и факторная структура опросников соответствует теоретической.

Заключение

Суммируя результаты нашего анализа, можно заключить, что русские версии ШФС и ШСС показали отличные психометрические свойства (высокая внутренняя

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

согласованность шкал и хорошая факторная структура). Выявленные половые различия в оценках по шкалам ШФС и ПССТ соответствуют описанным в литературе. Корреляции со шкалами депрессии, тревожности и эмоциональной стабильности соответствуют теоретически предсказанным. Все это дает основание считать, что русские версии ШФС и ШСС являются надежными и валидными опросниками.

Выводы

- Факторный анализ структуры русских версий опросников выявил двухфакторную структуру опросника «Шкала самосознания» (субшкала «Приватное самосознание» и субшкала «Публичное самосознание и социальная тревожность») и однофакторную структуру опросника «Шкала фокуса внимания на себе»;
- Все три шкалы опросников показали высокую внутреннюю согласованность шкал и коррелировали положительно с симптомами депрессии и отрицательно с эмоциональной стабильностью;
- Выявленные результаты соответствуют теоретически предсказанным и данным иностранных исследований, что указывает на надежность и валидность русских версий опросников «Шкала самосознания» и «Шкала фокуса внимания на себе».

Ограничения исследования

Выборка состояла из студентов высших учебных заведений (99 женщин и 50 мужчин) и, таким образом, не является репрезентативной в качественном аспекте. Значение RMSEA опросника ШФС было больше порогового значения ($RMSEA = 0,82$), что может быть связано с небольшим размером выборки и числом степеней свободы (Kenny, Kaniskan & McCoach, 2015).

Литература

- Баринов, Д. Н. (2011). Константы общественного бытия как фактор возникновения социальной тревожности. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 3(65), 110–119.
- Дорошева, Е. А., Князев, Г. Г., Корниенко, О. С. (2016). Валидизация русскоязычных версий двух опросников Я-концепции. *Психологический журнал*, 37, 99–112.
- Князев, Г. Г., Митрофанова, Л. Г., Бочаров, А. В. (2010). Валидизация русской версии маркеров факторов большой пятерки из международного пула личностных вопросов Гольдберга. *Психологический журнал*, 31, 100–110.
- Князев, Г. Г., Митрофанова, Л. Г., Разумникова, О. М., Барчард, К. (2012). Адаптация русскоязычной версии опросника эмоционального интеллекта Барчард. *Психологический журнал*, 33, 112–120.
- Котова, О. В., Беляев, А. А., Акарачкова, Е. С. (2021). Современные методы диагностики и лечения тревожных и депрессивных расстройств. *Русский медицинский журнал*.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Медицинское обозрение*, 5(10), 648–653. <https://doi.org/10.32364/2587-6821-2021-5-10-648-653>
- Никитина, И. В., Холмогорова, А. Б. (2011). Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 2. *Социальная и клиническая психиатрия*, 21(1), 60–67.
- Ханин, Ю. Л. (1989). Кросс-культурные перспективы диагностики индивидуальных различий. *Вопросы психологии*, 4, 118–125.
- Asher, M., Asnaani, A., & Aerka (2017). Gender differences in social anxiety disorder: A review. *Clinical Psychology Review*, 56, 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.05.004>
- Beck, A. T., Steer, R. A., Ball, R., & Ranieri, W. F. (1996). Comparison of Beck Depression Inventories-IA and-II in psychiatric outpatients. *Journal of personality assessment*, 67(3), 588–597. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa6703_13
- Bögels, S. M., Alberts, M., & de Jong, P. J. (1996). Self-consciousness, self-focused attention, blushing propensity and fear of blushing. *Personality and Individual Differences*, 21(4), 573–581. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(96\)00100-6](https://doi.org/10.1016/0191-8869(96)00100-6)
- Browne, M.W., & Cudeck, R. (1993). *Alternative ways of assessing model fit*. In Bollen, K.A. & Long, J.S. [Eds.] *Testing structural equation models*. Newbury Park.
- Carver, C. S., & Scheier, M. F. (1987). The blind men and the elephant: Selective examination of the public-private literature gives rise to a faulty perception. *Journal of personality*, 55(3), 525–541. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1987.tb00449.x>
- Carver, C. S., & Scheier, M. F. (2000). *Perspectives on personality* (4th ed.). Boston: Allyn & Bacon. <https://doi.org/10.1016/B978-012109890-2/50032-9>
- Cross, S. E., Bacon, P. L., & Morris, M. L. (2000). The relational-interdependent self-construal and relationships. *Journal of personality and social psychology*, 78(4), 791–808. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.4.791>
- Dale, L. P., Vanderloo, L., Moore, S., & Faulkner, G. (2019). Physical activity and depression, anxiety, and self-esteem in children and youth: An umbrella systematic review. *Mental Health and Physical Activity*, 16, 66–79. <https://doi.org/10.1016/j.mhpa.2018.12.001>
- Fenigstein, A., Scheier, M. F., & Buss, A. H. (1975). Public and private self-consciousness: Assessment and theory. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 43(4), 522–527. <https://doi.org/10.1037/h0076760>
- Fenigstein, A. (1987). On the nature of public and private self-consciousness. *Journal of personality*, 55(3), 543–554. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1987.tb00450.x>
- Goldberg, L. R., Johnson, J. A., Eber, H. W., Hogan, R., Ashton, M. C., Cloninger, C. R., & Gough, H. G. (2006). The international personality item pool and the future of public-domain personality measures. *Journal of Research in personality*, 40(1), 84–96. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2005.08.007>
- Gotlib, I. H., & Joormann, J. (2010). Cognition and depression: current status and future directions. *Annual review of clinical psychology*, 6, 285–312. <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.121208.131305>
- Jiang, S., & Ngien, A. (2020). The effects of Instagram use, social comparison, and self-esteem on social anxiety: A survey study in Singapore. *Social Media+ Society*, 6(2). <https://doi.org/10.1177/2056305120912488>
- Kenny, D. A., Kaniskan, B., & McCoach, D. B. (2015). The performance of RMSEA in models with small degrees of freedom. *Sociological methods & research*, 44(3), 486–507. <https://doi.org/10.1177/0049124114543>
- MacCallum, R. C., Browne, M. W., & Sugawara, H. M. (1996). Power analysis and determination of sample size for covariance structure modeling. *Psychological methods*, 1(2), 130–149. <https://doi.org/10.1037/1082-989X.1.2.130>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Marsh, H. W., Hau, K. T., & Wen, Z. (2004). In search of golden rules: Comment on hypothesis-testing approaches to setting cutoff values for fit indexes and dangers in overgeneralizing Hu and Bentler's (1999) findings. *Structural Equation Modeling*, 11, 320–341. https://doi.org/10.1207/s15328007sem1103_2
- Mor, N., & Winquist, J. (2002). Self-focused attention and negative affect: a meta-analysis. *Psychological bulletin*, 128(4), 638. <https://doi.org/10.1037//0033-2909.128.4.638638>
- Noda, S., Okawa, S., Shiotsuki, K., Sasagawa, S., & Bögels, S. M. (2021). The Japanese self-focused attention scale: Factor structure, internal consistency, convergent, and discriminant validity. *Journal of clinical psychology*, 77(9), 2011–2026. <https://doi.org/10.1002/jclp.23133>
- Poole, K. L., & Henderson, H. A. (2022). Shyness, self-focused attention, and behavioral mimicry during social interaction. *Journal of Research in Personality*, 98. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2022.104225>
- Pyszczynski, T., Hamilton, J. C., Greenberg, J., & Becker, S. E. (1991). *Self-awareness and psychological dysfunction. Handbook of social and clinical psychology: The health perspective*. Pergamon Press.
- Scheier, M.F., & Carver, C. S. (1985). The Self-Consciousness Scale: A revised version for use with general populations. *Journal of Applied Social Psychology*, 15(8), 687–699. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1985.tb02268.x>
- Schlenker, B. R., & Leary, M. R. (1982). Social anxiety and self-presentation: A conceptualization and model. *Psychological Bulletin*, 92, 641–669. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.92.3.641>
- Singelis, T. M. (1994). The measurement of independent and interdependent self-construals. *Personality and social psychology bulletin*, 20(5), 580–591.
- Spielberger, C. D., Gorsuch, R. L., & Lushene, R. E. (1970). *Manual for the State-Trait Anxiety Inventory*. Consulting Psychologists Press.
- Takishima-Lacasa, J. Y., Higa-McMillan, C. K., Ebesutani, C., Smith, R. L., & Chorpita, B. F. (2014). Self-consciousness and social anxiety in youth: the Revised Self-Consciousness Scales for Children. *Psychological assessment*, 26(4), 1292. <https://doi.org/10.1037/a0037386>
- Tunnel, G. (1984). The discrepancy between private and public selves: Public self-consciousness and its correlates. *Journal of Personality Assessment*, 48, 549–555. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4805_15
- Vriends, N., Meral, Y., Bargas-Avila, J. A., Stadler, C., & Bögels, S. M. (2017). How do I look? Self-focused attention during a video chat of woman with social anxiety(disorder). *Behaviour Research and Therapy*, 92, 77–86. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2017.02.008>
- Woody, S. R. (1996). Effects of focus of attention on anxiety levels and social performance of individuals with social phobia. *Journal of abnormal psychology*, 105(1), 61–69. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.105.1.61>
- Woody, S. R., Chambless, D. L., & Glass, C. R. (1997). Self-focused attention in the treatment of social phobia. *Behaviour research and therapy*, 35(2), 117–129. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(96\)00084-8](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(96)00084-8)

Приложения

Опросник «Шкала самосознания»

Инструкция

Прочитайте внимательно каждое из приведенных ниже утверждений. Для каждого утверждения укажите, насколько оно подходит Вам, используя варианты ответа:

3 = Очень похоже на меня;

2 = В какой-то степени похоже на меня;

1 = Немного похоже на меня;

0 = Совсем не похоже на меня.

Постарайтесь быть максимально честны и точны. Помните, что здесь нет правильных или неправильных ответов.

Текст опросника

1	Я всегда пытаюсь разобраться в самом себе.	ПСС+
2	Я озабочен тем, каким образом я делаю дела.	ПСС+
3	В общем, я не очень хорошо самого себя представляю.	ПСС+
4	Мне нужно время, чтобы преодолеть свою застенчивость в новых ситуациях.	ПССТ+
5	Я много размышляю о самом себе.	ПСС+
6	Я обычно беспокоюсь о том, чтобы произвести хорошее впечатление на окружающих.	ПССТ+
7	Я часто становлюсь объектом собственных фантазий.	ПСС+
8	Я испытываю трудности при выполнении работы, когда кто-то наблюдает за мной.	ПССТ+
9	Я никогда не изучаю себя внимательно и пристально.	ПСС-
10	Я очень легко смущаюсь.	ПССТ+
11	Я осознаю то, как я выгляжу.	ПССТ+
12	Мне не трудно заговорить с незнакомыми людьми.	ПССТ-
13	Я обычно внимателен к своим внутренним ощущениям.	ПСС+

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

14	Обычно я беспокоюсь о том, чтобы создать хорошее впечатление о себе.	ПССТ+
15	Я постоянно думаю о причинах своих поступков.	ПСС+
16	Я чувствую тревогу, когда выступаю перед группой людей.	ПССТ+
17	Прежде чем выйти из дома, я проверяю, как выгляжу.	ПСС+
18	Я иногда мысленно делаю шаг назад, чтобы рассмотреть себя со стороны.	ПСС+
19	Я беспокоюсь о том, что другие люди думают обо мне.	ПССТ+
20	Я быстро замечаю изменения в своем настроении.	ПСС+
21	Я обычно осознаю свою внешность.	ПССТ+
22	Я осознаю, как работает моё мышление, когда я решаю проблему.	ПСС+
23	Большие группы людей меня нервируют.	ПССТ+

Ключ

Совсем не похоже на меня (0 баллов); Немного похоже на меня (1 балл); В какой-то степени похоже на меня (2 балла); Очень похоже на меня (3 балла). 9 и 12 утверждения идут с обратной кодировкой: Совсем не похоже на меня (3 балла); Немного похоже на меня (2 балла); В какой-то степени похоже на меня (1 балл); Очень похоже на меня (0 баллов).

Опросник «Шкала фокуса внимания на себе»

Инструкция

Прочитайте внимательно каждое из приведенных ниже утверждений и выберите вариант ответа, который наиболее подходит для Вас.

В присутствии других людей я постоянно сосредотачиваюсь на том...

№	никогда	редко	иногда	часто	очень часто
1					
	бьется ли мое сердце				
	достаточно хорошо ли				
2					
	я владею социальными				
	навыками				

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

№		никогда	редко	иногда	часто	очень часто
3	веду ли я себя напряженно					
4	бегло ли я говорю					
5	контролирую ли я свое дыхание					
6	насколько хорошо я участвую в разговоре					
7	выгляжу ли я напряжённо					
8	прилично ли я себя веду					
9	краснею ли я, дрожу или потею					
10	понимаю ли я, что говорят другие					
11	насколько напряженно я себя чувствую					

Ключ

Никогда (0 баллов); редко (1 балл); иногда (2 балла); часто (3 балла); очень часто (4 балла).

Поступила в редакцию: 14.02.2023

Поступила после рецензирования: 04.04.2023

Принята к публикации: 06.06.2023

Заявленный вклад авторов

Андрей Викторович Бочаров – интерпретация результатов, написание статьи;

Дмитрий Алексеевич Лебедин – перевод опросника;

Александр Николаевич Савостьянов – проведение исследования, перевод опросника;

Геннадий Георгиевич Князев – планирование исследования, анализ и интерпретация результатов, написание статьи.

Информация об авторах

Бочаров Андрей Викторович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины; Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: N-5397-2016; Scopus Author ID: 35517410800; SPIN-код РИНЦ: 3173-7507; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2841-3280>; e-mail: bocharovav@neuronm.ru

Лебедин Дмитрий Алексеевич – лаборант-исследователь, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины; Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57383594900; SPIN-код РИНЦ: 5356-9884; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4356-9067>; e-mail: lebedkinda@neuronm.ru

Савостьянов Александр Николаевич – кандидат биологических наук, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией психологической генетики ИЦиГ СО РАН; заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики гуманитарного института Новосибирского государственного университета; ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины, Новосибирск, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: N-3020-2014; Scopus Author ID: 6506101859; SPIN-код РИНЦ: 5809-9195; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3514-2901>; e-mail: a-sav@mail.ru

Князев Геннадий Георгиевич – доктор биологических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией дифференциальной психофизиологии Научно-исследовательского института нейронаук и медицины, Новосибирск, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: F-6095-2010; Scopus Author ID: 6701684838; SPIN-код РИНЦ: 6952-5769; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8628-4678>; e-mail: knyazevgg@neuronm.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Механизмы построения репрезентации в категориальном поиске: роль внимания и рабочей памяти

Елена С. Горбунова*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

*gorbunovaes@gmail.com

Аннотация

Введение. Задача зрительного поиска представляет собой поиск целевых стимулов среди отвлекающих (дистракторов). Данная задача является одной из самых популярных в исследованиях внимания. При этом и методика, и теоретические представления о механизмах работы внимания в данной задаче претерпели значительные изменения по мере развития когнитивной психологии. В частности, современные исследования уделяют больше внимания экологической валидности используемого стимульного материала и способов ответа испытуемого, а современные теоретические модели делают попытки рассмотреть разные варианты задания целевого стимула.

Теоретическое обоснование. Нами рассматривается категориальный поиск – вид зрительного поиска, при котором целевые стимулы заданы названием категории. Предлагается теоретическая модель построения репрезентации целевого стимула для категориального поиска. Данный вид поиска рассматривается как двухстадийный процесс: первая стадия представляет собой выбор ряда объектов в зрительном поле посредством направления внимания, а вторая – проверку этих объектов на соответствие шаблону внимания. Процесс проверки предполагает вербальное название стимулов, основанное на активации моторных программ. В контексте данного представления о механизмах категориального поиска нами также рассматривается ряд эмпирических данных, полученных в различных модификациях задачи. Особое внимание уделяется методике гибридного поиска, когда испытуемому необходимо искать нескольких предварительно запомненных целевых стимулов.

Обсуждение результатов. Предполагается, что гибридный поиск направляется одной из репрезентаций (вероятно, первой из запоминаемых), а далее происходит последовательное сличение объектов на соответствие шаблону внимания – репрезентации целевого стимула, при этом каждый из не соответствующих шаблону объектов последовательно сличается с остальными репрезентациями.

Ключевые слова

категоризация, зрительное внимание, зрительный поиск, категориальный поиск, гибридный поиск, репрезентация, рабочая память

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-78-10055.

Для цитирования

Горбунова, Е. С. (2023). Механизмы построения репрезентации в категориальном поиске: роль внимания и рабочей памяти. *Российский психологический журнал*, 20(3), 116–130. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.6>

Введение

Зрительный поиск представляет собой процесс поиска целевого объекта среди отвлекающих стимулов (дистракторов) (Wolfe, 2010). Под этим строгим определением скрывается большое количество задач, которые мы решаем каждый день, сами того не замечая: поиск ключей на столе, поиск нужного сорта помидоров в супермаркете, поиск друга в толпе... Более того, существуют виды профессиональной деятельности, требующие постоянного решения задач зрительного поиска: например, рентгенология и багажный контроль.

Зрительный поиск также является одной из самых популярных методик исследования восприятия и внимания в когнитивной психологии. Причиной такого интереса является не только практическая значимость исследования механизмов решения задачи зрительного поиска (см. напр. Biggs, Kramer, & Mitroff, 2018), но и тот факт, что данная методика является «удобным» способом исследования как объектного (поскольку инструкция, как правило, предполагает отбор на объектной основе), так и пространственного внимания (поскольку процесс поиска связан с обследованием определённых мест в пространстве).

В рамках данной работы будут рассмотрены основные результаты исследований зрительного поиска и теоретические представления о механизмах данного процесса, а также предложена модель формирования репрезентации при осуществлении зрительного поиска.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Несмотря на то, что задача зрительного поиска выглядят как одна из самых «жизненных» проявлений когнитивной психологии, в экспериментах, как правило, используется максимально «не жизненный» стимульный материал: вертикально и горизонтально ориентированные линии (Wolfe, Palmer, & Horowitz, 2010), треугольники (Wolfe, 1998), буквы Т и L (Fleck, Samei, & Mitroff, 2010). Ответы испытуемого также, как правило, не очень похожи на то, что приходится делать в реальной жизни: классическая методика зрительного поиска предполагает нажатие на одну клавишу, если целевой объект присутствует, и на другую клавишу, если он отсутствует; но для выполнения повседневных задач нам обычно необходимо чётко указать на объект или даже схватить его рукой. Данное противоречие между лабораторными исследованиями феноменов и их повседневными проявлениями характерно не только для психологии внимания, но и для других областей когнитивной психологии. Оно обусловлено, в первую очередь, желанием исследовать когнитивные процессы в максимальной изоляции от побочных переменных. Тем не менее, в последние годы отмечен рост интереса когнитивных психологов к экологически валидным задачам. Рост интереса связан как с развитием подходов в когнитивной психологии – интереса к воплощённому, расширенному и распределённому познанию (см. напр. Clark, 2008; Rogers & Ellis, 1994; Varela, Thompson, & Rosch, 1991), так и с запросами практики.

Теоретическое обоснование

Появление новых теоретических подходов неразрывно связано с разработкой новых методик исследования. Основные модификации классической задачи зрительного поиска включают в себя: поиск нескольких целевых стимулов (методика «гибридного поиска») (Wolfe, 2012), присутствие на экране двух и более целевых стимулов (методики «пропусков при продолжении поиска» (Adamo, Cox, Kravitz, & Mitroff, 2019; Adamo, Cain, & Mitroff, 2013) и «внезапных находок» (Wolfe, Soce, & Schill, 2017)), а также различные способы ответа испытуемого – от нажатия на целевой стимул мышкой (Cain, Adamo, & Mitroff, 2013) до буквального «захватывания» найденного стимула (Gilchrist, North, & Hood, 2001). Некоторые упомянутые методики будут подробнее рассмотрены далее, а сейчас обратимся к ещё одному варианту модификации классической задачи зрительного поиска – категориальному поиску.

Категориальный поиск

Категориальный поиск представляет собой вариант зрительного поиска, при котором целевой стимул задаётся названием категории (например, «необходимо искать яблоки») (см. напр. Maxfield, Stalder, & Zelinsky, 2014). Данный вид задач является достаточно экологически валидным (Schmidt & Zelinsky, 2009). Исследования категоризации представляют отдельный интерес, поскольку именно категоризация

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

обеспечивает экономичное хранение и оперирование информацией благодаря группировке объектов (Rosch & Mervis, 1975).

Классические теории категоризации (Mervis & Rosch, 1981) предполагают, что категоризация может осуществляться на субординатном, базовом и суперординатном уровне. Субординатный уровень включает в себя наиболее узкую группу объектов (например, «таксы»), базовый – более широкую («собаки»), а суперординатный является наиболее обширным («животные»). Объекты, заданные категорией базового уровня, обладают преимуществом в большом количестве задач, в том числе, в зрительном поиске. Повышение скорости и точности решения задачи в условии задания целевого стимула на базовом уровне по сравнению с суперординатным и субординатным получило название эффекта превосходства категорий базового уровня (Murphy & Smith, 1982). Теории категоризации обычно объясняют преимущество базового уровня с точки зрения некоторого баланса, существующего между специфичностью объекта и его «отличительностью» на промежуточном базовом уровне (Murphy & Brownell, 1985). Признаки объектов на субординатном уровне могут быть очень специфическими, однако эти признаки, как правило, перекрываются с признаками других категорий объектов и, следовательно, лишены «отличительности». Характеристики объектов суперординатной категории, наоборот, очень «отличительны», но при этом свойства объектов категории, как правило, не обладают специфичностью.

Основные теоретические модели зрительного поиска

Самой известной теорией в когнитивной психологии, описывающей механизмы процесса зрительного поиска и функционирования внимания в целом, является классическая теория интеграции признаков (ТИП) Э. Трейсман (Treisman & Gelade, 1980).

ТИП предполагает, что до момента включения внимания различные базовые признаки объектов (цвет, ориентация, форма и т. д.) свободно «плавают», а зрительная система выстраивает независимые друг от друга карты отдельных признаков. Признаки, отнесённые к одному месту в зрительном поле, соединяются друг с другом на главной карте местоложений, при этом восприятие целостного объекта возможно только при направлении внимания в это место на карте. В дальнейшем ТИП была дополнена также возможностью нисходящей регуляции внимания: компонентом «досье объекта», который представляет собой собрание различных признаков объекта (см. напр. Kahneman, Treisman, & Gibbs, 1992; Wolfe & Bennett, 1997). Досье может модифицироваться под влиянием опыта, туда могут добавляться новые признаки, а также категориальная информация – принадлежность к определенному классу объектов и способы взаимодействия с объектом. Категориальная информация позволяет формировать некоторые ожидания о том, что может с данным объектом произойти. ТИП преимущественно используется для

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

объяснения простых процессов параллельного и последовательного поиска, а также асимметрий зрительного поиска (см. напр. Wolfe, 2001). Объяснение более сложных вариантов зрительного поиска было предложено в модели управляемого поиска J. M. Wolfe (Wolfe, Cave, & Franzel, 1989; Wolfe, 1994; Wolfe & Gancarz, 1997; Wolfe, 2007).

Последняя версия модели управляемого поиска – «Управляемый поиск 6.0» (Wolfe, 2021) рассматривает внимание сходным с ТИП образом – в качестве механизма, который выбирает элементы в зрительном поле так, чтобы их признаки можно было связать в опознаваемые объекты. Для наилучшей обработки объектов внимание «направляется» на них, при этом можно выделить пять источников такого направления внимания (гайденса): восходящий и нисходящий гайденс со стороны признаков, прошлый опыт, вознаграждение (мотивация) и характеристики сцены (Wolfe & Horowitz, 2017). Эти источники направления внимания объединяются в пространственную «карту приоритетов» – своего рода динамический ландшафт внимания, который развивается в ходе осуществления поиска. Селективное внимание направляется на наиболее активное место на карте приоритетов примерно 20 раз в секунду, при этом распределение внимания на карте будет неодинаковым – например, приоритет будет отдаваться объектам, расположенным возле точки фиксации. Объекты в зрительном поле необходимо сравнивать с шаблоном целевого стимула, чтобы идентифицировать их в качестве целевых стимулов или отвергнуть как дистракторы. Шаблон целевого стимула хранится в системе памяти.

В своей модели Дж. Вольф рассматривает не только классический зрительный поиск, но и другие варианты модификации данной методики, особое внимание уделяя процессу гибридного поиска. В экспериментах с применением гибридного поиска испытуемый осуществляет поиск на экране ряда предварительно запомненных объектов, при этом варьируется, как правило, количество запоминаемых объектов и объектов, присутствующих на экране (Drew, Boettcher, & Wolfe, 2017). Задача гибридного поиска похожа на посещение супермаркета, когда предварительно заучивается список продуктов, а затем осуществляется их поиск на полках. Дж. Вольф предполагает, что в данном случае происходит формирование двух типов репрезентаций: «направляющего шаблона» (guiding template) и «шаблона целевого стимула» (target template). Направляющий шаблон представляет собой репрезентацию из рабочей памяти, которая «выбирает» в зрительном поле объекты, подходящие под нужную категорию: например, если необходимо искать определённых животных, а в зрительном поле присутствуют животные и цифры, направляющий шаблон будет выбирать только животных, ориентируясь по перцептивным признакам (главным образом, по форме). Далее, шаблон целевого стимула будет определять, относится ли то или иное животное в зрительном поле к тем, что были запомнены в качестве целевых стимулов. Шаблон целевого стимула при этом является более четкой репрезентацией по сравнению с направляющим шаблоном и функционирует внутри активированной долговременной памяти –

специальной промежуточной системы между рабочей памятью и долговременной памятью (Cowan, 2019).

Представления J. M. Wolfe о разных типах репрезентаций в гибридном поиске переключаются с ранее предложенным G. Zelinsky различием процессов гайденса и верификации в классическом зрительном поиске. В экспериментах Maxfield & Zelinsky задача испытуемых заключалась в поиске объектов, которые могли быть заданы базовой, суперординатной либо субординатной категорией, при этом регистрировались движения глаз (Maxfield & Zelinsky, 2012). Процесс нахождения стимула был разделен на два субпроцесса: гайденс (время от начала пробы до фиксации на целевом стимуле) и верификацию (время от фиксации на целевом стимуле до момента ответа). Время гайденса оказалось самым меньшим для категорий субординатного уровня и самым значительным – для категорий суперординатного уровня. Данный результат авторы связывают со степенью специфичности (мерой перцептивных отличий) категорий. Время верификации, напротив, оказалось наименьшим для категорий базового уровня, что объясняется степенью отчётливости категорий, связанной с характерными функциями целевого объекта.

Модель управляемого поиска описывает основные факторы направления внимания в зрительном поиске и согласуется с большим числом экспериментальных данных, однако процесс формирования «направляющего шаблона» – репрезентации целевого стимула – не рассматривается в рамках данной модели подробно. Помимо этого, механизмам формирования «направляющего шаблона» для вербально заданных стимулов также не уделяется достаточного внимания, в то время как в реальной жизни мы часто имеем дело именно с такими ситуациями: например, когда нам необходимо найти кружку, но чёткого представления о том, какого она цвета, размера и как расположена в пространстве, у нас нет. При этом в данном случае репрезентация целевого стимула не дана изначально, а формируется в системе переработки информации на основании ряда факторов. В рамках данной статьи мы предлагаем модель формирования репрезентации целевого стимула в категориальном поиске.

Обсуждение результатов

Перед тем, как приступить к описанию модели, определим основные понятия, которые будут нами использоваться. Под **рабочей памятью** (РП) традиционно понимается система памяти, функцией которой является кратковременное хранение и манипулирование ограниченным объёмом информации (Баддли, Андерсон, и Айзенк, 2011; Cowan, 2010). Данный термин вызывает у исследователей большое количество разногласий, в первую очередь в контексте различения функций кратковременной и рабочей памяти (Cowan, 2008; Baddeley, 2011). В рамках нашей модели мы будем придерживаться классического определения

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

рабочей памяти, однако уточним её функцию как манипуляцию **репрезентациями** (зрительными и вербальными образами) стимулов. Также выделяется специальная система **активированной долговременной памяти (АДП)**, выступающая в качестве связующего звена между рабочей памятью и собственно долговременной памятью. Активированная долговременная память представляет собой часть долговременной памяти, релевантную выполняемой на данный момент задаче (Cowan, 1995). Мы полагаем, что при решении задачи зрительного поиска РП осуществляет сличение репрезентаций стимулов в зрительном поле с направляющими поиск репрезентациями целевых стимулов, хранящихся в АДП. Выбор релевантных для выполняемой задачи репрезентаций и их перевод из АДП в РП (для непосредственного решения задачи) обеспечивается **вниманием**.

Процесс категориального поиска при этом происходит следующим образом. Вербально заданная цель поступает в систему активированной долговременной памяти. Активированная долговременная память активирует в семантической памяти название целевого объекта, которое, в свою очередь, будет активировать ключевые признаки для этого объекта (характерную форму, цвет, типичное пространственное положение). Далее совокупность данных признаков загружается в рабочую память, которая осуществляет процесс гайденса – направления внимания – на эти признаки в зрительном поле с помощью шаблона внимания. Термин «шаблон внимания» был предложен ранее для обозначения репрезентаций в рабочей памяти, направляющих процесс зрительного поиска (см. напр. Carlisle, Arita, Pardo, & Woodman, 2011; Desimone and Duncan, 1995; Bundesen, Haberkost, & Kyllingsbaek, 2005), и по сути аналогичен предложенному Дж. Вольфом термину «направляющий шаблон». На наш взгляд, термин «шаблон внимания» является более удачным, чем «направляющий шаблон», поскольку подчеркивает роль внимания при переводе репрезентаций из АДП в РП.

Количество признаков, по которым происходит гайденс, зависит от того, насколько чёткой является репрезентация целевого стимула. Уровень чёткости репрезентации будет зависеть, в первую очередь, от двух факторов: от уровня категории, на котором задан целевой стимул (базовый, суперординатный и субординатный), а также широты категории (количества объектов, входящих в эту категорию). Помимо этого, уровень специфичности репрезентации может определяться прошлым опытом: если целью поиска является конкретный объект, который ранее фигурировал в зрительном поле, его репрезентация будет наиболее детализированной.

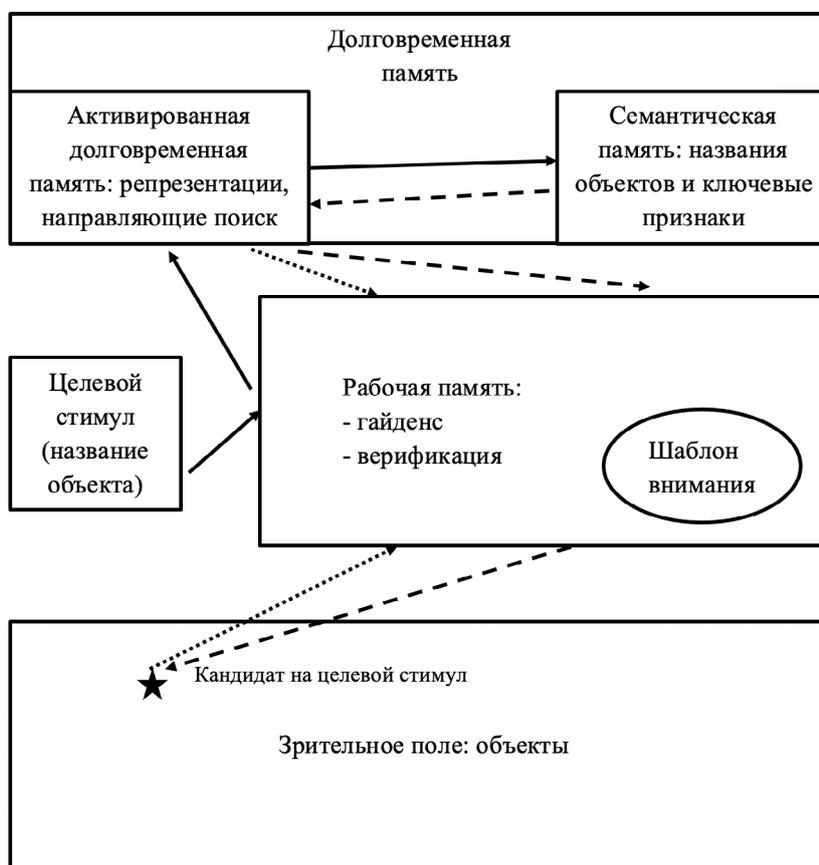
Зрительный поиск представляет собой двухстадийный процесс. Сначала происходит направление внимания на объекты в зрительном поле, соответствующие набору целевых признаков, и каждый из этих объектов начинает выступать в качестве «кандидата на целевой стимул». Вторая стадия процесса зрительного поиска представляет собой проверку каждого из «кандидатов» – верификацию. Процесс верификации происходит в системе рабочей памяти и представляет собой процесс

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

вербального названия стимула и сопоставления его с вербальной репрезентацией из АДП. При этом верификация, вероятно, в первую очередь базируется на функции объекта и связана с активацией моторных программ. Если «кандидат на целевой стимул» проходит проверку, поиск завершается ответом, если же «кандидат» не удовлетворяет условиям, внимание направляется на следующего «кандидата». Графическая версия предложенной модели представлена на рисунке 1.

Рисунок 1

Модель процесса построения репрезентации в зрительном поиске. Сплошными линиями обозначен процесс первичного формирования репрезентации на основании названия целевого стимула, пунктирными линиями – процесс гайденса, линиями из точек – процесс верификации

Отдельный интерес в данном контексте представляет ситуация, когда целевых стимулов в зрительном поле может быть больше одного. Нами был проведен ряд экспериментальных исследований эффекта «пропусков при продолжении поиска» (ПППП) – снижения успешности обнаружения второго целевого стимула после успешного нахождения первого целевого стимула в парадигме зрительного

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

поиска (Adamo, Gereke, Shomstein, & Schmidt, 2021). Задача испытуемых в таких исследованиях состоит в том, чтобы найти все присутствующие на экране целевые стимулы, которых может быть один или два. При этом основной результат, как правило, состоит в том, что успешность обнаружения второго целевого стимула после нахождения первого оказывается ниже по сравнению с успешностью обнаружения единственного целевого стимула. В серии экспериментов испытуемым было необходимо искать целевые стимулы, которые могли быть похожи перцептивно (один цвет), категориально (одна категория (например, груша и ананас – фрукты)), а также могли быть сходными как перцептивно, так и категориально, либо не быть сходными ни перцептивно, ни категориально. Было обнаружено, что вероятность нахождения второго целевого стимула повышается как при перцептивном, так и при категориальном сходстве, однако категориальная принадлежность оказывается более сильным фактором (Rubtsova & Gorbunova, 2021). При этом стоит отметить, что в целом успешность нахождения категориально заданных стимулов (например, «найдите сладкое») оказывается ниже по сравнению с поиском конкретных объектов (например, «найдите конфету») (см. напр. (Rubtsova & Gorbunova, 2022). Данный результат может быть связан либо с лучшим гайденсом для конкретных объектов, либо с тем, что у последних больше перцептивные различия между целевыми стимулами и дистракторами. Мы полагаем, что перцептивное сходство объектов оказывает влияние на процесс нахождения второго целевого стимула на этапе гайденса, а категориальное сходство имеет значение уже на этапе верификации.

Дополнительно стоит рассмотреть ситуацию, когда в зрительном поле присутствует только один целевой стимул, однако процесс поиска направляется сразу несколькими репрезентациями. В одном из наших экспериментов испытуемые выполняли задачу гибридного поиска – поиска на экране ряда предварительно запомненных объектов (Ангельгардт, Макаров, Горбунова, 2021). Данные объекты могли относиться либо к категориям базового уровня («яблоко»), либо к категориям суперординатного уровня («фрукты»). Для запоминания предоставлялось от 1 до 4 объектов, на экране могло присутствовать 4, 8, 12 или 16 объектов. Основным сравниваемым показателем выступало время реакции при поиске стимулов базовых или суперординатных категорий – предполагалось, что в силу проявления эффекта преимущества категорий базового уровня оно будет меньшим в первом условии. Однако, в результате анализа данных, значимых различий при сравнении поиска объектов из базовых или суперординатных категорий обнаружено не было. В качестве одной из возможных причин может выступать «наложение» в фиксируемом времени реакции процессов гайденса – направления внимания на стимул и верификации – идентификации стимула в качестве целевого. Для разделения данных процессов нами был проведен следующий эксперимент.

Дизайн нового эксперимента был практически идентичным, за исключением того, что дополнительно велась запись движений глаз (Сапронов, Макаров, Горбунова, в печати). Соответственно, помимо анализа поведенческих данных

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

было произведено сопоставление показателей айтрекинга в условиях поиска целевого стимула, заданного базовой или суперординатной категорией. Для анализа использовались два показателя: время гайденса и время верификации. Время гайденса рассчитывалось как время от начала пробы до момента фиксации на целевом стимуле, а время верификации – как время от начала фиксации на целевом стимуле до момента нажатия на клавишу для ответа. Время гайденса оказалось меньшим в условии с поиском стимула, заданного базовой категорией, что согласуется с результатами экспериментов с классическим зрительным поиском (Maxfield & Zelinsky, 2012). Данный результат, вероятнее всего, связан с тем, что при поиске объекта, заданного категорией базового уровня, создаётся достаточно точный гайденс. Объекты, входящие в одну базовую категорию (по сравнению с объектами из одной суперординатной категории), обладают большим количеством специфических признаков, а также значительным числом признаков, которые позволяют отличить их от других категорий: например, категория «яблоки» будет задавать более четкий гайденс нахождение стимула по сравнению с категорией «фрукты». Благодаря более чёткому гайденсу нахождение целевого стимула в условии поиска базовых категорий в зрительном поле оказываются «подходящими» меньшее количество объектов, поэтому непосредственно процесс поиска целевого стимула происходит быстрее.

Отдельный вопрос – это то, как именно реализуется процесс гайденса в гибридном поиске, ведь репрезентаций целевого стимула в данном случае несколько. Мы полагаем, что исходно поиск направляется одной из репрезентаций (скорее всего, первой из запоминаемых), далее происходит ряд последовательных фиксаций на объектах, соответствующих данному шаблону, и, если каждый из объектов не соответствует шаблону, он последовательно сличается с остальными репрезентациями.

При этом время верификации в парадигме гибридного поиска оказывается одинаковым для объектов базовой и суперординатной категории, в то время как в исследовании с классическим зрительным поиском (Maxfield & Zelinsky, 2012) у категорий базового уровня наблюдалось преимущество в процессе верификации. На этапе верификации перцептивной системе требуется принять решение о том, является ли зафиксированный стимул целевым (принадлежит ли данный объект списку из предварительно запомненных категорий). Логичным будет предположить, что в процессе гибридного поиска данный процесс происходит последовательно в несколько этапов. Согласно нашим данным, время верификации в гибридном поиске зависит от количества категорий для запоминания, то есть, вероятнее всего, происходит соотнесение зафиксированного стимула с каждой из предварительно запомненных категорий по порядку, в то время как в классическом зрительном поиске по определению происходит всего одно такое сравнение.

Особый интерес также представляет роль функционального знания в формировании репрезентаций объектов и их категоризации. Под функциональным

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

знанием понимается представление о функции, которую может выполнять тот или иной объект. Данный термин тесно связан с понятием аффорданса – возможного способа действия с объектом (Osiurak, Rossetti, & Badets, 2017). Данный вопрос оказывается особо важным, поскольку верификация, согласно нашей модели и в соответствии с представлениями Zelinsky, основана именно на функции объекта и связана с активацией моторных программ. Значительное количество исследований показывает, что функциональное знание об объекте влияет на процесс его обработки. Например, существует широко известный «эффект совместимости» – конгруэнтности положения объекта и движения, выполняемого человеком: когда объект расположен сообразно движениям, выполняемым человеком, скорость его обработки увеличивается (см. напр. Borghi, Bonfiglioli, Ricciardelli, Rubichi, & Nicoletti, 2007). Тем не менее, данный эффект воспроизводится не всегда, что заставляет усомниться в универсальности данного феномена. Например, в недавнем нашем исследовании испытуемые выполняли движение «защипывания» либо «захватывания» рукой, при этом параллельно осуществляя поиск объектов в парадигме пропусков при продолжении поиска (Ануфриева, Горбунова, 2022). Движения рукой могли быть конгруэнтными либо неконгруэнтными целевому стимулу. Эффекта конгруэнтности обнаружено не было: испытуемые решали задачу одинаково эффективно вне зависимости от того, было ли движение рукой «подходящим» для целевого стимула. Не стоит упускать из виду тот факт, что результаты могут быть связаны с тем, что движение выполнялось неведущей рукой, а также возможность параллельного запуска нерелевантных программ, однако подобные результаты как минимум заставляют усомниться в устойчивости эффекта конгруэнтности.

Задание уровня категории в задаче поиска происходит не автоматически, а может быть гибко адаптированным в зависимости от контекста и задачи. Так, в одном из исследований с парадигмой классического зрительного поиска использовался внутригрупповой план, задача испытуемых состояла в поиске базовых и суперординатных категорий, при этом объекты, соответствующие этим категориям, были одинаковыми (Ангельгардт, Ануфриева, Сапронов, и Горбунова, 2024). Производилась регистрация вызванных потенциалов, анализировались компоненты CDA и N2PC, традиционно связываемые с гайденсом и формированием шаблона внимания в рабочей памяти. В ходе анализа были получены указанные компоненты, однако различий в их амплитуде обнаружено не было, поведенческие данные также были практически идентичными при поиске базовых и суперординатных категорий. Полученные результаты, вероятнее всего, связаны с особенностями внутригруппового плана, использованного в данном исследовании: испытуемые проходили сначала серию с поиском суперординатных категорий, а затем базовых (либо в противоположном порядке), и, вероятно, могли имплицитно научиться искать определённые объекты, поэтому задача поиска объекта определённой категории сводилась к поиску этого стимула по перцептивным признакам.

Заключение

По мере развития когнитивной психологии всё больше внимания начинает уделяться экологической валидности исследований, а также роли моторных программ при реализации познавательных процессов. Не являются исключением и исследования зрительного поиска: вместо простых геометрических стимулов в экспериментах всё чаще начинают использоваться объекты реального мира, а вместо ответа нажатием на клавиатуру – другие, приближенные к реальному миру способы ответа.

Модификация методик зрительного поиска отражает развитие теоретических представлений о функционировании внимания в данной задаче. Одной из самых современных моделей зрительного поиска является модель управляемого поиска J. M. Wolfe. Последняя версия данной модели хорошо согласуется с большим количеством эмпирических данных, однако не описывает подробно процесс построения репрезентации в категориальном поиске, когда задача состоит в поиске объекта по названию; а именно такие задачи чаще всего встречаются в реальной жизни.

Мы полагаем, что в зрительном поиске ведущую роль играет система рабочей памяти, которая осуществляет сличение репрезентаций из системы активированной долговременной памяти с репрезентациями стимулов в зрительном поле. Мы рассматриваем категориальный зрительный поиск в качестве двухстадийного процесса: сначала посредством направления внимания происходит выбор ряда объектов, а далее – проверка этих объектов на соответствие шаблону внимания. При этом процесс проверки (верификации) представляет собой вербальное называние стимулов и основан на активации моторных программ.

Литература

- Ангельгардт, А. Н., Ануфриева, А. А., Сапронов, Ф. А., Горбунова Е. С. (2024). Нейрофизиологические корреляты процесса зрительного поиска: важна ли категория? *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. (в печати)
- Ангельгардт, А. Н., Макаров, И. М., Горбунова, Е. С. (2021). Роль уровня категории при решении задачи гибридного зрительного поиска. *Вопросы психологии*, 2, 148–158.
- Ануфриева, А. А., Горбунова, Е. С. (2022). Аффордансы как часть процесса идентификации объекта в зрительном поиске. *Российский психологический журнал*, 19(2), 188–200.
- Баддли, А., Андерсон, М., Айзенк М. (2011). *Память*. Питер.
- Сапронов, Ф. А., Макаров, И. М., Горбунова, Е. С. Категоризация в гибридном поиске: исследование с использованием регистрации движений глаз. *Экспериментальная психология* (в печати).
- Adamo, S. H., Cain, M. S., & Mitroff, S. R. (2013). Self-induced attentional blink: a cause of errors in multiple-target search. *Psychological science*, 24(12), 2569–2574. <https://doi.org/10.1177/0956797613497970>
- Adamo, S. H., Cox, P. H., Kravitz, D. J., & Mitroff, S. R. (2019). How to correctly put the "subsequent" in subsequent search miss errors. *Attention, perception & psychophysics*, 81(8), 2648–2657. <https://doi.org/10.3758/s13414-019-01802-8>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Adamo, S. H., Gereke, B. J., Shomstein, S., & Schmidt, J. (2021). From "satisfaction of search" to "subsequent search misses": a review of multiple-target search errors across radiology and cognitive science. *Cognitive research: principles and implications*, 6(1), 59. <https://doi.org/10.1186/s41235-021-00318-w>
- Baddeley A. D. (2001). Is working memory still working? *The American psychologist*, 56(11), 851–864. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.56.11.851>
- Biggs, A. T., Kramer, M. R., & Mitroff, S. R. (2018). Using cognitive psychology research to inform professional visual search operations. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 7(2), 189–198. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2018.04.001>
- Borghi, A. M., Bonfiglioli, C., Ricciardelli, P., Rubichi, S., & Nicoletti, R. (2007). Do we access object manipulability while we categorize? Evidence from reaction time studies. In A. C. Schalley & D. Khlentzos (Eds.). *Mental states, Vol. 1. Evolution, function, nature*. John Benjamin's Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/slcs.92.10bor>
- Bundesen, C., Habekost, T., & Kyllingsbaek, S. (2005). A neural theory of visual attention: bridging cognition and neurophysiology. *Psychological review*, 112(2), 291–328. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.112.2.291>
- Cain, M. S., Adamo, S. H., & Mitroff, S. R. (2013). A taxonomy of errors in multiple-target visual search. *Visual Cognition*, 21(7), 899–921. <https://doi.org/10.1080/13506285.2013.843627>
- Carlisle, N. B., Arita, J. T., Pardo, D., & Woodman, G. F. (2011). Attentional templates in visual working memory. *The Journal of neuroscience: the official journal of the Society for Neuroscience*, 31(25), 9315–9322. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.1097-11.2011>
- Clark, A. (2008). *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*, *Philosophy of Mind Series*. Oxford University press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195333213.001.0001>
- Cowan, N. (2008). What are the differences between long-term, short-term, and working memory?. *Progress in brain research*, 169, 323–338. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(07\)00020-9](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(07)00020-9)
- Cowan, N. (2010). The Magical Mystery Four: How is Working Memory Capacity Limited, and Why? *Current directions in psychological science*, 19(1), 51–57. <https://doi.org/10.1177/0963721409359277>
- Cowan, N. (2019). Short-term memory based on activated long-term memory: A review in response to Norris (2017). *Psychological bulletin*, 145(8), 822–847. <https://doi.org/10.1037/bul0000199>
- Cowan, N. (1995). *Attention and Memory: An Integrated Framework*. Oxford University Press.
- Desimone, R., & Duncan, J. (1995). Neural mechanisms of selective visual attention. *Annual review of neuroscience*, 18, 193–222. <https://doi.org/10.1146/annurev.ne.18.030195.00>
- Drew, T., Boettcher, S. E. P., & Wolfe, J. M. (2017). One visual search, many memory searches: An eye-tracking investigation of hybrid search. *Journal of vision*, 17(11), 5. <https://doi.org/10.1167/17.11.5>
- Fleck, M. S., Samei, E., & Mitroff, S. R. (2010). Generalized "satisfaction of search": adverse influences on dual-target search accuracy. *Journal of experimental psychology. Applied*, 16(1), 60–71. <https://doi.org/10.1037/a0018629>
- Gilchrist, I. D., North, A., & Hood, B. (2001). Is visual search really like foraging? *Perception*, 30(12), 1459–1464. <https://doi.org/10.1068/p3249>
- Kahneman, D., Treisman, A., & Gibbs, B. J. (1992). The reviewing of object files: object-specific integration of information. *Cognitive psychology*, 24(2), 175–219. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(92\)90007-o](https://doi.org/10.1016/0010-0285(92)90007-o)
- Maxfield, J. T., Stalder, W. D., & Zelinsky, G. J. (2014). Effects of target typicality on categorical search. *Journal of vision*, 14(12), 1. <https://doi.org/10.1167/14.12.1>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Maxfield, J. T., & Zelinsky, G. J. (2012). Searching Through the Hierarchy: How Level of Target Categorization Affects Visual Search. *Visual cognition*, 20(10), 1153–1163. <https://doi.org/10.1080/13506285.2012.735718>
- Mervis, C. B., & Rosch, E. (1981). Categorization of natural objects. *Annual Review of Psychology*, 32, 89–115. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.32.020181.000513>
- Murphy, G. L., & Brownell, H. H. (1985). Category differentiation in object recognition: typicality constraints on the basic category advantage. *Journal of experimental psychology: Learning, memory, and cognition*, 11(1), 70–84. <https://doi.org/10.1037//0278-7393.11.1.70>
- Murphy, G. L., & Smith, E. E. (1982). Basic-level superiority in picture categorization. *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior*, 21(1), 1–20. [https://doi.org/10.1016/S0022-5371\(82\)90412-1](https://doi.org/10.1016/S0022-5371(82)90412-1)
- Osiurak, F., Rossetti, Y., & Badets, A. (2017). What is an affordance? 40 years later. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 77, 403–417. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2017.04.014>
- Rogers, Y., & Ellis, J. (1994). Distributed Cognition: An Alternative Framework for Analysing and Explaining Collaborative Working. *Journal of Information Technology*, 9(2), 119–128. <https://doi.org/10.1177/026839629400900203>
- Rosch, E., & Mervis, C. B. (1975). Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. *Cognitive Psychology*, 7(4), 573–605. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90024-9](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90024-9)
- Rubtsova, O., & Gorbunova, E. S. (2021). The effect of categorical superiority in subsequent search misses. *Acta psychologica*, 219, 103375. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2021.103375>
- Rubtsova, O., Gorbunova, E. (2022). Incidental findings in relation to subsequent search misses in visual search. *Psychology in Russia: State of Art*, 19(4), 725–735. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-4-725-735>
- Schmidt, J., & Zelinsky, G. J. (2009). Search guidance is proportional to the categorical specificity of a target cue. *Quarterly journal of experimental psychology*, 62(10), 1904–1914. <https://doi.org/10.1080/17470210902853530>
- Treisman, A. M., & Gelade, G. (1980). A feature-integration theory of attention. *Cognitive Psychology*, 12(1), 97–136. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(80\)90005-5](https://doi.org/10.1016/0010-0285(80)90005-5)
- Treisman, A., & Sato, S. (1990). Conjunction search revisited. *Journal of experimental psychology: Human perception and performance*, 16(3), 459–478.
- Varela, F. J., Thompson, E., Rosch, E. (1991). *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. MIT Press.
- Wolfe, J. M. (1994). Guided Search 2.0 A revised model of visual search. *Psychonomic bulletin & review*, 1(2), 202–238. <https://doi.org/10.3758/BF03200774>
- Wolfe, J. M. (2001). Asymmetries in visual search: an introduction. *Perception & psychophysics*, 63(3), 381–389. <https://doi.org/10.3758/bf03194406>
- Wolfe, J. M. (2021). Guided Search 6.0: An updated model of visual search. *Psychonomic bulletin & review*, 28(4), 1060–1092. <https://doi.org/10.3758/s13423-020-01859-9>
- Wolfe, J. M. (1998). *Visual search*. In H. Pashler (Ed.). Attention. Psychology Press/Erlbaum (UK) Taylor & Francis.
- Wolfe, J. M. (2007). *Guided Search 4.0: Current progress with a model of visual search*. In W. D. Gray (Ed.). *Integrated models of cognitive systems*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195189193.003.0008>
- Wolfe, J. M. (2012). Saved by a Log: How Do Humans Perform Hybrid Visual and Memory Search? *Psychological Science*, 23(7), 698–703. <https://doi.org/10.1177/0956797612443968>
- Wolfe, J. M., & Horowitz, T. S. (2017). Five Factors that Guide Attention in Visual Search. *Nature human behaviour*, 1(3), 0058. <https://doi.org/10.1038/s41562-017-0058>
- Wolfe, J. M., Cave, K. R., & Franzel, S. L. (1989). Guided search: an alternative to the feature

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- integration model for visual search. *Journal of experimental psychology. Human perception and performance*, 15(3), 419–433. <https://doi.org/10.1037//0096-1523.15.3.419>
- Wolfe, J. M., Palmer, E. M., & Horowitz, T. S. (2010). Reaction time distributions constrain models of visual search. *Vision research*, 50(14), 1304–1311. <https://doi.org/10.1016/j.visres.2009.11.002>
- Wolfe, J. M., Soce, A. A., & Schill, H. M. (2017). How did I miss that? Developing mixed hybrid visual search as a „model system“ for incidental finding errors in radiology. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 2(1). <https://doi.org/10.1186/s41235-017-0072-5>
- Wolfe, J. M. (2010). Visual search. *Current biology*, 20(8), R346–R349. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2010.02.016>
- Wolfe, J. M., & Bennett, S. C. (1997). Preattentive object files: shapeless bundles of basic features. *Vision research*, 37(1), 25–43. [https://doi.org/10.1016/s0042-6989\(96\)00111-3](https://doi.org/10.1016/s0042-6989(96)00111-3)
- Wolfe, J. M., Gancarz, G. (1997). *Guided Search 3.0*. In: Lakshminarayanan, V. (eds). *Basic and Clinical Applications of Vision Science*. Documenta Ophthalmologica Proceedings Series, 60. Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-011-5698-1_30

Поступила в редакцию: 23.03.2023

Поступила после рецензирования: 30.05.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

Информация об авторе

Горбунова Елена Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, заведующий лабораторией когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: K-5126-2015; Scopus AuthorID: 38361381100; SPIN-код РИНЦ: 5752-6568; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3646-2605>; e-mail: gorbunovaes@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Консолидация, реконсолидация памяти, угашение и забывание: обзор литературы

Алексей А. Созинов^{1*} , Игорь О. Александров¹ , Александр Г. Горкин¹ ,
Татьяна Н. Греченко¹ , Юрий И. Александров^{1,2}

¹ Институт психологии РАН, Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

* Почта ответственного автора: sozinovaa@ipran.ru

Аннотация

Введение. Для изучения закономерностей формирования индивидуального опыта в настоящей работе проведено обобщение современных результатов исследований консолидации, реконсолидации памяти, угашения и забывания в рамках единого представления, сформулированного в системной психофизиологии: как проявлений согласованных процессов формирования нового и модификации ранее сформированного опыта. **Теоретическое обоснование.** В развитие теории функциональных систем П. К. Анохина было обосновано, что системогенез происходит не только в раннем, но и во взрослом возрасте, так как образование нового поведенческого акта является формированием новой системы и проявляется в становлении специализации нервных клеток. В исследованиях с регистрацией электрических импульсов отдельных нервных клеток во время того, как животные осуществляют новое поведение, показано, что при выполнении поведения происходит реализация не только новых систем, которые сформированы при обучении, но и одновременная реализация множества ранее сформированных систем. Поэтому консолидация, реконсолидация памяти, угашение и забывание рассматриваются нами как проявления реорганизации целостного индивидуального опыта. **Результаты исследований** в нейрофизиологии, психофизиологии и психологии памяти показывают, что процессы формирования памяти (в том числе её консолидации/реконсолидации) и забывания являются не взаимоисключающими. Некоторые формы забывания при этом обусловлены не разрушением памяти, а

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

невозможностью её использования, что отчасти характерно для формирования угашения. **Обсуждение результатов.** Обосновывается, что (ре)консолидация, угашение и забывание могут иметь в своей основе сходные долгосрочные изменения ранее сформированного опыта, в частности такие, которые в дальнейшем не позволяют некоторым элементам этого опыта актуализироваться.

Ключевые слова

память, реконсолидация памяти, забывание, угашение, системогенез, научение, индивидуальный опыт, межсистемные отношения

Финансирование

Подготовка статьи осуществлялась при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (№ 0138-2023-0002), Институт психологии РАН.

Для цитирования

Созинов, А. А., Александров, И. О., Горкин, А. Г., Греченко, Т. Н., Александров, Ю. И. (2023). Консолидация, реконсолидация памяти, угашение и забывание: обзор литературы. *Российский психологический журнал*, 20(3), 131–156. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.7>

Введение

В повседневной жизни память называют «хорошей», когда человек помнит нужные ему сведения и не забывает о них в нужный момент. Результаты изучения процесса забывания (см. подраздел «Забывание»), в том числе забывания травматических событий, побуждают ценить память за то, сколько всего она позволяет не воспроизводить в ситуации, когда это не нужно. Как справедливо замечают В. В. Нуркова и А. А. Гофман (2016а), образование нацелено, главным образом, на процесс запоминания и обеспечение его эффективности, в то время как «культура забывания» развита в гораздо меньшей степени.

Консолидация, реконсолидация памяти, забывание и угашение – феномены, которые можно условно назвать «динамикой памяти» (Созинов, Александров, 2022). Современные исследования показывают, что забывание, в том числе в форме прерывания доступа к некоторым составляющим памяти, является постоянно действующей и не менее значимой частью научения и развития индивида, чем запоминание.

Цель настоящего исследования – обобщение данных литературы о процессах динамики памяти в рамках представления о научении как единстве двух связанных процессов: формирования нового опыта и реорганизации ранее сформированного индивидуального опыта.

Теоретическое обоснование

На основе теории функциональных систем (ТФС) П. К. Анохина (1968, 1973), а также результатов экспериментальных исследований и методологических разработок нашего коллектива сформировался и развивается системно-эволюционный подход (Швырков, 1988; Швырков, 2006; Александров, Крылов, 2005; Александров, 2009; Александров, 2020) и новая дисциплина – системная психофизиология. В рамках этой дисциплины изучаются закономерности формирования и реализации систем, их типология, изменение межсистемных отношений в ходе реализации поведения.

ТФС содержит представление о системообразующем факторе, которым является результат – полезный адаптивный эффект, достигающийся при реализации системы. В рамках ТФС были сформулированы определения функции и системы (Анохин, 1968). Причиной поведения, с позиций ТФС, считается результат, то есть событие в будущем относительно этого поведения, а не в прошлом.

Активность рассматривается в рамках ТФС как принципиальное свойство живой материи, так как поведение считается целенаправленным (Анохин, 1978). Согласно принципу активности, поведение индивида обусловлено моделью результата, то есть имеет свою цель (или «направлено в будущее»). Активность и целенаправленность поведения живого также конкретизировано в ТФС с помощью понятия «опережающее отражение» (Анохин, 1978). Наличие цели приводит к делению индивидом «нейтрального» мира (каким он был до появления жизни) на «хорошее» и «плохое», то есть на события или объекты, которые помогают или мешают достижению целей индивида. Кроме того, содержание цели зависит от материала памяти данного индивида и от его мотивации (Александров, 2022). Следовательно, представление об опережающем отражении неразрывно связано с субъективностью.

Закономерности функционирования целостного индивида в парадигме активности влияют и на рассмотрение отдельной клетки многоклеточного организма. На основе развития идей П. К. Анохина об «интегративной деятельности нейрона» (Анохин, 1975) было сформулировано представление о детерминации активности нейрона (Швырков, 2006). Таким образом, импульсация нейронов интерпретируется по аналогии с действием индивида (Александров и др., 1999; Александров, 2008; Alexandrov, Pletnikov, 2022) – как *активность* нейрона, являющаяся средством изменения соотношения со средой, как «действие», которое позволяет устранить рассогласование между «потребностями» клетки и ее микросредой. Такое рассмотрение нейрона (как организма в организме) находится в соответствии с эволюционными представлениями в части сходства между закономерностями обеспечения жизнедеятельности нейрона и одноклеточного организма. Показано, что колонии одноклеточных организмов обеспечивают дыхание, питание и другие функции сообщества за счет кооперации, подобно клеткам многоклеточного организма; метаболизмы отдельных организмов синхронизируются (см. Греченко и др., 2013; Weber et al., 2012).

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

В основе ТФС помимо идеи системности лежит идея развития, конкретизированная в концепции системогенеза (см. Анохин, 1975). В развитие этой концепции и в соответствии с ТФС было обосновано, что системогенез происходит и во взрослом возрасте (Швырков, 1978; Судаков, 1979), так как формированием новой системы является и формирование нового поведенческого акта. Также обосновано, что история формирования поведения, т. е. история последовательных системогенезов, является фактором, без которого затруднено понимание различий роли отдельных нейронов в обеспечении поведения (Александров, 1989; Alexandrov & Alexandrov, 1982). Системно-эволюционная теория и системно-селекционная концепция научения (Shvyrkov, 1986; Швырков, 2006), разработанные на основе ТФС, позволяют рассматривать импульсную активность нейронов в терминах реализации систем. С этих позиций научение рассматривается как эволюционный процесс, включающий отбор, осуществляющийся через индивидуальное развитие, частью которого является формирование «преспециализированных» и «специализированных» нейронов (Кузина, Горкин, Александров, 2004). Успешность отбора определяется качеством достигаемых результатов.

Индивидуальное развитие представляется как последовательность системогенезов, каждый из которых обеспечивает появление новых соотношений организма и среды. На уровне клетки устраняемое за счет новой системы рассогласование проявляется в том, что метаболические «потребности» клетки не соответствуют притоку метаболитов, который она получает. Показано, что при научении происходит скорее вовлечение новых нейронов, чем «переобучение» ранее «обученных»; что существует большое число «молчащих» клеток в мозге животных разных видов; что при обучении увеличивается количество активных клеток и что новые специализации нейронов остаются неизменными (в течение длительных периодов хронической регистрации их активности), поэтому новая система, сформированная при научении, «наслаивается» на ранее сформированные, оказывается «добавкой» к ним (подробнее см. Александров и др., 2015).

Системная специализация нейронов устанавливается в отношении систем, то есть элементов индивидуального опыта, формируемых в индивидуальном развитии, в том числе в отношении индивидуально-специфических систем. Поэтому каждый индивид обладает уникальным набором системных специализаций нейронов. В нашей лаборатории проводятся исследования с регистрацией «спайков» (электрических импульсов) отдельных нейронов во время того, как животные осуществляют циклическое поведение, сформированное в ходе научения (например, Александров и др., 1999; Горкин, Шевченко, 1995; Кузина, Горкин, Александров, 2015; Alexandrov et al., 1993; Alexandrov et al., 2001; Gavrillov et al., 1998 и мн.др., см. также Созинов, Александров, 2022; Alexandrov et al., 2018). В этих и других работах показано, что при выполнении дефинитивного поведения происходит реализация не только новых систем, которые сформированы при обучении актам, составляющим это поведение, но и одновременная реализация множества более старых систем,

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

сформированных на более ранних этапах индивидуального развития (Александров, 1989; Alexandrov et al., 2000; Швырков, 2006). Таким образом, реализация поведения — это, можно сказать, реализация истории его формирования — истории фило- и онтогенетической, т.е. реализация множества систем, фиксирующих определенные этапы формирования этого поведения.

Системная организация действий, имеющих разную историю формирования, различается, даже если эти действия внешне одинаковы. В соответствии с этим предположением различаются показатели активности специализированных нейронов цингулярной коры (Горкин, Шевченко, 1995), в том числе в связи с числом этапов обучения поведению (Кузина, Александров, 2019; Сварник, Булава, Фадеева, Александров, 2011). Различия наборов специализаций нейронов и их долей в числе зарегистрированных нейронов позволяют оценить «содержательные» различия поведения — различия в «состоянии субъекта поведения» (Alexandrov, 2018), определяемом через набор систем, одновременно актуализируемых в ходе выполнения поведения (Швырков, 2006).

Таким образом, мы определяем научение как системогенез — процесс формирования новых функциональных систем за счет необратимой, пожизненной специализации нервных клеток. Стабильность, «постоянство» памяти впоследствии обеспечивается этими клетками. Можно предположить, что активность специализированных нейронов позволяет использовать элементы опыта для переноса научения, а также лежит в основе феноменологии декларативной памяти. С другой стороны, появление систем приводит к перестройке структуры индивидуального опыта. Изменения опыта происходят как в виде «добавки» новых систем при научении, так и за счет модификации систем, сформированных ранее. Это означает, что в процессе развития индивида постоянно изменяется целостная структура индивидуального опыта.

Представления, сформулированные в рамках системно-эволюционного подхода, позволяют обобщить данные литературы и обосновать сходства и различия традиционно выделяемых процессов динамики памяти (консолидация, реконсолидация памяти, угашение, забывание) как разных стороны модификации единой структуры опыта. Остановимся ниже на результатах исследований этих процессов.

Результаты исследований

Консолидация памяти

То, что формирование памяти может быть не мгновенным, впервые экспериментально показали Г. Мюллер и А. Пильцекер в конце 19-го века (Lechner et al., 1999), хотя первые предположения на этот счет были сформулированы намного раньше

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

(см. Dudai, 2004a). Предлагая участникам исследования заучивать два списка бессмысленных слогов, Г. Мюллер и А. Пильцекер выявили, что если второй список предъявляется сразу после первого, то наблюдается эффект ретроактивной интерференции (участники часто дают ответы из второго списка, когда требуется воспроизведение первого). В то же время, этот эффект значительно меньше, если между заучиванием первого и второго списков проходит какое-то время. Этими результатами было обосновано, что память продолжает формироваться и после обучения — для перехода в стабильное состояние она должна консолидироваться (букв. «стать твердой» от лат. *consolidare*).

Представления о консолидации памяти получили дальнейшее развитие в исследованиях, связанных с анализом последствий нарушения работы мозга вследствие электроконвульсивного шока или нейрохирургического вмешательства (подробнее см. Греченко, 1979; Созинов, Александров, 2022; Corkin, 2002; Dudai, 2012; Eichenbaum, 2013; Squire, Wixted, 2011).

«Стандартная модель» консолидации, появившаяся после большой серии работ с оценкой последствий нарушения работы мозга и регистрацией активности мозга животных и человека, приписывала гиппокампу роль активации нейронов в различных зонах неокортекса при воспроизведении материала на ранних этапах научения. Предполагали, что «клеточная консолидация», то есть процесс перестройки в нейронах, которые обеспечивают возможность воспроизводить материал впоследствии, происходит с большей скоростью в гиппокампе по сравнению с корой головного мозга и что активация гиппокампа со временем приводит к «клеточной консолидации» в других структурах — главным образом, в неокортексе. Исчезновение необходимости сохранности всего гиппокампа для воспроизведения данного материала было названо «системной консолидацией» (см. Dudai, 2004b; Runyan et al., 2019). Этот процесс, согласно результатам исследований, может занимать до нескольких лет у людей (Teng & Squire, 1999) и до нескольких недель у грызунов (Bontempi et al., 1999). Считается, что системная консолидация препятствует интерференции между новым и ранее сформированным материалом памяти.

«Теория множественного следа», появившаяся после стандартной модели, подразумевает, что при воспроизведении гиппокамп активируется всегда (Moscovitch & Nadel, 1998). Консолидация памяти, согласно указанной теории (эти представления относятся к эпизодической памяти), состоит в формировании множества связей между гиппокампом и зонами коры по мере использования данной памяти (подробнее об этих и других представлениях о консолидации см. в: Созинов, Александров, 2022).

Результаты исследований с использованием оптогенетических методов соответствуют представлениям об изменении процессов нейронного обеспечения поведения в гиппокампе и коре (Tonogawa, Morrissey, Kitamura, 2018). Нейроны корковых областей образуют т.н. «молчащую энграмму» уже на ранних этапах

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

консолидации, а в гиппокампе «молчащая энграмма» выявляется на поздних этапах: у таких нейронов меньше шипиков, но искусственное активирование этих «энграмм» вызывает воспроизведение поведения (Josselyn & Tonegawa, 2020). Следовательно, представления об изменении состава мозговых структур, от которых зависит воспроизведение поведения, не противоречит представлению о необратимости специализации нейронов, изложенной в разделе «Теоретическое обоснование» (см. также Созинов и др., 2017).

В отличие от исследования энграмм (см. Josselyn & Tonegawa, 2020), электрофизиологическая регистрация импульсной активности нейронов позволяет определить конкретную специализацию нейронов относительно системы поведенческого акта. В исследовании, направленном на изучение мозгового обеспечения сложных форм поведения на последовательных стадиях его формирования (Созинов, Гринченко, Казымаев, Александров, 2015), выявлено, что «повторение» внешне сходного поведения не сопровождается повторением мозговых процессов, которые его обеспечивают. С применением аналогичной методики для регистрации активности нейронов мозга крыс показано дополнительное вовлечение нейронов в процесс специализации на фоне развертывающейся консолидации памяти (Кузина и др., 2015).

Так как эффект консолидации и изменение мозговой активности, связанной с воспроизведением поведения, на последовательных стадиях консолидации показаны как для декларативной памяти (представления о «системах памяти» см. в Squire & Zola-Morgan, 2011), так и для «моторной памяти» (Brashers-Krug et al., 1996; Shadmehr & Holcomb, 1997; Korman, Raz, Flash & Karni, 2003), процесс консолидации считается универсальной закономерностью формирования памяти (см. также: Анохин, 2010; Dudai, 1996). Начиная с 2000-х годов, общепринятые представления о консолидации памяти претерпели изменения (см. Groszmark & Buzsaki, 2016; McKenzie & Eichenbaum, 2011; Morris, 2006; Weible, Rowland, Pang & Kentros, 2009), приобретая ряд сходных черт с представлениями, развитыми в системной психофизиологии (Александров, 2005; Александров и др., 2015). Помимо развития представлений о самом процессе консолидации, эти изменения были вызваны появлением данных о реконсолидации памяти.

Реконсолидация памяти

Феномен временной уязвимости памяти возобновляется после «напоминания» — предъявления одного из компонентов ситуации обучения. Кроме этого, напоминание незадолго до воспроизведения поведения позволяет восстановить «забытое» поведение, которое без напоминания не воспроизводится (Sara, 2000). Возобновление чувствительности поведения к интерферирующим воздействиям назвали реконсолидацией («повторной консолидацией») памяти. Предполагалось, что при напоминании и воспроизведении поведения след памяти «реактивируется» (используется) и снова переходит в состояние, в котором в нем возможны изменения.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Хотя впервые эффект реконсолидации был описан в 1960-е годы, интерес к этой теме возобновился в 2000-е (подробнее см. Созинов и др., 2013; Dudai et al., 2015; Nader, 2015). Конкретные наборы регистрируемых молекулярных процессов, необходимых для консолидации и реконсолидации памяти, не вполне совпадают между собой; не одинаковы скорость этих процессов и влияние на них различных факторов научения (см. Анохин, 2010; Созинов, Александров, 2022; Akirav, Maroun, 2012).

Эффект реконсолидации выявляется не только у животных с помощью фармакологических процедур, но и у людей – в этом случае в качестве амнестического агента используется дополнительное научение (Hubbach et al., 2008; Lau-Zhu et al., 2019; Walker et al., 2003).

Таким образом, в литературе под реконсолидацией памяти понимают сходный (но не совпадающий) с консолидацией процесс модификации памяти после ее реактивации. Хотя эффект реконсолидации в эксперименте демонстрируется как нарушение воспроизведения из-за воздействия после напоминания, реконсолидация рассматривается как конструктивный процесс, позволяющий при необходимости реорганизовывать, «обновлять» ранее сформированную память.

(Re)консолидация памяти с точки зрения системной психофизиологии

С системных позиций, образование новой памяти представляет собой формирование новой системы совместно активирующихся клеток организма, в том числе и нейронов, расположенных в разных структурах мозга, необязательно связанных прямыми влияниями. Мы рассматриваем научение как специализацию новой группы нейронов относительно формируемой системы и «добавление» последней к ранее сформированным системам. Это добавление требует взаимного согласования нового элемента с ранее сформированными и приводит к реконсолидационной модификации последних (см. Александров, 2022; Созинов, Александров, 2022; Alexandrov et al., 2001). Указанная позиция задается теоретическими положениями системного подхода и данными, полученными в его рамках (Александров, 2005; Alexandrov et al., 2018; Alexandrov, Pletnikov, 2022 и др.), а также результатами других исследований (например, Horn, 2004).

Системное описание консолидации, с нашей точки зрения, включает две группы неразрывно связанных процессов: системная специализация и аккомодационная реконсолидация (Александров, 2022; Александров и др., 2015). Представления об аккомодационной реконсолидации не противоречат положению о постоянстве системной специализации нейронов. Реконсолидация не отменяет модификаций, обусловивших формирование долговременной памяти (Nader et al., 2000). Для нейрона она является еще одним этапом дифференциации, возможно, менее масштабным, чем его специализация при научении. В настоящее время результаты

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

исследований реконсолидации памяти приводят авторов к предположению, что реконсолидация, действительно, является общим механизмом реорганизации ранее сформированной памяти при формировании новой (Hupbach et al., 2008).

Ранее нами были приведены данные, свидетельствующие в пользу того, что нейроны, принадлежащие системе и вовлекающиеся в обеспечение одного поведения, при включении этой системы в обеспечение другого поведения не меняют системной специализации, но перестраивают свою активность (Александров, 1989; Горкин, 2021; Сварник и др., 2014; Alexandrov et al., 2001). Реконсолидационная модификация, претерпеваемая ранее сформированной, «старой» системой при появлении связанной с ней новой системы, была названа нами «аккомодационной» (приспособительной) реконсолидацией (Alexandrov et al., 2001; Александров, 2022). Она состоит в морфологической и функциональной модификации нейронов, принадлежащих к ранее сформированным системам. Эта модификация не меняет системную принадлежность нейронов. Процессы морфологической и функциональной модификации нейронов, которые могут разворачиваться при научении без формирования новой системы, названы «реорганизационной» реконсолидацией (Александров, 2005; см. также Сафразьян, Михайлова, Горкин, Александров, 2019).

Модификации нейронов, сопутствующие научению, могут быть связаны как с системной специализацией, так и с реконсолидацией. В то же время в большинстве исследований динамики памяти различия этих процессов не проводится. Дифференцированный подход к модификациям первой и второй группы – необходимый, с нашей точки зрения, компонент исследовательской программы, направленной на выявление закономерностей формирования памяти.

Поскольку формирование нового опыта происходит на основе ранее сформированного опыта, особенности процесса консолидации зависят от характеристик последнего. С помощью выделения компонентов структуры индивидуального знания и оценки их состава в исследовании с формированием опыта стратегической игры двух партнеров выявлено, что на нескольких стадиях формирования нового знания происходит актуализация в наборе составляющих структуру знания тех компонентов, которые реализуют ранее сформированные акты игры (Александров, Максимова, 2003). Выявлена связь эффектов консолидации и реконсолидации с историей формирования поведения (Alberini, 2005; Krakauer et al., 2005; Tse et al., 2007). Поэтому также закономерно, что ишемия мозга влияет на дальнейшую консолидацию памяти (Никишина и др., 2022). Следовательно, один из ключевых аспектов процесса научения – это вовлечение «прошлого» опыта индивида (см. также Арутюнова, Гаврилов, Александров, 2014; Гаврилов, 2007; Крылов, Александров, 2007; Крылов, 2015; Кузина, 2017; Созинов, Александров, 2022; Швырков, 2006; Brod et al., 2013; Grosmark, Buzsáki, 2016; Kuhl et al., 2012), приводящее к его модификации (Александров, 1989; Alexandrov et al., 2001; Dudai et al., 2015).

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

На основе данных, приведенных нами в настоящем разделе, и других результатов (подробнее см. Созинов, Александров, 2022) в литературе также было высказано предположение, что начавшаяся консолидация памяти практически никогда не заканчивается (Dudai et al., 2015). Показано, что в ходе этого процесса память «освобождается» от информации о контексте обучения, трансформируется, символизируется и т.п. (подробнее см. Созинов, Александров, 2022). Можно предположить, что вклад долговременной памяти в процесс смыслообразования (Ермаков, Денисова, 2019) также обусловлен реконсолидационными изменениями. Это означает, что консолидация и реконсолидация памяти сопровождаются «избавлением» от части материала памяти, то есть забыванием.

Сосуществование процессов «запоминания» и «забывания» в ходе (ре)консолидации соответствует нашему представлению о научении как единстве двух процессов – формирования нового опыта и модификации ранее сформированного опыта. В этих рамках мы рассматриваем процессы, которые описывают изменения памяти (приобретение, хранение, воспроизведение, забывание; консолидация, реконсолидация, реактивация). Согласно современным представлениям о динамике памяти, считается, что для интерпретации полученных результатов следует использовать понятия, связанные с соотношением новых и ранее сформированных актов поведения в терминах индивидуального опыта испытуемых (McKenzie, Eichenbaum, 2011). Отсюда следует, что нормальное (не обусловленное болезнью) забывание является естественной и необходимой частью модификации индивидуального опыта.

Адаптивное забывание

Забывание можно определить феноменологически как невозможность вспомнить в данный момент то, что было индивид мог вспомнить раньше (см. Roediger, Weinstein & Agarwal, 2010). Хотя польза такого забывания в меньшей степени, чем его вред, очевидна из повседневного знания, забывание травматических событий, несущественной или устаревшей информации и улучшающаяся вследствие этого возможность обобщения и запоминания являются продуктивными (Лурия, 1994; Parker, Cahill & McGaugh, 2006; см. также обзор на эту тему в работе: Roediger et al., 2010). Забывание рассматривается как адаптивный, необходимый для нормального запоминания процесс (Нуркова, Гофман, 2016а; Созинов и др., 2013; Nairne, 2010; Ryan & Frankland, 2022).

Рассмотрение забывания как адаптивного процесса подразумевает, что он согласуется с поведенческой задачей и зависит от ранее сформированного опыта. Действительно, скорость забывания различается при выполнении разных задач воспроизведения: в исследованиях «функционального распада» памяти показано, что чем чаще необходима замена сведений определенного типа (например, когда мы перекладываем очки), тем быстрее они забываются (Altmann & Gray, 2002).

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Связь забывания с задачей поведения является частным следствием более общего принципа – целенаправленности поведения, который был введен П. К. Анохиным в понятийный аппарат физиологических исследований (Анохин, 1973) и общепринят в отечественной психологии (что выражается в представлениях о деятельности, установке, доминанте). Поскольку работа памяти заключается в обеспечении адаптации и решения текущих и будущих задач, воспоминания являются реконструкцией и связываются с индивидуальными особенностями и событиями жизни (Анохин, 1968; Блонский, 2001; Ляудис, 2011; Швырков, 2006; Bartlett, 1995; Nairne, 2010; Schacter & Loftus, 2013). Поэтому идентификация «лишних» сведений также происходит в соответствии с решаемой индивидом задачей.

Зависит забывание и от «места» забываемого в структуре опыта: с использованием представления об иерархической структуре сложных эпизодов памяти показано, что характер забывания материала связан с его принадлежностью к тому или другому уровню иерархии в структуре эпизода (Andermane, Joensen & Horner, 2021). Авторы утверждают, что на каждом уровне забывание имеет свою специфику и обосновывают представление о «холистическом» и «фрагментированном» забывании.

Согласно репрезентационной теории забывания, забывание определяется типом формируемой при запоминании «когнитивной репрезентации» (Gamoran et al., 2020). Адаптивность забывания выражается также в том, что оно зачастую является неоднородным, неполным, зависимым от контекста и от времени (Nørby, 2020). Кроме того, в рамках исследований намеренного забывания (Нуркова, Гофман, 2016б), в том числе индивидуальных и коллективных амнезогенных практик (Нуркова, Гофман, 2022), сформулированы представления о забывании как о вытеснении, подавлении воспоминаний, проводятся исследования намеренного забывания.

Таким образом, реорганизация опыта, в том числе выражающаяся в забывании, зависит от задачи индивида и от структуры его опыта. Если забывание – необходимая часть модификации опыта, то один из его вариантов можно рассмотреть как формирование такой структуры опыта, которая препятствует актуализации некоторых его элементов. Такое создание «затруднения доступа» выявляется в исследованиях консолидации памяти.

Исследования мозговых основ консолидации памяти, по большей части, основаны на искусственном вмешательстве в процессы, необходимые для отсроченного воспроизведения нового поведения (см. Греченко, 1979 о применении электрического шока для этой цели, а также обзоры: Александров, 2005; Анохин, 1997, 2010; Созинов, Александров, 2022; Barry & Love, 2023; Dudai et al., 2015; de Oliveira Alvares & Do-Monte, 2021; Runyan et al., 2019). Блокада синтеза белка или работы рецепторов в нервных клетках во время обучения приводит к тому, что новое успешно усвоенное поведение не воспроизводится после перерыва (как правило, через несколько часов). Этот эффект может быть проинтерпретирован как забывание и в соответствии с медицинской терминологией классифицируется как амнезия (Козырев, Никитин, 2009).

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

В ряде исследований особенностей фармакологически вызванной амнезии было показано, что «забывание» в этом случае является следствием невозможности извлечения памяти. Так, с использованием обучения пассивному избеганию у цыплят (при котором они перестают клевать бусину, которая ранее была смочена горьким веществом: Тиунова, Комиссарова, Безряднов, Анохин, 2016; Tiunova, Bezryadnov, Gaeva, Solodovnikov & Anokhin, 2020) и методики условно-рефлекторного замирания у мышей (Тиунова, Безряднов, Гаева, Солодовников, Анохин, 2017) на фоне амнезии, вызванной блокадой NMDA-рецепторов, синтеза белков и других молекулярных процессов, оценивали возможность повторного обучения животных. Выявлено, что через различные сроки после нарушения консолидации памяти (2 или 24 часа) возможность повторного обучения оказывается нарушенной, при том что обучение с использованием других новых сигналов (цвета предъявляемой бусины у цыплят и звука у мышей) в той же экспериментальной модели не нарушалось. Аналогичным образом, подавление активности нейронов, активных при формировании нового поведения, нарушает не только воспроизведение этого поведения, но и возможность его заново сформировать (Matsuo, 2015). Авторы интерпретируют полученные данные в связи с представлением об «аллокации» памяти (Matsuo, 2015), в соответствии с которым одно и то же поведение может обеспечиваться только определенным набором нейронов (несмотря на наличие «резерва» клеток для нового обучения). Невозможность сформировать поведение заново, показанная в этих исследованиях, означает, что соответствующая память сохранна, но не может быть извлечена. Интересно, что вывод о сохранности «следа памяти» уже был сделан ранее только на основе анализа исследований консолидации с использованием электрического шока и собственных данных автора по электрической активности нейронов беспозвоночных (Греченко, 1979).

Сохранность памяти при амнезии продемонстрировали и с помощью оптогенетических методов путем выявления так называемых «молчащих энграмм» (см. Tonegawa et al., 2018). Этот метод создает возможность влиять на активность нейронов, в которых в ходе обучения экспрессировался ранний ген *c-fos*. Эта экспрессия рассматривается как развертывание молекулярно-генетического каскада событий, лежащих в основе процесса специализации клеток в отношении вновь формируемой системы и аккомодационной реорганизации ранее специализированных нейронов (Александров и др., 2015; Сварник и др., 2011; Alexandrov et al., 2001; Alexandrov et al., 2018). Оптогенетическая активация нейронов зубчатой фации гиппокампа, активных в ходе процедуры обучения и нарушения консолидации у мышей, приводила к воспроизведению этого поведения даже через 8 дней после обучения, хотя без этой активации животным демонстрировали забывание (Ryan, Roy, Pignatelli, Arons & Tonegawa, 2015).

Таким образом, одной из причин забывания может быть формирование такой структуры опыта, в которой актуализация некоторых элементов нового опыта (систем) затруднена. В то же время наличие этих элементов может влиять на

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

дальнейшее формирование опыта. Например, в исследовании нейрхимических основ поведения на разных стадиях его формирования (Romero-Granados, Fontán-Lozano, Delgado-García & Carrión, 2010) с помощью регистрации мРНК ранних генов было показано, что паттерны активации при первичном научении и научении после полного «забывания» сходны (активация гиппокампа, соматосенсорной и периренальной коры), но не идентичны. Возможно, что это различие обусловлено активным созданием недоступности, «изоляции» памяти, молекулярные основы которой изучаются в рамках исследований «активного забывания».

Под активностью забывания понимается то, что соответствующие забыванию биохимические процессы требуют энергии и по сложности сопоставимы с процессами, необходимыми для запоминания. Принято считать, что для забывания необходимо нарушение тех синаптических связей, которые сформировались при обучении новому поведению. Тогда предотвращение этого нарушения должно предотвращать забывание. Действительно, блокада эндоцитоза глутаматных рецепторов AMPA в гиппокампе крыс приводит к предотвращению забывания расположения объектов и предпочтения контекста, в котором животное ранее получало еду (Guskjolen, 2016).

В исследованиях на моллюсках (Sangha et al., 2005), дрозофилах (Berry & Davis, 2014) и крысах (Hardt, Nader & Nadel, 2013) на основе данных о специфических изменениях в нейрхимии мозга, которые сопровождают снижение уровня воспроизведения нового поведения, показано, что блокада этих процессов приводит к предотвращению забывания (а также зачастую к нарушению формирования нового поведения). На основе полученных данных авторы утверждают, что забывание нельзя считать «ошибкой», сбоем в работе памяти. Напротив, оно является активным, адаптивным и нормальным процессом, необходимым для научения и обобщения (см. также Quiroga, Kreiman, Koch & Fried, 2008). Более того, в основе намеренного забывания лежат именно такие активные процессы (Gallo et al., 2022).

Ситуация, в которой ранее сформированное поведение становится «лишним» возникает и при необходимости прекратить ранее выполнявшееся новое поведение, которая создается с помощью методики угашения. Если одна из причин забывания заключается во временном ограничении использования памяти, то будет ли такой тип забывания иметь сходство или совпадать с процессами, лежащими в основе угашения?

Угашение

В рамках терминологии условно-рефлекторной теории угашением классического условного рефлекса называется снижение выраженности условной реакции после прекращения предъявления подкрепления. Поскольку после угашения часто происходит «самопроизвольное восстановление» реакции, И. П. Павлов считал, что угашение обусловлено «внутренним торможением», которое не

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

разрушает сформированную память (Павлов, 1952). Поэтому угашение изначально рассматривалось как научение (Bouton & Peck, 1992; Myers & Davis, 2002).

То, что угашение – это «надстройка» нового опыта, а не разрушение ранее сформированного, многократно показано в нейрофизиологических исследованиях (Berman & Dudai, 2001; Davis, Zaki, Maguire & Reijmers, 2017; Lacagnina et al., 2019; Vetere et al., 2011).

Таким образом, угашение, как и другие рассмотренные нами феномены динамики памяти (консолидация, реконсолидация, забывание) является одним из вариантов научения и приводит к изменению структуры индивидуального опыта. Интересно, что для угашения продемонстрирован эффект консолидации (см. Dunsmoor, Niv, Daw & Phelps, 2015). Более того, фармакологическое нарушение памяти на угашение, имитирующее активное забывание у дрозофил, вызывает спонтанное восстановление appetentного поведения, а блокада активного забывания предотвращает спонтанное восстановление (Yang et al., 2023). Следовательно, угашение предполагает возможность восстановления поведения и позволяет памяти «на угашение» и «на замирание» сосуществовать.

Обсуждение результатов

Сходства и различия (ре)консолидации памяти, угашения и забывания

Описывая общие черты процессов реконсолидации памяти, угашения и забывания, Л. де Оливейра Альварес и Ф. До-Монте (de Oliveira Alvares & Do-Monte, 2021) указывают, что после консолидации памяти её последующее состояние определяется тем, как она используется: если данная память не «извлекается», то она «отфильтровывается» в результате процессов активного забывания и интерференции; после извлечения в новой поведенческой ситуации она дестабилизируется и может быть либо модифицирована, если новизна незначительная (реконсолидация), либо дополнена новой памятью, которая будет препятствовать извлечению первой (угашение). Отмечается, что точных знаний для четкого разделения этих процессов пока не получено. Авторы указывают, что единственное методическое различие реконсолидации и угашения заключается в продолжительности процедуры «реактивации» памяти: если реактивация краткая, то происходит реконсолидация памяти; если длительная, то происходит угашение (de Oliveira Alvares & Do-Monte, 2021). Далее мы рассмотрим ряд исследований, которые указывают на дополнительные сходства между забыванием, угашением и реконсолидацией памяти.

В серии работ с использованием обучения улиток отвержению нескольких видов пищи и фармакологического нарушения реконсолидации было показано,

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

что амнезия, вызванная блокадой синтеза белка перед процедурой «напоминания» (предъявление одного из видов пищи), характеризуется длительной динамикой: активность нейронов оборонительного поведения на полуинтактном препарате при подаче сока, использованного при напоминании, снижалась в течение семи дней (соответствующие показатели регистрировали через 1, 3, 7 и 15 дней после процедуры напоминания) (Козырев, Никитин, 2009). Иными словами, выраженность амнезии увеличивалась со временем. Следовательно, процесс, лежащий в основе этой амнезии, является постепенным и зависит от синтеза белков. В этом смысле динамика активного процесса «забывания» сходна с динамикой научения: невозможность воспроизвести поведение формируется постепенно.

На поздних стадиях амнезия после вмешательства в процесс реконсолидации сопровождается невозможностью повторно сформировать поведение, то есть в определенном интервале времени эта амнезия является не только ретроградной (нарушено воспроизведение ранее сформированного поведения), но и антероградной (на это поведение повторно не формируется долговременная память) (Козырев, Солнцева, Никитин, 2014). Эти результаты показывают, что амнезия после нарушения реконсолидации является следствием отсутствия «доступа», нежели «разрушения» памяти. Аргументы в пользу предположения, что эффект реконсолидации обусловлен не потерей материала памяти, а невозможностью его извлечь высказывались и ранее (Амельченко, Зворыкина, Безряднов, Чехов, Анохин, 2012, 2013; Anokhin, Tiunova & Rose, 2002; Dudai & Eisenberg, 2004). Данное утверждение также следует из представлений о постоянстве системной специализации нейронов, которое развивается в наших исследованиях (см. выше в разделе «Теоретическое обоснование»). Интересно, что выраженность антероградной амнезии также зависит от времени индукции амнезии после обучения: она сильно выражена и устойчива, если индукция амнезии проводилась через 2 дня после обучения; если она проводилась через 10 дней, то амнезия не выявляется; однако индукция амнезии через 30 дней после обучения оказывается успешной, но не сопровождается антерградной амнезией (Козырев и др., 2014).

Дальнейшие исследования молекулярных основ динамики амнезии привели авторов к выводу, что процессы реконсолидации и амнезии являются независимыми, но оба зависят от синтеза белков (Никитин и др., 2020). Эти и другие результаты позволили предположить, что развитие данного вида амнезии сходно с процессом научения (Nikitin, Solntseva, Kozyrev & Nikitin, 2020). Так, эта амнезия является специфичной по отношению к тому виду пищи, в отношении которого она была сформирована; зависит от синтеза белка (Nikitin, Solntseva & Nikitin, 2019) и метилирования РНК на определенном временном интервале (блокада этих процессов приводит к снижению амнезии и возможности сформировать поведение, если проводится в пределах 9 часов после нарушения реконсолидации); её выраженность изменяется со временем; «напоминание» через длительное время после этого интервала открывает возможность снова нарушить амнезию за счет блокады метилирования

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

ДНК (открывается интервал для снижения амнезии наподобие нарушения памяти после блокады синтеза белка при её реконсолидации). Более того, с помощью этой методики авторы продемонстрировали нарушение повторного научения не только после вмешательства в процесс реконсолидации, но и консолидации памяти (Nikitin et al., 2020). Нарушение повторного обучения после реконсолидации памяти показано и на позвоночных животных (Тиунова, Безряднов, Коновалова, Анохин, 2022) с помощью той экспериментальной модели, о которой мы говорили выше применительно к консолидации памяти у цыплят (Tiunova et al., 2020).

Процессы, лежащие в основе искусственной амнезии, могут быть сходны с процессами, обуславливающими нарушения памяти (Nikitin et al., 2020). Также можно предположить, что и «здоровое» забывание развивается подобным образом (Tiunova et al., 2020). В этом случае забывание и угашение сходны не только как альтернативные пути изменения консолидированной памяти в зависимости от использования (как это предполагается в работе de Oliveira Alvares & Do-Monte, 2021), но и как варианты такой модификации опыта, которая препятствует реализации ранее сформированного опыта. Важно и то, что между забыванием и угашением есть различия. В частности, при амнезии не наблюдается спонтанного восстановления поведения, а при угашении – наблюдается возможность повторного обучения (Nikitin et al., 2020). Показаны и различия между процессами, лежащими в основе феноменов реконсолидации и угашения (Suzuki et al., 2004).

Таким образом, процесс забывания, вызванный искусственно за счет блокады молекулярных процессов в мозге, развивается как отдельный процесс, динамика которого сходна с динамикой научения.

Приведенные результаты исследований показывают, что забывание, угашение и научение являются вариантами модификации опыта, различающимися тем, формируется ли новый элемент опыта (что имеет место при научении и угашении, но не при забывании), и тем, как модифицируется ранее сформированный опыт, в частности, изменяются ли межсистемные отношения (см. Александров и др., 1999; Александров, 2006; Безденежных, 2004) так, чтобы препятствовать реализации ранее сформированного опыта (что имеет место при угашении и забывании, но не при научении). Подобные перестройки межсистемных отношений могут лежать в основе возможности управления субъектом своим поведением, в том числе при сокрытии информации (Учаев, Александров, 2022).

Заключение

Описание феноменов консолидации, реконсолидации памяти, угашения и забывания с помощью понятийного аппарата системной психофизиологии позволяет предположить, что все эти феномены являются проявлением научения – изменения структуры индивидуального опыта за счёт двух процессов: формирования нового опыта и модификации ранее сформированного опыта, в том числе для согласования

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

с новым в случае его формирования. В ходе этого процесса формирование нового опыта, с одной стороны, невозможно без актуализации ранее сформированного опыта, а с другой – приводит к его модификации, в том числе к предотвращению в дальнейшем актуализации части ранее сформированных систем.

Реконсолидация памяти предполагает наличие интервала времени, в течение которого возможно формирование ограничения реализации некоторых элементов (систем) ранее сформированного опыта. По-видимому, консолидация памяти об угашении и процесс забывания также основаны на возможности сформировать такое ограничение. Следовательно, можно предположить, что реконсолидация, угашение и забывание имеют в своей основе сходные долгосрочные изменения ранее сформированного опыта, которые исключают некоторые элементы этого опыта из актуализации.

В системной психофизиологии научение рассматривается как эволюционный процесс. Приведенные в настоящем обзоре данные показывают, что забывание и угашение могут быть проявлением процесса отбора на уровне систем – такого же, как отбор при научении, когда некоторые элементы опыта начинают вовлекаться в обеспечение нового поведения, но с другой его стороны: когда другие элементы постепенно элиминируются.

Выводы

- Процессы консолидации и реконсолидации памяти сопровождаются забыванием, избавляющим память от некоторых ее составляющих;
- Исследования, в которых забывание искусственно предотвращается или вызывается фармакологическими методами, показывают, что забывание может происходить за счёт прерывания «доступа» к памяти;
- Угашение имеет общие черты с забыванием, так как формируется путем добавления новой памяти, которая сосуществует с сохранной, но недоступной памятью на угашаемое поведение;
- Использование понятийного аппарата системной психофизиологии позволяет описать феномены консолидации, реконсолидации памяти, угашения и забывания как проявления изменения структуры индивидуального опыта, связанные с разной выраженностью двух процессов: формирование нового опыта и модификация ранее сформированного опыта.

Литература

- Александров, И. О. (2006). *Формирование структуры индивидуального знания*. Изд-во «Институт психологии РАН».
- Александров, И. О., Максимова, Н. Е. (2003). Закономерности формирования нового компонента структуры индивидуального знания. *Психологический журнал*, 24(6), 55–76.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Александров, Ю. И. (1989). *Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении*. Наука.
- Александров, Ю. И. (2005). Научение и память: традиционный и системный подходы. *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*, 55(6), 842–860.
- Александров, Ю. И. (2008). *Активный нейрон. Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование: Фундаментальное руководство*. Е. Н. Соколов, А. М. Черноризов (ред.). Изд-во Тюменского гос. университета.
- Александров, Ю. И. (2009). Системно-эволюционный подход: наука и образование. *Культурно-историческая психология*, 5(4), 33–43.
- Александров, Ю. И. (2020). В. Б. Швырков: формирование новой парадигмы в психологии и смежных науках. *Выдающиеся ученые Института психологии РАН*. А. Л. Журавлев (ред.). Изд-во «Институт психологии РАН».
- Александров, Ю. И. (2022). *Системная психофизиология. Психофизиология: Учебник для вузов*. 5-е изд. Издательский дом «Питер».
- Александров, Ю. И., Горкин, А. Г., Созинов, А. А., Сварник, О. Е., Кузина, Е. А., Гаврилов, В. В. (2015). Консолидация и реконсолидация памяти: психофизиологический анализ. *Вопросы психологии*, 3, 1–13.
- Александров, Ю. И., Крылов, А. К. (2005). *Системная методология в психофизиологии: от нейронов до сознания*. Идея системности в современной психологии.
- Александров, Ю. И., Шевченко, Д. Г., Горкин, А. Г., Гринченко, Ю. В. (1999). Динамика системной организации поведения в его последовательных реализациях. *Психологический журнал*, 20(2), 82–89.
- Амельченко, Е. М., Зворыкина, С. В., Безряднов, Д. В., Чехов, С. А., Анохин, К. В. (2013). Возможность репарации памяти: напоминание восстанавливает условнорефлекторное замирание, нарушенное ингибитором синтеза белка у мышей. *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*, 63(2).
- Амельченко, Е. М., Зворыкина, С. В., Безряднов, Д. В., Чехов, С. А., Анохин, К. В. (2012). Восстановление нарушенной памяти и экспрессия гена c-fos в мозге амнестичных животных в ответ на напоминающие воздействия. *Бюллетень экспериментальной биологии и медицины*, 153(5), 698–702.
- Анохин, К. В. (1997). Молекулярные сценарии консолидации долговременной памяти. *Журнал высшей нервной деятельности*, 47(2), 261–279.
- Анохин, К. В. (2010). Мозг и память: биология следов прошедшего времени. *Вестник Российской академии наук*, 80(5–6), 455–461.
- Анохин, П. К. (1968). *Биология и нейрофизиология условного рефлекса*. Наука.
- Анохин, П. К. (1973). *Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. Принципы системной организации функций*. Наука.
- Анохин, П. К. (1975). *Очерки по физиологии функциональных систем*. Медицина.
- Анохин, П. К. (1978). *Философские аспекты теории функциональной системы: избранные труды*. Наука.
- Арутюнова, К. Р., Гаврилов, В. В., Александров, Ю. И. (2014). Научение и поведение в отсутствие зрительного контакта со средой у крыс. *Экспериментальная психология*, 7(3), 31–43.
- Безденежных, Б. Н. (2004). *Динамика взаимодействия функциональных систем в структуре деятельности*. Изд-во «Институт психологии РАН».
- Блонский, П. П. (2001). *Мышление и память*. Питер.
- Гаврилов, В. В. (2007). *Актуализация элементов индивидуального опыта при отсутствии внешне наблюдаемого поведения. Тенденции развития современной психологической науки*. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова (ред.). Изд-во «Институт психологии РАН».

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Горкин, А. Г. (2021). *Фиксация индивидуального опыта поведения в нейронной активности*. Институт психологии РАН.
- Горкин, А. Г., Шевченко, Д. Г. (1995). Различия в активности нейронов лимбической коры кроликов при разных стратегиях обучения. *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*, 45(1), 90–100.
- Греченко, Т. Н. (1979). *Нейрофизиологические механизмы памяти*. Наука.
- Греченко, Т. Н., Харитонов, А. Н., Сумина, Е. Л., Сумин, Д. Л. (2013). Генез памяти. *Экспериментальная психология*, 6(4), 67–78.
- Ермаков, П. Н., Денисова, Е. Г. (2019). Психофизиологические корреляты решения вербальных задач в ситуации смысловой инициации. *Российский психологический журнал*, 16(1), 103–127. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.5>
- Козырев, С. А., Никитин, В. П. (2009). Нейронные механизмы реконсолидации ассоциативного аверсивного навыка на пищу у виноградной улитки. *Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова*, 95(6), 652–662.
- Козырев, С. А., Солнцева, С. В., Никитин, В. П. (2014). Продолжительная фазная реорганизация памяти условной пищевой аверсии у виноградной улитки. *Бюллетень экспериментальной биологии и медицины*, 157(4), 409–414.
- Крылов, А. К. (2015). *Моделирование динамики научения при формировании и реорганизации навыка*. Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях.
- Крылов, А. К., Александров, Ю. И. (2007). «Погружение в среду» как альтернатива предъявлению стимулов: модельное исследование. *Психологический журнал*, 28(2), 106–113.
- Кузина, Е. А. (2017). Формирование многозвеньевых инструментальных навыков у крыс с разной историей предшествующего обучения. *Нейрокомпьютеры: разработка, применение*, 8, 16–17.
- Кузина, Е. А., Горкин, А. Г., Александров, Ю. И. (2004). Динамика связи активности отдельных нейронов цингулярной коры с поведением на последовательных этапах консолидации памяти. *Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова*, 90(8–1), 113–114.
- Кузина, Е. А., Горкин, А. Г., Александров, Ю. И. (2015). Активность нейронов ретроспленальной коры крыс на ранних и поздних этапах консолидации памяти. *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*, 65(2), 248–253. <https://doi.org/10.7868/S0044467715020082>
- Кузина, Е. А., Александров, Ю. И. (2019). Особенности нейронного обеспечения инструментального поведения, сформированного одно-и многоэтапными способами. *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*, 69(5), 601–617. <https://doi.org/10.1134/S0044467719050058>
- Лурия, А. Р. (1994). *Маленькая книжка о большой памяти*. Эйдос.
- Ляудис, В. Я. (2011). *Память в процессе развития*. МПСИ.
- Никитин, В. П., Солнцева, С. В., Козырев, С. А. (2020). Особенности синтеза белков, вовлекаемых в реконсолидацию памяти и индукцию амнезии. *Бюллетень экспериментальной биологии и медицины*, 169(2), 141–146.
- Никишина, В. Б., Петраш, Е. А., Захарова, И. А., Сотников, В. А. (2022). Особенности процессов консолидации и реконсолидации памяти у пациентов с нарушениями мозгового кровообращения. *Российский психологический журнал*, 19(3), 56–73. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.4>
- Нуркова, В. В., Гофман, А. А. (2016а). Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. *Национальный психологический журнал*, 3, 64–71. <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0309>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Нуркова, В. В., Гофман, А. А. (2016). Забывание: Проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. Часть 2. *Национальный психологический журнал*, 4(24), 3–13. <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0401>
- Нуркова, В. В., Гофман, А. А. (2022). Управляемое забвение: четыре типа амнезогенных практик. *Сибирские исторические исследования*, 2, 33–58. <https://doi.org/10.17223/2312461X/36/3>
- Павлов, И. П. (1952). *Лекции о работе больших полушарий головного мозга*. Издательство АМН СССР.
- Сафразьян, Ю. Р., Михайлова, Н. П., Горкин, А. Г., Александров, Ю. И. (2019). Динамика мозговой активности при адаптации к невозможности внешней реализации элемента индивидуального опыта. *Российский психологический журнал*, 16(2/1), 60–75. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.2.1.5>
- Сварник, О. Е., Булава, А. И., Фадеева, Т. А., Александров, Ю. И. (2011). Закономерности реорганизации опыта, приобретенного при одно-и многоэтапном обучении. *Экспериментальная психология*, 4(2), 5–13.
- Сварник, О. Е., Анохин, К. В., Александров, Ю. И. (2014). Опыт первого, «вибриссного», навыка влияет на индукцию экспрессии c-Fos в нейронах бочонкового поля соматосенсорной коры крыс при обучении второму, «невибриссному», навыку. *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*, 64(1), 77–83. <https://doi.org/10.7868/S0044467713060178>
- Созинов, А. А., Крылов, А. К., Александров, Ю. И. (2013). Эффект интерференции в изучении психологических структур. *Экспериментальная психология*, 6(1), 5–47.
- Созинов, А. А., Гринченко, Ю. В., Казымаев, С. А., Александров, Ю. И. (2015). Показатели стабильности и динамики мозгового обеспечения нового поведения. Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях.
- Созинов, А. А., Гринченко, Ю. В., Александров, Ю. И. (2017). Динамика мозгового обеспечения поведения после перехода от задания к заданию при их чередовании. Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях.
- Созинов, А. А., Александров, Ю. И. (2022). *Стабильность и динамика памяти*. Изд-во «Институт психологии РАН».
- Судаков, К. В. (1979). *Системные механизмы мотивации*. Медицина.
- Тиунова, А. А., Комиссарова, Н. В., Безряднов, Д. В., Анохин, К. В. (2016). Парадоксальное влияние блокады NMDA-рецепторов на обучение и память в модели пассивного избегания у цыплят. *Бюллетень экспериментальной биологии и медицины*, 162(7), 4–6.
- Тиунова, А. А., Безряднов, Д. В., Гаева, Д. Р., Солодовников, В. С., Анохин, К. В. (2017). *Необратимость фармакологически вызванной амнезии у грызунов и птиц*. Материалы XXIII съезда Физиологического общества им. И.П. Павлова с международным участием (с. 649–651).
- Тиунова, А. А., Безряднов, Д. В., Коновалова, Е. В., Анохин, К. В. (2022). Эффекты антагонистов NMDA-рецепторов МК-801 и мемантина при нарушении реконсолидации памяти у цыплят. Современные проблемы системной регуляции физиологических функций (с. 496-499).
- Учаев, А. В., Александров, Ю. И. (2022). Обусловленные стрессом особенности актуализации субъективного опыта в процессе сокрытия информации. *Российский психологический журнал*, 19(1), 158–172. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.1.12>
- Швырков, В. Б. (1978). *Нейрональные механизмы обучения как формирование функциональной системы поведенческого акта*. Механизмы системной деятельности мозга: Материалы конференции. К.В. Судаков, В. Д. Чирков (ред.). Горький.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Швырков, В. Б. (1988). Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики и сознания. *Психологический журнал*, 9(1), 132–148.
- Швырков, В. Б. (2006). *Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики*. Избранные труды.
- Akirav, I., & Maroun, M. (2013). Stress modulation of reconsolidation. *Psychopharmacology*, 226, 747–761. <https://doi.org/10.1007/s00213-012-2887-6>
- Alberini, C. M. (2005). Mechanisms of memory stabilization: are consolidation and reconsolidation similar or distinct processes? *Trends in neurosciences*, 28(1), 51–56. <https://doi.org/10.1016/j.tins.2004.11.001>
- Alexandrov, Y. I. (2018). The subject of behavior and dynamics of its states. *Russian Psychological Journal*, 15(2/1), 131–150. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1.8>
- Alexandrov, Y. I., & Alexandrov, I. O. (1982). Specificity of visual and motor cortex neurons activity in behavior. *Acta Neurobiologiae Experimentalis*, 42, 457–468.
- Alexandrov, Y. I., Grinchenko, Y. V., Laukka, S., Järvillehto, T., Maz, V. N., & Korpusova, A. V. (1993). Effect of ethanol on hippocampal neurons depends on their behavioural specialization. *Acta physiologica scandinavica*, 149(1), 105–115. <https://doi.org/10.1111/j.1748-1716.1993.tb09598.x>
- Alexandrov, Y. I., Grechenko, T. N., Gavrilov, V. V., Gorkin, A. G., Shevchenko, D. G., YuV, G., ... & Bodunov, M. V. (2000). *Formation and realization of individual experience*. In: *Conceptual advances in brain research. V. 2. Conceptual advances in Russian neuroscience: Complex brain functions*. R. Miller, A. M. Ivanitsky, P. V. Balaban (Eds.). Harwood Academic Publishers.
- Alexandrov, Y. I., Grinchenko, Y. V., Shevchenko, D. G., Averkin, R. G., Matz, V. N., Laukka, S., & Korpusova, A. V. (2001). A subset of cingulate cortical neurones is specifically activated during alcohol-acquisition behaviour. *Acta physiologica scandinavica*, 171(1), 87–97. <https://doi.org/10.1046/j.1365-201X.2001.00787.x>
- Alexandrov, Y. I., Sozinov, A. A., Svarnik, O. E., Gorkin, A. G., Kuzina, E. A., & Gavrilov, V. V. (2018). Neuronal bases of systemic organization of behavior. *Systems Neuroscience*, 1–33. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94593-4_1
- Alexandrov, Y. I., & Pletnikov, M. V. (2022). Neuronal metabolism in learning and memory: The anticipatory activity perspective. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 137, <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2022.104664>
- Altmann, E. M., & Gray, W. D. (2002). Forgetting to remember: The functional relationship of decay and interference. *Psychological science*, 13(1), 27–33. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00405>
- Andermane, N., Joensen, B. H., & Horner, A. J. (2021). Forgetting across a hierarchy of episodic representations. *Current Opinion in Neurobiology*, 67, 50–57. <https://doi.org/10.1016/j.conb.2020.08.004>
- Anokhin, K. V., Tiunova, A. A., & Rose, S. P. (2002). Reminder effects—reconsolidation or retrieval deficit? Pharmacological dissection with protein synthesis inhibitors following reminder for a passive-avoidance task in young chicks. *European Journal of Neuroscience*, 15(11), 1759–1765. <https://doi.org/10.1046/j.1460-9568.2002.02023.x>
- Barry, D. N., & Love, B. C. (2023). A neural network account of memory replay and knowledge consolidation. *Cerebral Cortex*, 33(1), 83–95. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhac054>
- Bartlett, F. C. (1995). *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge University Press.
- Berman, D. E., & Dudai, Y. (2001). Memory extinction, learning anew, and learning the new: dissociations in the molecular machinery of learning in cortex. *Science*, 291(5512), 2417–2419. <https://doi.org/10.1126/science.1058165>
- Berry, J. A., & Davis, R. L. (2014). Active forgetting of olfactory memories in *Drosophila*. *Progress*

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- in *Brain Research*, 208, 39–62. <https://doi.org/10.1016/b978-0-444-63350-7.00002-4>
- Bontempi, B., Laurent-Demir, C., Destrade, C., & Jaffard, R. (1999). Time-dependent reorganization of brain circuitry underlying long-term memory storage. *Nature*, 400(6745), 671–675. <https://doi.org/10.1038/23270>
- Bouton, M. E., & Peck, C. A. (1992). Spontaneous recovery in cross-motivational transfer (counterconditioning). *Animal Learning & Behavior*, 20, 313–321. <https://psycnet.apa.org/doi/10.3758/BF03197954>
- Brashers-Krug, T., Shadmehr, R., & Bizzi, E. (1996). Consolidation in human motor memory. *Nature*, 382(6588), 252–255. <https://doi.org/10.1038/382252a0>
- Brod, G., Werkle-Bergner, M., & Shing, Y. L. (2013). The influence of prior knowledge on memory: a developmental cognitive neuroscience perspective. *Frontiers in behavioral neuroscience*, 7, 139. <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2013.00139>
- Corkin, S. (2002). What's new with the amnesic patient HM? *Nature reviews neuroscience*, 3(2), 153–160. <https://doi.org/10.1038/nrn726>
- Davis, P., Zaki, Y., Maguire, J., & Reijmers, L. G. (2017). Cellular and oscillatory substrates of fear extinction learning. *Nature neuroscience*, 20(11), 1624–1633. <https://doi.org/10.1038/nn.4651>
- Dudai, Y. (1996). Consolidation: fragility on the road to the engram. *Neuron*, 17(3), 367–370. [https://doi.org/10.1016/s0896-6273\(00\)80168-3](https://doi.org/10.1016/s0896-6273(00)80168-3)
- Dudai, Y. (2004a). *Consolidation. In: Memory from A to Z: Keywords, concepts, and beyond.* Oxford university press.
- Dudai, Y. (2004b). The neurobiology of consolidations, or, how stable is the engram? *Annual Review of Psychology*, 55, 51–86. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.142050>
- Dudai, Y. (2012). The restless engram: consolidations never end. *Annual review of neuroscience*, 35, 227–247. <https://doi.org/10.1146/annurev-neuro-062111-150500>
- Dudai, Y., Karni, A., & Born, J. (2015). The consolidation and transformation of memory. *Neuron*, 88(1), 20–32. <http://dx.doi.org/10.1016/j.neuron.2015.09.004>
- Dunsmoor, J. E., Niv, Y., Daw, N., & Phelps, E. A. (2015). Rethinking extinction. *Neuron*, 88(1), 47–63. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2015.09.028>
- Eichenbaum, H. (2013). What HM taught us. *Journal of cognitive neuroscience*, 25(1), 14–21. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00285
- Gallo, F. T., Saad, M. B. Z., Silva, A., Morici, J. F., Miranda, M., Anderson, M. C., ... & Bekinschtein, P. (2022). Dopamine modulates adaptive forgetting in medial prefrontal cortex. *Journal of Neuroscience*, 42(34), 6620–6636. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.0740-21.2022>
- Gamoran, A., Greenwald-Levin, M., Siton, S., Halunga, D., & Sadeh, T. (2020). It's about time: Delay-dependent forgetting of item-and contextual-information. *Cognition*, 205. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2020.104437>
- Gavrilov, V. V., Grinchenko, Y. V., & Alexandrov, Y. I. (1998). 334 Behaviorally specialized limbic cortex neurons in rats and rabbits: comparative study. *International Journal of Psychophysiology*, 1(30), 130. [http://doi.org/10.1016%2FS0167-8760\(98\)90333-6](http://doi.org/10.1016%2FS0167-8760(98)90333-6)
- Grosmark, A. D., & Buzsáki, G. (2016). Diversity in neural firing dynamics supports both rigid and learned hippocampal sequences. *Science*, 351(6280), 1440–1443. <https://doi.org/10.1126/science.aad1935>
- Guskjolen, A. J. (2016). Losing connections, losing memory: AMPA receptor endocytosis as a neurobiological mechanism of forgetting. *Journal of Neuroscience*, 36(29), 7559–7561. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.1445-16.2016>
- Hardt, O., Nader, K., & Nadel, L. (2013). Decay happens: the role of active forgetting in memory. *Trends in cognitive sciences*, 17(3), 111–120. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.01.001>

- Horn, G. (2004). Pathways of the past: the imprint of memory. *Nature Reviews Neuroscience*, 5(2), 108–120. <https://doi.org/10.1038/nrn1324>
- Hupbach, A., Hardt, O., Gomez, R., & Nadel, L. (2008). The dynamics of memory: Context-dependent updating. *Learning & Memory*, 15(8), 574–579. <https://doi.org/10.1101/lm.1022308>
- Josselyn, S. A., & Tonegawa, S. (2020). Memory engrams: Recalling the past and imagining the future. *Science*, 367(6473). <https://doi.org/10.1126/science.aaw4325>
- Korman, M., Raz, N., Flash, T., & Karni, A. (2003). Multiple shifts in the representation of a motor sequence during the acquisition of skilled performance. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 100(21), 12492–12497. <https://doi.org/10.1073/pnas.2035019100>
- Krakauer, J. W., Ghez, C., & Ghilardi, M. F. (2005). Adaptation to visuomotor transformations: consolidation, interference, and forgetting. *Journal of Neuroscience*, 25(2), 473–478. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.4218-04.2005>
- Kuhl, B. A., Bainbridge, W. A., & Chun, M. M. (2012). Neural reactivation reveals mechanisms for updating memory. *Journal of Neuroscience*, 32(10), 3453–3461. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.5846-11.2012>
- Lacagnina, A. F., Brockway, E. T., Crovetti, C. R., Shue, F., McCarty, M. J., Sattler, K. P., ... & Drew, M. R. (2019). Distinct hippocampal engrams control extinction and relapse of fear memory. *Nature neuroscience*, 22(5), 753–761. <https://doi.org/10.1038/s41593-019-0361-z>
- Lau-Zhu, A., Henson, R. N., & Holmes, E. A. (2019). Intrusive memories and voluntary memory of a trauma film: Differential effects of a cognitive interference task after encoding. *Journal of Experimental Psychology: General*, 148(12), 2154. <https://doi.org/10.1037/xge0000598>
- Lechner, H. A., Squire, L. R., & Byrne, J. H. (1999). 100 years of consolidation—remembering Müller and Pilzecker. *Learning & Memory*, 6(2), 77–87.
- Matsuo, N. (2015). Irreplaceability of neuronal ensembles after memory allocation. *Cell reports*, 11(3), 351–357. <https://doi.org/10.1016/j.celrep.2015.03.042>
- McKenzie, S., & Eichenbaum, H. (2011). Consolidation and reconsolidation: two lives of memories? *Neuron*, 71(2), 224–233. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2011.06.037>
- Morris, R. G. M. (2006). Elements of a neurobiological theory of hippocampal function: the role of synaptic plasticity, synaptic tagging and schemas. *European Journal of Neuroscience*, 23(11), 2829–2846. <https://doi.org/10.1111/j.1460-9568.2006.04888.x>
- Moscovitch, M., & Nadel, L. (1998). Consolidation and the hippocampal complex revisited: in defense of the multiple-trace model. *Current opinion in neurobiology*, 8(2), 297–300. [https://doi.org/10.1016/s0959-4388\(98\)80155-4](https://doi.org/10.1016/s0959-4388(98)80155-4)
- Myers, K. M., & Davis, M. (2002). Behavioral and neural analysis of extinction. *Neuron*, 36(4), 567–584. [https://doi.org/10.1016/s0896-6273\(02\)01064-4](https://doi.org/10.1016/s0896-6273(02)01064-4)
- Nader, K. (2015). Reconsolidation and the dynamic nature of memory. *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*, 7(10). <https://doi.org/10.1101/cshperspect.a021782>
- Nader, K., Schafe, G. E., & Le Doux, J. E. (2000). Fear memories require protein synthesis in the amygdala for reconsolidation after retrieval. *Nature*, 406(6797), 722–726. <https://doi.org/10.1038/35021052>
- Nairne, J. S. (2010). *Adaptive memory: Evolutionary constraints on remembering*. Psychology of learning and motivation, 53. Academic Press.
- Nikitin, V. P., Solntseva, S. V., Kozyrev, S. A., & Nikitin, P. V. (2020). Long-term memory consolidation or reconsolidation impairment induces amnesia with key characteristics that are similar to key learning characteristics. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 108, 542–558. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2019.12.005>
- Nikitin, V. P., Solntseva, S. V., & Nikitin, P. V. (2019). Protein synthesis inhibitors induce both memory impairment and its recovery. *Behavioural Brain Research*, 360, 202–208. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2018.11.046>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Nørby, S. (2020). Varieties of graded forgetting. *Consciousness and cognition*, 84. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2020.102983>
- de Oliveira Alvares, L., & Do-Monte, F. H. (2021). Understanding the dynamic and destiny of memories. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 125, 592–607. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.03.009>
- Parker, E. S., Cahill, L., & McGaugh, J. L. (2006). A case of unusual autobiographical remembering. *Neurocase*, 12(1), 35–49. <https://doi.org/10.1080/13554790500473680>
- Quiroga, R. Q., Kreiman, G., Koch, C., & Fried, I. (2008). Sparse but not 'grandmother-cell' coding in the medial temporal lobe. *Trends in cognitive sciences*, 12(3), 87–91. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2007.12.003>
- Roediger III, H. L., Weinstein, Y., & Agarwal, P. K. (2010). *Forgetting: preliminary considerations*. In *Forgetting*. Psychology Press.
- Romero-Granados, R., Fontán-Lozano, Á., Delgado-García, J. M., & Carrión, Á. M. (2010). From learning to forgetting: behavioral, circuitry, and molecular properties define the different functional states of the recognition memory trace. *Hippocampus*, 20(5), 584–595. <https://doi.org/10.1002/hipo.20669>
- Runyan, J. D., Moore, A. N., & Dash, P. K. (2019). Coordinating what we've learned about memory consolidation: Revisiting a unified theory. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 100, 77–84. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2019.02.010>
- Ryan, T. J., Roy, D. S., Pignatelli, M., Arons, A., & Tonegawa, S. (2015). Engram cells retain memory under retrograde amnesia. *Science*, 348(6238), 1007–1013. <https://doi.org/10.1126/science.aaa5542>
- Ryan, T. J., & Frankland, P. W. (2022). Forgetting as a form of adaptive engram cell plasticity. *Nature Reviews Neuroscience*, 23(3), 173–186. <https://doi.org/10.1038/s41583-021-00548-3>
- Sangha, S., Scheibenstock, A., Martens, K., Varshney, N., Cooke, R., & Lukowiak, K. (2005). Impairing forgetting by preventing new learning and memory. *Behavioral neuroscience*, 119(3), 787–796. <https://doi.org/10.1037/0735-7044.119.3.787>
- Sara, S. J. (2000). Retrieval and reconsolidation: toward a neurobiology of remembering. *Learning & memory*, 7(2), 73–84. <https://doi.org/10.1101/lm.7.2.73>
- Schacter, D. L., & Loftus, E. F. (2013). Memory and law: what can cognitive neuroscience contribute? *Nature neuroscience*, 16(2), 119–123. <https://doi.org/10.1038/nn.3294>
- Shadmehr, R., & Holcomb, H. H. (1997). Neural correlates of motor memory consolidation. *Science*, 277(5327), 821–825. <https://doi.org/10.1126/science.277.5327.821>
- Shvyrkov, V. B. (1986). *Behavioral specialization of neurons and the system-selection hypothesis of learning*. In F. Klix & H. Hagendorf (Eds.). *Human memory and cognitive capabilities* (pp. 599–611).
- Squire, L. R. (1992). Memory and the hippocampus: a synthesis from findings with rats, monkeys, and humans. *Psychological review*, 99(2), 195–231. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.99.2.195>
- Squire, L. R., & Zola-Morgan, J. (1991). The cognitive neuroscience of human memory since HM. *Annual review of neuroscience*, 34, 259–288. <https://doi.org/10.1146/annurev-neuro-061010-113720>
- Suzuki, A., Josselyn, S. A., Frankland, P. W., Masushige, S., Silva, A. J., & Kida, S. (2004). Memory reconsolidation and extinction have distinct temporal and biochemical signatures. *Journal of Neuroscience*, 24(20), 4787–4795. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.5491-03.2004>
- Teng, E., & Squire, L. R. (1999). Memory for places learned long ago is intact after hippocampal damage. *Nature*, 400(6745), 675–677. <https://doi.org/10.1038/23276>
- Tiunova, A. A., Bezryadnov, D. V., Gaeva, D. R., Solodovnikov, V. S., & Anokhin, K. V. (2020). Memory reacquisition deficit: Chicks fail to relearn pharmacologically disrupted associative

- response. *Behavioural Brain Research*, 390. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2020.112695>
- Tonegawa, S., Morrissey, M. D., Kitamura, T. (2018). The role of engram cells in the systems consolidation of memory. *Nature Reviews Neuroscience*, 19, 485–498. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1038/s41583-018-0031-2>
- Tse, D., Langston, R. F., Kakeyama, M., Bethus, I., Spooner, P. A., Wood, E. R., ... & Morris, R. G. (2007). Schemas and memory consolidation. *Science*, 316(5821), 76–82. <https://doi.org/10.1126/science.1135935>
- Vetere, G., Restivo, L., Novembre, G., Aceti, M., Lumaca, M., & Ammassari-Teule, M. (2011). Extinction partially reverts structural changes associated with remote fear memory. *Learn Mem*, 18(9), 554–557. <https://doi.org/10.1101/lm.224671>
- Weber, A., Prokazov, Y., Zuschratter, W., & Hauser, M. J. (2012). Desynchronisation of glycolytic oscillations in yeast cell populations. *PLoS ONE*, 7(9). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0043276>
- Weible, A. P., Rowland, D. C., Pang, R., & Kentros, C. (2009). Neural correlates of novel object and novel location recognition behavior in the mouse anterior cingulate cortex. *Journal of neurophysiology*, 102(4), 2055–2068. <https://doi.org/10.1152/jn.00214.2009>
- Yang, Q., Zhou, J., Wang, L., Hu, W., Zhong, Y., & Li, Q. (2023). Spontaneous recovery of reward memory through active forgetting of extinction memory. *Current Biology*, 33(5), 838–848. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2023.01.022>

Поступила в редакцию: 27.07.2023

Поступила после рецензирования: 18.08.2023

Принята к публикации: 21.08.2023

Заявленный вклад авторов

Созинов Алексей Александрович – работа с источниками, написание текста статьи;
Александров Игорь Олегович – работа с источниками, анализ содержания статьи;
Горкин Александр Георгиевич – работа с источниками, анализ содержания статьи;
Греченко Татьяна Николаевна – работа с источниками, анализ содержания статьи;
Александров Юрий Иосифович – работа с источниками, написание текста статьи, анализ ее содержания.

Информация об авторах

Созинов Алексей Александрович – кандидат психологических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: G-3419-2014; Scopus Author ID: 36891272000; РИНЦ Author ID: 130324; SPIN-код РИНЦ: 7859-1447; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0594-2844>; e-mail: sozinovaa@ipran.ru

Александров Игорь Олегович – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; Web of

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Science ResearcherID: I-4222-2016; Scopus Author ID: 7103073700; РИНЦ Author ID: 71531; SPIN-код РИНЦ: 3800-0686; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0768-8322>; e-mail: almax2000@inbox.ru

Горкин Александр Георгиевич – доктор биологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: G-3317-2014; Scopus Author ID: 6601952180; РИНЦ Author ID: 75509; SPIN-код РИНЦ: 3963-5307; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5493-945X>; e-mail: agorkin@yandex.ru

Греченко Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: F-3598-2014; Scopus Author ID: 7004534958; РИНЦ Author ID: 74404; SPIN-код РИНЦ: 9909-1955; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7361-4714>; e-mail: grecht@mail.ru

Александров Юрий Иосифович – академик Российской академии образования, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: O-6826-2015; Scopus Author ID: 7005342266; РИНЦ Author ID: 74403; SPIN-код РИНЦ: 7959-2034; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2644-3016>; e-mail: yuraalexandrov@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Влияние цвета на успешность запоминания культурных ландшафтов

Юлия А. Грибер*

Смоленский государственный университет, Смоленск, Российская Федерация

* y.griber@gmail.com

Аннотация

Введение. Одним из важных факторов, влияющих на успешность запоминания сложных сюжетов, является цвет. Экспериментально установлено, что механизмы участия цвета в восприятии естественных и антропогенных ландшафтов заметно различаются. Продолжая изучение влияния цвета на зрительную память, мы впервые экспериментально исследовали роль цвета в запоминании сложных пространств, сочетающих природные и антропогенные компоненты (культурных ландшафтов).

Методы. В эксперименте приняли участие 154 человека (из них 45 мужчин) в возрасте от 18 до 66 лет (средний возраст = 24,88, SD = 9,28). Была применена процедура непрерывного распознавания, имитирующая процесс того, как люди видят и узнают изображения в реальном мире. Сначала (на этапе запоминания) участникам показывали на мониторе компьютера последовательность из 36 цветных и черно-белых фотографий разных типов культурных ландшафтов. Экспериментальные стимулы сменяли друг друга в случайном порядке со скоростью 64, 128, 300 или 2000 мс; интервал между предъявлениями составлял 7000 мс. Затем (на этапе распознавания) эти же 36 фотографий предъявлялись с таким же количеством стимулов-дублеров. Половина – в том же виде, что и на этапе запоминания, вторая половина – с измененным цветовым условием. Участники должны были определить, какие изображения уже демонстрировались на первом этапе эксперимента, а какие они видят впервые. **Результаты.** Было установлено, что цвет играет важную роль на этапе кодирования в целенаправленно созданных и естественно развившихся ландшафтах и, наоборот, в ассоциативных ландшафтах важен исключительно на фазе распознавания как часть представления сложных образов в эпизодической памяти. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты свидетельствуют о

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

том, что паттерны узнавания культурных ландшафтов отличаются от рецепции как природных сцен, так и антропогенных пейзажей и коррелируют со степенью культурной освоенности исходного природного окружения.

Ключевые слова

восприятие цвета, эксперимент, культурный ландшафт, непрерывное распознавание, зрительная память, успешность запоминания, цветовое зрение

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00407, <https://rscf.ru/project/22-18-00407/> в Смоленском государственном университете.

Для цитирования

Грибер, Ю. А. (2023). Влияние цвета на успешность запоминания культурных ландшафтов. *Российский психологический журнал*, 20(3), 157–172. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.8>

Введение

В повседневной жизни человек непрерывно распознает сотни сменяющих друг друга кадров (Костина, Филиппова, Аллахвердов, Аллахвердов, 2022). Нам достаточно одного беглого взгляда, чтобы запомнить, как выглядит помещение, улица или панорама целого города (Thorpe, Fize & Marlot, 1996; Oliva & Torralba, 2006; Motoyoshi et al., 2007; Whitney & Yamanashi Leib, 2018). Экспериментальные исследования последних десятилетий свидетельствуют, что мы фиксируем в памяти сложные сюжеты с такой же скоростью, как и отдельные предметы (Oliva & Schyns, 2000; Joye, Steg, Ünal & Pals, 2016). Однако, по сравнению с простыми формами, механизм восприятия пространственных сцен имеет принципиально другую природу. Чаще всего мы не успеваем узнать и идентифицировать отдельные объекты, из которых складывается изображение, и воспринимаем всю сцену целиком, ориентируясь на ее особые пространственные характеристики и визуальные качества (Steeves et al., 2004; Brady & Alvarez, 2011; Sekimoto & Motoyoshi, 2022).

Цвет является одним из важных факторов, влияющих на то, как человек фиксирует в памяти сложные сюжеты, на что указывают обширные наборы экспериментальных данных (Gegenfurtner & Rieger, 2000; Wichmann, Sharpe & Gegenfurtner, 2002; Spence, Wong, Rusan & Rastegar, 2006; Грибер, Сухова, 2020). Сначала, на фазе запоминания, цвет помогает зрительной системе быстрее сегментировать сложные образы и

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

понимать композицию, определяя границы отдельных объектов и способствуя их идентификации и семантическому маркированию. Это возможное преимущество цвета исследователи памяти предлагают называть сенсорной поддержкой (англ. – *sensory facilitation*) (Wichmann et al., 2002, p. 513), поскольку оно характерно для раннего уровня визуальной обработки и никак не связано с представлением сложных сцен в памяти. Позже, на фазе распознавания, цвет является частью представления сложных образов в эпизодической памяти и в процессе узнавания оказывает когнитивную поддержку (англ. – *cognitive facilitation*) (Gegenfurtner & Rieger, 2000, p. 807).

Роль цвета в восприятии естественных и антропогенных ландшафтов достаточно заметно различается, о чем свидетельствуют результаты исследований (Kardan et al., 2015; Taniyama, Suzuki, Kondo, Minami & Nakauchi, 2023). Цвет значительно облегчает узнавание и называние природных пейзажей (лесных и пустынных ландшафтов, морских побережий и каньонов, гор и скал) (Oliva & Schyns, 2000), но оказывает заметно меньшее влияние на восприятие сюжетов с искусственными объектами (интерьеров жилых помещений, университетских кампусов, железнодорожных станций, аэропортов и городских улиц (Wichmann et al., 2002, p. 514). Скорость называния природных сцен снижается, когда их показывают в неестественном цвете или бесцветными, но никак не меняется, если то же самое происходит с неприродными ландшафтами (Oliva & Schyns, 2000).

По мнению исследователей, это может объясняться тем, что природные и антропогенные ландшафты принципиально различны с точки зрения пространственных характеристик, визуальных качеств и преобладающих оттенков (Field, 1987; Burton & Moorhead, 1987; Frey, Honey & König, 2008). Природные пейзажи обычно имеют крупные зоны с неровными контурами, которые равномерно окрашены в характерные, почти одинаковые по тону цвета. Наоборот, в искусственно созданных ландшафтах преобладают вертикальные и горизонтальные линии и подобных зон нет. Искусственные объекты имеют четкие, длинные и правильные очертания и, в отличие от естественных, характеризуются большей хроматической изменчивостью, которая, как правило, отмечается в мелком пространственном масштабе (Oliva & Schyns, 2000). Например, цвет города складывается из огромного числа динамично меняющихся элементов, которые включают одежду пешеходов, движущийся транспорт, товары в витринах магазинов, элементы уличного освещения и расположенные вдоль улиц вывески (Грибер, 2017; 2021; 2022).

Цветовая информация в естественных и антропогенных сценах по-разному участвует в процессах зрительной памяти (Oliva & Schyns, 2000; Steeves et al., 2004). При быстром взгляде мелкомасштабная пространственная информация, как правило, не задействуется, и распознавание строится в основном на крупномасштабных данных о сцене. А это значит, цвет в антропогенных ландшафтах, скорее всего, не используется в качестве подсказки, в то время как в естественных сценах он, наоборот, играет важную роль.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Продолжая изучение влияния цвета на зрительную память, мы **экспериментально исследовали, как люди запоминают и узнают культурные ландшафты**. Такие ландшафты, в окружении которых мы проводим большую часть своей жизни, сочетают в себе природные и антропогенные компоненты и формируются в результате сознательной, целенаправленной деятельности человека для удовлетворения его практических потребностей (Лавренова, 2021).

Гипотеза, которую мы хотели проверить, заключалась в том, что механизм участия цвета в восприятии культурных ландшафтов может отличаться от рецепции как природных сцен, так и антропогенных пейзажей; кроме того, паттерн узнавания может коррелировать со степенью культурной освоенности исходного природного окружения: роль цвета будет различной в целенаправленно созданных, естественно развившихся и ассоциативных ландшафтах (Веденин, Кулешова, 2004).

Методы

Участники исследования

В эксперименте приняли участие 154 человека (из них 45 мужчин, 109 женщин) в возрасте от 18 до 66 лет (средний возраст = 24,88, SD = 9,28). У всех участников было нормальное цветовое зрение и нормальная или скорректированная до нормы острота зрения.

Стимулы

Для создания стимулов мы выбрали 72 фотографии из трех различных категорий:

1. целенаправленно созданные культурные ландшафты: изображения объектов садово-парковой архитектуры, дворянских усадеб, мозаик на фасадах городских зданий, городской скульптуры, потоков машин, празднично украшенных улиц, городской рекламы, индустриальных пейзажей и жилых кварталов;
2. естественно развившиеся культурные ландшафты: фотоснимки возделанных полей, рисовых террас, виды деревень средней полосы, северных поселков, панорамы городов и исторических центров;
3. ассоциативные культурные ландшафты: фотографии памятных мест, мест творчества, сакральных местностей и полей сражений.

Фотографии подбирались в базе данных *McGill Calibrated Color Images Database* (Olmos & Kingdom, 2004) и других открытых базах цветных изображений. Все отобранные снимки были уменьшены до разрешения 1024 x 768 пикселей. Пример изображения из каждой категории представлен на рисунке 1.

Рисунок 1

Примеры экспериментальных стимулов с разными типами культурных ландшафтов: (а) целенаправленно созданный; (б) естественно развившийся; (в) ассоциативный

(а)

(б)

(в)

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Для демонстрации стимулов использовался 32-дюймовый монитор *Dell S3221QS* с частотой обновления 60 Гц по вертикали. Участники сидели на расстоянии 80 см от экрана, что давало приблизительно 28 x 21 градус угла зрения.

Каждое изображение было представлено в одном из двух условий: цветное или черно-белое (в градациях серого). Для черно-белых изображений интенсивность красного, зеленого и синего люминофоров в любом пикселе была установлена на одно и то же значение, которое было выбрано таким образом, чтобы яркость каждого пикселя была одинаковой как в цветных, так и в черно-белых условиях. Примеры черно-белых изображений показаны на рисунках 2 и 4.

Процедура эксперимента

В эксперименте использовалась процедура непрерывного распознавания, которая имитировала, как люди видят и узнают изображения в реальном мире (Potter, 1976; Wichmann et al., 2002).

Сначала – на этапе запоминания – участникам была в случайном порядке показана последовательность из 36 сменяющих друг друга фотографий разных типов культурных ландшафтов. Каждое изображение появлялось на экране в цветном или в соответствующем по яркости черно-белом варианте с разной скоростью (64, 128, 300 или 2000 мс), но с одинаковым интервалом между стимулами (7000 мс).

После этого (на фазе распознавания) участникам показывали эти же 36 фотографий, смешанных с таким же количеством стимулов-дублеров, и просили определить, какие из изображений они видели на первом этапе эксперимента. Половина изображений, которые мы просили запомнить в цвете, теперь демонстрировалась в черно-белом виде. Вторая половина была показана без изменений – оба раза цветными.

Таким образом, в дизайне эксперимента использовалась схема 2x2, которая традиционно применялась в исследованиях природных и антропогенных ландшафтов (см., напр.: Gegenfurtner & Rieger, 2000; Wichmann et al., 2002; Spence et al., 2006). Схема включала два уровня кодирования (цветной / черно-белый) и два уровня распознавания (цветной / черно-белый) и давала в результате четыре возможных комбинации цветовых условий (рисунок 2): цветное изображение на обоих этапах (условие ЦЦ), черно-белое изображение на обоих этапах (условие ББ), цветное изображение на этапе запоминания и черно-белое – на этапе распознавания (условие ЦБ), черно-белое изображение на этапе запоминания и цветное – на этапе распознавания (условие БЦ).

Рисунок 2

Четыре комбинации цветовых условий: цветное изображение на обоих этапах (условие ЦЦ), черно-белое изображение на обоих этапах (условие ББ), цветное изображение на этапе запоминания и черно-белое – на этапе распознавания (условие ЦБ), черно-белое изображение на этапе запоминания и цветное – на этапе распознавания (условие БЦ)

ЦЦ

ББ

ЦБ

БЦ

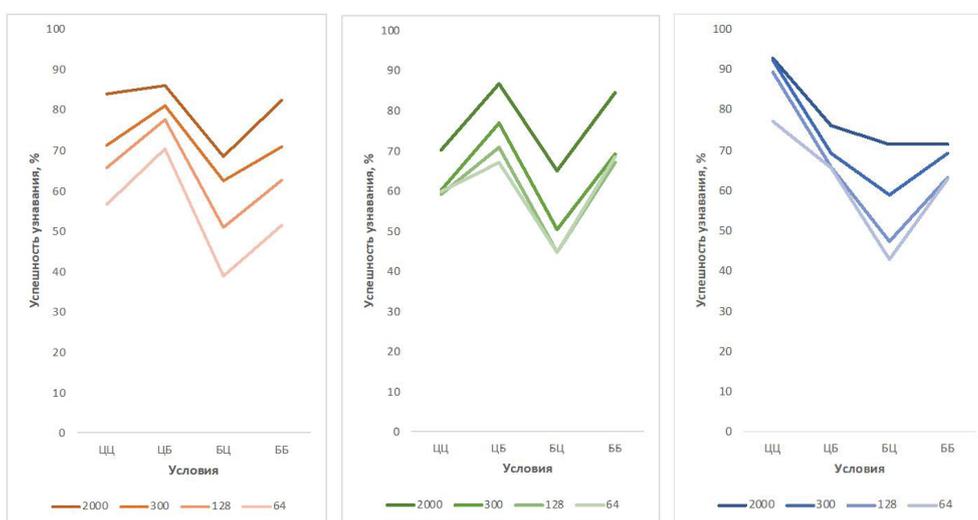
Результаты

Паттерны узнавания разных типов культурных ландшафтов

Для каждого из типов культурного ландшафта мы выявили специфические паттерны узнавания, которые устойчиво повторялись при различных длительностях экспозиции (рисунки 3).

Рисунок 3

Паттерны узнавания разных типов культурного ландшафта: (а) целенаправленно созданный; (б) естественно развившийся; (в) ассоциативный

(а)

(б)

(в)

Как мы и ожидали, узнаваемость изображений из разных категорий заметно коррелировала с продолжительностью презентации ($F = 13,78158$, $p < ,00001$). Однако даже при очень короткой экспозиции (64 мс) количество правильно распознанных изображений было достаточно большим (59%), что свидетельствует о высокой скорости, с которой мы обрабатываем сложные визуальные образы. При увеличении длительности презентации до 2000 мс успешность распознавания изображений была максимальной и составляла 78%.

Сенсорная vs. когнитивная поддержка цвета

Особое внимание в ходе анализа уделялось различиям между условиями ББ и ЦБ и условиями ЦЦ и ЦБ. Основываясь на опыте проведенных ранее исследований (см. подр.: Gegenfurtner & Rieger, 2000), мы считали, что, если фотография изначально

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

демонстрировалась в цвете, а потом – в черно-белом варианте (условие ЦБ), цвет никак не мог повлиять на принятие решения. Он играл определенную роль только во время запоминания: в процессе сегментации изображения, определения границ фигуры и фона. Соответственно, любые различия между условиями ББ и ЦБ (рисунок 4, слева) будут показывать важность цвета на этапе кодирования информации (сенсорную поддержку). Если же цвет важен только для когнитивного уровня, разницы между условиями ББ и ЦБ не будет.

Наоборот, поскольку условия кодирования для стимулов ЦЦ и ЦБ (рис. 4, справа) одинаковы (в обоих случаях фотография демонстрировалась в цвете), любые различия между этими двумя группами возникают в процессе сравнения целевого изображения с его представлением в памяти. Следовательно, преимущество будет объясняться тем, что цвет относится к этому представлению как дополнительный атрибут и оказывает когнитивную поддержку.

Рисунок 4

Сенсорная и когнитивная поддержка цвета: разница между условиями ББ и ЦБ (слева) и условиями ЦЦ и ЦБ (справа)

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Проведенный анализ показал качественные различия в том, как мы фиксируем в памяти цветные изображения разных типов культурного ландшафта. В целенаправленно созданных ландшафтах, которые построены по замыслу, характеризуются определенной продуманной планировочной композицией и включают большое число разного рода антропогенных элементов, созданных на основе или возникших на месте природных образований, цвет оказывает сенсорную поддержку и играет важную роль на этапе запоминания (различия между условиями ББ и ЦБ ($t(306) = 4,9252$, $p = ,000001$) обозначены серой штриховкой на рисунке 5-а). Наоборот, в ассоциативных ландшафтах, где культурная составляющая часто представлена не в материальной, а в ментальной форме, по ассоциации объекта с каким-либо феноменом культуры, цвет оказывает когнитивную поддержку и важен исключительно в процессе узнавания (различия между условиями ЦЦ и ЦБ ($t(306) = 4,1612$, $p = ,000041$) обозначены розовой штриховкой на рисунке 5-в). При этом как в целенаправленно созданных, так и в естественно развившихся сельских, исторических и индустриальных культурных ландшафтах (рисунки 5-а и 5-б) наблюдается неожиданный «сдвиг» условия ЦБ по сравнению с условием ЦЦ ($t(306) = 4,7751$, $p = ,000001$), который указывает на то, что добавленный к изначально черно-белым фотографиям цвет в процессе сравнения целевого изображения с его представлением в памяти представляет собой своего рода когнитивное препятствие и мешает нам вспоминать.

Рисунок 5

Корреляция доли правильно распознанных изображений различных типов культурных ландшафтов с длительностью экспозиции; сенсорная поддержка цвета (разница между условиями ББ и ЦБ) обозначена серой штриховкой, когнитивная (различия между условиями ЦЦ и ЦБ) – розовой

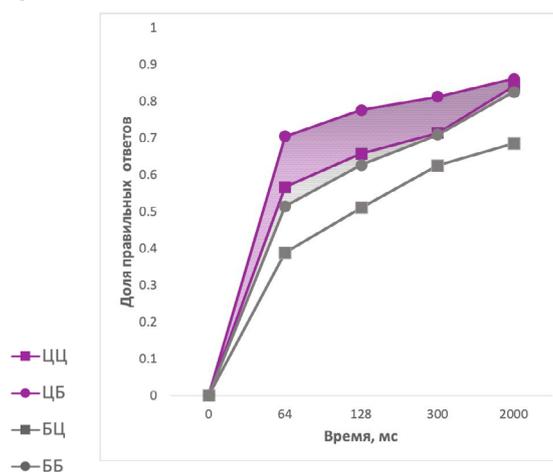

Рисунок 5 (а) целенаправленно созданный

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

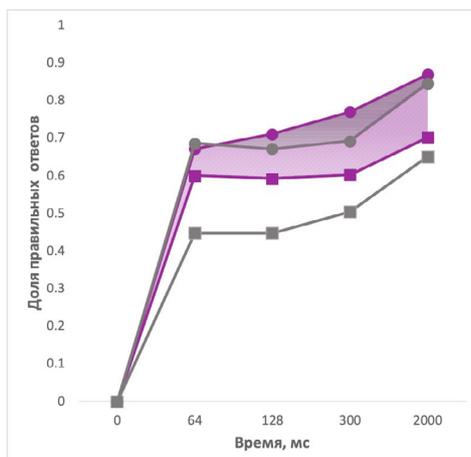

Рисунок 5 (б) естественно развившийся

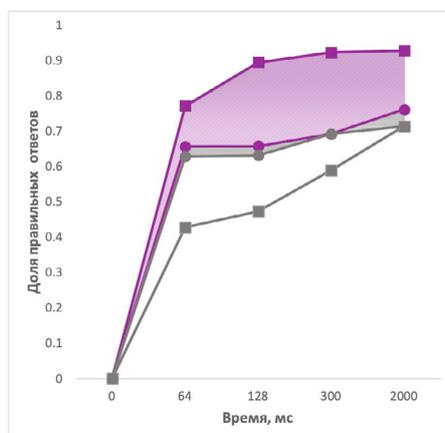

Рисунок 5 (в) ассоциативный

Обсуждение результатов

Сопоставление паттернов успешности узнавания культурных ландшафтов различного типа в нашем эксперименте (рисунок 3) с конфигурациями, полученными

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

И. Спенсом и его коллегами из линейной модели с помощью дисперсионного анализа (Spence, 2006, р. 3), подтверждает, что показательными для культурных ландшафтов различных типов являются формы кривых, а не абсолютные величины успешности.

В паттернах узнавания целенаправленно созданных и естественно развившихся ландшафтов хорошо заметен эффект асимметрии, схожий с тем, что несколько десятилетий назад описали в своей работе М. Пездек и коллеги (Pezdek et al., 1988), изучая как люди запоминают различные типы рисунков. Как и в нашем эксперименте, авторы использовали экспериментальную схему 2x2, только в качестве меняющегося условия рассматривали не цвет, а сложность изображения: участники должны были запомнить несколько рисунков, а потом постараться узнать их. Результативность узнавания изображений, которые на этапе распознавания имели более простую форму, чем при запоминании, оказалась заметно выше, чем в тех случаях, когда стимулы сначала имели более простой вид, чем при распознавании. Экспериментаторы объяснили это тем, что новые детали более сложного изображения меняют его настолько, что оно перестает соответствовать репрезентации в памяти. В нашем случае то же самое произошло с цветом: участники не смогли узнать в цвете большинство фотографий, которые они запомнили черно-белыми (условие БЦ), и, наоборот, успешно идентифицировали черно-белые изображения, которые до этого видели цветными (условие ЦБ).

Описанный эффект может быть связан с тем, что цвет участвует в процессе запоминания не непосредственно, а опосредованно. На это, в частности, указывает тот установленный в проведенных ранее исследованиях факт, что люди редко осознают, видели они определенное изображение цветным или черно-белым (Suzuki & Takahashi, 1997). В цветном изображении мы, как правило, запоминаем не сам цвет, а определенные, важные для кодирования качества, которые цвет усиливает, способствуя тем самым запоминанию. Наоборот, если цвет добавляется только на этапе распознавания, он так сильно меняет изображение, что это мешает нам извлечь из памяти сюжет, который мы видели черно-белым.

Подобный эффект не наблюдается в природных ландшафтах, поскольку там цвет в большинстве случаев выполняет диагностическую функцию (Oliva & Schyns, 2000). Природные ландшафты, как правило, имеют характерный цвет: каньоны, в основном, красные и оранжевые, леса – зеленые, морские побережья – синие, а пустыни – желтые. Проекции изображений этих ландшафтов в плоскости a^*b^* цветового пространства CIE Lab занимают отдельные, не перекрывающиеся зоны. Таким образом, хроматическая информация для них является отличительной (диагностической). Мы можем с большой долей вероятности предсказать цвет природных объектов даже в том случае, когда видим их черно-белыми. В случае с культурными ландшафтами цвет гораздо хуже поддается прогнозированию и может коренным образом изменить образ местности и повлиять на его ментальное представление.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

В случае ассоциативных ландшафтов более высокие показатели узнаваемости соответствовали условиям, при которых изображения на этапах запоминания и распознавания имели одинаковый вид (условия ЦЦ и ББ). Высокая узнаваемость стимулов типа ЦЦ отражала важную роль цвета как во время кодирования, так и в процессе распознавания. При условии ББ цвет не участвовал в определении границ и сегментации образа во время кодирования, однако наличие точно такой же информации о форме и яркости при запоминании и распознавании являлось более важным, чем возможное усиление процессов кодирования, которое мог бы обеспечить цвет. Таким образом, успешность узнавания была напрямую связана с соблюдением принципа специфичности кодирования, согласно которому эффективность запоминания и воспроизведения повышается в том случае, когда та же информация, которая доступна при кодировании, доступна и при извлечении (Tulving & Thomson, 1973). Принципиальное значение здесь имело не наличие цвета, а скорее качество соответствия между изначально показанным изображением и тем, которое нужно узнать.

При очень короткой презентации (64 мс) показатель успешности запоминания при условии ЦЦ оказался заметно ниже, чем при более длительных экспозициях (128, 300 и 2000 мс). Основываясь на результатах проведенных ранее исследований (Spence et al., 2006), это может быть связано с тем, что форма и цвет обрабатываются в разных областях коры головного мозга. Для того чтобы цвет улучшал память, эти свойства должны быть синхронизированы. Хотя связывание цвета и формы происходит быстро, на этот процесс все же требуется определенное время. В результате при очень коротких экспозициях, когда обработка формы и цвета еще не успела синхронизироваться, модель ответа будет отличаться от тех, которые были получены при более длительных воздействиях.

При этом общая корреляция доли правильно распознанных изображений с продолжительностью их демонстрации, отмеченная также в проведенных ранее исследованиях механизмов запоминания сложных образов (Gegenfurtner & Rieger, 2000; Wichmann et al., 2002; Spence et al., 2006), может объясняться тем, что при большей длительности экспозиции увеличивается количество фиксации взгляда и их длительность, в результате – кодируется больше информации о деталях (Potter, Staub, Rado & O'Connor, 2002).

Заключение

Наш эксперимент подтвердил, что механизм участия цвета в восприятии культурных ландшафтов отличается от рецепции как природных сцен, так и антропогенных ландшафтов и коррелирует со степенью культурной освоенности исходного природного окружения.

Во-первых, цвет заметно снижает успешность узнавания целенаправленно созданных и естественно развившихся ландшафтов, которые участники запомнили

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

черно-белыми. И наоборот, повышается результативность идентификации черно-белых изображений, которые на этапе запоминания были цветными. Подобный эффект асимметрии узнавания не наблюдается в природных ландшафтах, поскольку там цвет в большинстве случаев выполняет диагностическую функцию и хорошо поддается прогнозированию.

Во-вторых, успешность узнавания ассоциативных ландшафтов напрямую связана с соблюдением принципа специфичности кодирования, согласно которому эффективность запоминания повышается в том случае, когда изображения на этапах кодирования и извлечения имеют одинаковый вид (оба раза демонстрируются в цвете или, наоборот, дважды – в черно-белом виде).

В-третьих, сопоставление паттернов успешности узнавания культурных ландшафтов различного типа с конфигурациями, полученными из линейной модели с помощью дисперсионного анализа, подтверждает, что показательными для культурных ландшафтов являются именно формы кривых, а не абсолютные показатели успешности; цвет оказывает заметную сенсорную поддержку в целенаправленно созданных ландшафтах, менее значимую – в естественно развившихся и, наоборот, в ассоциативных ландшафтах важен исключительно на фазе распознавания как часть представления сложных образов в эпизодической памяти.

Благодарности

Автор выражает признательность сотрудникам «Лаборатории цвета» Смоленского государственного университета: Алексею Делову за разработку онлайн-платформы эксперимента; Карине Цыганковой, Григорию Элькинду и Алене Нанкевич за помощь в сборе и очистке данных.

Литература

- Веденин, Ю. А., Кулешова, М. Е. (ред.) (2004). *Культурный ландшафт как объект наследия*. Институт Наследия; Дмитрий Буланин.
- Грибер, Ю. (2021). Цвет, удобный для жизни. *Проект Байкал*, 18(67), 82–87. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.67.1759>
- Грибер, Ю. А. (2017). *Теория цветового проектирования городского пространства*. Согласие.
- Грибер, Ю. А. (2022). Цвет изнутри: новый вектор исследования городской колористики. *Проект Байкал*, 1(71), 144–149.
- Грибер, Ю. А., Сухова, Е. Е. (2020). Цвет как инструмент управления эмоциями в публикациях о пандемии COVID-19 в русскоязычных онлайн-СМИ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 307–328. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1745>
- Костина, Д. И., Филиппова, М. Г., Аллахвердов, М. В., Аллахвердов, В. М. (2022). Осознанное восприятие: дискретность vs непрерывность. *Российский психологический журнал*, 19(4), 23–46. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.2>
- Лавренова, О. А. (2021). Игры с пространством. *Эпистемология и философия науки*, 58(1), 178–196. <https://doi.org/10.5840/eps202158117>

- Brady, T. F., & Alvarez, G. A. (2011). Hierarchical Encoding in Visual Working Memory: Ensemble Statistics Bias Memory for Individual Items. *Psychological Science*, 22(3), 384–392. <https://doi.org/10.1177/0956797610397956>
- Burton, G. J., & Moorhead, I. R. (1987). Color and spatial structure in natural scenes. *Applied optics*, 26(1), 157–170. <https://doi.org/10.1364/AO.26.000157>
- Field, D. J. (1987). Relations between the statistics of natural images and the response properties of cortical cells. *Journal of the Optical Society of America. A, Optics and image science*, 4(12), 2379–2394. <https://doi.org/10.1364/josaa.4.002379>
- Frey, H.-P., Honey, C., & König, P. (2008). What's color got to do with it? The influence of color on visual attention in different categories. *Journal of Vision*, 8(14):6, 1–17, <https://doi.org/10.1167/8.14.6>
- Gegenfurtner, K. R., & Rieger, J. (2000). Sensory and cognitive contributions of color to the recognition of natural scenes. *Current Biology*, 10(13), 805–808. [https://doi.org/10.1016/S0960-9822\(00\)00563-7](https://doi.org/10.1016/S0960-9822(00)00563-7)
- Joye, Y., Steg, L., Ünal, A. B., & Pals, R. (2016). When complex is easy on the mind: Internal repetition of visual information in complex objects is a source of perceptual fluency. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 42(1), 103–114. <https://doi.org/10.1037/xhp0000105>
- Kardan, O., Demiralp, E., Hout, M. C., Hunter, M. R., Karimi, H., Hanayik, T., Yourganov, G., Jonides, J., & Berman, M. G. (2015). Is the preference of natural versus man-made scenes driven by bottom-up processing of the visual features of nature? *Frontiers in Psychology*, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00471>
- Motoyoshi, I., Nishida, S., Sharan, L. et al. (2007). Image statistics and the perception of surface qualities. *Nature*, 447, 206–209. <https://doi.org/10.1038/nature05724>
- Oliva, A. & Torralba, A. (2006). Building the gist of a scene: The role of global image features in recognition. *Progress in Brain Research*, 155, 23–36. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(06\)55002-2](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(06)55002-2)
- Oliva, A., & Schyns, P. G. (2000). Diagnostic colors mediate scene recognition. *Cognitive Psychology*, 41, 176–210. <https://doi.org/10.1006/cogp.1999.0728>
- Olmos, A., & Kingdom, F. A. A. (2004). *McGill calibrated colour image database*. Retrieved from <http://tabby.vision.mcgill.ca>
- Pezdek, K., Maki, R., Valencia-Laver, D., Whetstone, T., Stoeckert, J., & Dougherty, T. (1988). Picture memory: recognizing added and deleted details. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 14, 468–476. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.14.3.468>
- Potter, M. C., Staub, A., Rado, J., & O'Connor, D. H. (2002). Recognition memory for briefly presented pictures: The time course of rapid forgetting. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 28(5), 1163–1175. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.28.5.1163>
- Potter, M.C. (1976). Short-term conceptual memory for pictures. *Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory*, 2, 509–522. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.2.5.509>
- Sekimoto, T. & Motoyoshi, I. (2022). Ensemble perception without phenomenal awareness of elements. *Scientific Reports*, 12, 11922. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-15850-y>
- Spence, I., Wong, P., Rusan, M., & Rastegar, N. (2006). How color enhances visual memory for natural scenes. *Psychological science*, 17(1), 1–6. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2005.01656.x>
- Steeves, J. K., Humphrey, G. K., Culham, J. C., Menon, R. S., Milner, A. D., & Goodale, M. A. (2004). Behavioral and neuroimaging evidence for a contribution of color and texture

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- information to scene classification in a patient with visual form agnosia. *Journal of cognitive neuroscience*, 16(6), 955–965. <https://doi.org/10.1162/0898929041502715>
- Suzuki, K., & Takahashi, R. (1997). Effectiveness of color in picture recognition memory. *Japanese Psychological Research*, 39(1), 25–32. <https://doi.org/10.1111/1468-5884.00033>
- Taniyama, Y., Suzuki, Y., Kondo, T., Minami, T., & Nakauchi, S. (2023). Pupil dilation is driven by perceptions of naturalness of color composition in paintings. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/aca0000580>
- Thorpe, S., Fize, D. & Marlot, C. (1996). Speed of processing in the human visual system. *Nature*, 381, 520–522. <https://doi.org/10.1038/381520a0>
- Tulving, E., & Thomson, D. M. (1973). Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory. *Psychological Review*, 80(5), 352–373. <https://doi.org/10.1037/h0020071>
- Whitney, D. & Yamanashi Leib, A. (2018). Ensemble perception. *Annual Review of Psychology*, 69, 105–129. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010416-044232>
- Wichmann, F. A., Sharpe, L. T., & Gegenfurtner, K. R. (2002). The contributions of color to recognition memory for natural scenes. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 28, 509–520. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.28.3.509>

Поступила в редакцию: 30.05.2023

Поступила после рецензирования: 06.06.2023

Принята к публикации: 12.07.2023

Информация об авторе

Грибер Юлия Александровна – доктор культурологии, профессор кафедры социологии и философии, директор научно-образовательного центра «Лаборатория цвета», Смоленский государственный университет, Смоленск, Российская Федерация; WOS Researcher ID: AAG-4410-2019, Scopus Author ID: 56809444600, SPIN-код РИНЦ: 8214-8269, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2603-5928>; e-mail: y.griber@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Проявления речевого дефекта в процессе восприятия речи и внутреннего проговаривания

Ольга В. Шевалдова^{1*} , Александр В. Вартанов¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: shevaldovaolga@yandex.ru

Аннотация

Введение. Существующие исследования в области речевых расстройств не дают системного представления о связи биоэлектрической активности мозга с характером речевых нарушений, особенностями процессов речевосприятия и внутреннего проговаривания. Настоящая работа направлена на сравнение активности головного мозга при восприятии и мысленном повторении слов группой людей без речевых расстройств и группой людей с функциональной дислалией. Впервые проведен анализ и сравнение вызванных потенциалов (ВП) мозга в процессе речевосприятия и внутреннего проговаривания у людей с ротацизмом и без него. **Методы.** В ЭЭГ-исследовании приняли участие 36 человек, из них 18 имели речевое нарушение в виде ротацизма. Испытуемым предъявлялись аудиальные стимулы (слова), наговоренные диктором с ротацизмом и диктором без особенностей звукопроизношения. После этого необходимо было мысленно повторить слово, сохраняя интонацию и особенности произношения, как при внешней речи. **Результаты.** В процессе ЭЭГ исследования наиболее значимые различия в структуре ВП были обнаружены в отведении С3. **Обсуждение результатов.** Был проведен анализ различий ВП в процессе речевосприятия и внутреннего проговаривания у людей с ротацизмом и без него. Показано, что для задачи на восприятие и мысленное повторение речевых стимулов прослеживается тенденция различать дефектное и нормативное произношение слов группой людей без речевых нарушений. У людей с ротацизмом значимых различий ВП при этих же условиях не выявлено. Можно предположить, что люди с ротацизмом не ощущают различия между этими вариантами произношения.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова

электроэнцефалография, внутренняя речь, ротацизм, вызванные потенциалы, восприятие, речевые нарушения, функциональная дислалия, звуковой образ, дефекты произношения, мысленное проговаривание

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00067.

Для цитирования

Шевалдова, О. В., Вартанов, А. В. (2023). Проявления речевого дефекта в процессе восприятия речи и внутреннего проговаривания. *Российский психологический журнал*, 20(3), 173–187. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.9>

Введение

Распространенность речевых расстройств по различным данным составляет от 5–10% (Ягунова, 2018) до 22% (Goulart, 2017). В последние годы отмечается увеличение количества пациентов с когнитивным дефицитом и нарушениями речевого развития (Макаров, Емелина, 2017). Широкое распространение получило использование электроэнцефалографии (ЭЭГ), магнитно-резонансной томографии (МРТ), компьютерной томографии (КТ) для оценки функционального состояния головного мозга. При помощи этих методов в последние годы обнаружены эпилептиформные и локальные патологические изменения (с преобладанием в височных областях) мозга у детей с тяжелыми нарушениями речи и органически обусловленной грубой задержкой психического развития (Гамирова, Белоусова, Уткузова, Зайкова, 2014), нейропсихологические и нейролингвистические аспекты специфических нарушений речи (Pachalska, Jastrzębowska, Lipowska & Pufal, 2007), установлена корреляция между височно-нижнечелюстными расстройствами, атипичным глотанием и дислалией (Marchesi et al., 2019).

Несмотря на проводимые в области диагностики и лечения речевых нарушений у детей и взрослых исследования, остаются нерешенными такие вопросы, как патогенез различных речевых нарушений, соотношение особенностей биоэлектрической активности головного мозга с характером речевого дефекта и особенностями внутренней речи и восприятия. Понимание нейрофизиологических механизмов организации речевой деятельности является необходимым условием разработки и применения адекватных методов коррекции нарушений речевого развития.

Функциональная дислалия

Функциональная дислалия – это дефекты звукопроизношения, обусловленные нарушением функционирования корковых отделов речедвигательного, речеслухового анализатора или дефектом механизма речеобразования. Он проявляется моторной (искажение) или сенсорной (смешение, подмена) неточностью произношения фонем. Ротацизм – форма дислалии, связанная с наличием дефекта при произношении звуков «р» и «р'».

Причины функциональной дислалии

У людей с функциональной дислалией строение периферического речевого аппарата в норме, иннервация артикуляционных мышц не нарушена, физический слух сохранен. Выявленные дефекты произношения обусловлены нарушением протекания нейродинамических процессов в коре головного мозга. Функциональная дислалия может быть обусловлена двумя типами факторов:

- *Биологические факторы.* К ним относят задержку психоречевого развития и общее физическое истощение организма вследствие длительных заболеваний или тяжелого протекания инфекционных патологий. Нарушение общего физического развития предопределяет нейродинамический дефицит, который выражается в ослаблении тонких дифференцировок в речеслуховом или речедвигательном анализаторе. Артикуляционные движения нечеткие, речевая кинестезия нечеткая, фонематический слух не сформирован.
- *Социальные(педагогические) факторы.* К ним относятся случаи некорректного обучения речи: подражание родителей «лепетному» произношению, усвоение ребенком дефектных речевых моделей взрослых, чрезмерное косноязычие родителей и близких родственников, которому ребенок начинает подражать. На развитие речи негативно влияет воспитание в билингвальной среде – в этом случае нормативные для одного языка особенности звукопроизношения могут переноситься на другой, где они не являются нормой. Кроме всего прочего, причиной дислалии может быть запоздалое обращение к логопеду или педагогическая запущенность (Болтакова, 2013).

Механизм возникновения дислалии

Механизм возникновения функциональной дислалии связан с нарушением баланса возбуждения и торможения в корковых отделах речеслуховой и речедвигательной систем головного мозга человека. Характер ведущего дефекта определяется локализацией нарушений корковой нейродинамики. При поражении моторного центра речи (зоны Брока) возникает в основном двигательная недостаточность: в первую очередь страдает воспроизведение фонем, а во вторую очередь речевой слух. При локализации нейродинамических расстройств в сенсорной речевой

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

зоне (центре Вернике) снижается способность воспринимать звуки речи как лингвистически значимые.

Ранние исследования показали противоречивые результаты относительно взаимосвязи речепроизводства и аудиального восприятия у людей с речевыми расстройствами. Одни авторы предполагают, что восприятие звуков является критической переменной и оказывает влияние на процесс производства речи (Munson, Edwards & Beckman, 2005; Nijland, 2009; Cabbage, Hogan & Carrell, 2016). Другие авторы утверждают, что слишком мало доказательств в поддержку того, что наличие речевого дефекта вызывает проблемы при аудиальном восприятии речи (Nagao, 2012; Hearnshaw, Baker & Munro, 2018). Так, результаты одного и последних исследований (Berti, Guilherme, Esperandino & de Oliveira, 2020) подтвердили взаимосвязь между речепроизводством и речевосприятием, хотя отмечается, что восприятие речи не полностью отражает процесс речепроизводства.

Учитывая неоднозначность результатов, полученных ранее, представляется необходимым продолжить изучение взаимосвязи между производством и восприятием речи у людей с дефектами звукопроизношения.

Продолжаются споры о том, сходным ли образом обрабатываются в мозге внешняя и внутренняя речь. Содержат ли оба вида речи подробную артикуляционную информацию и при этом внутренней речи не хватает только производства звука, или внутренняя речь вовсе не включает в себя подробную артикуляционную информацию (Stephan, Saalbach & Rossi, 2020)? Исследование (Stephan et al., 2020) показало, что мозг успешно различает внутреннюю и внешнюю речь. Одновременно применяя метод ЭЭГ и метод функциональной ближней инфракрасной спектроскопии (fNIRS) авторы показали, что различия между внутренней и внешней речью обусловлены не только специфическими языковыми и моторными процессами, но и тормозными механизмами. Кроме того, в последнее время предпринимаются попытки автоматического декодирования внутренней речи с использованием ЭЭГ и других неинвазивных методов (Simistira, Gupta, Saini, De & Liwicki, 2022; Nieto, Peterson, Rufiner, Kamienkowski & Spies, 2022; Berg, Donkelaar & Alimardani, 2021).

Наличие генерализованных аномалий на ЭЭГ у детей с нарушениями речи показано в исследовании (Mehta et al., 2015). Обнаружены статистически значимые изменения параметров ЭЭГ, характерные для различных уровней общего недоразвития речи. Данные изменения необходимы для дифференциальной диагностики умеренных и грубых поражений, а также для прогноза заболевания (Разинькова и др., 2019).

В недавней работе (Ballard, Etter, Shen, Monroe & Tien, 2019) авторы показали возможность использования систем автоматического распознавания речи на основе ЭЭГ в качестве инструмента обратной связи при проведении логопедической терапии пациентам с афазией. Результаты, представленные в другой статье (Krishna et al., 2021), показывают первый шаг к демонстрации возможности

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

использования неинвазивных нейронных сигналов для разработки надежного речевого протеза в режиме реального времени для людей, перенесших инсульт, страдающих от афазии, апраксии и дизартрии.

Важную роль в процессе внутренней речи играет обработка слуховой информации. Она осуществляется в ряде областей коры, обнаруженных в нижней части боковой борозды и прилежащих к верхней височной извилине (Вартанов, Шевченко, 2022). С точки зрения мозговых механизмов имеет место сложная система, которая, с одной стороны, сходна с системой восприятия речи и представления звуковых образов, а, с другой, с системой речеобразования.

Поскольку внутреннюю речь можно рассматривать как производную форму внешней (звуковой) речи, то допустимо ожидать, что нарушения внешней речи могут проявиться и во внутренней. Но, с другой стороны, поскольку во внутренней речи само по себе звукопроизводство не требуется, то и дефекты произношения, казалось бы, не должны проявляться во внутреннем звуковом образе. В этом противоречии кроется **основная проблема** данного исследования, актуальность и научная значимость которой лежит не столько в плоскости логопедии и дефектологии, сколько в области нейрофизиологии. В настоящее время нет полного системного представления о мозговых механизмах внутренней речи, а связь этих процессов с характером речевого дефекта фактически не исследована (это и является **объектом** текущего **исследования**). Не описаны и соответствующие проявления биоэлектрической активности с помощью ВП, что является **предметом** данного исследования.

Цель настоящего исследования – по данным ЭЭГ построить и сравнить вызванные потенциалы мозга в процессе восприятия и внутреннего проговаривания (мысленного повторения) слов (произнесенных нормально и диктором с ротацизмом) группой людей с ротацизмом и группой людей с нормативным произношением.

Методы

Испытуемые

В исследовании принимали участие 36 испытуемых: 18 женщин и 18 мужчин в возрасте от 22 до 38 лет. Из них 15 человек (6 женщин и 9 мужчин) имели особенность звукопроизношения в виде ротацизма. Образование испытуемых высшее. Все испытуемые не имели в анамнезе психических заболеваний, а также подписали добровольное информированное согласие на участие в эксперименте, одобренное этическим комитетом факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова № 6, 2020 г.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Оборудование

Для записи и редактирования ЭЭГ с целью исключения артефактов использовалась программа BrainSys (BrainWin). Регистрация электрической активности мозга проводилась монополярно, с помощью 19-канального электроэнцефалографа «Нейро-КМ» (компания «Статокин», Россия). Электроды были расположены по международной системе 10–20% с двумя мостоидами. Для предъявления стимулов использовалась программа Presentation (версия 18.0 фирмы Neurobehavioral Systems, Inc). Рассчитывались усредненные вызванные потенциалы (ВП) и соответствующие 95% доверительные интервалы для каждого стимула.

Стимулы

1. Ракета – значимое слово с контрольной буквой «р» в начале;
2. Р'акета – значимое слово, произнесенное диктором с ротализмом;
3. Библиотека – нейтральное слово, не содержащее контрольную букву «р»;
4. Курьер – значимое слово с контрольной буквой «р» в середине перед мягким знаком и в конце слова;
5. Ограда – значимое слово с контрольной буквой «р» в середине слова перед гласной.

Данные стимулы были представлены в аудиоформате. При аудиальном предъявлении использовались записи, наговоренные женским голосом, в которых данные слова представлены без дополнительных звуков, шумов и возможности образования словосочетаний и предложений.

Процедура эксперимента

Стимулы предъявлялись в случайном порядке, каждый по 50 раз, общая последовательность предъявлений состояла из 250 стимулов, длительность эксперимента составляла около 25 минут. Начало проговаривания «про себя» задавалось специальным сигналом (коротким звуком). Аудиальные стимулы предъявлялись через наушники. Во время эксперимента испытуемый находился с закрытыми глазами.

Анализ данных

Для исключения артефактов проводился визуальный анализ ЭЭГ с помощью программы BrainSys (BrainWin). В результате автоматической сортировки отрезков ЭЭГ по номерам стимулов и усреднения фрагментов ВП в интервале 200 мс до стимула и 500 мс после его предъявления для двух исследуемых групп испытуемых было

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

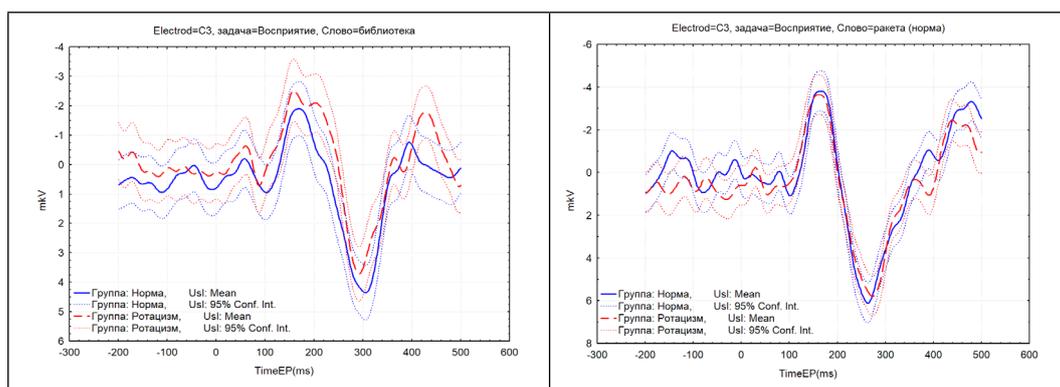
получено 5 ВП при восприятии стимулов и 5 ВП для их внутреннего проговаривания по каждому из 19 отведений. Для всех ВП были получены оценки 95% доверительного интервала, что далее использовалось для определения достоверности различий между ними.

Результаты

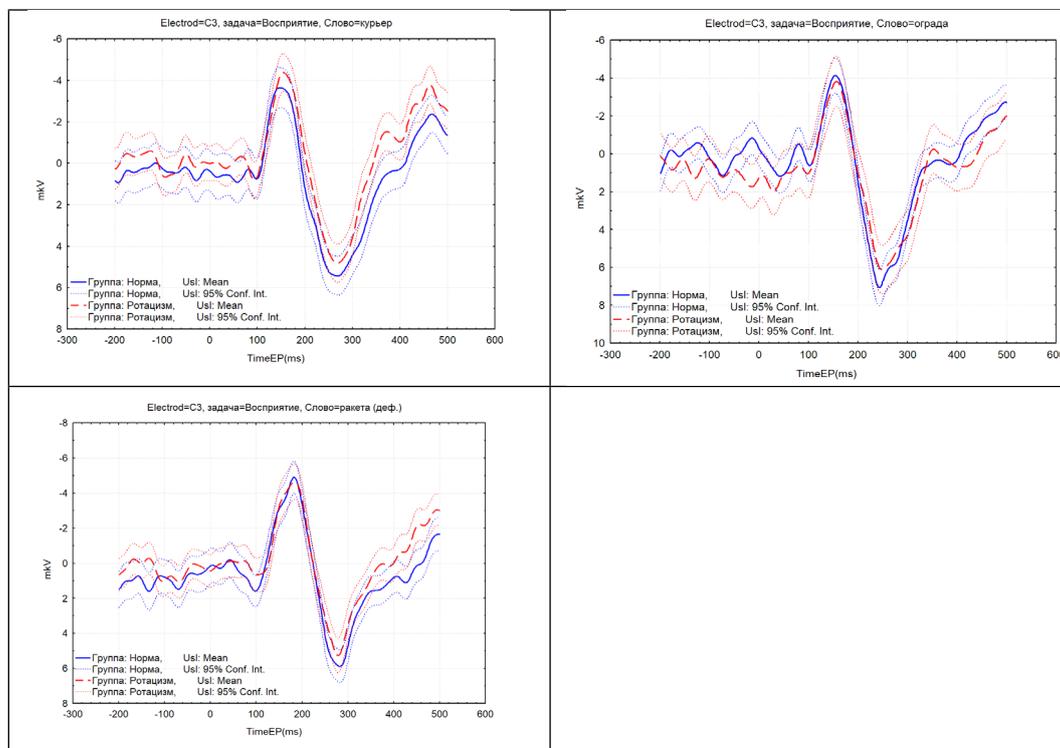
Для каждой из исследуемых групп испытуемых (группа людей с ротацизмом и без) были получены усредненные ВП при восприятии, и при мысленном проговаривании каждого из предъявленных слов с оценкой 95% доверительного интервала, что позволило оценить достоверность различий в амплитуде соответствующих пиков. В большинстве отведений никаких значимых различий между группами испытуемых ни по одному из стимулов-слов не обнаружено. Однако тонкие, но значимые изменения биоэлектрической активности выявлены для некоторых условий в одном отведении – С3. Для задачи на восприятие характерно фактически полное совпадение вызванных потенциалов по форме для обеих групп испытуемых по всем стимулам. В отведении С3 присутствует незначительная разница в амплитуде и форме ВП для слов «библиотека» и «курьер», также характерно наличие пика N450 при восприятии слова «библиотека» группой испытуемых с ротацизмом (рисунок 1).

Рисунок 1

Сопоставление ВП между группами нормы и людей с ротацизмом при восприятии слов

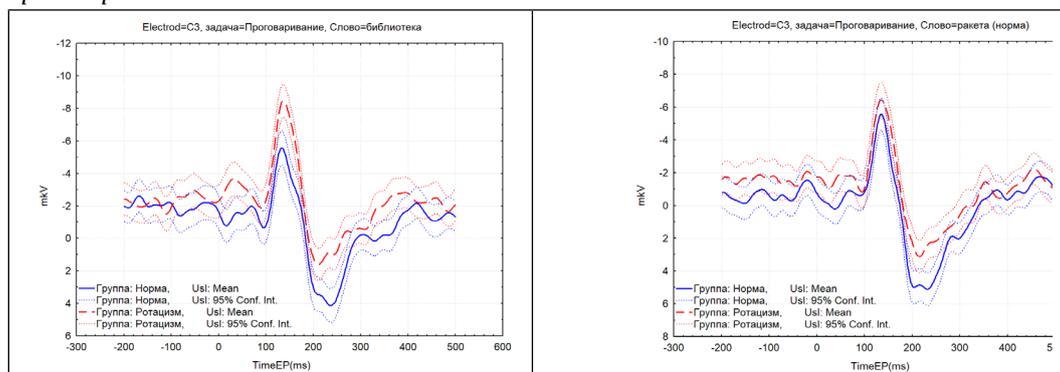
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

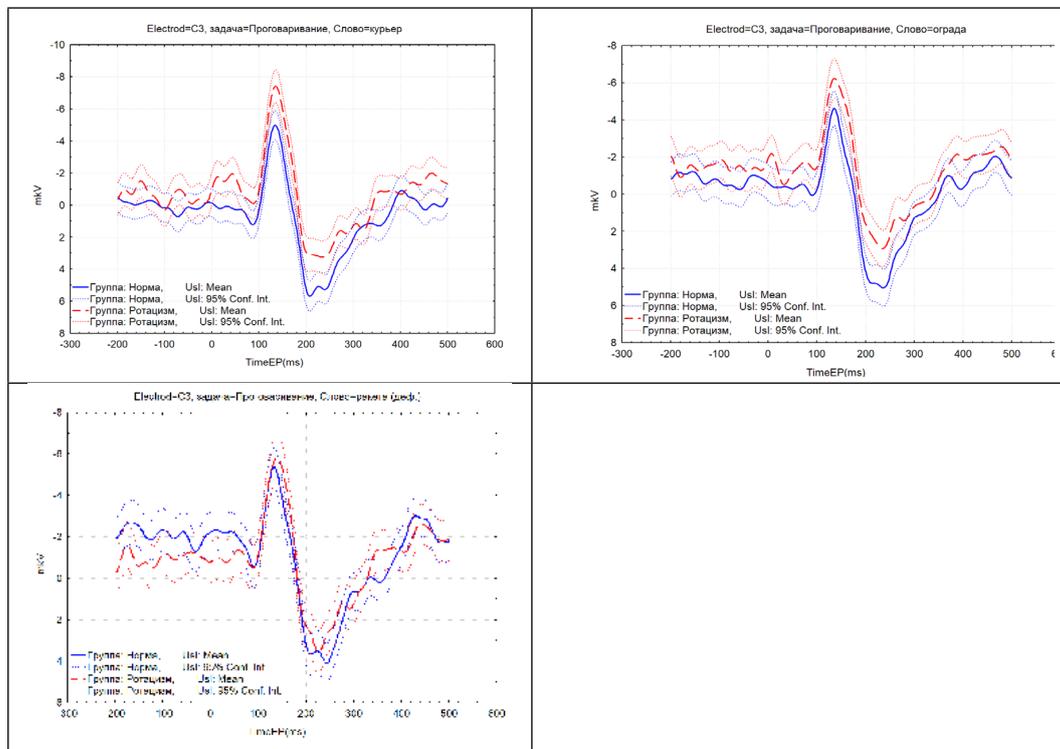
Видна существенная разница в амплитуде ВП для отведения С3 фактически для всех слов, кроме слова «р'акета», произнесенного диктором с ротацизмом в случае их мысленного повторения (рисунок 2). Обращает на себя внимание, что амплитуда ВП выше у группы людей с ротацизмом.

Рисунок 2

Сопоставление ВП между группами нормы и людей с ротацизмом при внутреннем проговаривании слов

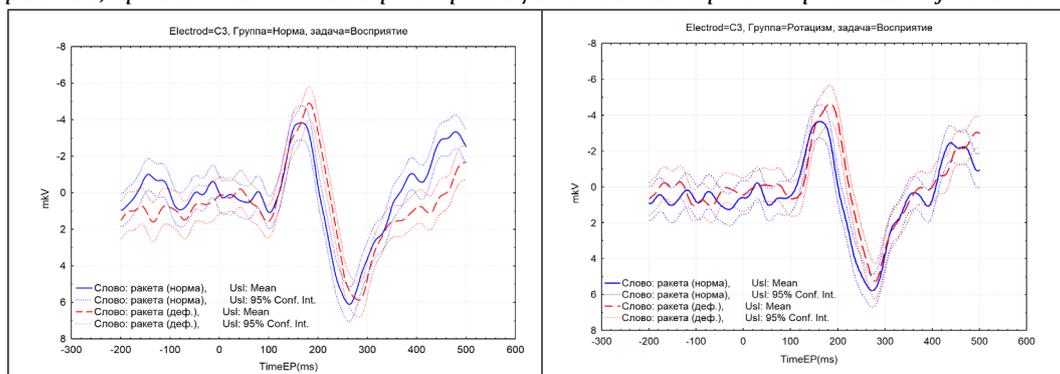
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

На рисунке 3 дополнительно представлено сопоставление ВП в отведении С3 для задачи восприятия слов «ракета», произнесенного диктором без речевых дефектов (ракета норма) и «р'акета», произнесенного диктором с ротацизмом (ракета (деф.)). Характерно наличие сдвига ВП по латенции вправо в случае восприятия стимула, наговоренного диктором с дефектом дикции для обеих групп испытуемых (рисунок 3).

Рисунок 3

Сопоставление ВП между группами нормы и людей с ротацизмом при восприятии слова 'ракета', произнесенного диктором с ротацизмом и диктором без речевых дефектов.

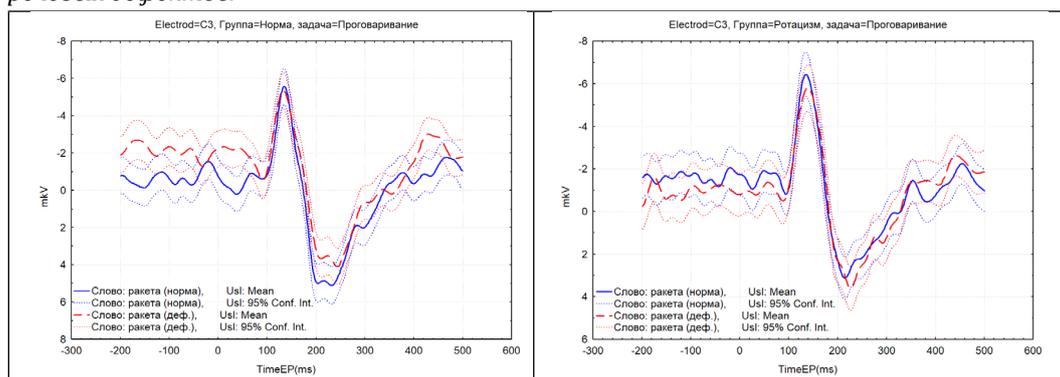

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Для проговаривания тех же стимулов характерно фактически полное совпадение форм, амплитуд и латенций ВП в отведении С3 для обеих групп (рисунок 4).

Рисунок 4

Сопоставление ВП между группами нормы и людей с ротацизмом при мысленном проговаривании слова 'ракета', произнесенного диктором с ротацизмом и диктором без речевых дефектов.

Обсуждение результатов

Нейрофизиология грубых нарушений речи, предположительно, обусловлена органическими факторами вследствие перинатально гипоксического поражения ЦНС. Механизмы умеренных и легких нарушений речи детерминированы дискоординацией процессов возбуждения и торможения определенных структур головного мозга (Разинькова и др., 2019), что, несомненно, отражается на изменении общей картины ЭЭГ. Такие нарушения речи связаны в первую очередь со структурными аномалиями левой нижней лобной доли. Так, показано, что при коррекции речевых расстройств эффективно помогает биологическая обратная связь, разработанная на основе сигналов ЭЭГ в отведениях O2, O1, C3, C4, F3, F4, F7, F8 (Jayawickrama & Thelijagoda, 2020).

Результаты, полученные в настоящем исследовании, демонстрируют, что наибольшие и единственные различия в ВП между группами нормы и с ротацизмом обнаружены только в отведении С3.

Модель языкового анализа (Емелина, Макаров, Гасанов, 2019), основанная на многочисленных нейрофизиологических исследованиях, посвященных изучению процесса языкового анализа (Frisch, Hahne & Friederici, 2004; Friederici, 2011; Юрченко, 2017) предполагает наличие трехэтапной модели обработки языковой информации головным мозгом. На первом этапе (временной интервал 100–300 мс) осуществляется синтаксический анализ, определяется к какой части речи относится данное слово и может ли оно быть включено в смысловую

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

конфигурацию предложения. В диапазоне 120–200 мс может наблюдаться ранняя левая фронтальная негативность, так называемый ELAN (early left anterior negativity)-эффект (Hahne & Friederici, 2002; Frisch et al., 2004; Friederici, 2011), определяющий правильность опознания звукового стимула и соотнесение с шаблоном памяти. На втором этапе (300–500 мс) происходит обработка лексико-семантической информации и встраивание значения поступившей информации в контекст. В этом диапазоне может наблюдаться левая фронтальная негативность или LAN (left anterior negativity)-эффект (Gunter, Friederici & Schriefers, 2000; Sabourin & Stowe, 2004), который характеризует восприятие стимулов с морфосинтаксическими аномалиями, в результате которых возникают трудности с приписыванием тематических ролей. На третьем этапе (от 500 мс) происходит объединение всех типов информации. При наличии синтаксических, а иногда и семантических аномалий возникает эффект P600, который, вероятнее всего, характеризует этап реанализа поступившей информации.

В текущей работе показано, что для задачи на восприятие прослеживается тенденция различать нормальное произношение слова «ракета» с дефектным произношением на поздней латенции (400–500 мс) группой людей без речевых дефектов. Вероятно, это свидетельствует о LAN-эффекте. Для группы с ротацизмом при этом ВП на этой латенции не различаются, что может свидетельствовать о том, что люди с ротацизмом не ощущают разницы между этими вариантами произношения на уровне речевосприятия.

В процессе мысленного повторения за диктором также прослеживается тенденция к различению двух вариантов произношения слова «ракета» группой без речевых дефектов на латенции 250 мс. Люди без речевого дефекта, повторяя слово «р'акета» за диктором с ротацизмом, пытаются распознать стимул и соотнести его с каким-либо уже существующим паттерном памяти, что сопровождается появлением ELAN-эффекта. В группе людей с ротацизмом таких различий ВП не наблюдается, то есть, они произносят во внутреннем плане оба варианта слова «ракета» одинаково. Стоит добавить, что по субъективному устному отчету испытуемых с ротацизмом во внутренней речи они также имеют дефект произношения букв р и р'.

Обращает на себя внимание факт уменьшения амплитуды ВП N150 при мысленном повторении всех слов группой людей без речевых нарушений. Согласно модели речевого производства Ристо Наатанена (Наатанен, 1998) это может быть объяснено процессом игнорирования девиантного стимула. Важно, что амплитуда N150 меньше в группе нормы только при внутреннем проговаривании (при восприятии – разницы не наблюдается). Соответственно, можно предположить, что у людей с ротацизмом недостаточно развито торможение при генерации звукового образа при внутреннем проговаривании. То есть, дефект произношения может быть связан с недостаточно правильным построением внутреннего звукового образа, что не дает правильно настроить артикуляцию по звуковому эталону, они не видят собственного дефекта.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Сходство ВП на восприятие и на проговаривание в группе нормы свидетельствует о возникновении одинакового звукового образа при проговаривании и восприятии или свидетельствует о произвольном проговаривании при восприятии.

Заключение

1. Показано, что наибольшие и единственные различия в ВП между группами испытуемых с ротацизмом и нормы обнаружены только в отведении СЗ.

2. Показано, что для задачи на восприятие прослеживается тенденция различать нормальное и дефектное произношение слова «ракета» на поздней латенции (400–500 мс) группой людей без речевых нарушений. Вероятно, это свидетельствует о возникновении LAN-эффекта, характеризующего восприятие стимулов с морфосинтаксическими аномалиями. В группе людей с ротацизмом таких различий ВП не наблюдается.

3. В процессе мысленного повторения за диктором также прослеживается тенденция к различению двух вариантов произношения слова «ракета» группой без речевых дефектов на латенции 250 мс, что может свидетельствовать о возникновении ELAN-эффекта, определяющего правильность опознания звукового стимула и его соотнесение с шаблоном памяти. У испытуемых с ротацизмом различий ВП при предъявлении тех же стимулов не наблюдается.

4. Выявлено, что при мысленном повторении всех слов амплитуда ВП N150 различается для групп с ротацизмом (она больше) по сравнению с нормой. Для задачи на восприятие различий ВП для обеих групп испытуемых не наблюдается. Вероятно, у людей с ротацизмом недостаточно развито торможение при генерации звукового образа при внутреннем проговаривании. Дефект произношения может быть связан с недостаточно правильным построением внутреннего звукового образа, что не дает правильно настроить артикуляцию по звуковому эталону.

Выводы

- единственные различия в ВП между группами испытуемых с ротацизмом и нормы обнаружены в отведении СЗ;
- при восприятии слова, произнесенного диктором с ротацизмом, людьми без речевых нарушений наблюдается поздняя левая фронтальная негативность, характеризующая восприятие стимулов с морфосинтаксическими аномалиями;
- при мысленном повторении слова, произнесенного диктором с ротацизмом, в группе людей без дефектов дикции наблюдается ранняя левая фронтальная негативность, определяющая правильность опознания звукового стимула его и соотнесение с шаблоном памяти;
- у людей с ротацизмом недостаточно развито торможение при генерации звукового образа при внутреннем проговаривании.

Литература

- Болтакова, Н. И. (2013). *Теоретические основы логопедии*. Дислалия: Краткий конспект лекций. Казанский федеральный университет.
- Вартанов, А. В., Шевченко, А. О. (2022). Психофизиологические механизмы внутреннего проговаривания фонем. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 201–220. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01>
- Гамирова, Р. Г., Белоусова, М. В., Уткузова, М. А., Зайкова, Ф. М. (2014). Особенности электроэнцефалографических изменений у детей с нарушениями речевого развития. *Вестник современной клинической медицины*, 7(3), 15–20.
- Емелина, Д. А., Макаров, И. В., Гасанов, Р. Ф. (2019). Методика вызванных потенциалов головного мозга в исследовании специфических расстройств речи у детей. *Социальная и клиническая психиатрия*, 29(2), 104–111.
- Макаров, И. В., Емелина, Д. А. (2017). Нарушения речевого развития у детей. *Социальная и клиническая психиатрия*, 27(4).
- Наатанен, Р. К. (1998). *Внимание и функции мозга* (пер. с англ. Н. Данилова, Е. Федоровская, А. Черноризов). Е. Н. Соколов (ред.). Издательство московского университета.
- Разинькова, Н. С., Хмелевская, И. Г., Миненкова, Т. А., Матвиенко, Е. В., Кривдина, Н. Д., Сerezкина, А. В., Глотова, И. В. (2019). Современные аспекты диагностики расстройств речевого развития у детей. *Вестник Волгоградского государственного медицинского университета*, 4 (72), 129–131.
- Юрченко, А. Н. (2017). *Восприятие референциально неоднозначных выражений русского языка: данные связанных с событиями потенциалов мозга* (кандидатская диссертация). Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
- Ягунова К. В., Гайнетдинова Д. Д. (2018). Речевые нарушения у детей раннего и дошкольного возраста. *Российский вестник перинатологии и педиатрии*, 63(6), 23–30. <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2018-63-5-23-30>
- Ballard, K. J., Etter, N. M., Shen, S., Monroe, P., Tien Tan, C. (2019). Feasibility of Automatic Speech Recognition for Providing Feedback During Tablet-Based Treatment for Apraxia of Speech Plus Aphasia. *American journal of speech-language pathology*, 28(2S), 818–834. https://doi.org/10.1044/2018_AJSLP-MS18-18-0109
- Berg, B. V., Donkelaar, S. V., Alimardani, M. (2021). Inner Speech Classification using EEG Signals: A Deep Learning Approach. In *2021 IEEE 2nd International Conference on Human-Machine Systems (ICHMS)*, 1–4. <https://doi.org/10.1109/ICHMS53169.2021.9582457>
- Berti, L., Guilherme, J., Esperandino, C., de Oliveira, A., (2020). Relationship between speech production and perception in children with Speech Sound Disorders, *Journal of Portuguese Linguistics* 19(1), 13. <https://doi.org/10.5334/jpl.244>
- Cabbage, K. L., Hogan, T. P., Carrell, T. D. (2016). Speech perception differences in children with dyslexia and persistent speech delay. *Speech Communication*, 82, 14–25. <https://doi.org/10.1016/j.specom.2016.05.002>
- Friederici, A. D. (2011). The brain basis of language processing: from structure to function. *Physiological reviews*, 91(4), 1357–1392. <https://doi.org/10.1152/physrev.00006.2011>
- Frisch, S., Hahne, A., Friederici, A. D. (2004). Word category and verb–argument structure information in the dynamics of parsing. *Cognition*, 91(3), 191–219. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2003.09.009>
- Goulart, B., Chiari, B., Borges A. C. (2017). Factors associated with speech, hearing and language disorders among children in a primary care outpatient center. *Journal of Human Growth and Development*, 27(3), 281. <https://doi.org/10.7322/jhgd.124092>
- Gunter, T. C., Friederici, A. D., Schriefers, H. (2000). Syntactic gender and semantic expectancy:

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- ERPs reveal early autonomy and late interaction. *Journal of cognitive neuroscience*, 12(4), 556–568. <https://doi.org/10.1162/089892900562336>
- Hahne, A., Friederici, A. D. (2002). Differential task effects on semantic and syntactic processes as revealed by ERPs. *Brain research. Cognitive brain research*, 13(3), 339–356. [https://doi.org/10.1016/s0926-6410\(01\)00127-6](https://doi.org/10.1016/s0926-6410(01)00127-6)
- Hearnshaw, S., Baker, E., Munro, N. (2018). The speech perception skills of children with and without speech sound disorder. *Journal of Communication Disorders*, 71, 61–71. <https://doi.org/10.1016/j.jcomdis.2017.12.004>
- Jayawickrama, J. A. D., Thelijjagoda, S. (2020). A solution to overcome speech disorder of patients using Brain Neuron EEG Signals. In *2020 International Research Conference on Smart Computing and Systems Engineering (SCSE)*. <https://doi.org/10.1109/scse49731.2020.9312997>
- Krishna, G., Carnahan, M., Shamapant, S., Surendranath, Y., Jain, S., Ghosh, A., Tran, C., Millan, J. D. R., Tewfik, A. H. (2021). Brain Signals to Rescue Aphasia, Apraxia and Dysarthria Speech Recognition. Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society. In *IEEE Engineering in Medicine and Biology Society. Annual International Conference*, 6008–6014. <https://doi.org/10.1109/EMBC46164.2021.9629802>
- Marchesi, A., D'Apote, D., D'Apote, A., Ciancaglini, R., Strohmenger, L. (2019). The correlation between temporomandibular disorders, atypical swallowing and dyslalia. *International Journal of Oral and Craniofacial Science*, 5(1). <http://doi.org/10.17352/2455-4634.000038>
- Mehta, B., Chawla, V. K., Parakh, M., Parakh, P., Bhandari, B., Gurjar, A. S. (2015). EEG Abnormalities in Children with Speech and Language Impairment. *Journal of clinical and diagnostic research*, 9(7). <https://doi.org/10.7860/JCDR/2015/13920.6168>
- Munson, B., Edwards, J., Beckman, M. E. (2005). Phonological Knowledge in Typical and Atypical Speech-Sound Development. *Topics in language disorders*, 25(3), 190–206. <https://doi.org/10.1097/00011363-200507000-00003>
- Nagao, K., Paullin, M., Livinsky, V., Polikoff, J. B., Vallino, L. D., Morlet, T. G., Schanen, N. C., Bunnell, H. T. (2012). Speech production-perception relationships in children with speech delay. In *Proceedings of Interspeech 2012*. <https://doi.org/10.21437/Interspeech.2012-355>
- Nieto, N., Peterson, V., Rufiner, H. L., Kamienkowski, J. E., Spies, R. (2022). Thinking out loud, an open-access EEG-based BCI dataset for inner speech recognition. *Scientific data*, 9(1), 52. <https://doi.org/10.1038/s41597-022-01147-2>
- Nijland, L. (2009). Speech perception in children with speech output disorders. *Clinical linguistics & phonetics*, 23(3), 222–239. <https://doi.org/10.1080/02699200802399947>
- Pachalska, M., Jastrzębowska, G., Lipowska, M., Pufal, A. (2007). Specific language impairment: Neuropsychological and neurolinguistic aspects. *Acta Neuropsychologica*, 5, 131–154.
- Sabourin, L., Stowe, L. (2004). Memory effects in syntactic ERP tasks. *Brain and cognition*, 55(2), 392–395. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2004.02.056>
- Simistira Liwicki, F., Gupta, V., Saini, R., De, K., Liwicki, M. (2022). Rethinking the Methods and Algorithms for Inner Speech Decoding and Making Them Reproducible. *NeuroSci*, 3(2), 226–244. <https://doi.org/10.3390/neurosci3020017>
- Stephan, F., Saalbach, H., Rossi, S. (2020). The Brain Differentially Prepares Inner and Overt Speech Production: Electrophysiological and Vascular Evidence. *Brain sciences*, 10(3), 148. <https://doi.org/10.3390/brainsci10030148>

Поступила в редакцию: 11.12.2023

Поступила после рецензирования: 28.03.2023

Принята к публикации: 08.06.2023

Заявленный вклад авторов

Ольга Владимировна Шевалдова – проведение исследования, интерпретация и описание результатов, работа с источниками, написание обзорной части статьи;

Александр Валентинович Вартанов – планирование исследования, анализ результатов, критический пересмотр содержания статьи.

Информация об авторах

Шевалдова Ольга Владимировна – студент-магистр, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8577-4280>; e-mail: shevaldovaolga@yandex.ru

Вартанов Александр Валентинович – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник по специальности No 19.00.02 психофизиология (психологические науки), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8844-9643>; e-mail: a_v_vartanov@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 612.85

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.10>

Развитие процессов слухового анализа у пользователей кохлеарных имплантов с применением программных средств

Инна В. Королева¹ , Анна А. Балякова² , Эльвира И. Столярова² ,
Сергей П. Пак² , Елена А. Огородникова^{2*}

¹ Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи Минздрава РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: ogorodnikovaea@infran.ru

Аннотация

Введение. Современные технологии слухопротезирования (супермощные цифровые слуховые аппараты, кохлеарная имплантация) создают условия для слуховой реабилитации людей с большими потерями слуха и даже глухотой. При этом возникает актуальная задача развития и обновления сенсорного опыта, включая формирование первичных процессов слухоречевого анализа с закреплением новых межсенсорных связей и механизмов слухомоторной интеграции как основы коммуникативной и когнитивной деятельности в новых условиях взаимодействия с окружающей средой. Эффективному решению этой психофизиологической задачи может способствовать применение специализированных программных средств, предоставляющих возможность направленной тренировки перцептивных навыков, необходимых для реализации слухоречевой функции пациентов с нарушениями слуха, и объективной оценки индивидуальной динамики их реабилитации методами психофизики. Целью исследования стала проверка эффективности использования программных средств в проблемных ситуациях реабилитации после кохлеарной имплантации. **Методы.** Разработанные программные средства применяли для развития процессов слухового анализа восприятия и речи у пользователей кохлеарных имплантов разного возраста с до- и постлингвальной глухотой. Результаты оценивали

по данным психофизического тестирования на основе количественных показателей правильного распознавания и времени реакции. Три серии исследования отражали проблемные ситуации реабилитации: поздняя имплантация ($n = 32$); слуховой анализ динамических сигналов при восприятии просодической информации в речи ($n = 36$) и в условиях пространственной ориентации ($n = 25$). **Результаты.** Новые данные и результаты их сравнения свидетельствовали о достоверном улучшении в обнаружении и анализе базовых спектрально-временных признаков неречевых и речевых сигналов (прерывание паузой, изменение ритмического рисунка звуковой стимуляции, локализация и движение источника звука, фонетические категории и просодические характеристики речи), а также в использовании пользователями кохлеарных имплантов слухоречевых навыков в повседневных ситуациях после тренировки. **Обсуждение результатов.** В целом, опыт практического применения программных средств свидетельствует о целесообразности их включения в методический инструментарий центров кохлеарной имплантации и коррекционной работы при обучении детей с нарушенным слухом.

Ключевые слова

слухоречевой анализ, кохлеарная имплантация, программные средства, реабилитация глухих людей, фонематический слух, речевая интонация, акустическая ориентация, слухоречевая функция, психофизическое тестирование

Финансирование

Работа поддержана средствами государственного бюджета и госзадания по теме №0134-2019-0005.

Для цитирования

Королева, И. В., Балякова, А. А., Столярова, Э. И., Пак, С. П., Огородникова, Е. А. (2023). Развитие процессов слухового анализа у пользователей кохлеарных имплантов с применением программных средств. *Российский психологический журнал*, 20(3), 188–205. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.10>

Введение

Кохлеарная имплантация в настоящее время является наиболее эффективным методом восстановления слухового восприятия глухих людей (Wilson & Dorman, 2008; Таварткиладзе, 2013; Руленкова, Смирнова, 2003; Королева, 2016; Koroleva & Ogorodnikova 2019). Кохлеарный имплант (КИ), оперативно введенный в улитку глухого человека, способен заменить поврежденные слуховые рецепторы и восстановить процессы передачи акустической информации в центральные отделы

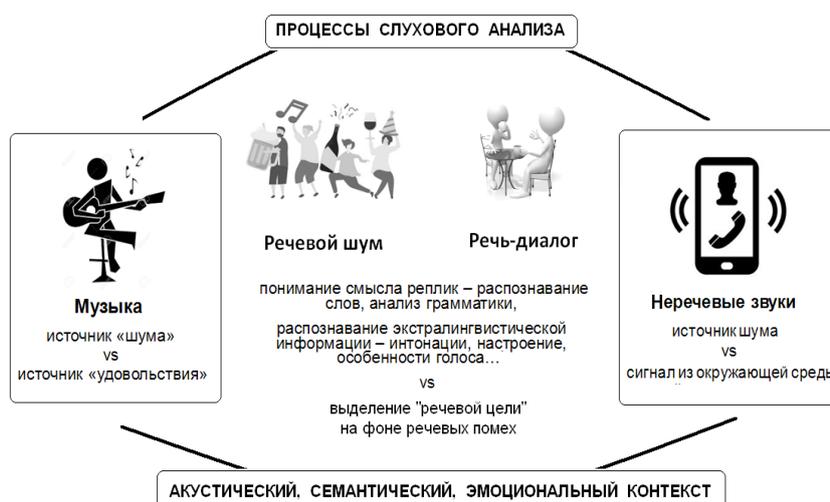
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

слуховой системы посредством электрической стимуляции волокон слухового нерва (Loizou, 1998; Wilson & Dorman, 2008; Таварткиладзе, 2013; Королева, 2016). Однако такое протезирование в определенной степени изменяет условия и качество слуховой перцепции, поскольку звуковые сигналы, передаваемые КИ в центральную нервную систему, существенно отличаются от сигналов, передаваемых нормально функционирующей улиткой. После хирургической имплантации все пациенты нуждаются в слухоречевой реабилитации, направленной на восстановление (при постлингвальной глухоте) и на развитие (при долингвальной глухоте) процессов слухового анализа и произносительных навыков в речи (Миорова, Сатаева, Фроленкова, 2005; Боровлева, 2014; Harris et al., 2016; Королева, 2016; Zamiri, Ahmadi, Joulaie & Darouie 2017; Королева, Огородникова, Пак, Левин, 2017; Koroleva & Ogorodnikova, 2019).

Для восстановления слухоречевой функции глухих пациентов с КИ разработан «слуховой» метод. Он выделяет системное развитие процессов слухового анализа с КИ у пациентов в качестве приоритетного направления послеоперационной реабилитации (Королева, 2014). Основу «слухового» метода составляют представления, что окружающие звуки и речь являются акустическими сигналами с общими физическими и перцептивными признаками, а процессы их обработки опираются на общие базовые операции слухового анализа в высших отделах слуховой сенсорной системы и мозга в целом. В то же время концепция метода допускает, что в одном и том же акустическом сигнале человек может выделять разную целевую информацию. Например, речь в ситуации диалога – это в первую очередь семантика высказывания и экстралингвистическая информация о состоянии собеседника. В условиях «вечеринки» речь ее участников становится конкурирующим сигналом, маскирующим речевое сообщение целевого диктора. Таким образом, один и тот же звук может быть «полезным» сигналом, который мозг стремится выделить из окружающей среды, или «помехой», которую он должен игнорировать, чтобы решить сложную перцептивную задачу выделения акустической «цели» (рис. 1). В связи с этим, важным моментом выступает отсутствие у пользователей КИ выраженных центральных слуховых расстройств (Moore, 2012; Musiek & Chermak, 2014; Бобошко, Гарбарук, Жилинская, Салахбеков, 2014; Королева, 2016; Гвоздева, Ситдииков, Андреева, 2020), а также организация адекватного слухового тренинга и создание условий для развития слухоречевых навыков с КИ в ежедневных ситуациях общения. Использование тренинга и развитие навыков слуха с КИ в естественных условиях обеспечивает возможность последовательного обновления и формирования центральных механизмов обнаружения, различения и распознавания неречевых и речевых сигналов разной степени сложности, слухоречевой памяти, слухового селективного внимания и расширения базы новых слуховых образов речевых и неречевых сигналов с их межсенсорными (в первую очередь, аудиовизуальными) связями.

Рисунок 1

Упрощенная иллюстрация сложности процессов слухового анализа в условиях неоднозначности окружающих человека акустических сигналов.

На основе «слухового метода» и фундаментальных знаний о физиологических механизмах речевого и пространственного слуха человека, специалистами СПбНИИЛОР совместно с Институтом физиологии им. И. П. Павлова РАН создан комплекс программных средств, обеспечивающих условия обучения и тренинга слухоречевой функции у пользователей кохлеарных имплантов (КИ) (Огородникова, Королева, Люблинская, Пак, 2008; Королева и др., 2013). Использование данного комплекса позволяет реализовать сложные методики, направленные на развитие константности восприятия речевых сигналов в условиях дикторской вариативности (различные голосовые характеристики), фоновых помех; стимуляции сложными звуковыми последовательностями с динамическим изменением параметров (прерывание паузой, сравнение ритмических и мелодических паттернов, обнаружение движения источника звука или речи). Программные средства также дают возможность сохранять цифровые протоколы отдельных занятий и всего курса реабилитации для оценки его эффективности и степени сформированности операции слухового анализа на основе полученных показателями – число повторных прослушиваний, количество правильных распознаваний, время реакции (Огородникова и др., 2008; Королева и др., 2013; Королева и др., 2021). Важно также, что в процедурах тренинга используется визуальное подкрепление акустической стимуляции (изображения/текст на экране монитора) и обратная связь с пациентом. Это обеспечивает возможность работы не только в режиме занятий под контролем сурдопедагога, но и в условиях домашнего обучения с оценкой результатов на основе экспресс-оценки выполнения задания или промежуточного самотестирования.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Отметим, что фиксация текущих успехов и трудностей оказывает воздействие на психологическое состояние пациентов и их мотивацию к продолжению курса реабилитации (Moore, 2012; Королева и др., 2021). Фиксация успехов и трудностей также рассматривается как важный элемент в работе с пациентами из группы риска отказа от использования КИ, к которой, в частности, относятся глухие поздно имплантированные подростки, имеющие психологическую основу для проявлений коммуникативной и социальной депривации (Ермаков, Горелов, 2022).

Повысить эффективность решения поставленных коррекционных задач способны модульная структура программного комплекса и диапазон задаваемых параметров, позволяющих учитывать слухоречевой статус участников тренинга и степень их адаптации к КИ (Солодухин и др., 2020). В статье анализируется опыт и основные результаты практики применения программного комплекса в проблемных ситуациях. Проблемные ситуации представлены конкретными примерами развития навыков распознавания звуков окружающей среды и категориального различения звуковых единиц речи в условной группе риска (отказ от КИ), при анализе динамических изменений в речи (просодика) и в пространственном восприятии (движение звукового источника) у пользователей КИ разного возраста и уровня слухоречевого развития.

Методы

Методические условия и участники исследования

Серия 1

В этой части работы оценивали эффективность применения обновленного комплекса программных средств для развития базовых навыков слухового восприятия неречевых звуков с различными спектрально-временными характеристиками и процессов фонемного анализа речевых сигналов у долингвально оглохших подростков, проимплантированных в старшем возрасте (условно, группа риска отказа от КИ). Курс тренинга (6 месяцев) прошли 32 подростка в возрасте от 9 до 17 лет с долингвальной глухотой и опытом использования КИ (ТЕМРО+, OPUS-2; MED-EL) от полугода до семи лет. В связи с высокой стоимостью операции, всем подросткам из этой части работы, как и участникам других серий сходного тренинга (Королева и др., 2017), было проведено только одностороннее протезирование.

27 подростков из группы посещали школу для детей с нарушенным слухом, 5 – учились в общеобразовательной школе. Все подростки занимались с сурдопедагогом по традиционным методикам специального образования. Включение их в курс тренинга на базе СПбНИИЛОР определялось неудовлетворенностью результатами имплантации и/или проявлениями отказа использовать КИ.

Подготовленный курс занятий включал упражнения на восприятие звуковых сигналов разной длительности, ритмической организации, тембральной окраски, частоты основного тона голоса и фонемных категорий речевого слуха. Навыки слухового анализа формировали параллельно с коррекцией произносительной стороны речи на основе новых возможностей слухового контроля с опорой на КИ. Родители участников тренинга дополнительно проводили самостоятельную работу с детьми по заданиям из комплекта пособий «Учусь слушать и говорить» (Королева, 2014).

Оценку результатов осуществляли по показателям ряда тестов: различение звуков окружающей среды (11 бытовых звуков с разными спектрально-временными характеристиками – шум воды, разбитого стекла, стук молотка, шагов человека и т. д.); восприятие ритмического рисунка звуковых последовательностей (5 паттернов из 3 элементов разной длительности – длинный/короткий; для 3 различных музыкальных тембра и 3 вариантов высоты звучания); определение гендерной принадлежности голосов дикторов (4 диктора, мужской/женский голос); распознавание речевых сигналов целевого диктора в условиях голосовой конкуренции (12 слов, 2 диктора – мужчина и женщина). Сравнивали данные из протоколов тестирования до и после прохождения курса тренинга, а также баллы по «Шкале слуховой интеграции (ШСИ)» и «Шкале использования устной речи (ШИУР)» для оценки процессов спонтанного развития речи (Огородникова и др., 2008; Королева и др., 2013; Королева, 2016; Королева и др., 2017).

Серия 2

Эта серия была связана с исследованием особенностей восприятия пользователями КИ динамических характеристик акустических сигналов в речи и в музыке. Известно, что восприятие с КИ имеет ограничения по различению высоты звуковых сигналов и изменений частоты основного тона голоса (ЧОТ), важных для анализа мелодической структуры музыкальных произведений, просодической информации в речи, а также различения лингвистических единиц в ряде тональных языков (Li, Tang, Lu, Wu & Chang, 2021). Это положение стимулировало целый ряд работ по изучению восприятия речевой интонации пользователями КИ в разных языковых системах (Wang et al., 2012; Chen et al., 2013; Chen, Wong, Chen & Xi, 2014; Marx et al., 2015; Королева и др., 2016).

В русской разговорной речи основными просодическими категориями являются вопросительный (восходящий контур ЧОТ) и утвердительный (нисходящий контур ЧОТ) тип интонационных конструкций (Брызгунова, 1977; Светозарова, 1982). Их надежное различение повышает качество восприятия речевой информации в коммуникативных ситуациях, а также способствует улучшению качества восприятия музыки с КИ (Drennan & Rubinstein, 2008; Bradley, 2016; Lehmann & Paquette, 2015).

В исследовании приняли участие 36 пациентов после односторонней имплантации с опытом использования КИ (ТЕМРО+, ОПУС-2; МЕД-ЕЛ) не менее

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

---

3 месяцев. У большинства пациентов (79%) операция была проведена на правом ухе. Среди них 21 были взрослыми постлингвальными пациентами в возрасте от 19 до 60 лет, а 15 – представляли группу детей и подростков (от 8 до 16 лет) с долингвальной глухотой. Всем участникам тренинга предъявляли набор речевых стимулов из 20 коротких предложений с утвердительной или вопросительной интонацией, произнесенных 4 дикторами (2 мужчины и 2 женщины с ЧОТ в диапазоне от 90 до 240 Гц). Анализ результатов проводили на основе сравнения показателей тестирования до и после обучения.

Серия 3

В этой части работы оценивали потенциал тренинга пространственного восприятия у пациентов с односторонним протезированием на основе дополнительного анализа полученных данных (Огородникова, Королева, Пак, 2020). В экспериментах участвовали 25 человек в возрасте от 9 до 39 лет с различным речевым статусом: 10 постлингвальных и 15 долингвальных пациентов. Опыт использования кохлеарного импланта у всех участников превышал 1 месяц. У 5 пациентов имплантация была левосторонней (левое ухо с КИ), у остальных – правосторонней (правое ухо с КИ).

Монауральное протезирование обеспечивает высокий уровень развития и восстановления речевой коммуникации человека, но ограничивает качество пространственного восприятия (Блауэрт, 1979; Альтман, 2011; Akeroyd, 2014; Kumpik & King, 2019). В то же время перцептивная основа для его развития сохраняется и базируется на сенсорном опыте сравнения спектральных и амплитудных характеристик звуковой стимуляции обеих ушей (Висков, 1975; Блауэрт, 1979; Strelnikov, Rosito & Barone, 2011; Akeroyd, 2014; Ahveninen, Kopčo, Jääskeläinen, 2014; Risoud et al., 2018; Kumpik & King, 2019; Ludwig et al., 2021; Dillon et al., 2022). Для проверки эффективности тренинга пространственного восприятия у пользователей с одним КИ была использована простая методическая схема организации стимуляции с помощью разработанных программных средств. Предъявляемые сигналы соответствовали звуковым последовательностям из 5 щелчков, имитирующим изменение латеральной позиции неподвижного источника звука или его движение на основе согласованных характеристик интенсивности звучания для 2-х реальных динамиков (Огородникова, Королева, Пак, 2005). В задачи пациентов входили: определение локализации источника звука (левый или правый динамик); обнаружение виртуального движения (источник стоит или движется); различение направления виртуального движения (перемещение источника справа-налево или слева-направо).

Общие условия исследования

Группы пациентов в разных сериях не пересекались. Тестирование и занятия проводили в специальном тихом помещении при отсутствии акустических помех,

на комфортном уровне интенсивности стимуляции (65–70 дБ УЗД). Для стимуляции использовали динамики Logitech S100, расположенные фронтально (70 см от слушателя). При тренировке пространственного восприятия динамики разносили на расстояние в 1 м друг от друга, под углом в 45° справа и слева от центральной позиции (напротив лица пациента).

Все участники тренинга проходили курс обучения и тестирования добровольно в рамках реабилитационных мероприятий. Протокол экспериментальной работы соответствовал руководящим принципам Хельсинкской декларации 1995 г. Каждый участник давал информированное согласие на проведения тренинга и психофизического тестирования. Для участников детского возраста информированное согласие получалось от его родителей. Вся личная информация об участниках была деидентифицирована перед началом анализа результатов.

Результаты

Серия 1

Результаты тестирования до проведения курса тренинга показали, что у большинства подростков из группы риска отказа от КИ недостаточно сформированы базовые операции слухового анализа, особенно при усложнении условий восприятия – распознавание в ситуации голосовой конкуренции (одновременное произнесение разных слов дикторами мужчиной и женщиной).

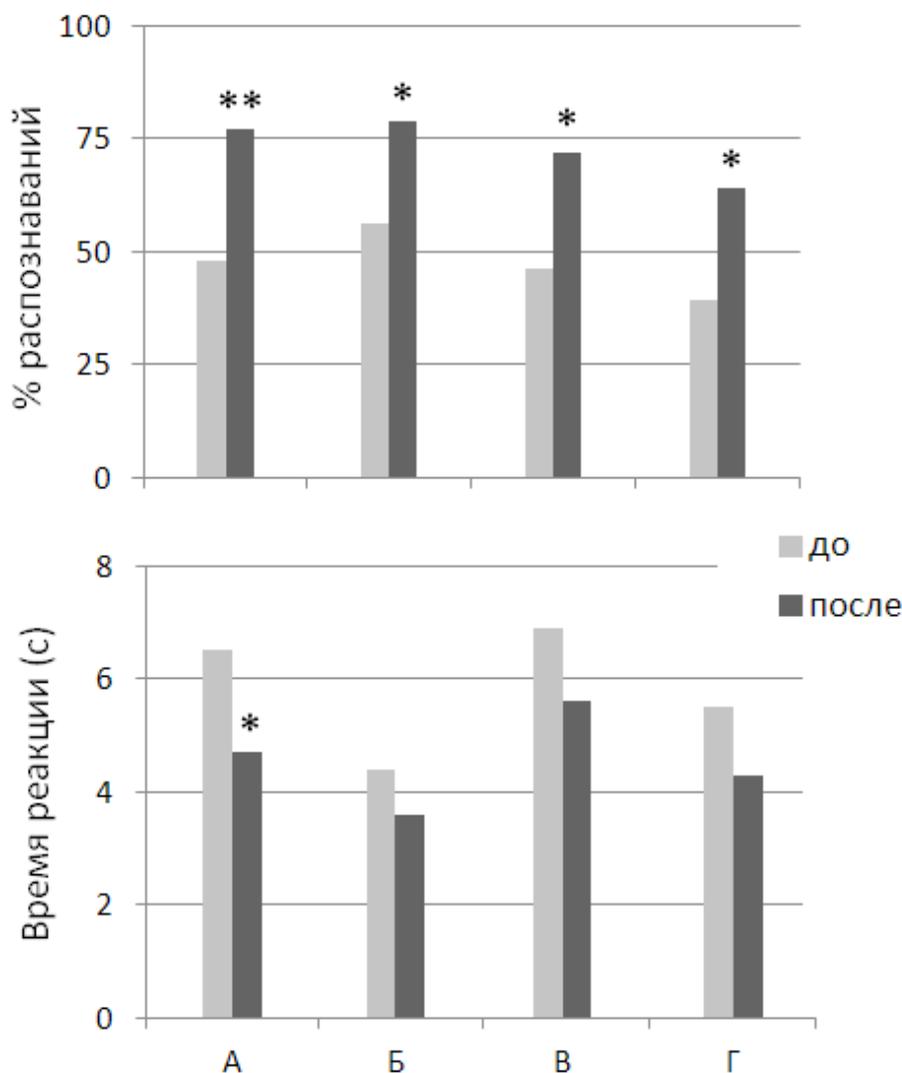
После курса занятий с применением разработанных программных средств по развитию процессов слухоречевого анализа отмечено существенное улучшение показателей в группе, которое наблюдалось как в отношении доли правильных распознаваний (N), так и времени реакции (T) (рис. 2). В то же время индивидуальный разброс результатов оставался весьма значительным, особенно для скорости выполнения заданий.

В отношении фонемных категорий также наблюдалась положительная динамика распознавания (рис. 3а). У большинства подростков в группе она сопровождалась повышением мотивации к слуховому восприятию в КИ. Тенденцию к расширению использования слуха и устной речи в ежедневных ситуациях подтвердили и данные, полученные по шкалам ШСИ и ШИУР (рис. 3б). Значимое улучшение оцениваемых показателей отсутствовало только у 3 подростков с аномалиями улитки.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Рисунок 2

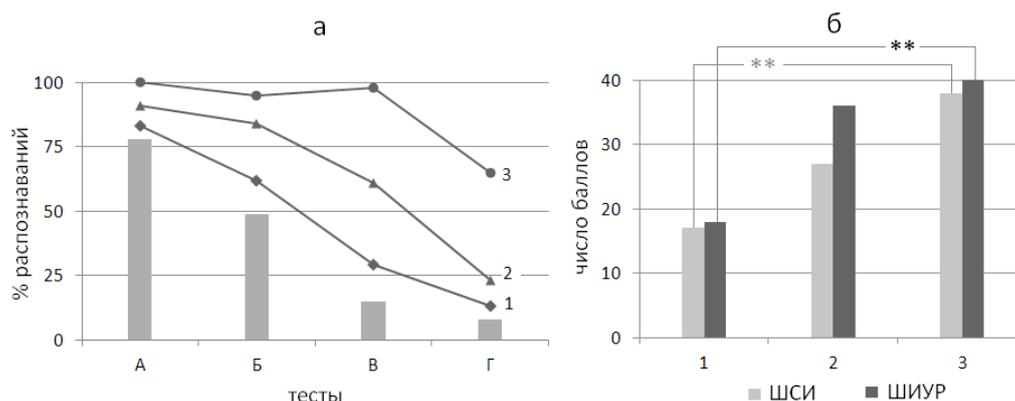
Результаты тестирования до и после курса тренинга в группе риска отказа от использования КИ.

Примечание. Сравнение показателей выполнения тестов на распознавание: А – звуков окружающей среды, Б – голоса дикторов (мужской/женский), В – ритмического рисунка звуковых последовательностей; Г – речевых сигналов (слов) целевого диктора в условиях голосовой конкуренции. По вертикали: число (%) правильных распознаваний (вверху), время (с) реакции (внизу). Обозначения *, ** – уровень достоверности различий по критерию Вилкоксона ($p < 0,05$ и $p < 0,01$, соответственно).

Рисунок 3

Результаты распознавания фонемных категорий (а) и оценки по шкалам слуховой интеграции и использования устной речи (б) у пациентов группы риска.

Примечание. Обозначения: а – идентификация изолированных гласных (А); идентификация гласных в слогах (Б); идентификация согласных (В); идентификация согласных в слогах (Г); столбики – исходные данные (до курса тренинга); кривые 1–3 – средние показатели на этапах тренинга (1, 3, 6 месяцев занятий); б – 1, 2, 3 средние показатели по шкалам слуховой интеграции (ШСИ) и использования устной речи (ШИУР) через 1, 3 и 6 месяцев тренинга; ** – уровень достоверности различий ($p < 0,01$, критерий Вилкоксона).

В целом, данные серии подтвердили, что у долингвально оглохших детей, имплантированных в подростковом возрасте, есть значительный потенциал развития слухоречевого восприятия с КИ (Королева и др., 2017). Для его активации необходим перцептивный тренинг, направленный на формирование базовой основы слухового анализа неречевых и речевых сигналов. При этом применение новых программных средств повышает его эффективность и способствует постоянному использованию КИ у детей и подростков с дефицитом сенсорного опыта и недостаточной сформированностью центральных механизмов слуха, создавая более благоприятные условия для спонтанного развития у них речевых и языковых навыков.

Серия 2

При оценке восприятия просодических характеристик было обнаружено, что 54% взрослых постлингвальных пользователей КИ способны адекватно определить фразовую интонацию на первом этапе реабилитации на уровне 65–70% правильных распознаваний. В то же время у существенной части таких пациентов (46%) выявлены перцептивные трудности и более низкий показатель распознавания интонации

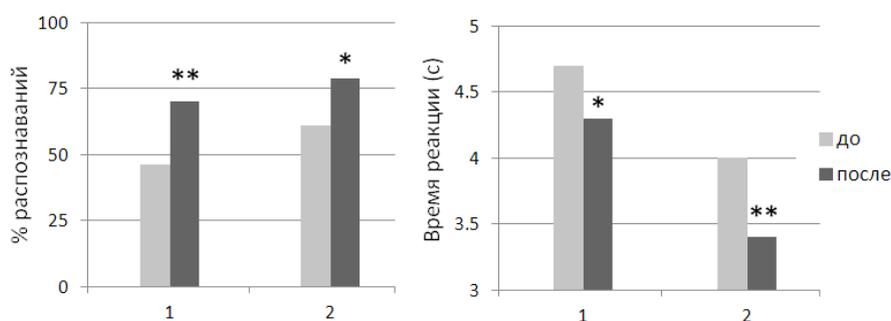
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

(в среднем, $61 \pm 3,5\%$). У долигвальных подростков с КИ распознавание интонации в речи перед началом тренинга было еще хуже и, в среднем, не достигало уровня в 50%.

Направленный на восприятие и различение интонационных конструкций тренинг (5 обучающих занятий) привел к значимому улучшению ситуации у всех пациентов (рис. 4).

Рисунок 4

Результаты восприятия интонации подростками с долигвальной глухотой (1) и взрослыми с постлингвальной глухотой (2) до и после направленного тренинга с применением программных средств

Примечание. По вертикали: % правильных распознаваний (слева); время реакции (справа). Обозначения: *, ** – уровень достоверности различий ($p < 0,05$, $p < 0,01$, критерий Вилкоксона).

Так, у постлингвальных пользователей КИ число правильных ответов превысило уровень надежного распознавания в 75% и составило $79 \pm 2,7\%$, а время реакции стало меньше на 600 мс. В долигвальной группе распознавание улучшилось на 24%, достигнув, в среднем 70%-ного уровня; время реакции сократилось на 400 мс.

Важно, что полученные данные свидетельствуют о том, что современные технологии КИ обеспечивают условия для адекватного восприятия речевой интонации в русском языке. При этом часть проимплантированных постлингвальных взрослых, не имеющих центральных слуховых расстройств, способна к спонтанному обучению в отношении выделения релевантных для распознавания базовых интонационных конструкций акустических признаков (изменение контура ЧОТ) уже в начальный период использования КИ. Взрослые с КИ, первично демонстрирующие низкие показатели восприятия интонации, нуждаются в направленном тренинге, как и долигвальные дети и подростки. Данные согласуются с результатами современных исследований на материале других языков (Karimi-Boroujeni, Dajani & Giguère, 2023).

Таким образом, результаты этой части работы также подтверждают значительное

возрастание правильных ответов и снижение времени реакции после проведения направленного тренинга, которые свидетельствуют о развитии и закреплении центральных механизмов слухового анализа динамических характеристик речевых сигналов (интонационное изменение основного тона голоса диктора). Кроме того, пользователи КИ вместе с улучшением восприятия речевой интонации отмечали повышение качества повседневного общения и условий общего коммуникативного взаимодействия.

Серия 3

При первом выполнении заданий, связанных с пространственной ориентацией, подавляющему большинству пациентов (92%) потребовались дополнительные пояснения и прогон всего набора тестовых стимулов. Также были резко выражены различия в исходной способности к слуховому пространственному восприятию, особенно в группе долингвальных пациентов с КИ. Об этом наглядно свидетельствовали распределения их результатов в разных сериях измерений по диапазонам полученных оценок с выделением доли (% в группе) «неуспешных» пациентов (менее 50% правильных распознаваний), пациентов со средними показателями (от 51 до 70% правильных распознаваний) и «успешных» пациентов – от 71 до 100% распознаваний (рис. 5).

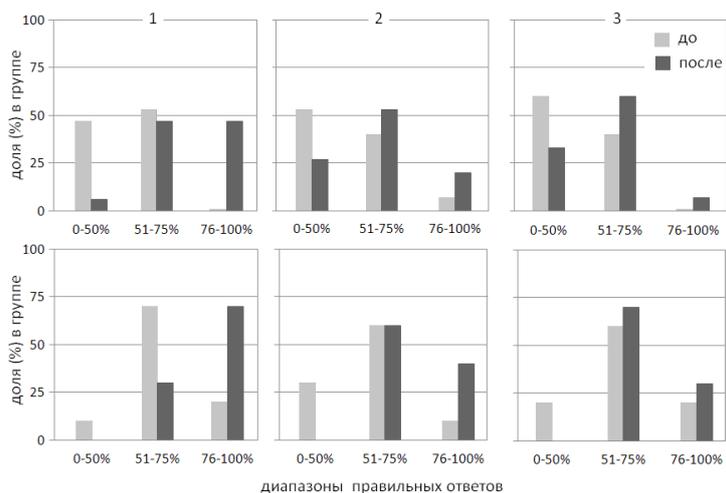
Таким образом, слуховая оценка пространственных характеристик вызывала серьезные затруднения у большинства пациентов, особенно в группе долингвальной глухотой и при выполнении заданий с динамическими изменениями характеристик стимуляции. Эти проблемы свидетельствовали о целесообразности проведения тренинга пространственного восприятия и включения в него заданий, позволяющих формировать/восстанавливать навыки слухового анализа и текущего слежения за перцептивными признаками движения источника звука при монауральном протезировании.

Положительное воздействие тренировки подтвердило увеличение числа пациентов, демонстрирующих более высокий уровень распознавания (диапазоны оценок) при выполнении всех тестовых заданиях. Оно было наиболее выражено у долингвальных пациентов, у которых в начале измерений средний показатель правильных определений латеральной позиции неподвижного источника звука колебался вокруг уровня случайных ответов ($49,4 \pm 8,5$), а после проведения тренинга – существенно превысил его ($73,5 \pm 6,2$). При обнаружении движения и определении его направления достигнутый уровень правильных распознаваний был ниже и составил: 66 и 62% (долингвальные пациенты) и 73 и 71% (постлингвальные пациенты), соответственно. В целом, рост числа правильных выполнений тестовых заданий после тренинга имел значимый характер ($p < 0,01$ по критерию Вилкоксона). Изменение по времени реакции не достигает уровня достоверности, но также хорошо выражено и, в среднем по группе пациентов, снижается на 860 мс.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Рисунок 5

Распределение долингвальных (вверху) и постлингвальных (внизу) пациентов по диапазонам правильных распознаваний пространственных сигналов до и после тренинга

Примечание. Обозначения: 1 – данные по локализации неподвижного источника звука (справа/слева); 2 – данные по обнаружению движения источника звука (стоит/движется); 3 – данные по определению направления движения источника звука (слева-направо/справа-налево).

Сравнение результатов, полученных в этой серии, подтверждает возможность развития пространственного слуха и способности к акустической ориентации после односторонней кохлеарной имплантации (Strelnikov et al., 2011; Kumpik & King, 2019; Dillon et al., 2022). При этом эффективность обучения подтверждена у пациентов разного возраста с разным речевым статусом до протезирования и при использовании простой схемы стимуляции, доступной для клинической практики и организации занятий как в сурдологических центрах, так и в условиях специального образования детей с нарушениями слухоречевой функции. Важно также отметить решающую роль применения и развития программных средств в этом направлении тренинга, без которых методически трудно обеспечить адекватные условия тренинга пространственного восприятия и закрепления базовых навыков акустической ориентации.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показывают, что на процесс восстановления речевого слуха у пользователей КИ влияет целый ряд внутренних факторов, к которым можно отнести период и причины глухоты, сформированность центральных процессов слухоречевого

анализа (сенсорный опыт и речевой статус до глухоты), мотивация к использованию КИ. Их адекватная оценка играет важную роль в организации реабилитационных мероприятий. Большое значение имеет дальнейшая разработка и применение программных средств, позволяющих получить адекватную оценку степени развития и закрепления перцептивных навыков у пользователей КИ. Кроме того, их использование в курсах тренинга существенно расширяет методические возможности и диапазон направлений для развития процессов слухового анализа, а также для коррекции индивидуальных программ реабилитации и основы для спонтанного развития слухоречевой функции речи с КИ. При этом полученные данные демонстрируют возможность достижения таких результатов даже у поздноимплантированных подростков, имевших проблемы с использованием КИ (группа риска).

Результаты свидетельствуют о существенном улучшении способности к различению речевой просодики и к локализации источников звука у большинства пост- и долингвально оглохших пользователей КИ после направленного обучения и слухового тренинга. Они раскрывают потенциал целевого развития базовых процессов слухоречевого анализа, ответственных за адекватную интерпретацию речевой и экстралингвистической информации в процессе коммуникации, а также за восприятие динамических характеристик звуковых сигналов при акустической ориентации (Chen et al., 2013; Ahveninen et al., 2014; Koroleva, Ogorodnikova, 2019; Огородникова и др., 2020; Королева и др., 2021; Li et al., 2021; Ludwig et al., 2021).

Заключение

Применение программного комплекса в проблемных ситуациях, представленных в трех сериях исследования, способствовало достижению положительной динамики в восстановлении и развитии слухоречевой функции и пространственного восприятия у пользователей КИ разного возраста и уровня слухоречевого развития. На основе результатов проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

- У долингвально оглохших подростков есть основа для развития слухоречевого восприятия с кохлеарными имплантами (КИ), несмотря на пропущенный сенситивный период для развития слухоречевых центров мозга;
- Для формирования, развития и восстановления процессов слухового анализа как у долингвальных, так и у постлингвальных пользователей КИ необходим направленный тренинг слухоречевой функции;
- Современные модели КИ обеспечивают функциональную основу для развития перцептивных навыков, связанных с выделением и анализом сложных динамических характеристик акустических сигналов (речевая интонация, движение источников звука);
- Применение программных средств существенно расширяет диапазон направлений слухового тренинга при реабилитации пациентов с КИ, позволяет проводить текущую оценку его результатов и коррекцию курса занятий, а также

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

способствует росту мотивации к использованию КИ в повседневных условиях и к спонтанному развитию речи.

- Опыт разработки и практического применения комплекса программных средств свидетельствует о целесообразности их включения в методический инструментарий для оценки динамики и эффективности реабилитации пациентов с КИ не только в центрах кохлеарной имплантации, но и в территориальных сурдоцентрах и в образовательных учреждениях, где обучаются школьники с нарушенным слухом.

Литература

- Альтман, Я. А. (2011). *Пространственный слух*. ИФ РАН.
- Блауэрт, Й. (1979). *Пространственный слух*. Энергия.
- Бобошко, М. Ю., Гарбарук, Е. С., Жилинская, Е. В., Салахбеков, М. А. (2014). Центральные слуховые расстройства (обзор литературы). *Российская оториноларингология*, 5.
- Боровлева, Р. А. (2014). Первые реабилитационные занятия после кохлеарной имплантации с оглохшими взрослыми. *Дефектология*, 5, 15–25.
- Брызгунова, Е. А. (1977). *Звуки и интонация русской речи*. Русский язык.
- Висков, О. В. (1975). О восприятии движения слитного слухового образа. *Физиология человека*, 1(2), 371–376.
- Гвоздева, А. П., Ситдииков, В. М., Андреева, И. Г. (2020). Скрининговый метод оценки пространственной и временной разрешающей способности слуха при локализации движения по азимутальной координате. *Российский физиологический журнал*, 106(9), 1170–1188. <https://doi.org/10.31857/S0869813920090113>
- Ермаков, П. Н., Горелов, В. Ю. (2022). Модель психического у лиц со стойкими нарушениями слуха. *Российский психологический журнал*, 19(4), 137–147. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.9>
- Королева, И. В. (2014). *Учусь слушать и говорить. Методические рекомендации по развитию слухоречевого восприятия и устной речи у детей после кохлеарной имплантации на основе «слухового» метода (с комплектом 3 тетрадей)*. КАРО.
- Королева, И. В. (2016). *Реабилитация глухих детей и взрослых после кохлеарной и стволомозговой имплантации*. КАРО.
- Королева, И. В., Огородникова, Е. А., Пак, С. П., Левин, С. В., Балякова, А. А., Шапорова, А. В. (2013). Методические подходы к оценке динамики развития процессов слухоречевого восприятия у детей с кохлеарными имплантами. *Российская оториноларингология*, 3, 75–85.
- Королева, И. В., Огородникова, Е. А., Левин, С. В., Пак, С. П. (2016). Восприятие речевой интонации пациентами с кохлеарными имплантами. *Сенсорные системы*, 30(4), 326–332.
- Королева, И. В., Огородникова, Е. А., Пак, С. П., Левин, С. В. (2017). Значение центральных механизмов слуха в восстановлении восприятия речи у глухих пациентов после кохлеарной имплантации. *Специальное образование*, 47(3), 100–112.
- Королева, И. В., Огородникова, Е. А., Левин, С. В., Пак, С. П., Кузовков, В. Е., Янов, Ю. К. (2021). Использование психоакустических тестов для перцептивной оценки настройки процессора кохлеарного импланта у глухих пациентов. *Вестник оториноларингологии*, 86(1), 30–35. <https://doi.org/10.17116/otorino20218601130>
- Миронова, Э. В., Сатаева, А. И., Фроленкова, И. Д. (2005). Развитие речевого слуха у говорящих детей после кохлеарной имплантации. *Дефектология*, 1, 57–64.
- Огородникова, Е. А., Королева, И. В., Пак, С. П. (2005). *Способ реабилитации функции*

- акустической ориентации и ее оценки у пациентов с КИ. Патент на изобретение №2265426.
- Огородникова, Е. А., Королева, И. В., Люблинская, В. В., Пак, С. П. (2008). Компьютерная тренажерная система для реабилитации слухоречевого восприятия у пациентов после операции кохлеарной имплантации *Российская оториноларингология*, приложение 1, 342–347.
- Огородникова, Е. А., Королева, И. В., Пак, С. П. (2020). Восприятие пространственных характеристик звуковых сигналов пациентами после односторонней кохлеарной имплантации. *Вестник психофизиологии*, 3, 195–199.
- Руленкова, Л. И., Смирнова, О. И. (2003). *Аудиология и слухопротезирование*. Академия.
- Светозарова, Н. Д. (1982). *Интонационная система русского языка*. ЛГУ.
- Солодухин, А. В., Яницкий, М. С., Серый, А. В. (2020). К проблеме выбора коррекционных компьютерных программ для восстановления когнитивных функций у пациентов кардиологического профиля. *Российский психологический журнал*, 17(1), 5–14. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.1.1>
- Таварткиладзе, Г. А. (2013). *Руководство по клинической аудиологии*. Медицина.
- Ahveninen, J., Корчо, N., & Jääskeläinen, I. P. (2014). Psychophysics and neuronal bases of sound localization in humans. *Hearing research*, 307, 86–97. <https://doi.org/10.1016/j.heares.2013.07.008>
- Akeroyd, M. A. (2014). An overview of the major phenomena of the localization of sound sources by normal-hearing, hearing-impaired, and aided listeners. *Trends in Hearing*, 18. <https://doi.org/10.1177/2331216514560442>
- Bradley, E. D. (2016). Phonetic dimensions of tone language effects on musical melody perception. *Psychomusicology*, 26(4), 337–345. <https://doi.org/10.1037/pmu0000162>
- Chen, X., Liu, B., Liu, S., Mo, L., Li, Y., Kong, Y., Zheng, J., Gong, S., & Han, D. (2013). Cochlear implants with fine structure processing improve speech and tone recognition in Mandarin-speaking adults. *Acta Oto-Laryngologica*, 133(7), 733–738. <https://doi.org/10.3109/00016489.2013.773595>
- Chen, Y., Wong, L. L. N., Chen, F., & Xi, X. (2014). Tone and sentence perception in young Mandarin-speaking children with cochlear implants. *International Journal of Pediatric Otorhinolaryngology*, 78(11), 1923–1930. <https://doi.org/10.1016/j.ijporl.2014.08.025>
- Dillon, M. T., Rooth, M. A., Canfarotta, M. W., Richter, M. E., Thompson, N. J., & Brown, K. D. (2022). Sound Source Localization by Cochlear Implant Recipients with Normal Hearing in the Contralateral Ear: Effects of Spectral Content and Duration of Listening Experience. *Audiology and Neurotology*, 27(6), 437–448. <https://doi.org/10.1159/000523969>
- Drennan, W. R., & Rubinstein, J. T. (2008). Music perception in cochlear implant users and its relationship with psychophysical capabilities. *Journal of Rehabilitation Research & Development*, 45(5), 779–789. <https://doi.org/10.1682/jrrd.2007.08.0118>
- Harris, M. S., Capretta, N. R., Henning, S. C., Laura Feeney, L., Pitt, M. A., & Moberly, A. C. (2016). Postoperative Rehabilitation Strategies Used by Adults With Cochlear Implants: A Pilot Study. *Laryngoscope Investigative Otolaryngology*, 1(3), 42–48. <https://doi.org/10.1002/lio2.20>
- Karimi-Boroujeni, M., Dajani, H. R., & Giguère, C. (2023). Perception of Prosody in Hearing-Impaired Individuals and Users of Hearing Assistive Devices: An Overview of Recent Advances. *Journal of Speech Language and Hearing Research*, 66(4), 1–15. https://doi.org/10.1044/2022_JSLHR-22-00125
- Koroleva, I. V., & Ogorodnikova, E. A. (2019). Chapter 30: Modern achievements in cochlear and brainstem auditory implantation. Yu. Shelepin, E. Ogorodnikova, N. Solovyev, E. Yakimova (eds.). In: *Neural Networks and Neurotechnologies*. Publish by VVM.
- Kumpik, D. P., & King, A. J. (2019). A review of the effects of unilateral hearing loss on spatial hearing. *Hearing Research*, 372, 17–28. <https://doi.org/10.1016/j.heares.2018.08.003>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Lehmann, A., & Paquette, S. (2015). Cross-domain processing of musical and vocal emotions in cochlear implant users. *Frontiers in Neuroscience*, 9, 343. <https://doi.org/10.3389/fnins.2015.00343>
- Li, Y., Tang, C., Lu, J., Wu, J., & Chang, E. F. (2021). Human cortical encoding of pitch in tonal and non-tonal languages. *Nature Communications*, 12(1), 1161. <https://doi.org/10.1038/s41467-021-21430-x>
- Loizou, P. (1998). Mimicking the human ear: an overview of signal processing strategies for converting sound into electrical signals in cochlear implants. *IEEE Signal Processing Magazine*, 98, 101–130.
- Ludwig, A. A., Meuret, S., Battmer, R.-D., Schönwiesner, M., Fuchs, M., & Ernst, A. (2021). Sound Localization in Single-Sided Deaf Participants Provided With a Cochlear Implant. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.753339>
- Marx, M., James, Ch., Foxton, J., Capber, A., Fraysse, B., Barone, P., & Deguine, O. (2015). Speech Prosody Perception in Cochlear Implant Users With and Without Residual Hearing. *Ear & Hearing*, 36(2), 239–248. <https://doi.org/10.1097/AUD.000000000000105>
- Moore, B. C. J. (2012). *An Introduction to the Psychology of Hearing*. Brill.
- Musiek, F. E., & Chermak, G. D. (2014). *Handbook of central auditory processing disorder*. In: Auditory neuroscience and diagnosis. Plural Publishing.
- Risoud, M., Hanson, J. N., Gauvrit, F., Renard, C., Lemesre, P. E., Bonne, N. X., & Vincent, C. (2018). Sound source localization. *European annals of otorhinolaryngology, head and neck diseases*, 35(4), 259–264. <https://doi.org/10.1016/j.anorl.2018.04.009>
- Strelnikov, K., Rosito, M., & Barone, P. (2011). Effect of Audiovisual Training on Monaural Spatial Hearing in Horizontal Plane. *PLoS ONE*, 6(3). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0018344>
- Wang, S., Liu, B., Dong, R., Zhou, Y., Li, J., Qi, B., Chen, X., Han, D., & Zhang, L. (2012). Music and lexical tone perception in Chinese adult cochlear implant users. *Laryngoscope*, 122(6), 1353–1360. <https://doi.org/10.1002/lary.23271>
- Wilson, B. S., & Dorman, M. F. (2008). Cochlear implants: A remarkable past and a brilliant future. *Hearing Research*, 242(1–2), 3–21. <https://doi.org/10.1016/j.heares.2008.06.005>
- Zamiri, A. F., Ahmadi, T., Joulaie, M., & Darouie, A. (2017). Cochlear Implant in Children. *Global Journal of Otolaryngology*, 8(5). <https://doi.org/10.19080/GJO.2017.08.555749>

Поступила в редакцию: 10.05.2023

Поступила после рецензирования: 29.06.2023

Принята к публикации: 10.07.2023

Заявленный вклад авторов

Королева Инна Васильевна – разработка дизайна исследования, подбор и тестирование пациентов, анализ результатов, подготовка разделов «Введение» и «Заключение».

Балякова Анна Александровна – участие в тренировке пациентов (серия 1), первичная обработка данных пациентов и описание результатов серии.

Столярова Эльвира Ивановна – участие в тренировке пациентов (серия 2),

первичная обработка данных пациентов и описание результатов серии.

Пак Сергей Павлович – участие в подготовке методики, в тренировке пациентов (серия 3), первичная обработка данных и описание результатов серии.

Огородникова Елена Александровна – обобщение и анализ результатов исследования, описание методики исследования, подготовка иллюстративного материала и списка литературы, подготовка и редактирование текста статьи.

Информация об авторах

Королева Инна Васильевна – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи» Минздрава РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; научный руководитель реабилитации СПб ГКУЗ «Детский городской сурдологический центр», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; WoS Researcher ID: P-5261-2014; Scopus Author ID 16484270100; РИНЦ AuthorID: 77138; SPIN-код РИНЦ: 5428-3801; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8909-4602>; e-mail: [prof.inna.koroleva@mail.ru](mailto:inna.koroleva@mail.ru)

Балякова Анна Александровна – кандидат биологических наук, научный сотрудник ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; РИНЦ AuthorID: 822420; SPIN-код РИНЦ: 9949-8283; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6408-0335>; e-mail: anna_baliakova@mail.ru

Столярова Эльвира Ивановна – научный сотрудник ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; РИНЦ AuthorID: 77137; SPIN-код РИНЦ: 9196-9852; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4784-6156>; e-mail: elvirast74@gmail.com

Пак Сергей Павлович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; WoS Researcher ID: ABB-2147-2020; Scopus Author ID: 57189102246; РИНЦ AuthorID: 77135; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5566-8866>; e-mail: sppark@mail.ru

Огородникова Елена Александровна – кандидат биологических наук, заведующий лабораторией психофизиологии речи ФГБУН Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; WoS Researcher ID: J-5805-2018; Scopus Author ID: 6601968454; РИНЦ AuthorID: 11314; SPIN-код РИНЦ: 7118-2148; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8177-0431>; e-mail: ogorodnikovaea@infran.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Что скрывается за «недостатками многозначности» при восприятии двойственных изображений?

Маргарита Г. Филиппова^{1,2*} , Наталья В. Андриянова¹ ,
Роман В. Чернов¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Институт Мозга Человека им. Н. П. Бехтеревой РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: m.g.filippova@spbu.ru

Аннотация

Введение. В фокусе внимания проблемы преимуществ и недостатков многозначности находится вопрос о том, способствует она или препятствует обработке информации. Актуальность проблемы обусловлена противоречивостью имеющихся экспериментальных данных. В экспериментах не учитывается, осознаваемой или неосознаваемой является многозначность, однако регистрация этого показателя могла бы внести ясность в решение рассматриваемой проблемы. Наш подход предполагает разведение осознаваемой и неосознаваемой многозначности. В нашем исследовании мы проверяем идею о том, что наличие неосознаваемых значений обеспечивает большую конкретность осознанных значений в сравнении с однозначными стимулами.

Методы. Стимулами служат двойственные изображения. Испытуемые ($n = 92$) сортируют на удобное для них количество классов два набора карточек, каждый из которых содержит одно двойственное изображение. Операционализованная гипотеза состоит в том, что классы, в которые попадут изображения с незамеченной двойственностью, будут включать меньше элементов, нежели классы без двойственных изображений.

Результаты. В межгрупповом сравнении выявлены ожидаемые согласно гипотезе различия: классы с двойственными изображениями оказались более малочисленными, чем классы с однозначными вариантами тех же самых изображений.

Обсуждение результатов. Вместо того чтобы интерпретировать полученный результат

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

в пользу недостатков многозначности, мы объясняем его сужением диапазона эквивалентности многозначного стимула, позволяющим конкретизировать этот стимул оптимальным образом. Подтверждена важная роль неосознаваемых значений в процессе интерпретации воспринимаемой информации.

Ключевые слова

двойственные изображения, неосознаваемые значения, осознаваемые значения, негативный выбор, позитивный выбор, классификация, преимущества многозначности, недостатки многозначности, диапазон эквивалентности, конкретизация

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01265, <https://rscf.ru/project/22-28-01265/>

Для цитирования

Филиппова, М. Г., Андриянова, Н. В., Чернов, Р. В. (2023). Что скрывается за «недостатками многозначности» при восприятии двойственных изображений? *Российский психологический журнал*, 20(3), 206–219. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.11>

Введение

Распространенность проблемы восприятия многозначности сложно переоценить: поступающая информация практически всегда имеет несколько возможных вариантов интерпретации, часть которых отсекается нередко еще до своего осознания (Tal & Bar, 2014; Kellner, Quemant & Riener, 2022). Важность понимания того, как происходит обработка многозначной информации подчеркивается в современной научной литературе (недавний обзор: Rodd, 2018). В психолингвистических исследованиях много внимания уделяется проблеме преимуществ и недостатков многозначности (ambiguity advantage and ambiguity disadvantage). В фокусе внимания проблемы находится вопрос о том, способствует многозначность или же, напротив, препятствует обработке информации. Актуальность этой проблемы обусловлена противоречивостью полученных экспериментальных данных: в одних случаях многозначность способствует обработке стимулов (Haro, Demestre, Boada & Ferré, 2017; Haro & Ferré, 2018; Филиппова, Костина, Мезенцева, 2018; Tang, 2020; Tang, 2022), в других – напротив, затрудняет ее (Armstrong & Plaut, 2011; Filippova, 2011; Peterson, Cacciamani, Mojica & Sanguinetti, 2012; Hoffman & Woollams, 2015; Leininger, Myslín, Rayner & Levy, 2017; Maciejewski, Rodd, Mon-Williams, & Klepousniotou, 2019; Maciejewski & Klepousniotou, 2020, Филиппова, Чернов, Горбунов, 2023).

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Неоднократно показано, что лексическое решение в отношении многозначных слов (омонимов) ускоряется, тогда как семантическое – замедляется (например, Hino, Pexman & Lupker, 2006). Наличие нескольких значений ускоряет лексическое решение, поскольку это решение может быть принято в соответствии с любым из конкурирующих значений, которое первым будет осознано. Принятие же семантического решения снижается при наличии нескольких конкурирующих значений, поскольку требует перебора и оценки этих значений (например, Hino et al., 2006, Maciejewski G., Klerousiotou, 2020). До сих пор нет ясности в том, возникает ли задержка принятия семантического решения на уровне обработки самого многозначного слова, как предполагает модель семантической конкуренции (Armstrong & Plaut, 2008; Kawamoto, 1993; Rodd et al., 2004), или только на уровне выбора ответа, как предполагает модель принятия решения (Hino et al., 2006; Hargreaves, Pexman, Pittman, & Goodyear, 2011). В соответствии с моделью семантической конкуренции замедление возникает из-за конкуренции отдельных семантических репрезентаций за активацию. А в соответствии с моделью принятия решения замедление возникает из-за трудностей при выборе ответа в отношении многозначного стимула: здесь предполагается, что репрезентации всех значений активируются независимо, не интерферируя друг с другом. В исследованиях, поддерживающих модель принятия решения, часто используется задача семантической категоризации: здесь выявляется задержка категоризации омонимов при необходимости их классификации в соответствии с широкими («живое / не живое»), но не с узкими («животное / не животное» или «растение / не растение») категориями (Hino et al., 2006). Объяснение полученных результатов с точки зрения модели принятия решения состоит в том, что задача классификации в соответствии с широкими категориями является более сложной: испытуемым необходимо найти большое количество семантических характеристик целевого слова, что способствует интерференции релевантных и нерелевантных характеристик. Категоризация на более узкие категории, согласно этой модели, является более простой задачей, поскольку решение в этом случае принимается на основе небольшого набора релевантных характеристик, и это обеспечивает возможность быстрого отсеечения нерелевантных характеристик.

При этом в исследованиях данного направления (преимуществ и недостатков многозначности) вопрос о том, происходит ли перебор и отсеечение нерелевантных значений осознанно (т. е. вопрос об осознании самой многозначности), не обсуждается. Экспериментальные условия не включают разделение многозначности на осознаваемую и неосознаваемую, что, на наш взгляд, делает проблему отсеечения нерелевантных значений лишенной ясности. Согласно нашим представлениям, осознание или неосознание многозначности является одним из ключевых моментов при обсуждении возможности игнорирования нерелевантных характеристик целевых стимулов как при семантическом кодировании многозначного стимула, так и при выборе ответа.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

В недавних исследованиях (Maciejewski et al., 2019; Maciejewski & Klepousniotou, 2020) с использованием прайминг-парадигмы «недостатки многозначности» проявили себя в виде замедления суждения о связанности многозначного прайма и цели, причем замедление было обнаружено даже в несвязанных пробах. Для объяснения такого неспецифического негативного влияния многозначности на суждения о связности модель принятия решения оказалась непригодна, поскольку несвязанные пробы не предполагали конфликта ответов. Кроме того, авторами этих исследований был зарегистрирован специфический компонент вызванных потенциалов (ВП-компонент) – усиление N400 – в момент предъявления многозначного слова, а не в момент выбора ответа (Maciejewski & Klepousniotou, 2020). Свидетельства в пользу модели семантической конкуренции были получены и в наших исследованиях, где предъявление вербальных и невербальных многозначных стимулов также сопровождалось усилением компонента N400 (Filipova, Shcherbakova & Shtyrov, 2020). На основании своих данных мы можем определенно заявлять о том, что появление данного ВП-компонента связано с осознанием многозначности. В нашем исследовании испытуемые выполняли задачу определения того, является ли предъявляемый стимул однозначным или двойственным. Именно правильное распознавание двойственных стимулов в данном случае сопровождалось усилением компонента N400.

Споры вокруг проблемы многозначности подогревают интерес современных исследователей к изучению эффектов подавления конкурирующих интерпретаций (например, Kornmeier & Bach, 2014; Frings, Schneider & Fox, 2015; D'Angelo, Thomson, Tipper & Milliken, 2016; Rodd, 2018). Но при этом обойденным вниманием исследователей является вопрос о том, что подразумевает наличие подавленных интерпретаций для осознаваемых значений многозначной информации. Обретают ли осознаваемые значения какие-либо особые свойства при подавлении конкурирующих альтернатив? Этим вопросам мы уделяем внимание в своих исследованиях (Филиппова, Аллахвердов, 2020; Филиппова, Дорофеева, 2023). Исследования опираются на современные научные представления о том, что для однозначной ясности сознательного опыта необходимо принятие специального неосознаваемого решения о том, какие значения будут осознаны, а какие – нет (Dehaene & Changeux, 2011; Tal & Bar, 2014; Callaghan et al., 2017; Allakhverdov et al., 2019; Аллахвердов, 2021).

В исследовании Филипповой и Аллахвердова (2020) использовалась задача суждения о связанности слов и изображений. Изображения могли быть однозначными и двойственными. Двойственность изображений в свою очередь могла быть осознана или не осознана испытуемыми. По результатам данного эксперимента в условии неосознаваемой двойственности наблюдалось наибольшее количество ошибок пропуска семантических связей по сравнению с остальными условиями. В другом исследовании, реализованном Филипповой и Дорофеевой (2023), был обнаружен эффект, состоящий в более редком выборе в качестве подходящих

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

названий фирм, представленных двойственными логотипами, словосочетаний, связанных с осознаваемыми значениями этих логотипов, в сравнении с выбором тех же самых словосочетаний, связанных с однозначными аналогами этих логотипов. Объяснение полученных эффектов мы видим в конкретизации осознаваемого смысла многозначных стимулов при наличии неосознаваемых значений. Согласно развиваемым нами представлениям, наличие неосознаваемых значений сужает диапазон эквивалентности (термин, введенный Гарднером) осознаваемого значения за счет его отнесения к узкой семантической категории.

Хотя диапазон эквивалентности и введен в качестве индивидуальной переменной, она не является жестко заданной. Современные экспериментальные данные показывают, что широта диапазона эквивалентности определяется также особенностями предъявляемых стимулов. Например, в работе Borghi et al. (2017) показано, что семантическая область конкретных понятий уже, чем абстрактных, в связи с чем конкретные понятия вызывают меньше ассоциаций. Подтверждение этих данных получено в недавнем исследовании В. Д. Соловьева с коллегами с использованием существительных русского языка. Согласно результатам этого исследования, спектр ассоциаций к конкретным существительным является более узким, чем к абстрактным (Соловьев, Вольская, Ахтямов, 2023).

Результаты исследований с иллюзорными объектами также говорят о том, что диапазон эквивалентности может меняться в зависимости от воспринимаемого объекта и даже от его субъективной интерпретации. Для одного и того же объекта на одном и том же испытуемом могут быть получены разные результаты классификации. Так, в исследованиях В. Ю. Карпинской (2016) с иллюзорными и двойственными стимулами при изучении порогов обнаружения и различения было показано, что на той линии или окружности, которая субъективно кажется больше, заметить едва различимую точку легче, нежели на кажущейся меньше (использовались геометрические иллюзии Эббингауза, Дельбефа и Понзо). Схожим образом, на элементе двойственного изображения, который при осознании одного из двух его значений кажется ближе, едва различимую точку заметить легче, чем при осознании другого значения (использовался куб Неккера). Это предполагает, что в зависимости от интерпретации объекта у испытуемых меняется и зона субъективного равенства размеров стимулов, а в более широком смысле – диапазон эквивалентности.

Вслед за этими наблюдениями мы предполагаем, что диапазон эквивалентности многозначных стимулов меняется при их осознании в качестве однозначных: поле активируемых ассоциаций осознаваемого значения становится ограничено только близкими ассоциациями. Это и объясняет, на наш взгляд, результаты семантической категоризации в исследовании Hino et al. (2006), где замедление категоризации многозначных слов наблюдалось при использовании широких, но не узких категорий. Альтернативное данному авторами объяснение состоит в том, что слова с неосознаваемой многозначностью становятся более конкретными за счет активации более узкой семантической категории, тогда как далекие ассоциации,

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

необходимые для их категоризации в соответствии с более широкими категориями, у этих слов подавлены. Таким образом, мы считаем, что смысл воспринимаемого задается не только осознанными значениями, но и неосознаваемыми, которые определяют контекст восприятия.

Для дальнейшей проверки этой идеи было реализовано настоящее исследование. Его **гипотеза** состояла в том, что при свободной сортировке неосознаваемая многозначность будет оказывать влияние на количество элементов создаваемых испытуемыми классов: классы, содержащие двойственные изображения, будут включать меньше элементов в сравнении с классами, не содержащими двойственных изображений.

Методы

Предварительное освещение данных настоящего исследования приведено в сборнике материалов конференции им. Брунера (Филиппова, Чернов, 2022). Как отмечается в этой работе, операционализация гипотезы о сужении классов, содержащих неосознаваемую двойственность, подразумевала два способа проверки:

1. При внутригрупповом сравнении классы с двойственными изображениями будут включать меньше элементов, чем классы без двойственных изображений.
2. При межгрупповом сравнении классы с двойственными изображениями будут включать меньше элементов, чем классы с однозначными вариантами тех же самых изображений.

Выборка

Выборку составили 92 испытуемых, студентов СПбГУ, в возрасте от 19 до 30 лет (средний возраст 23 года, 58 женщин), обладающих нормальным или скорректированным до нормы зрением. 46 испытуемых были определены в экспериментальную группу (ЭГ) и по 23 испытуемых – в две контрольные (КГ1 и КГ2).

Стимульные материалы

Целевыми изображениями в ЭГ были двойственные изображения – «лебедь-кот» и «осел-тюлень» (по одному в каждом наборе), а в КГ1 и КГ2 – их однозначные аналоги («кот» и «тюлень» в КГ1, «лебедь» и «осел» – в КГ2). Остальные карточки для трех групп испытуемых были идентичными. Такое распределение целевых изображений по группам было необходимо для сравнения особенностей классификации осознанного значения в составе неосознаваемой многозначности с однозначным вариантом того же изображения в максимально схожих условиях. Используемые наборы карточек можно увидеть в Приложении 1 на приведенных примерах классификации.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Процедура и дизайн эксперимента

Задачей испытуемых в реализованном эксперименте была свободная сортировка двух наборов из 34 карточек на произвольное количество классов. В каждом наборе было одно двойственное изображение.

В конце эксперимента испытуемые ЭГ, имея перед глазами результаты своей классификации, отвечали на вопрос об их интерпретации обоих двойственных изображений. При осознании обоих значений какого-либо из них, результаты классификации всего набора, включающего это изображение, для данного испытуемого исключались из дальнейшего анализа. В итоге были исключены данные четверых испытуемых, осознавших оба значения изображения «осел-тюлень», и данные девяти испытуемых, осознавших оба значения изображения «лебедь-кот». Эти данные исключались вместо того чтобы участвовать в анализе осознаваемой двойственности, поскольку для полноценного анализа в данном условии было слишком мало случаев осознания.

Данные обрабатывались в программе SPSS Statistics 26.0. Распределение количества элементов в создаваемых испытуемыми классах отличалось от нормального, поэтому применялись непараметрические критерии. В качестве зависимой переменной выступало количество элементов в классе; в качестве независимой – тип класса (классы с неосознаваемой двойственностью, классы с однозначными стимулами).

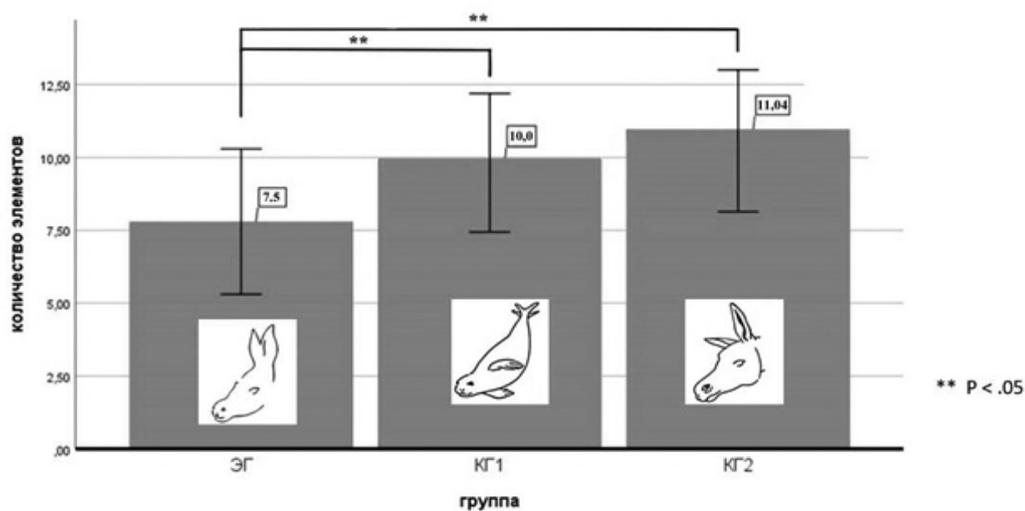
Результаты

По результатам внутригруппового сравнения количество элементов класса с двойственным изображением не показало значимых отличий от количества элементов в классах, не содержащих двойственных изображений, ни для первого ($W = -0,982$; $p = 0,326$), ни для второго набора карточек ($W = -1,282$; $p = 0,200$). Однако при межгрупповом сравнении были выявлены ожидаемые согласно второй гипотезе различия. Так, для первого набора карточек, включающего изображение «осел-тюлень», различия между тремя группами испытуемых были значимыми ($N = 7,559$, $df = 2$, $p = 0,023$). При этом значимые различия были обнаружены как между ЭГ и КГ1 ($U = 338$; $p = 0,045$), так и между ЭГ и КГ2 ($U = 292$; $p = 0,016$). Эти данные представлены на Рис. 1.

Для второго набора, включающего изображение «лебедь-кот», различия между тремя группами испытуемых также оказались значимыми ($N = 9,465$, $df = 2$, $p = 0,009$). При этом между ЭГ и КГ1 – различия на уровне тенденции ($U = 295$; $p = 0,052$), а между ЭГ и КГ2 – значимые ($U = 236$; $p = 0,004$). Эти данные представлены на Рис. 2.

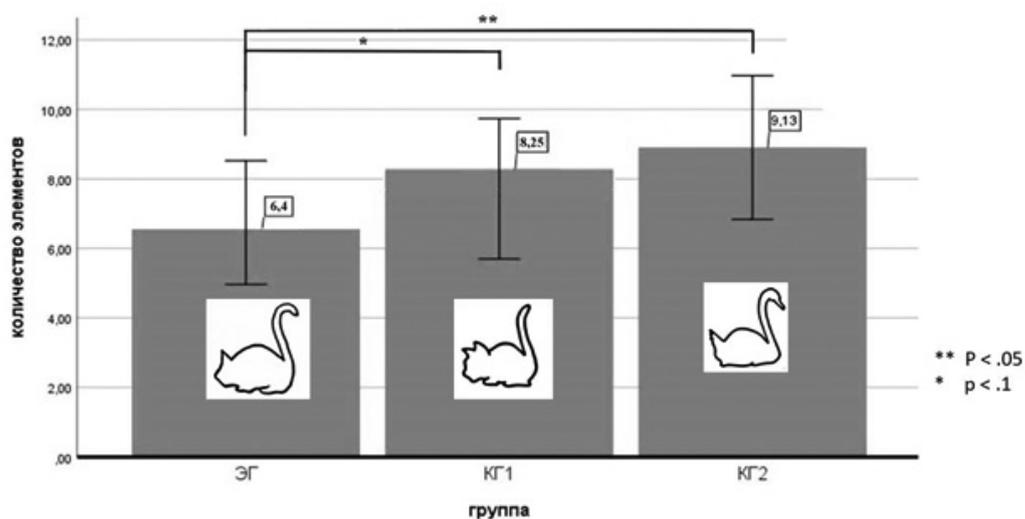
Рисунок 1

Различия между экспериментальной и контрольными группами для изображения «Осел-тюлень»

Рисунок 2

Различия между экспериментальной и контрольными группами для изображения «Лебедь-кот»

В качестве иллюстрации в Приложении 1 приведены фотографии результатов классификации обоих наборов карточек испытуемыми с каждым из целевых изображений.

Обсуждение результатов

По результатам эксперимента первая операционализованная гипотеза не была подтверждена: количество элементов класса, содержащего двойственное изображение, не отличалось от количества элементов в классах без двойственных изображений. Сравнимые классы оказались слишком неравнозначными для сопоставления, поскольку при создании стимульного материала невозможно учесть все варианты компоновки стимулов в классы, чтобы выровнять их. Однако при межгрупповом сопоставлении классов, содержащих двойственное изображение или же его однозначный аналог (т. е. при использовании максимально схожих условий) были выявлены ожидаемые согласно второй гипотезе различия: классы с двойственными изображениями содержали значимо меньше элементов, чем классы с их однозначными аналогами.

Этот результат согласуется с полученными нами ранее (Филиппова, Аллахвердов, 2020; Филиппова, Дорофеева, 2023) и подтверждает идею, согласно которой неосознаваемая многозначность способствует сужению диапазона эквивалентности ее осознаваемых значений. Однако вместо того чтобы интерпретировать полученный результат в пользу недостатков многозначности (ведь уменьшение количества элементов класса, как в настоящем исследовании, пропуск ассоциаций, как в исследовании Филипповой и Аллахвердова (2020), и названий логотипов, как в исследовании Филипповой и Дорофеевой (2023), в русле теории преимуществ и недостатков многозначности интерпретировались бы именно как недостатки), мы объясняем его сужением диапазона эквивалентности двойственного стимула, позволяющим конкретизировать этот стимул оптимальным образом.

Полученные результаты говорят о важной роли отвергнутых значений в процессе интерпретации поступающей информации, подтверждая идею о том, что смысл воспринимаемого задается не только осознаваемыми значениями, но и неосознаваемыми, которые уточняют границы объекта восприятия. Объясняя полученные результаты, мы исходим из концепции негативного выбора В. М. Аллахвердова (Аллахвердов, 2021; Allakhverdov et al., 2019), в которой утверждается, что, воспринимая какой-либо объект, человек определяет не только то, чем этот объект является (позитивный выбор), но и то, чем он не является (негативный выбор). Согласно представлениям данной концепции, одновременно с осознанием объекта принадлежащим к какой-либо категории (позитивный выбор), мы опознаем его и как представителя каких-то других категорий, но выбираем их негативно, т. е. не осознаем. Для малознакомых объектов категории являются сначала избыточно широкими, но по мере ознакомления с объектом сужаются. Конкретизация понятия происходит, в том числе, за счет освобождения от несущественных признаков. Неосознаваемые значения играют важную роль в такой конкретизации, способствуя сужению той семантической области, к которой относят осознаваемые значения.

Такой подход позволяет найти целесообразность в том, что принято считать характеристикой ограниченных способностей человека. Речь идет о склонности человека не замечать многозначность, на которую указывают многие авторы (например, Rodd, Gaskell & Marslen-Wilson, 2002; Tal & Bar, 2014).

Так что же скрывается за «недостатками многозначности»?

Согласно развиваемому нами взгляду, за недостатками многозначности скрывается обеспечение однозначной ясности сознательного опыта (т. е. опыта, представленного осознаваемыми значениями) с помощью подавленных значений, поддерживающих выбранный для осознания контекст.

Выводы

1. В задаче свободной сортировки классы, содержащие двойственные изображения с неосознаваемой двойственностью, состоят из меньшего числа элементов, нежели классы без двойственных изображений;
2. Неосознаваемая многозначность способствует конкретизации ее осознанных значений;
3. Отвергнутые в процессе интерпретации смысла поступающей информации значения обеспечивают контекст восприятия, сужая его.

Благодарности

Благодарим Кулиеву Алмару кудрат кызы за помощь в сборе данных.

Литература

- Аллахвердов, В. М. (2021). Собрание сочинений: в 7 т.: Т. 7. *Таинственная прелесть сознания: Беседы о вечных проблемах, или Приглашение к абсурду*. Владимир Даль.
- Карпинская, В. Ю. (2016). Психофизика перцептивных иллюзий. Санкт-Петербург.
- Соловьев, В. Д., Вольская, Ю. А., Ахтямов, Р. Б. (2023). Спектр ассоциаций к русским абстрактным и конкретным существительным. Научный результат. *Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 9(1), 153–173. URL: <http://rflinguistics.ru/journal/article/3069>
- Филиппова, М. Г., Аллахвердов, В. М. (2020). Конкретизация выбранного смысла в процессе восприятия двойственных изображений. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 17(2), 355–366. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-2-356-366>
- Филиппова, М. Г., Дорофеева, Л. А. (2023). Влияние эмоциональной оценки двойственного логотипа на последствие его фигуры и фона. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 2(2), 386–389. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2023-20-2/842743987.html>
- Филиппова, М. Г., Костина, Д. И., Мезенцева, М. П. (2018). Динамика узнавания незамеченных значений двойственных изображений. *Психологический журнал*, 39(3), 44–56. <https://doi.org/10.7868/S0205959218030042>
- Филиппова, М. Г., Чернов, Р. В. (2022). Влияние неосознаваемой многозначности на конкретность осознанного значения. В *Психология познания*. Сборник материалов

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

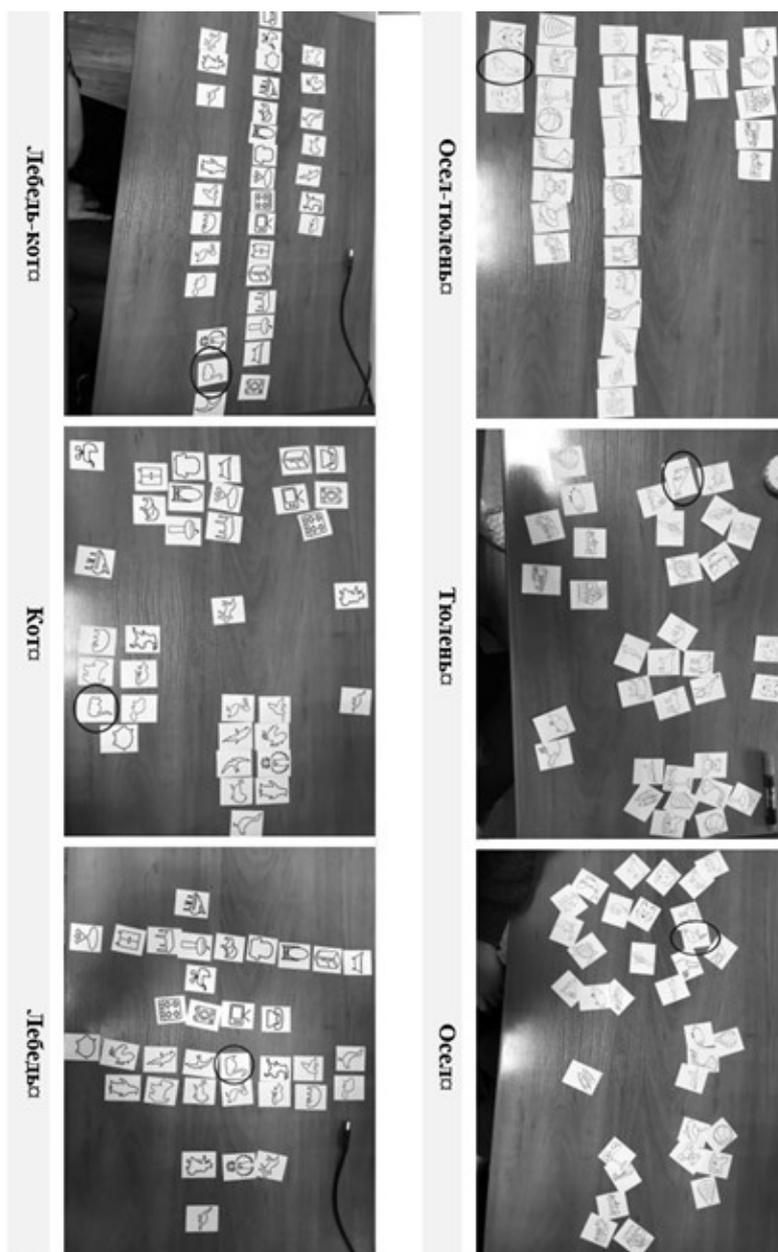
- Всероссийской научной конференции памяти Дж. С. Брунера. Общество с ограниченной ответственностью «Филигрань».
- Филиппова, М. Г., Чернов, Р. В., Горбунов, И. А. (2023). Незамеченные, но не забытые: ЭЭГ-корреляты прайминг-эффектов двойственных изображений. *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*, 73(3), 1–9. <https://doi.org/10.31857/S0044467723030061>
- Allakhverdov, V. M., Filippova, M. G., Gershkovich, V. A., Karpinskaya, V. Y., Scott, T. V., & Vladykina, N. P. (2019). Consciousness, learning, and control: On the path to a theory. In A. Cleermans, V. Allakhverdov, & M. Kuvaldina (Eds.). *Implicit Learning: 50 Years On*. Routledge.
- Armstrong, B. C., & Plaut, D. C. (2011). Inducing homonymy effects via stimulus quality and (not) nonword difficulty: Implications for models of semantic ambiguity and word recognition. In L. Carlson, C. Hölscher, & T. Shipley (Eds.). *Proceedings of the 33rd Annual Conference of the Cognitive Science Society*.
- Borghi, A. M., Binkofski, F., Castelfranchi, C., Cimatti, F., Scorolli, C., & Tummolini, L. (2017). The challenge of abstract concepts. *Psychological Bulletin*, 143, 263–292. <http://doi.org/10.1037/bul0000089>
- Callaghan, C. O., Kveraga, K., Shine, J. M., Adams, R. B., & Bar, M. (2017). Predictions penetrate perception: Converging insights from brain, behaviour and disorder. *Consciousness and Cognition*, 47, 63–74. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2016.05.003>
- D'Angelo, M. C., Thomson, D. R., Tipper, S. P., & Milliken, B. (2016). Negative priming 1985 to 2015: A measure of inhibition, the emergence of alternative accounts, and the multiple process challenge. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 69(10), 1–47. <https://doi.org/10.1080/17470218.2016.1173077>
- Dehaene, S. & Changeux, J. P. (2011). Experimental and Theoretical Approaches to Conscious Processing. *Neuron*, 70, 200–227. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2011.03.018>
- Filippova, M. G., Shcherbakova, O. V., & Shtyrov, Y. Y. (2020). It is Not What You Think it is: Erp Correlates of Verbal And Non-Verbal Ambiguity Processing. *Neuroscience and Behavioral Physiology*, 50, 306–314. <https://doi.org/10.1007/s11055-020-00902-5>
- Filippova, M. G. (2011). Does Unconscious Information Affect Cognitive Activity: A Study Using Experimental Priming. *The Spanish Journal of Psychology*, 14(1), 20–36. https://doi.org/10.5209/rev_SJOP.2011.v14.n1.2
- Frings, C., Schneider, K. K., & Fox, E. (2015). The Negative Priming Paradigm: an Update and Implications for Selective Attention. *Psychonomic Bulletin & Review*, 22(6), 1577–1597. <https://doi.org/10.3758/s13423-015-0841-4>
- Hargreaves, I. S., Pexman, P. M., Pittman, D. J., & Goodyear, B. G. (2011). Tolerating ambiguity: Ambiguous words recruit the left inferior frontal gyrus in absence of a behavioral effect. *Experimental Psychology*, 58(1), 19–30. <https://doi.org/10.1027/1618-3169/a000062>
- Haro, J., & Ferré, P. (2018). Semantic ambiguity: Do multiple meanings inhibit or facilitate word recognition? *Journal of Psycholinguistic Research*, 47(3), 679–698. <https://doi.org/10.1007/s10936-017-9554-3>
- Haro, J., Demestre, J., Boada, R., & Ferré, P. (2017). Erp and Behavioral Effects Of Semantic Ambiguity In A Lexical Decision Task. *Journal of Neurolinguistics*, 44, 190–202. <https://doi.org/10.1016/j.jneuroling.2017.06.001>
- Hino, Y., Pexman, P. M., & Lupker, S. J. (2006). Ambiguity and Relatedness Effects In Semantic Tasks: Are They Due To Semantic Coding? *Journal of Memory and Language*, 55, 247–273. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2006.04.001>
- Hoffman, P., & Woollams, A. M. (2015). Opposing Effects of Semantic Diversity In Lexical and Semantic Relatedness Decisions. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 41(2), 385–402. <https://doi.org/10.1037/a0038995>

- Kawamoto, A. H. (1993). Nonlinear dynamics in the resolution of lexical ambiguity: A parallel distributed processing account. *Journal of Memory and Language*, 32(4), 474–516. <https://doi.org/10.1006/jmla.1993.1026>
- Kellner, C., Le Quement, M. T., & Riener, G. (2022). Reacting to ambiguous messages: An experimental analysis. *Games and Economic Behavior*, 136, 360–378. <https://doi.org/10.1016/j.geb.2022.09.007>
- Kornmeier, J., & Bach, M. (2014). EEG correlates of perceptual reversals in Boring's ambiguous old/young woman stimulus. *Perception*, 43, 950–962. <https://doi.org/10.1068/p7741>
- Leininger, M., Myslín, M., Rayner, K., & Levy, R. (2017). Do resource constraints affect lexical processing? Evidence from eye movements. *Journal of Memory and Language*, 93, 82–103. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2016.09.002>
- Maciejewski, G., & Klepousniotou, E. (2020). Disambiguating the ambiguity disadvantage effect: Behavioral and electrophysiological evidence for semantic competition. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 46(9), 1682–1700. <https://doi.org/10.1037/xlm0000842>
- Maciejewski, G., Rodd, J. M., Mon-Williams, M., & Klepousniotou, E. (2019). The cost of learning new meanings for familiar words. *Language, Cognition and Neuroscience*, 35(2), 188–210. <https://doi.org/10.1080/23273798.2019.1642500>
- Peterson, M. A., Cacciamani, L., Mojica, A. J., & Sanguinetti, J. L. (2012). Meaning can be accessed for the ground side of a figure. *Journal of Gestalt Theory*, 34(3), 297–314.
- Rodd, J. M. (2018). *Lexical ambiguity*. In S.A. Rueschemeyer & M. G. Gaskell (Eds.), *Spoken word production*.
- Rodd, J. M., Gaskell, M. G., & Marslen-Wilson, W. D. (2004). Modelling the effects of semantic ambiguity in word recognition. *Cognitive Science*, 28(1), 89–104. https://doi.org/10.1207/s15516709cog2801_4
- Tal, A., & Bar, M. (2014). The proactive brain и the fate of dead hypotheses. *Frontiers in Computational Neuroscience*, 8(3), 1–6. <https://doi.org/10.3389/fncom.2014.00138>
- Tang, L. (2020). Ambiguity and context learning in signalling games. *Journal of Logic and Computation*, 31(8), 1979–2003. <https://doi.org/10.1093/logcom/exaa069>
- Tang, L. (2022). Ambiguity Advantage Under Meaning Activation. *Journal of Logic, Language and Information*, 31, 99–112. <https://doi.org/10.1007/s10849-021-09349-4>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Приложение 1

Пример классификации испытуемыми обоих наборов с разными целевыми изображениями (ЭГ, КГ1 и КГ2)

Поступила в редакцию: 01.05.2023

Поступила после рецензирования: 07.07.2023

Принята к публикации: 27.07.2023

Заявленный вклад авторов

Маргарита Георгиевна Филиппова – концепция и дизайн работы, анализ литературных источников, редактирование версии для публикации.

Наталья Владимировна Андриянова – анализ литературных источников, составление текста статьи.

Роман Васильевич Чернов – обработка данных и описание результатов, составление текста статьи.

Информация об авторах

Маргарита Георгиевна Филиппова – кандидат психологических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Мозга Человека им. Н. П. Бехтерева РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; WoS ResearcherID: L-4658-2013; Scopus Author ID: 37088540500; SPIN-код РИНЦ: [7063-5371](#); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9654-822X>; e-mail: m.g.filippova@spbu.ru

Наталья Владимировна Андриянова – кандидат психологических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; WoS ResearcherID: P-4326-2017; Scopus Author ID: 57222408590; SPIN-код РИНЦ: 3156-2624; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8631-6019>; e-mail: n.v.andriyanova@spbu.ru

Роман Васильевич Чернов – инженер-программист, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 7019-4730; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-3965-1955>; e-mail: r.chernov@spbu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Research article

UDC: 159.9.072

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.12>

Lurking in Office WhatsApp Group: Examining the Role of Neuroticism, Knowledge Contribution Loafing, Fear of Losing Face, and Playing Dumb

Wahyu Rahardjo^{1*}, Indah Mulyani¹, Milka Santoso¹,
Meity Arianty¹, Ridho Akbar Yogandito¹

¹Gunadarma University, Depok, Indonesia

*Corresponding author: wahyu_r@staff.gunadarma.ac.id

Abstract

Introduction. WhatsApp group is often used as online communication among employees for achieving effectiveness and efficiency at work. However, they often passive and silent and may hardly contribute much to work-related discussions which known as lurking behavior. This study aim to measure whether a number of variables such as neuroticism, knowledge contribution loafing, fear of losing face, and playing dumb affect the lurking in the WhatsApp office group. **Methods.** Participants in this study were 600 employees from various cities in Indonesia. Multiple regression was carried out to measure the effect of each variable on the lurking as the dependent variable. **Results.** The results showed R square = 0.615 which means, all independent variables have a large and significant contribution on lurking behavior. Although all the independent variables had a great influence on lurking, partially it appeared that only neuroticism and fear of losing face had a significant effect on lurking. **Discussion.** Tasks at work are often delegated, shared, and discussed with work team members through WhatsApp groups. These conditions can encourage individuals with high neuroticism to withdraw from conversations in WhatsApp groups. It happens because that condition makes individuals with high neuroticism feel anxious, uncomfortable, and vulnerable to pressure as a result of work-related discussions in WhatsApp office groups. In addition, the fear of getting a negative response in the form of criticism from other group members, which includes personality, the fear of being wrong, and not believing in the environment, is a factor that must be considered in lurking behavior.

Keywords

lurking, neuroticism, knowledge contribution loafing, fear of losing face, playing dumb, office WhatsApp group

For citation

Rahardjo, W., Mulyani, I., Santoso, M., Arianty, M., & Yogandito, R. A. (2023). Lurking in Office WhatsApp Group: Examining The Role of Neuroticism, Knowledge Contribution Loafing, Fear of Losing Face, and Playing Dumb. *Russian Psychological Journal*, 20(3), 220–236. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.12>

Introduction

Online communication through social media become commonly thing and found in various aspects of life, including in the workplace. Social media usage not only useful for company marketing media and its products (Bossio, McCosker, Milne, Golding, & Albarran-Torres, 2019), but also maximize the effectiveness of communication among the workers and make them more merged with work (Adomi & Solomon-Uwakwe, 2019; Ariffin & Omar, 2018).

As like communication process involving many individuals, there are roles and dominance variants in the conversation. Some individuals in group chat are active speakers, an ordinary, and some others that quite and passive were doing lurking. Lurking commonly happened and often found in various form online communities communication (Hurtubise, Rivard, Berbari, Heguy, & Camden, 2017; Williams, Heiser, & Chinn, 2012). Online communities are virtual social groups that contain individuals with the same purpose of gathering (Schneider, von Krogh, & Jager, 2013). It is interesting to discuss groups that classified as a passive in online communication or lurkers. Lurkers are passive readers who prefer act as observers in a virtual community on social media and often referred as free-riders (Kollock & Smith, 1996; Preece, Nonnecke, & Andrews, 2004).

Lurking behavior can be found in education world when individuals prefer to be passive learners who do not provide feedback in the learning process in cyberspace (Bozkurt, Koutropoulos, Singh, & Honeychurch, 2020; Chen & Chang, 2011), it also found in social media relation for example due to privacy issues (Child & Starcher, 2016; Ortiz, Chih, & Tsai, 2018; Seigfried-Spellar & Lankford, 2018). Those issues were small part of lurking research on education and cyberspace social relations. Meanwhile, apart from the Neelen and Fetter studies (2010), there has not been much published research regarding employees as participants.

Lurking were considered to hamper the initial purpose of establishing a virtual community to maximize communication at work without being disturbed by employees' time and geographic location. However, individuals are not obligated being active in

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

virtual communities because the contribution is voluntary (Yeow, Johnson, & Faraj, 2006). On the other hand, the availability and ease of technology cannot always help individuals survive in achieving common targets, so further motivation is needed to keep individuals involved in online communities (Newell, Pan, Galliers, & Huang, 2001; Schneider, von Krogh, & Jager, 2013). At this point, it can be understood that lurking happened when there is a lack of reciprocity of communication and the process of sharing information smoothly and effectively related to work which is the main goal of the WhatsApp group formation.

Nguyen (2020) describes lurking behavior through a four-dimensional model. This model describes the reasons for lurking behavior which is categorized into four categories, namely individual, social, technological, and organizational or is called the ISTO model. According to Nguyen (2020), individual decisions to share knowledge or lurking are based on those four categories. Individual factors are individual characteristics that explain why different people show different behaviors for the same situation. Individual factors relate to members' perceptions of cognitive needs, knowledge self-efficacy, and loss of knowledge power (feel a sense of threat to their competitive advantage, power, importance and job security). Social, technological, and organizational factors explain how individuals respond under the influence of external factors. Social factors related to interactions with other members of the community, such as group cohesiveness, trust, and number of posts in the online community (information overload). Factors related to technical reasons that hinder individuals from posting, such as design quality, user perception, and level of ease of use. Organizational factors are related to the rules, norms, and structures in online communities that will influence lurking through commitment and management in the community.

Nonnecke and Preece (2001) tried to explain with The Gratification Model of Lurkers. This theory explains that lurking is a behavior based on a social relational context to get gratification and fulfill the needs. Lurking is thought to accommodate perceived needs. This theory explains that a person becomes lurker for four reasons, namely anonymity, privacy, and security, then time and work-related constraints, message volume and quality, and shyness over public postings. One other theory that can explain lurking is building an identity (Beaudouin & Vekovska, 1999). This theory explains that the involvement of individuals in a community is to form identity, take on roles and status. When the employee becomes aware through conversation and communication within the group that he or she does not match the primary identity of the group members, he or she will withdraw from conversation and showing passive behavior.

This research can be explained by using The Gratification Model of Lurkers belonging to Nonnecke and Preece (2001). Anonymity, privacy, and safety are the first reasons considered to accommodate the problem of neuroticism. Neuroticism causes individuals to easily feel uncomfortable and anxious in a social environment. When developing passive communication in conversations on WhatsApp Groups, individuals do not need to respond much so they can avoid feedback that might make them uncomfortable.

Then the second reason is shyness over public posting which represents variables such as knowledge contribution loafing, fear of losing space, and playing dumb. Individuals who refrain from providing comprehensive job information, fear of being criticized for posting opinions, and then pretending to be stupid do not know the topic being discussed are the reasons why employees are lurking in WhatsApp Groups. Meanwhile, other big reasons, such as time and work-related constraints, and message volume and quality, can be represented by other additional findings from the existing descriptive data.

Lurking doesn't happen suddenly for sure. There are several things that affect lurking. First is neuroticism. Personality has been referred as one of the internal factors that cause lurking in individuals (Amichai-Hamburger et al., 2016). Neuroticism personality types encourage individuals to engage in pleasant social online activities (Seigfried-Spellar & Lankford, 2018) because individuals with anxiety and low adaptability need a pleasant atmosphere to make themselves calm. One of the involvement of individuals with neuroticism personality types towards social internet usage is to accommodate their need to belongings and get a lot of information (Amiel & Sargent, 2004). Information and needs fulfillment can provide a pleasure for individuals when doing browsing. That is the reason why the findings mention that neuroticism is positively correlated with the social media usage such as WhatsApp (Montag, Blaszkiewicz, Sariyska, Lachmann, Andone, Trendafilov, Eibes, & Markowitz, 2015).

Meanwhile, office WhatsApp group is an online community that was formed specifically for work. This is considered to accommodate the needs of its members to learn and develop their work needs (Pimmer, Abiodun, Daniels, & Chipps, 2019). There are lot of work delegated and discussed among members in Whatsapp group. At this point, work information develops into giving and demanding jobs. Dedeoglu, Okumus, Yi, and Jin (2019) stated that personality influences individuals in perceiving information sharing on social media. Changing information about work into giving work is not a pleasant and uncomfortable for individuals who avoid pressure in social relations. Thus, when an individuals' presence in an online social community brings them into an uncomfortable position for various reasons, they will tend to reduce their activities in the community. Therefore, the higher neuroticism tendency that individual have, the more passive they will be involved in the online community which they follow.

On the other hand, there are some other things that also suspected to support neuroticism in influencing lurking behavior in sharing knowledge, i.e. fear of losing face and pretending to be stupid. Emerging behaviors such as lack of self-confidence, fear of other people's perceptions, reluctance to share, less ready to get feedback, fear of making mistakes, hesitating and more comfortable being indifferent. Knowledge contribution loafing is often considered as a coping strategy of individuals to get a lighter effect from the perceived pressure (Fang, 2017). When individuals were holding the informations or intentionally not sharing work-related information, this is done not only because they feel uncomfortable, but also because they are afraid of getting negative feedback in the form of criticism and ridicule. At this point, fear of losing face causes the individual to

choose to be silent and passive (Fang, 2017; Osatuyi, 2015). Meanwhile, individuals also feel the need to be passive in a subtle way by pretending to be ignorant, ignorant the topic being discussed at that time in the group, or even pretending to skip the beginning of the conversation regarding related topic discussed in the group (Conelly, Zweig, Webster, & Trougakos, 2012). This playing dumb behavior could help individuals reduce their influence in the group and also their social interaction (Demirkasimoglu, 2016). Based on those reasons, individuals can give slower response or not at all to work-related information which they dislike.

Based on the theoretical arguments presented earlier, this research aims to empirically investigate the effects of neuroticism, knowledge contribution loafing, fear of losing face, and playing dumb against employees' lurking behavior. This research also investigates the reason why employees do lurking behavior in the WhatsApp group office.

Methods

Participants

The participants of this study were 600 employees who worked in several big cities in Indonesia. The majority of participants were men ($N = 361$), and the rest were women ($N = 239$). Google Form were used for online data collection in order to get more participants because of geographical location consideration such as the city of residence, as well as the practical concerns in a data collection. At the beginning of the online questionnaire, the purpose of data collection and participant requirements was explained, as well as the willingness of applicant participants to participate or refuse to be part of this research.

Materials

Lurking is a passive behavior by not uploading something as a form of contribution in online communication for various reasons and preferring to be positioned as an observer (Edelmann, 2013; 2017). In this research, lurking was measured by using a scale belonging to Preece, Nonnecke, and Andrews (2004). This scale initially had a total of 25 items. One example of an item on this scale is "I feel like I'm in the wrong group". The reliability of this scale is 0.943.

Neuroticism is the tendency of inability to make psychological adjustments and emotional stability which is characterized by anxiety, fear, and distrust (Cullen & Morse, 2011). In this study neuroticism personality types are measured by using 5 Big Subscale that has been adjusted in the Indonesian context by Ramdhani (2012). This scale has a number of 4 items. Begins with the introductory sentence "I am a person who ...", an example of this item is "Easy moody". The reliability of this scale is 0.930.

Knowledge contribution loafing is individuals' tendency to show less performance when working in a team than when working alone (Chidambaram & Tung, 2005). In this study the knowledge contribution loafings measured by using a scale belonging to

Kidwell and Robie (2003). One examples of items on this scale is "I share less knowledge than I have". The reliability of this scale is 0.830.

Fear of losing face is fear or anxiety feeling which associated with feelings of shame and worthless when the experience or knowledge shared were considered useless by others so that the individuals will hold the information that they have (Hwang, Francesco, & Kessler, 2003; Zhang & Ng, 2012). Fear of losing face is measured by using a scale belonging to Fang (2017). This scale has a number of 4 items. Begins with the introductory sentence "If I share knowledge in a group ...", an example of the item in this study is "I am afraid that others will find fault with the ideas that I have shared". The reliability of this scale is 0.944.

Playing dumb is a behavior in which the individuals pretend uncare about therelevant information therefore when they are presented certain topics to be discussed, they will behave as if they did not have enough knowledge related to the topic (Webster, Brown, Zweig, Conelly, Brodt, & Sitkin, 2008). Playing dumb is measured by using a scale belonging to Conelly et al. (2012). This scale consists of 5 items. Begins with the introductory sentence "When communicating in a group ...", an example of the items in this study is "I pretend not to understand what is really being talked about in the group". The reliability of this scale is 0.826.

Neuroticism scale has a response category Strongly Disagree to Strongly Agree with a score range from 1 to 7, knowledge contribution loafing scale has a response category Never to Very Often with a score range from 1 to 5, and the rests has a response category Very Inappropriate to Very Appropriate with a score range from 1 to 5.

Analysis Technique

The data analysis technique used in this study is multiple regression. This analysis technique is useful for measuring the effect of predictor variables in this study, i.e. neuroticism personality type, knowledge contribution loafing, fear of losing face, and playing dumb against lurking in WhatsApp office group. Some other things that are trying to be revealed such as reasons for lurking and discussion topics in groups which dislikewere asked through additional questions in other parts of the questionnaire where each participant can choose or give respond more than one answer.

Results

Correlation and Regression Analysis

Table 1 shows that employees' lurking behavior correlates with all independent variables, including demographic variables such as age, years of service, education level, and position in the organization. These demographic variables seem to provide additional interesting findings to complement the previously hypothesis. Table 2 and 3 show

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

that only neuroticism and fear of losing face make a significant contribution to lurking behavior. Meanwhile, knowledge contribution loafing and playing dumb are not strong enough. However, all independent variables have a large and significant contribution on lurking behavior.

Table 1
Correlation Matrix between Variables and Demographic Data

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1									
2	.587**								
3	.686**	.538**							
4	.739**	.647**	.694**						
5	.681**	.530**	.995**	.689**					
6	-.209**	-.279**	-.243**	-.282**	-.242**				
7	-.088*	-.076	-.091*	-.080*	-.092*	.436**			
8	-.393**	-.343**	-.301**	-.407**	-.296**	.208**	.127**		
9	-.322**	-.370**	-.332**	-.368**	-.328**	.549**	.113**	.343**	
M	70.01	13.56	15.54	11.03	15.51	31.55	3.89	4.37	2.16
SD	16.01	5.88	3.94	4.20	3.93	6.18	3.74	1.35	1.26

Note: 1 = lurking, 2 = neuroticism, 3 = knowledge contribution loafing, 4 = fear of losing face, 5 = playing dumb, 6 = age, 7 = years of services, 8 = education level, 9 = position in the organization* = $p < .05$, ** = $p < .01$

Table 2
Regression of Each Independent Variables on Lurking Behavior

Model	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	
	B	Std. Error	Beta			
(Constant)	27.115	1.664		16.298	.000	
1	neuroticism	.379	.092	.139	4.111	.000
	kbp	1.447	1.097	.357	1.320	.187
	tkm	1.647	.151	.433	10.935	.000
	ppb	-.188	1.092	-.046	-.172	.864

a. Dependent Variable: lurking

Table 3
Simultaneous Regression of All Independent Variables on Lurking Behavior

Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
1	.784 ^a	.615	.612	9.971

Note. a. Predictors: (Constant),ppb,neuroticism,tkm,kbp.

Open-ended Questions

Based on the additional questions asked before, it is known that the presence of superiors or other people with higher positions is the most reason that mentioned by participants as the reason why they choose to be passive in WhatsApp office group. The following reasons are the number of coworkers in the WhatsApp group who are not very close, less confidence to participate, the number of work topics that are not mastered in the discussion, have conflicts with other group members, lots of unimportant things that were not related to work, busy with work, lazy, bored, refrain from being too active, and others reasons. For more details the results can be seen in Table 4.

Table 4
The reasons why participants do lurking

Reasons	N (%)
The presence of superiors or other people with higher positions	350 (34.34%)
The number of coworkers in the WhatsApp group who are not very close	194 (18.98%)
Less confidence to participate in the discussion	173 (16.92%)
The number of work topics that are not mastered in the discussion	146 (14.28%)
Have conflicts with other group members	50 (4.89%)
The number of unimportant things that were not related to the work	28 (2.73%)
Busy with work	23 (2.25%)
Lazy, bored and refrain from being too active	19 (1.85%)
Discussion topics were not related	10 (0.97%)
There are group members who gave the responds earlier	10 (0.97%)
Prefer to do direct communicatin (private chat or face to face communication)	9 (0.88%)
Others	6 (0.58%)

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Table 5 shows the number of topics that the participants did not like as a topic of discussion in WhatsApp office group. The first thing that often mentioned the most is politics, followed by religion, private matters, the work itself, then gossip, topics related to sex or pornography (usually as a jokes), lifestyle, and so on.

Table 5
The Most Unpreferred Discussion Topic in the Office WhatsApp Group

Topics	N (%)	Topics	N (%)
Politics	440 (39.04%)	Gossip	13 (1.15%)
Religion	361 (32.03%)	Sex / pornography	8 (0.70%)
Private matters	235 (20.05%)	Lifestyle	7 (0.62%)
The work itself	53 (4.70%)	Others	10 (0.88%)

Discussion

Based on the statistical findings, this study showed some interesting results. Participants with a tendency for neuroticism more easily feel uncomfortable when they have to communicate face to face (Rice & Markey, 2009). The uncomfortable feeling encourages individuals to easily feel anxious and experience a mood swing (Costa & McCrae, 1980). Other media communication such as online computers can reduce the anxiety. This kind of communication can strengthen social relations between individuals (Gross, Juvonen, & Gable, 2002).

However, office WhatsApp group is a different matter. In this WhatsApp group, work is delegated, shared, and discussed with the group members involved. This condition could encourage individuals with neuroticism to withdraw. This occurs because these specific conditions touch the psychological aspects of individuals who are easily anxious, uncomfortable, and vulnerable to pressure (McCrae & Costa, 1987) as a result of work-related discussions in the WhatsApp office group. The presence of superiors at work will also certainly provide additional discomfort for individuals who have a structurally lower position. Sometimes, communication manner between superior to subordinates also exacerbates the pressure that individuals receive as subordinates (Kim & Lee, 2009), especially when delegating and discussing work in group conversations.

Ariffin and Omar's study (2018) found that WhatsApp often responded by employees as a social media which should be used for personal purposes only, not for work purposes. Work-related discussions often bring discomfort to many individuals involved in online discussion groups. Battistoni and Colladon's study (2014) found that neuroticism tendency is negatively affect chatting activities on social networks, regardless of the position and

role of individuals in the group. The finding neuroticism tendency is related to lurking also confirmed by the influence of fear of losing face. Amiel and Sergeant (2004) state that individuals with neuroticism tendencies try not to be actively involved in online group discussions because they avoid criticism or confrontation with other group members. If the discussion is forced, people with neuroticism tendencies will try to do time lags in replying every conversation which intended or involving themselves (Barnes, Mahar, Wong, & Rune, 2017).

The absence of a significant influence from the knowledge contribution loafing and playing dumb behaviors in discussions about work on the WhatsApp group office shows the strong individual's unwillingness to get a response or criticism. This is also supported by the findings of Teh, Yong, Chong, and Yew (2011)'s studies, which explain neuroticism tendency is affected the attitude in sharing knowledge, whether lazy or not. Basically, individuals still want to share knowledge or what they know about work and also do not pretend to lack understanding the topic being discussed or not to be aware that there are discussions about certain work topics being discussed in the WhatsApp group. However, there is a sense of shyness, discomfort and fear of being criticized or humiliated when individuals discuss that topic in online work groups (Esmaeelinezhad & Afrazeh, 2018; Pour & Taheri, 2019).

The existence of WhatsApp office group also often perceived as a source of problems and new work pressure. Individuals may find it easier to be contacted by superiors or coworkers and interfere their private time. Those can exacerbates the cognitive workload that employees have gained while working in the office. Gagne et al. (2019)'study mentions, playing dumb behavior can be displayed individuals with high cognitifve workload in order not to get additional workloads. This playing dumb behavior triggers individuals to retreat and not get too involved in activities that make them feel burdened psychologically (Burmeister, Fasbender, & Gerpott, 2018), such as lurking behavior.

Work discussion in the office social media group are vulnerable to negative responses such as criticism or teasing. This can happen in serious context or just a joke. Negative responses can be given by coworkers or superiors. The presence of superiors who do not appreciate subordinates in online social media groups, not only gives uncomfortable feelings, but also distrust for group members. The results in the individual distrust because the group can't be an arena for him to contribute with ideas and personal opinions related to work. This issue has been alluded in the study Pour and Taheri (2019) which states that feelings of anxiety and fear of criticism can be reduced if there is trust in the online social media discussion group.

Wasko and Faraj (2000) state that sharing information in an online community basically can be done with two basic reasons, those are the necessity to share and altruistic feelings to help selflessly. In virtual communities, those two things become important because no rules arrange communication between members in cyberspace, so social attitudes is prioritized (Yang, Li, & Huang, 2017). In the context of WhatsApp

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

group office, the necessity for sharing becomes the dominant factor where the reasons for altruism are left behind. This reason itself will not be fulfilled by group members if empathy disappear because of neuroticism (Pence & Vickery, 2012). Without trust in group members, there is no comfort, so individuals with neuroticism will resolve their worries about negative responses. Jadin, Gnamb, and Batinic (2013) confirm this, and explain that the opinions of superiors in the group have a negative influence on desire to share information voluntarily. This causes individual uncomfortable speaking in groups so they prefer to be quiet and passive in group discussions.

In a more complete perspective, overall effect of variable, i.e. neuroticism, knowledge contribution loafing, fear of losing face, and playing dumb have a great joint effect on lurking behavior in the WhatsApp office group. Bishop (2007) offers an ecological cognition framework to explain why individuals do lurking behavior in virtual communities. This concept states that lurking behavior can be explained by the non-fulfillment of individual passions in social relations in the virtual community. Some disrupted passions are order desires where group members have more power and dominate the flow of group conversation. The presence of superiors also turns off the social desire where there is no more free interactive space in the conversation that built in groups. On the other hand, the pressure from the flow of work conversations triggers excessive vengeance desire, where conflict arisen too much in the existing conversations. This can disrupts the creative desire which is to emerge and help group members. These problems then trigger the lack of trust in group and the group members so that individuals prefer to be silent or passive in conversations in virtual groups (Cheng & Chen, 2014).

The neuroticism tendency inside individuals can increase when the office WhatsApp group contains members with higher position or coworkers who have personal conflicts. The work conversations flow are not always pleasant because it is like work reminders and sometimes part of supervisor monitoring. Individuals will lose space to express opinions or latest job progress report due to discomfort and fear of getting a negative response, so that they will hold the informations that should be given and sometimes pretending unknow that the group is talking about certain things related to the projects or jobs. Kucuk's (2010) findings emphasize that the dynamics in virtual groups greatly influence individual to take a position as a passive member and minimize the conversation in it.

Based on open-ended questions, besides the presence of superiors or other people with higher position in the office group WhatsApp, the number of group members who are not very close and discussions related to work topics that are not mastered also can increasing the distance between individuals and group. Tobin, Vanman, Verreynne, and Saeri (2015)'s findings state that lurking behaviors occurs not only when individuals did not feel as a part of the group but also when they feel their existence is not meaningful in the group potentially. This clearly indicates that the WhatsApp office group, is too common with diversity members could potentially encourage the members to be silent and passive in the communication process in the group.

Another interesting results about another reason for lurking are less confidence to participate in discussions, because many topics related to work that are not mastered, and the busy work that individuals have to do to involved in group discussions. Amichai-Hamburger et al. (2016) states that the issue of competence and time unavailability to participate in the discussion process are usually happened and encourages individuals to do lurking.

The rise of political topics in WhatsApp office group discussion are most likely related to presidential elections recently in Indonesia. Many individuals relatively difficult to refrain from expressing their opinions and political choices in public. Mutz and Mondak (2006) said when there is a big political moment that occurs in a country, various discussions about politics can burst and be founded everywhere, including in daily conversations at the office among employees. Topics related to religion are also often discussed and become the second place most mentioned by participants. In Indonesia, political and religious topics often mixed into one and become sensitive for many people who have an opposite opinion on those topic. Furthurmore, less important and not related to work discussion on WhatsApp group office, including sensitive topics such as politics and religion, could explain why many employees do lurking. Discussions are often accompanied by jokes which are not important and resulted in bias on topics related to work material.

Overall, based on statistical findings and open-ended questions, this research agrees with the findings of several previous studies. Sun, Rau, and Ma's (2014) study, for example, explains that there are three biggest reasons why lurking is done, that is because of environmental influences (in this case influenced by the presence of superiors and the number of group members who are not too close), prefer to respond to work-related chats (not about sensitive topics such as politics, religion, and personal matters), and group relationships that are not built harmoniously due to internal factors (such as the neuroticism tendency, knowledge contribution loafing, fear of losing face, and playing dumb). Meanwhile, network leagues also have a great influence on lurking (Liao & Chou, 2012), so it can be understood that the existence of group members, including the established norms, can influence how individuals become passive and do not contribute in the virtual community.

Conclusion

This finding shows only neuroticism and fear of losing face have an influence on lurking behavior as partially. The meaning of this finding is that fear of getting a negative response in the form of criticism reinforced by personality tendency, afraid of being wrong and distrust the environment becomes a factor that must be considered in the employee's lurking behavior. Another thing that can be emphasized is the presence of superiors (people in a higher position) has a great potential to encourage individuals to do lurking in WhatsApp office groups.

The study's findings revealed some intriguing findings. Participants with a tendency toward neuroticism typically experience more discomfort while communicating in person, hence they frequently use computer-mediated communication. The office WhatsApp group, on the other hand, is a different story since there are a variety of demands relating to job tasks there that cause individuals to feel uneasy and frightened. As a result, people with high neuroticism have a propensity to distance themselves from conversations in the workplace WhatsApp group.

Other findings show that the existence of a supervisor or person in a higher position is the reason that most often referred in lurking. Meanwhile, politics and religion are the two topics that are the most widely cited disliked by participants during discussion in the WhatsApp office group.

References

- Adomi, E. E., & Solomon-Uwakwe, B. (2019). Work related WhatsApp groups as knowledge sharing platforms among librarians in selected federal universities in Nigeria. *Journal of ICT Development, Applications and Research*, 1, 11–19.
- Amichai-Hamburger, Y., Gazit, T., Bar-Ilan, J., Perez, O., Aharony, N., Bronstein, J., & Dyne, T. S. (2016). Psychological factors behind the lack of participation in online discussions. *Computers in Human Behavior*, 55, 268–277. <http://doi.org/10.1016/j.chb.2015.09.009>
- Amiel, T., & Sargent, S. L. (2004). Individual differences in internet usage motives. *Computers in Human Behavior*, 20, 711–726. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2004.09.002>
- Ariffin, Z., & Omar, S. Z. (2018). Usage of WhatsApp in relation to employee engagement in a telecommunication company. *International Journal of Academic Research in Business & Social Sciences*, 8(1), 434–452. <https://doi.org/10.6007/IJARBS/v8-i1/3818>
- Barnes, R., Mahar, D., Wong, I., & Rune, K. (2017). A neurotic extrovert who is open to new experiences? Understanding how personality traits may impact the commenting behaviors of online new readers. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 61(3), 557–573. <https://doi.org/10.1080/08838151.2017.1344671>
- Battistoni, E., & Colladon, A. F. (2014). Personality correlates of key roles in informal advice networks. *Learning and Individual Differences*, 34, 63–69. <http://doi.org/10.1016/j.lindif.2014.05.007>
- Beaudouin, V., & J. Velkowska. (1999). The Cyberians: An empirical study of sociality in a virtual community. *Ethnographic Studies in Real and Virtual Environments Inhabited Information Spaces and Connected Communities*, 102–112.
- Bishop, J. (2007). Increasing participation in online communities: A framework for human-computer interaction. *Computers in Human Behavior*, 23, 1881–1893. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2005.11.004>
- Bossio, D., McCosker, A., Milne, E., Golding, D., & Albarrán-Torres, C. (2019). Social media managers as intermediaries: negotiating the personal and professional in organisational communication. *Communication Research and Practice*, 1–16. <https://doi.org/10.1080/2041451.2019.1648028>
- Bozkurt, A., Koutropoulos, A., Singh, L., & Honeychurch, S. (2020). On lurking: Multiple perspectives on lurking within and educational community. *The Internet and Higher Education*, 44, 100709. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2019.100709>
- Burmeister, A., Fasbender, U., & Gerpott, F. H. (2018). Consequences of knowledge hiding:

- The differential compensatory effects of guilt and shame. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 92(2), 281–304. <https://doi.org/10.1111/joop.12249>
- Chen, F. C., & Chang, H. M. (2011). *Do lurking learners contribute less? A knowledge co-construction perspective*. Prosiding 5th International Conference on Communities and Technologies. <https://doi.org/10.1145/2103354.2103377>
- Cheng, H. H., & Chen, C. W. (2014). A study of lurking behavior: The desire perspective. *International Scholarly and Scientific Research & Innovation*, 8(4), 938–941.
- Chidambaram, L., & Tung, L. L. (2005). Is out of sight, out of mind? An empirical study of social loafing in technology-supported groups. *Information System Research*, 16(2), 149–168. <https://doi.org/10.1287/isre.1050.0051>
- Child, J. T., & Starcher, S. C. (2016). Fuzzy Facebook privacy boundaries: Exploring mediated lurking, vague-booking, and Facebook privacy management. *Computers in Human Behavior*, 54, 483–490. <http://doi.org/10.1016/j.chb.2015.08.035>
- Connelly, C. E., Zweig, D., Webster, J., & Trougakos, J. P. (2012). Knowledge hiding in organizations. *Journal of Organizational Behavior*, 33(1), 64–88. <https://doi.org/10.1002/job.737>
- Costa, P. T., & McCrae, R. R. (1980). Influence of extraversion and neuroticism on subjective well-being: Happy and unhappy people. *Journal of Personality and Social Psychology*, 38(4), 668–678. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.4.668>
- Cullen, R., & Morse, S. (2011). *Who's contributing: Do personality traits influence the level and type of participation in online communities*. Proceedings of the 44th Hawaii International Conference on System Sciences.
- Dedeoglu, B. B., Okumus, F., Yi, X., & Jin, W. (2019). Do tourists' personality traits moderate the relationship between social media content sharing and destination involvement? *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 36(5), 612–626. <https://doi.org/10.1080/10548408.2019.1604294>
- Demirkasimoglu, N. (2015). Knowledge hiding in academia: Is personality a key factor? *International Journal of Higher Education*, 5(1), 128–140. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v5n1p128>
- Edelmann, N. (2017). *Online lurking: Definitions, implications, and effects on e-participations*. Tallinn University of Technology.
- Edelmann, N. (2013). Reviewing the definitions of 'lurkers' and some implications for online research. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 16(9), 645–649. <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0362>
- Esmaeelnezhad, O., & Afraseh, A. (2018). Linking personality traits and individuals' knowledge management behavior. *Aslib Journal of Information Management*, 70(3), 234–251. <https://doi.org/10.1108/AJIM-01-2018-0019>
- Fang, Y. H. (2017). Coping with fear and guilt using mobile social networking applications: Knowledge hiding, loafing, and sharing. *Telematics and Informatics*, 34, 779–797. <http://doi.org/10.1016/j.tele.2017.03.002>
- Gagné, M., Tian, A. W., Soo, C., Zhang, B., Ho, K. S. B., & Hosszu, K. (2019). Different motivations for knowledge sharing and hiding: The role of motivating work design. *Journal of Organizational Behavior*, 40, 783–799. <https://doi.org/10.1002/job.2364>
- Gross, E. F., Juvonen, J., & Gable, S. L. (2002). Internet use and well-being in adolescence. *Journal of Social Issues*, 58(1), 75–90. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00249>
- Hurtubise, K., Rivard, L., Berbari, J., Heguy, L., & Camden, C. (2017). Exploring engagement in a virtual community of practice in pediatric rehabilitation: Who are non-users, lurkers, and

- posters? *Disability and Rehabilitation*. <https://doi.org/10.1080/09638288.2017.1416496>
- Hwang, A., Francesco, A. M., & Kessler, E. (2003). The relationship between individualism-collectivism, face, and feedback and learning processes in Hong Kong, Singapore, and The United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 34(1), 72–91. <https://doi.org/10.1177/0022022102239156>
- Jadin, T., Gnamb, T., & Batinic, B. (2013). Personality traits and knowledge sharing in online communities. *Computers in Human Behavior*, 29(1), 210–216. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.08.007>
- Kidwell, Jr., R. E., & Robie, C. (2003). Withholding efforts in organizations: Toward development and validation of a measure. *Journal of Business and Psychology*, 17(4), 537–561.
- Kim, H., & Lee, S. Y. (2009). Supervisory communication, burnout, and turnover intention among social workers in health care settings. *Social Work in Health Care*, 48(4), 364–385. <https://doi.org/10.1080/00981380802598499>
- Kollock, P., & Smith, M. (1996). Managing the virtual commons: Cooperation and conflict in computer communities. In S. Herring (Ed.), *Computer-mediated communication: Linguistic, social, and cross-cultural perspectives*. Amsterdam:Philadelphia.
- Kucuk, M. (2010). Lurking in online asynchronous discussion. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2, 2260–2263. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.03.319>
- Liao, S., & Chou, E. Y. (2012). Intention to adopt knowledge through virtual communities: Posters vs lurkers. *Online Information Review*, 36(3), 442–462. <https://doi.org/10.1108/14684521211241440>
- McCrae, R. R., & Costa, P. T., Jr. (1987). Validation of the Five Factor model of personality across instruments and observers. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52(1), 81–90. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.52.1.81>
- Montag, C., Blaszkiwicz, K., Sariyska, R., Lachmann, B., Andone, I., Trendafilov, B., Eibes, M., & Markowitz, A. (2015). Smartphone usage in the 21st century: Who is active on WhatsApp? *BMC Research Notes*, 8, 331. <https://doi.org/10.1186/s13104-015-1280-z>
- Mutz, D. C., & Mondak, J. J. (2006). The workplace as a context for cross-cutting political discourse. *The Journal of Politics*, 68(1), 140–156. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00376.x>
- Neelen, M., & Fetter, S. (2010). Lurking: a challenge or a fruitful strategy? A comparison between lurkers and active participants in an online corporate community of practice. *International Journal of Knowledge and Learning*, 6(4), 269–284. <https://doi.org/10.1504/ijkl.2010.038649>
- Newell, S., Pan, S. L., Galliers, R. D., & Huang, J. C. (2001). The myth of the boundaryless organization. *Communications of the ACM*, 44(12), 74–76. <https://doi.org/10.1145/501317.501350>
- Nguyen, T.-M. (2020). *Four-dimensional model: a literature review on reasons behind lurking behavior*. *VINE Journal of Information and Knowledge Management Systems*, 51(2), 302–317. <https://doi.org/10.1108/vjikms-10-2019-0168>
- Nonnecke, B., & Preece, J. (2001). *Why lurkers lurk*. AMCIS Proceedings. <http://aisel.aisnet.org/amcis2001/294>
- Ortiz, J., Chih, W. H., & Tsai, F. S. (2018). Information privacy, consumer alienation, and lurking behavior in social networking sites. *Computers in Human Behavior*, 80, 143–157. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.11.005>
- Osatuyi, B. (2015). Is lurking an anxiety-masking strategy on social media sites? The effects of lurking and computer anxiety on explaining information privacy concern on social media platform. *Computers in Human Behavior*, 49, 324–332. <http://doi.org/10.1016/j.chb.2015.02.062>

- Pence, M. E., & Vickery, A. J. (2012). The roles of personality and trait emotional intelligence in the active-empathic listening process: Evidence from correlational and regression analyses. *International Journal of Listening*, 26, 159–174. <https://doi.org/10.1080/10904018.2012.712810>
- Pimmer, C., Abiodun, R., Daniels, F., & Chipps, J. (2019). "I felt a sense of belonging somewhere": Supporting graduates' job transition with WhatsApp group. *Nurse Education Today*, 81, 57–63. <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2019.06.010>
- Preece, J., Nonnecke, B., & Andrews, D. (2004). The top five reasons for lurking: Improving community experiences for everyone. *Computers in Human Behavior*, 20, 201–223. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2003.10.015>
- Rice, L., & Markey, P. M. (2009). The role of extraversion and neuroticism in influencing anxiety following computer-mediated interactions. *Personality and Individual Differences*, 46, 35–39. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2008.08.022>
- Schneider, A., von Krogh, G., & Jager, P. (2013). "What's coming next?" Epistemic curiosity and lurking behavior in online communities. *Computers in Human Behavior*, 29, 293–303. <http://doi.org/10.1016/j.chb.2012.09.008>
- Seigfried-Spellar, K. C., & Lankford, C. M. (2018). Personality and online environmental factors differ for posters, trolls, lurkers and confessors on Yik Yak. *Personality and Individual Differences*, 124, 54–56. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.047>
- Sun, N., Rau, P. P. L., & Ma, L. (2014). Understanding lurkers in online communities: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 38, 110–117. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.05.022>
- Teh, P. L., Yong, C. C., Chong, C. W., & Yew, S. W. (2011). Do the Big Five personality factors affect knowledge sharing behavior? A study of Malaysian universities. *Malaysian Journal of Library & Information Science*, 16(1), 47–62.
- Tobin, S. J., Vanman, E. J., Verreynne, M., & Saeri, A. K. (2015). Threats to belonging on Facebook: Lurking and ostracism. *Social Influence*, 10(1), 31–42. <https://doi.org/10.1080/15534510.2014.893924>
- Wasko, M. M., & Faraj, S. (2000). "It is what one does": Why people participate and help others in electronic communities of practice. *The Journal of Strategic Information Systems*, 9(2-3), 155–173. [https://doi.org/10.1016/S0963-8687\(00\)00045-7](https://doi.org/10.1016/S0963-8687(00)00045-7)
- Webster, J., Brown, G., Zweig, D., Conelly, C. E., Brodt, S., & Sitkin, S. (2008). Beyond knowledge sharing: Withholding knowledge at work. *Research in Personnel and Human Resources Management*, 27, 1–37. [https://doi.org/10.1016/S0742-7301\(08\)27001-5](https://doi.org/10.1016/S0742-7301(08)27001-5)
- Williams, J., Heiser, R., & Chinn, S. J. (2012). Social media posters and lurkers: The impact on team identification and game attendance in minor league baseball. *Journal of Direct, Data and Digital Marketing Practice*, 13, 295–310. <https://doi.org/10.1057/ddmp.2011.44>
- Yang, X., Li, G., & Huang, S. S. (2017). Perceived online community support, member relations, and commitment: Differences between posters and lurkers. *Information & Management*, 54, 154–165. <https://doi.org/10.1016/j.im.2016.05.003>
- Yeow, A., Johnson, S. L., & Faraj, S. (2006). *Lurking: Legitimate of illegitimate peripheral participation?* Proceeding at 27th International Conference on Information Systems in Milwaukee, US.
- Zhang, P., & Fai Ng, F. (2012). Attitude toward knowledge sharing in construction teams. *Industrial Management & Data Systems*, 112(9), 1326–1347. <https://doi.org/10.1108/02635571211278956>

Received: 11,11. 2022

Revision received: 4,04. 2023

Accepted: 26,07. 2023

Author Contributions

Wahyu Rahardjo contributed to conceptualizing and designing research, finding respondents, collecting data, statistical analysis and interpreting the results, writing, and editing research report manuscripts.

Indah Mulyani contributed to conceptualizing the research, collecting data, statistical analysis, interpreting results, editing report manuscripts, and become corresponding author.

Milka Santoso contributed to conceptualizing the research, finding respondents, collecting data, and editing research manuscripts.

Meity Arianty contributed to conceptualizing the research, collecting data, and editing research manuscripts.

Ridho Akbar Yogandito contributed to conceptualizing the research, collecting data, and editing research manuscripts.

Author Details

Wahyu Rahardjo – Dr. Sci. (Social Psychology), Gunadarma University, Depok, Indonesia; WOS ID: AAL-7796-2021; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6810-3071>; e-mail: wahyu_r@staff.gunadarma.ac.id

Indah Mulyani – Dr. Sci. (Social Psychology), Gunadarma University, Depok, Indonesia; WOS ID: ITW-2154-2023; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-5476-2485>; e-mail: indah_mulyani@staff.gunadarma.ac.id

Milka Santoso – Master of Industrial and Organizational Psychology, Gunadarma University, Depok, Indonesia; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9645-027X>; e-mail: milka.santoso@gmail.com

Meity Arianty – Master in Clinical Psychology, Gunadarma University, Depok, Indonesia, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-2313-5219>; e-mail: meity.arianty@yahoo.co.id

Ridho Akbar Yogandito – Master in Industrial and Organizational Psychology, Gunadarma University, Depok, Indonesia; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-0382-406X>; e-mail: yogandito@gmail.com

Conflict of Interest Information

The authors have no conflicts of interest to declare.

Отношение к своему внешнему облику и конструирование воспринимаемого возраста мужчин и женщин: почему женщины выглядят моложе?

Татьяна А. Воронцова^{1*} , Алёна Г. Артамонова¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: shkurko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Настоящее исследование выполнено в рамках решения проблемы выявления влияния гендерно-возрастных и социально-психологических факторов на конструирование воспринимаемого возраста в процессе социального познания. Цель исследования – изучение особенностей отношения к своему внешнему облику и воспринимаемого возраста мужчин и женщин в возрасте 35–75 лет. **Методы.** Нами были использованы процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т. А. Воронцовой и комплекс из пяти методик, разработанных В. А. Лабунской для диагностики отношения к своему внешнему облику. *Основную выборку исследования* составили 523 человека (207 мужчин и 316 женщин) в возрасте от 35 до 75 лет. Достоверность результатов исследования обеспечивалась использованием описательных статистик, корреляционного анализа Спирмена, Т-критерия Стьюдента, критерия равенства дисперсий Ливиня, U-критерия Манна-Уитни. **Результаты.** По результатам исследования было заключено, что 1) женщины в зрелом возрасте (35–59 лет) выглядят значительно моложе мужчин аналогичного возраста; в пожилом возрасте (60–75 лет) расхождение между хронологическим и воспринимаемым возрастом (так называемые «спасенные годы») у мужчин и женщин имеет сходные показатели (и те, и другие выглядят моложе своих лет в среднем на 3,5–4 года; 2) обнаружены значительные гендерные различия в когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах отношения к своему внешнему облику мужчин и женщин зрелого возраста; в пожилом возрасте зафиксированы различия только двух параметров отношения: в стремлении к совершенствованию внешнего облика

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

и в представлении об оценке внешнего облика друзьями-мужчинами (у женщин значительно выше); 3) зафиксированы взаимосвязи параметров отношения к своему внешнему облику мужчин и женщин с их воспринимаемым возрастом, опосредованные этапом жизненного пути. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты обсуждаются в контексте социальной психологии внешнего облика, «многофакторной модели отношения к внешнему облику», а также с точки зрения гендерных стереотипов, ожиданий и «двойного стандарта старения» мужчин и женщин.

Ключевые слова

возраст, внешний облик, восприятие возраста, воспринимаемый возраст, социальное восприятие, отношение, спасенные годы, женщины, мужчины, старение

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01763 «Конструирование воспринимаемого возраста в социальном познании: анализ механизмов и факторов», <https://rscf.ru/project/22-28-01763/> в Южном федеральном университете.

Для цитирования

Воронцова, Т. А., Артамонова, А. Г. (2023). Отношение к своему внешнему облику и конструирование воспринимаемого возраста мужчин и женщин: почему женщины выглядят моложе? *Российский психологический журнал*, 20(3), 237–254. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.13>

Введение

Воспринимаемый возраст (ВВ) человека в современной социальной психологии определяется как феномен социального познания, как возраст, «приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его **внешнего облика** (ВО)» (Шкурко, Лабунская, 2018, с. 450). Восприятие возраста (своего и другого человека) рассматривается как частный случай социальной перцепции.

В отечественной социальной психологии, в школе Алексея Александровича Бодалева (Бодалев, 1982, 2015) раскрыты социально-психологические закономерности восприятия человека человеком, которые распространяются и на восприятие возраста другого человека. В исследованиях А. А. Бодалева, его коллег и последователей определены ведущие факторы восприятия человека человеком:

это психологические и социально-психологические характеристики объекта восприятия, субъекта восприятия, особенности отношений между субъектом и объектом восприятия, социальная ситуация взаимодействия. В знаменитой работе А. А. Бодалева «Восприятие и понимание человека человеком» (Бодалев, 1982) показано, что возраст другого представлен воспринимающему его субъекту в различных компонентах ВО: в физическом ВО; в выразительном поведении (А. А. Бодалев говорит о «старческой» походке); во внешнем оформлении облика, который, по словам А. А. Бодалева, «...служит дополнительным признаком возраста» (Бодалев, 1982, с. 28).

На сегодняшний день изучено соотношение различных компонентов ВО при восприятии возраста незнакомого человека (Шкурко, Николаева, 2015), выявлен дифференцированный «вклад» в восприятие возраста различных компонентов и элементов ВО (Gunn et al., 2009; Воронцова, 2020а; Воронцова, 2020б; Flament, Abric, Prunel, Cassier & Delaunay, 2021). Обнаружены (Воронцова, 2022) гендерно-специфические закономерности конструирования ВВ при восприятии мужчин и женщин-ровесников, обусловленные гендерными стереотипами и связанными с ними практиками ухода за своим ВО: зрелые женщины выглядят моложе ровесников-мужчин, уравнивая свои возможности и ресурсы с помощью более молоджавого ВО; молодые женщины выглядят старше своих ровесников-мужчин, демонстрируя зрелость, ассоциированную с более старшим ВВ. Также показано, что на конструирование возраста мужчин и женщин-ровесников влияет возраст и пол субъекта восприятия. Описана (Воронцова, Артамонова, 2022) динамика представленности компонентов ВО в структуре восприятия возраста мужчин и женщин на возрастных этапах «молодость» / «зрелость».

В данном исследовании мы обратились к особенностям отношения к своему ВО мужчин и женщин, которые, на наш взгляд, являются своеобразным «переходником» между гендерными ожиданиями и стереотипами и реализуемыми мужчинами, и женщинами практиками ухода за физическим ВО, оформления ВО и организации выразительного (экспрессивного) поведения, что, в совокупности, приводит к тому, что женщина выглядит моложе мужчин.

В обобщающей работе В. А. Лабунской (2021) подчеркивается, что гендерный подход является одним из важнейших подходов к изучению отношения к ВО. Анализируя современные исследования, В. А. Лабунская отмечает, что в них зафиксированы следующие гендерные различия: мужчины имеют более низкие показатели неудовлетворенности своим телом, чем женщины; женщины неудовлетворены размером, весом и формой тела; женщины стремятся к худобе, мужчины – к мускулистости.

Гендерный аспект в изучении различных параметров отношения к своему ВО описан в ряде исследований. Так, исследовано влияние сексуальной ориентации на неудовлетворенность телом у взрослых мужчин и женщин (Beren, Hayden, Wilfley &

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Grilo, 1996); зафиксирована неудовлетворенность телом у мужчин и женщин в связи со сравнением с изображениями тела в СМИ (Van den Berg et al., 2007); исследованы образ тела и самооценка в зависимости от возраста и пола (Mellor, Fuller-Tyszkiewicz, McCabe & Ricciardelli, 2010); влияние расы и пола на оценку внешности, ориентацию на внешность и меру неудовлетворенности размерами тела (Smith, Thompson, Raczynski & Hilner, 1999); зафиксировано влияние на образ тела возраста, пола, этнической принадлежности, индекса массы тела (Öberg & Tornstam, 1999; Demarest & Allen, 2000; Ålgars et al., 2009).

Значительное количество работ посвящены анализу различных аспектов ВО, его оценки и отношения к нему в подростковом возрасте: выявлены предикторы неудовлетворенности телом у девочек и мальчиков-подростков (Paxton, Eisenberg & Neumark-Sztainer, 2006); взаимосвязи между индексом массы тела, неудовлетворенностью телом, весом и фигурой (Calzo et al., 2012); определено влияние массы тела, культуры внешности сверстников и особенности интернализации идеалов внешности (Lawler & Nixon, 2011).

Изучение неудовлетворенности своим телом, важности ВО и оценки своего тела у мужчин и женщин в возрасте 16–88 лет было проведено Н. L. Quittkat, А. S. Hartmann, R. Düsing, U. Buhlmann и S. Vocks (2019) на большой немецкоязычной выборке (N = 1327). Авторы обнаружили, что неудовлетворенность телом и важность внешности выше у женщин, чем у мужчин; неудовлетворенность телом не зависит от возраста у женщин, и только у мужчин возраст предсказывает более низкий уровень важности ВО; женщины готовы тратить большее количество часов своей жизни на достижение идеальной внешности; оценка своего тела выше у женщин всех возрастов, чем у мужчин.

Нами не обнаружено работ, где на больших российских выборках был бы реализован комплексный подход к изучению отношения к своему ВО женщин и мужчин, находящихся на различных возрастных этапах (в том числе в пожилом возрасте), а также в связи с их ВВ, что позволило сформулировать цели и задачи эмпирического исследования и обосновать его актуальность. Исследование выполнено в рамках решения следующей проблемы – выявления влияния гендерно-возрастных и социально-психологических факторов на конструирование воспринимаемого возраста в процессе социального познания.

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей отношения к своему ВО и ВВ мужчин и женщин в возрасте 35–75 лет. **Гипотезой** исследования выступило предположение, что параметры отношения к своему ВО и ВВ мужчин и женщин, находящихся на различных возрастных этапах, будет существенно различаться. Также мы предположили, что параметры отношения к своему ВО будут по-разному обуславливать ВВ мужчин и женщин, находящихся на различных возрастных этапах.

Исследование выполнено в опоре на методологию отечественной психологии социального познания (Андреева, 2000; Бодалев, 1982, 2015); социально-

психологический подход к ВО В. А. Лабунской (Лабунская, 2017, 2019, 2021) и разработанную в рамках данного подхода «многофакторную модель отношения к ВО», в которой «его оценки и самооценки предстают в качестве когнитивно-эмоционального компонента отношения; удовлетворенность и обеспокоенность являются эмоционально-мотивационным компонентом, стремление к преобразованию ВО, сопряженное с перфекционистскими реакциями на ВО, отнесено к поведенческому компоненту отношения к нему» (Лабунская и др., 2019, с. 85); на гендерную методологию и идеи гендерного подхода (Григорьева, 2018; Клецина, Иоффе, 2019; Клецина, 2020; Семенова, Семенова, 2014).

Методы

Выборка исследования

В исследовании в качестве объектов восприятия (основная выборка) приняли участие 523 человека (207 мужчин и 316 женщин) в возрасте от 35 до 75 лет; в качестве субъектов восприятия («оценщиков») в различных раундах предъявления фотографий для оценки возраста объектов восприятия выступили 140 человек. Основная выборка исследования была разделена на две подгруппы по возрасту в соответствии с возрастной периодизацией Д. Б. Эльконина (Эльконин, 1971): 1) в подгруппу «Зрелость» вошли участники от 35 до 59 лет (142 мужчины и 226 женщин, $M(\text{возр.}) = 49$ лет); в подгруппу «Пожилой возраст» – респонденты от 60 до 75 лет (65 мужчин и 90 женщин, $M(\text{возр.}) = 65$ лет). Исследование проведено в период 2020–2022 г., от всех участников исследования получено согласие на использование их фотоизображений в психологических исследованиях с последующей публикацией.

Методики исследования

1. Процедура «Фотовидеопрезентация ВО» Т. А. Воронцовой (Шкурко, 2018) – использовалась для определения ВВ участников исследования, которые были сфотографированы (портрет / полный рост) и представлены для оценки возраста «оценщикам» (обычным людям, не-экспертам, не менее 20 человек в одной серии предъявления фотографий для оценки возраста). ВВ человека представляет собой среднее арифметическое всех оценок возраста, которые приписаны объекту восприятия «оценщиками». На основании данной процедуры для каждого участника исследования подсчитана разница между его хронологическим возрастом и ВВ (ХВ-ВВ, или так называемые «спасенные годы» (Zimm et al., 2013)). Этот показатель представляет собой возрастной отрезок, на который человек выглядит старше (если принимает отрицательные значения) или моложе (если принимает положительные значения) своего хронологического возраста.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

---

2. Комплекс методик, разработанных В. А. Лабунской для диагностики отношения к своему ВО (Лабунская, Сериков, 2018; Лабунская и др., 2019):

2.1. Анкета «Отношение к своему ВО: удовлетворенность и обеспокоенность» В. А. Лабунской и Е. В. Капитановой – использована для определения степени удовлетворенности своим ВО (УдВО); степени обеспокоенности своим ВО (ОбВО); выраженности стремления к совершенствованию своего ВО (СС).

2.2. «Шкалы диагностики представлений об оценках ВО родителями и друзьями, приятелями и преподавателями» В. А. Лабунской – использована для диагностики представлений об оценке ВО друзьями-мужчинами (ОЦВОдрмуж); подругами-женщинами (ОЦВОдржен), родителями (ОЦВОмать, ОЦВОотец), руководителем (ОЦВОрук). На основании данных методики была посчитана средняя оценка ВО значимыми другими (срощВО).

2.3. Методика «Ценности и значимости ВО в различных сферах жизнедеятельности» В. А. Лабунской – использована для определения ценности, значимости ВО в сферах: общение / дружба (Общ/друж); академическая успеваемость (Акадусп); карьера (Карьера); семья / романтические отношения (Семья); образ жизни (ОЖ); счастье (Счастье). На основании данных методики была посчитана средняя значимость ВО (срзначВО).

2.4. Методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего ВО и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В. А. Лабунской – использована для диагностики оценок компонентов своего ВО и интегральных оценок ВО: оценки лица (ОЛ); телосложения (ОТ); оформления ВО (ООВО); выразительного поведения (ОВП); степени принятия своего отраженного ВО (СПОВО); соответствия ВО возрасту (ОСВ); соответствия ВО гендеру (ОСГ); соответствия ВО гендерным ролям (ОСГР); соответствия ВО профессиональной роли (ОСПР); возрастной привлекательности ВО (ОВПВО); привлекательности ВО для партнера противоположного пола (ПВО); сексуальности ВО (ОС); удовлетворенность ВО (УВО) и интегральной оценки своего ВО (ИОВО).

2.5. Шкала appearance-перфекционизма К. Сривастава (K. Srivastava) – использована для диагностики уровня выраженности перфекционизма (АП), связанного со своим ВО.

Достоверность результатов исследования обеспечивалась использованием методов математической статистики: описательных статистик, корреляционного анализа Спирмена, Т-критерия Стьюдента, критерия равенства дисперсий Ливиня, U-критерия Манна-Уитни.

Результаты

Сравнительный анализ показателя ХВ-ВВ («спасенные годы») и параметров отношения к своему ВО у мужчин и женщин на возрастных этапах зрелости и пожилого возраста

На первом этапе обработки данных нами был проведен сравнительный анализ показателя ХВ-ВВ и параметров отношения к своему внешнему облику в мужской и женской подвыборках с использованием Т-критерия Стьюдента. Правомерность применения Т-критерия Стьюдента проверялась с помощью критерия равенства дисперсий Ливиня; в противном случае применялся критерий Манна-Уитни. Обнаружено, что в подвыборке мужчин среднее арифметическое показателя ХВ-ВВ = 0,82 года, а в женской подвыборке – 2,66 лет; различия значимы ($t = -4,458$, $p = 0,000$). То есть, женщины выглядят в глазах других людей значительно моложе, чем мужчины, и выявленная закономерность характерна не только для мужчин и женщин-ровесников, как было обнаружено ранее (Воронцова, 2022), но и для мужчин и женщин разных возрастов, начиная с 35 до 75 лет. Сравнение показателя ХВ-ВВ мужчин и женщин отдельно по возрастным группам 35–59 и 60–75 лет показало, что между мужчинами и женщинами в возрасте 35–59 есть значимые различия ($t = -5,278$, $p = 0,000$, M муж. = -0,41, M жен. = 2,08), а между мужчинами и женщинами в возрасте 60–75 лет – нет ($t = -0,857$, $p = 0,000$, M муж. = 3,49, M жен. = 4,12). В таблице 1 приведены описательные статистики показателя ХВ-ВВ у мужчин и женщин в изучаемых возрастных группах, в таблице 2 – результаты сравнительного анализа параметров отношения к своему ВО мужчин и женщин, находящихся на возрастных этапах «Зрелость» и «Пожилой возраст» по Т-критерию Стьюдента.

Таблица 1

Описательные статистики показателя ХВ-ВВ у мужчин и женщин на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст»

Размер выборки	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Мужчины (35–75 лет)				
207	-18	19	0,82	4,828
<i>Мужчины (35–59 лет, возрастной этап «зрелость»)</i>				
142	-18	9	-0,41	4,317
<i>Мужчины (60–75 лет, возрастной этап «пожилой возраст»)</i>				
65	-6	19	3,49	4,832

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Размер выборки	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Женщины (35–75 лет)				
316	-10	14	2,66	4,494
Женщины (35–59 лет, возрастной этап «зрелость»)				
226	-10	14	2,08	4,454
Женщины (60–75 лет, возрастной этап «пожилой возраст»)				
90	-7	14	4,12	4,276

Анализ данных, приведенных в таблице 1, позволяет сделать вывод, что наибольшая разница между хронологическим и ВВ как в подгруппе мужчин, так и в подгруппе женщин, наблюдается в пожилом возрасте: в среднем 3,5 года у мужчин и 4 года у женщин. Данный вывод подтвержден также наличием корреляционной связи возраста и показателя ХВ-ВВ: в подгруппе мужчин (N = 207) $r = 0,341$ при $p = 0,000$, в подгруппе женщин (N = 316) $r = 0,236$ при $p = 0,000$.

Таблица 2

Сравнительный анализ параметров отношения к своему ВО мужчин и женщин, находящихся на возрастных этапах «Зрелость» и «Пожилой возраст» по T-критерию Стьюдента

Показатель	М муж.	М жен.	t	p	М муж.	М жен.	t	p
	Зрелость				Пожилой возраст			
ОБВО	4,24	4,78	-2,910	0,004	Различия не значимы			
СС	6,06	6,95	-3,854	0,000	* Использован критерий Манна-Уитни: Ср. ранг 1 гр. = 61,34, ср. ранг 2 гр. = 83,72, $Z = -3,134$ при $p = 0,002$			
ОЦВОдрмуж	7,00	7,42	-2,068	0,039	6,67	7,31	-2,078	0,039
ОЦВОмать	* Использован критерий Манна-Уитни: Ср. ранг 1 гр. = 174,65, ср. ранг 2 гр. = 148,81, $Z = -2,539$ при $p = 0,011$				Различия не значимы			
АП	4,41	4,80	-2,863	0,004	Различия не значимы			
ОЛ	55,93	61,15	-3,748	0,006	Различия не значимы			

Показатель	М муж.	М жен.	t	p	М муж.	М жен.	t	p
	Зрелость				Пожилой возраст			
ООВО	52,35	58,20	-4,245	0,000	Различия не значимы			
ОВП	49,65	52,26	-2,391	0,017	Различия не значимы			
СПОВО	32,20	40,64	-6,781	0,000	Различия не значимы			
ОСГР	23,35	21,69	2,613	0,009	Различия не значимы			
ОВПВО	14,16	12,62	2,795	0,005	Различия не значимы			
ПВО	28,54	30,01	-2,067	0,039	Различия не значимы			
ОС	26,38	28,31	-2,677	0,008	Различия не значимы			
ИОВО	416,25	440,38	-2,915	0,004	Различия не значимы			

Примечание: М – среднее арифметическое; муж. – мужчины; жен. – женщины; t – показатель Т-критерия Стьюдента; p – уровень значимости; * – критерий равенства дисперсий Ливиня показал неправомочность применения Т-критерия Стьюдента, применялся критерий Манна-Уитни; ср. ранг 1 гр. – средний ранг 1 группы; ср. ранг 2 гр. – средний ранг 2 группы; Z – статистика критерия Манна-Уитни.

Сравнительный анализ параметров отношения к своему ВО мужчин и женщин на возрастном этапе «зрелость» обнаружил значимые различия во всех изучаемых компонентах отношения к ВО:

1. В оценках отдельных компонентов и в интегральных оценках ВО – у женщин значительно более высокие оценки своего лица, оформления ВО, выразительного поведения, выше степень принятия своего отраженного ВО, оценка привлекательности ВО для партнера противоположного пола, оценка сексуальности и интегральная оценка ВО, при этом значительно ниже оценка возрастной привлекательности ВО и оценка соответствия ВО гендерным ролям;

2. Обнаружены значимые различия в представлениях об оценках своего ВО – женщины считают, что их ВО более высоко оценивается друзьями-мужчинами, а мужчины – матерью;

3. Женщины значительно более обеспокоены своим ВО;

4. Женщины имеют более высокие показатели стремления к совершенствованию своего ВО и appearance-перфекционизма.

При этом на этапе «пожилой возраст» обнаружено лишь два значимых различия: параметра «представления об оценке своего ВО друзьями мужчинами» (женщины в большей степени, чем мужчины, фиксируют положительные оценки своего ВО друзьями-мужчинами), а также «стремления к совершенствованию своего ВО» (у женщин оно значительно выше, чем у мужчин).

Взаимосвязи показателя ХВ-ВВ («спасенные годы») с параметрами отношения к своему ВО у мужчин и женщин на возрастных этапах «зрелость» и пожилой возраст

На следующем этапе анализа данных мы провели корреляционный анализ Спирмена показателя ХВ-ВВ и параметров отношения к своему ВО отдельно на подвыборках мужчин и женщин в возрасте 35–59 лет (зрелость) и 60–75 лет (пожилой возраст), результаты которого приведены в таблице 3.

Таблица 3

Значимые взаимосвязи показателя ХВ-ВВ («спасенные годы») с параметрами отношения к своему ВО у мужчин и женщин на возрастных этапах «зрелость» и «пожилой возраст» по Спирмену (коэффициент корреляции / уровень значимости; * – значимые взаимосвязи на уровне значимости $\leq 0,05$; ** - значимые взаимосвязи на уровне значимости $\leq 0,01$)

Женщины		Мужчины	
Зрелость	Пожилой возраст	Зрелость	Пожилой возраст
Общ/друж (0,140*/0,049)			
Карьера (0,172*/0,015)			
Семья (0,195**/0,006)			УдВО (0,352**/0,005)
СрзначВО (0,159*/0,025)	ОЦВОдрмуж (0,281**/0,008)	УдВО (0,173*/0,047)	ОЦВОдрмуж (0,295*/0,022)
ОЛ (0,161*/0,016)	ОЦВОрук (0,218*/0,048)	ОЦВОотец (-0,189*/0,047)	СроцВО (0,267*/0,039)
ОВП (0,159*/0,016)	ОСВ (-0,221*/0,036)		Общ/друж (0,343**/0,007)
ОСВ (-0,138*/0,038)			ИОВО (0,267*/0,032)
ПВО (0,184**/0,006)			
ОС (0,220**/0,001)			
УВО (0,191**/0,004)			
ИОВО (0,182**/0,006)			

Нами обнаружено, что показатель ХВ-ВВ мужчин и женщин имеет ряд взаимосвязей с параметрами отношения к своему ВО, которые опосредованы этапом жизненного пути:

1. ХВ-ВВ женщин в возрасте зрелости (35–59 лет) взаимосвязаны прямо пропорциональной взаимосвязью с ценностью, значимостью ВО для общения и дружбы, карьеры, семейных отношений, в том числе и со средним показателем значимости ВО; с показателями оценки ВО (оценкой лица, телосложения, выразительного поведения, оценкой привлекательности ВО для партнера противоположного пола, сексуальности, интегральной оценкой ВО); с удовлетворенностью ВО, и обратно пропорционально с показателем оценки соответствия ВО возрасту. То есть, женщины в возрасте 35–59 лет, которые оценивают свой ВО как не соответствующий возрасту, имеют высокую ценность, значимость ВО, особенно в сферах общения и дружбы, карьеры и семейных отношений; имеют позитивные оценки своего ВО, особенно лица, телосложения, выразительного поведения, привлекательности и сексуальности, а также они удовлетворены своим ВО, выглядят значительно моложе своих лет в глазах других людей.

2. ХВ-ВВ женщин пожилого возраста в меньшей степени обусловлены параметрами отношения к своему ВО: зафиксированы обратно пропорциональная взаимосвязь с оценкой соответствия ВО возрасту и прямо пропорциональная с показателями оценок ВО другими людьми (друзьями-мужчинами и руководителем). Женщины пожилого возраста, выглядящие значительно моложе своих лет, осознают несоответствие своего ВО возрасту и фиксируют высокие оценки своего ВО мужчинами и руководителем (если работают в настоящий момент, то реальные оценки, если нет – то ретроспективно).

3. ХВ-ВВ мужчин в возрасте 35–59 имеют прямо пропорциональные взаимосвязи с показателем удовлетворенности своим ВО и обратно пропорциональную взаимосвязь с оценкой ВО отцом; в возрасте 60–75 – так же с показателем удовлетворенности своим ВО, с оценкой ВО значимыми другими (особенно друзьями-мужчинами), с показателем значимости ВО для общения и дружбы, а также с интегральной оценкой ВО. Проведенный анализ обнаруживает особую роль в конструировании ВВ мужчин их удовлетворенности своим ВО: мужчины, удовлетворенные своим ВО, идентифицируются другими людьми как выглядящие значительно моложе своих лет. В отличие от женщин, «спасенные годы» пожилых мужчин в большей степени взаимосвязаны с параметрами отношения к своему ВО: моложе своих лет выглядят мужчины, имеющие высокую интегральную самооценку ВО, а также оценку ВО значимыми другими (особенно друзьями-мужчинами).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что женщины в возрасте зрелости выглядят значительно моложе мужчин аналогичного возраста; в пожилом возрасте

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

расхождение между хронологическим и ВВ у мужчин и женщин незначимо (и те, и другие в среднем выглядят моложе своих лет на 3,5–4 года). Это вывод подтверждает закономерность, обнаруженную на мужчинах и женщинах-ровесниках зрелого возраста (Демидов, Дивеев, Кутенев, 2012; Воронцова, 2022). Ограничением предыдущего исследования выступал узкий круг «моделей» для оценки возраста (мужчин и женщин-ровесников), в данном исследовании вывод сделан на выборке более чем 500 испытуемых.

Также мы обнаружили значительные гендерные различия в отношении к своему ВО мужчин и женщин зрелого возраста, которые, на наш взгляд, могут объяснить обнаруженную нами разницу в ВВ мужчин и женщин: женщины имеют более позитивные оценки отдельных компонентов ВО (лица, оформления ВО, выразительного поведения) и интегральные оценки ВО (высокую степень принятия так называемого «отраженного ВО» (термин В. А. Лабунской, означает принятие своего отражения в зеркале, фотографий, видео и т. п.), высоко оценивают привлекательность и сексуальность ВО, в целом, имеют высокую интегральную оценку своего ВО); женщины имеют более высокую обеспокоенность своим ВО, высокие показатели стремления к совершенствованию своего ВО и арреаранс-перфекционизма. Ранее мы объясняли разницу в восприятии возраста ровесников – мужчин и женщин гендерными ожиданиями и стереотипами субъектов восприятия (то есть видели причины гендерной асимметрии в восприятии возраста в «глазах смотрящего»), теперь же мы выявили еще один важнейший фактор конструирования ВВ – это отношение к своему ВО объекта восприятия. Так, высокая обеспокоенность своим ВО, стремление к его совершенствованию, более высокий уровень перфекционизма, связанного со своим ВО у женщин (в сравнении с мужчинами), положительная фиксация на своем ВО (позитивные оценки компонентов ВО и интегральные оценки) задают стратегии и практики организации ВО у женщин и, в результате, приводят к тому, что женщины выглядят значительно моложе мужчин. При этом, зафиксированные различия, на наш взгляд, обнаруживают действие тех же гендерно-возрастных стереотипов и ожиданий, но уже на уровне объекта восприятия. Так, И. С. Клецина, Е. В. Иоффе (2019) пишут, что забота о своей внешности является нормативно-предписанной для женского ролевого поведения. И. С. Клецина (2020) подчеркивает, что статус стареющей женщины в традиционном обществе значительно ниже, чем стареющего мужчины. Ученые (Berman, O’Nan, Floyd, 1981; Клецина, 2020) фиксируют существование «двойного стандарта старения» (к женщинам предъявляются более высокие стандарты относительно старения, чем к мужчинам), который, по-видимому, и толкает женщин на постоянные трансформации и практики ухода за своим ВО, целью которых является более молодой ВО. Современный французский философ П. Брюкнер (2021) обращает внимание на гендерный стереотип «женщина стареет, мужчина мужает» или «женщина дурнеет с возрастом, а мужчина становится прекраснее», действие которого можно проследить в том числе и на наших данных.

Так, при всех описанных выше позитивных оценках ВО женщины, в сравнении с мужчинами, имеют более низкую оценку возрастной привлекательности своего ВО ($t = 2,795$, $p = 0,005$): их в большей степени, чем мужчин, беспокоит появление внешних признаков старения, они считают, что с возрастом становятся внешне менее привлекательными. Мужчины, напротив, считают, что с возрастом не теряют своей внешней привлекательности. Также обнаружено, что мужчины имеют более позитивные представления об оценке своего ВО матерью, чем женщины. Результаты нашего исследования частично совпадают с данными Н. L. Quittkat и коллег (2019), полученными на немецкой выборке: и в нашем исследовании, и в исследовании немецких коллег показано, что женщины имеют более позитивные оценки своего ВО и ярко выраженный поведенческий компонент отношения к ВО, при этом нами не зафиксированы различия в удовлетворенности ВО и ценности, значимости его в различных сферах, немецкие же коллеги фиксируют более высокую неудовлетворенность телом и важность внешности у женщин. Вероятно, различия в результатах обусловлены тем, что западные коллеги фиксируют, в первую очередь, показатели отношения к физическому компоненту ВО, мы же опираемся на понимание ВО как феномена, отражающего «различные этапы жизненного пути на основе динамичных, вариабельных взаимосвязей трех компонентов: 1) физического, 2) социального облика, 3) экспрессивного поведения» (Лабунская, Дроздова, 2017, с. 202).

Также нами зафиксированы взаимосвязи показателя «спасенные годы» мужчин и женщин с параметрами отношения к своему ВО, показано, что эти взаимосвязи опосредованы этапом жизненного пути. Данные вывод подтверждает важнейшие положения социальной психологии ВО (Бодалев, 1982, 2015; Лабунская и др., 2019) о связи восприятия и оценок ВО (своего и другого человека) с этапом жизненного пути как субъекта, так и объекта восприятия. Нам кажется особенно важным и интересным следующее.

1. Наибольшее количество связей изучаемых показателей обнаружено в подвыборке женщин зрелого возраста, причем часть этих взаимосвязей зафиксирована с теми параметрами отношения к своему ВО, по которым женщины и мужчины имеют значимые различия – это связи с оценкой лица, выразительного поведения, привлекательности ВО, сексуальности и интегральной оценки ВО. Женщины с высокой степенью выраженности этих показателей выглядят значительно моложе своего возраста, что в том числе объясняет тот факт, что женщины в зрелом возрасте выглядят моложе мужчин. Полученные данные в очередной раз подтверждают роль лица как «важнейшего инструмента общения» (Бодалев, 1982, с. 17), как ключевого объекта познания, средства общения и организации деятельности в различных контекстах (Ананьева, Барабанщиков, Демидов, 2019, 2021);

2. Даже если анализировать только сильные взаимосвязи (на уровне значимости $\leq 0,01$), то степень расхождения ВВ и реального возраста женщины

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

зрелого возраста повышается при высоких показателях ценности, значимости ВО в сфере семейных отношений, позитивных оценках своего телосложения, привлекательности ВО для партнера противоположного пола, сексуальности, удовлетворенности ВО и высокой интегральной оценки своего ВО; женщины пожилого возраста – при высоких оценках ВО друзьями-мужчинами; мужчины пожилого возраста – при высокой удовлетворенности своим ВО и высокой ценности, значимости ВО для общения и дружбы. Полученные результаты еще раз эмпирически подтверждают «многофакторную модель отношения к ВО», разработанную В. А. Лабунской и коллегами (2019), краеугольным элементом которой выступает ценность, значимость ВО;

3. Обнаружена особая роль удовлетворенности ВО для показателя «спасенные годы» мужчин в возрасте зрелости и пожилом возрасте ($RXB-BB \& \text{УдВО} = 0,173$, $p = 0,047$ на выборке мужчин зрелого возраста, $RXB-BB \& \text{УдВО} = 0,352$, $p = 0,005$ на выборке мужчин пожилого возраста).

Ограничением данного исследования может являться так называемая «систематическая ошибка выживших», которая часто сопровождает исследования на пожилых выборках (Блэкберн, Эпель, 2016), так как граница испытуемых пожилого возраста в нашем исследовании выходит за рамки средней продолжительности жизни российских мужчин, которая, по допандемийным прогнозам ООН 2019 года (Thomas et al., 2019) составляла 66,81 лет.

Перспективами исследования является выявление дополнительных факторов ВВ на выборках мужчин и женщин пожилого возраста, так как результаты проведенного исследования позволяют предположить влияние иных психологических факторов на ВВ людей на этом возрастном этапе жизни, а также изучение гендерных аспектов функционирования механизмов конструирования возраста незнакомого другого на основе восприятия его ВО.

Выводы

- Воспринимаемый возраст мужчин и женщин в зрелом возрасте значимо различается: женщины выглядят значительно моложе мужчин (показатель «спасенные годы» у женщин больше аналогичного показателя у мужчин на 2,5 года.); в пожилом возрасте различия «спасенных лет» у мужчин и женщин незначимы, они в среднем выглядят моложе своего хронологического возраста на 3,5–4 года;
- Обнаружены значительные гендерные различия в отношении к своему внешнему облику мужчин и женщин зрелого возраста, которые объясняют разницу в воспринимаемом возрасте мужчин и женщин: женщины имеют более позитивные оценки как отдельных компонентов внешнего облика, так и его интегральные оценки, более обеспокоены своим внешним обликом, в большей степени стремятся к совершенствованию своего внешнего облика,

имеют более высокий уровень appearance-перфекционизма и более низкую оценку возрастной привлекательности своего внешнего облика.

- Описаны взаимосвязи показателя «спасенные годы» мужчин и женщин с параметрами отношения к своему внешнему облику, опосредованные этапом жизненного пути; показано, что воспринимаемый возраст женщин в зрелом возрасте в большей степени обусловлен их отношением к своему внешнему облику, чем женщин в пожилом возрасте; выявлена роль удовлетворенности мужчин своим внешним обликом в конструировании их возраста в процессе социального познания.

Благодарности

Статья подготовлена в память о выдающемся российском психологе, докторе психологических наук, академике Алексее Александровиче Бодалева, столетие со дня рождения которого мы отмечаем в 2023 году.

Литература

- Ананьева, К. И., Барабанщиков, В. А., Демидов, А. А. (ред.) (2019). *Лицо человека: познание, общение, деятельность*. Московский институт психоанализа. Когито-Центр.
- Ананьева, К. И., Барабанщиков, В. А., Демидов, А. А. (ред.) (2021). *Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры*. Московский институт психоанализа. Когито-Центр.
- Андреева, Г. М. (2000). *Психология социального познания*. Аспект-Пресс.
- Блэкберн, Э., Эпель, Э. (2016). *Эффект теломер: революционный подход к более молодой, здоровой и долгой жизни*. Бомбора.
- Бодалев, А. А. (1982). *Восприятие и понимание человека человеком*. Издательство МГУ.
- Бодалев, А. А. (ред.) (2015). *Психология общения. Энциклопедический словарь*. Когито-Центр.
- Брюкнер, П. (2021). *Недолговечная вечность: философия долголетия*. Издательство Ивана Лимбаха.
- Воронцова, Т. А. (2022). Мужчины VS женщин: гендерная асимметрия при восприятии возраста ровесников – мужчин и женщин. *Социальная психология и общество*, 13(4), 47–67. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130404>
- Воронцова, Т. А., Артамонова, А. Г. (2022). Гендерные особенности конструирования воспринимаемого возраста незнакомого человека. *Южно-Российский журнал социальных наук*, 23(3), 80–99.
- Воронцова, Т. А. (2020а). Влияние устойчивого компонента внешнего облика на воспринимаемый возраст человека. *Экспериментальная психология*, 13(2), 108–120. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130208>
- Воронцова, Т. А. (2020б). Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин. *Социальная психология и общество*, 11(2), 141–161. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110209>
- Григорьева, И. А. (2018). Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера. *Женщина в российском обществе*, 1(86), 5–18.
- Демидов, А. А., Дивеев, Д. А., Кутенев, А. В. (2012). Оценка возраста и индивидуально-психологических характеристик человека по выражению лица. *Экспериментальная психология*, 5(1), 69–81.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Клецина, И. С. (2020). Гендерная социализация в пожилом возрасте. *Социальная психология и общество*, 11(3), 22–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110302>
- Клецина, И. С., Иоффе, Е. В. (2019). Нормы женского поведения: традиционная и современная модели. *Женщина в российском обществе*, 3, 72–90.
- Лабунская, В. А. (2019). Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость как факторы субъективного благополучия молодых людей. *Социальная психология и общество*, 10(3), 51–66. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100304>
- Лабунская, В. А., Дроздова, И. И. (2017). Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика. *Российский психологический журнал*, 14(2), 202–226. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.12>
- Лабунская В. А., Сериков Г. В. (2018). Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика». *Социальная психология и общество*, 9(3), 91–103. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090310>
- Лабунская, В. А. (2021). Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии. *Социальная психология и общество*, 12(3), 128–150. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120309>
- Лабунская, В. А., Сериков, Г. В., Шкурко, Т. А. (ред.) (2019). *Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография*. Мини Тайп.
- Семенова, Л. Э., Семенова, В. Э. (2014) Гендерная методология научных исследований: новые возможности в познании объективной и субъективной реальности. *Гуманитарные и социальные науки*, 2, 239–243.
- Шкурко, Т. А. (2018). Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека. *Социальная психология и общество*, 9(3), 104–117. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090311>
- Шкурко, Т. А., Лабунская, В. А. (2018). Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 18(4), 450–456. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-450-456>
- Шкурко, Т. А., Николаева, Е. Г. (2015). Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста. *Социальная психология и общество*, 6(4), 78–90. <https://doi.org/10.17759/sps.2015060406>
- Эльконин, Д. Б. (1971). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. *Вопросы психологии*, 4, 6–20.
- Ålgars, M., Santtila, P., Varjonen, M., Witting, K., Johansson, A., Jern, P. et al. (2009). The adult body: how age, gender, and body mass index are related to body image. *Journal of Aging and Health*, 21(8), 1112–1132. <https://doi.org/10.1177/0898264309348023>
- Beren, S. E., Hayden, H. A., Wilfley, D. E., Grilo, C. M. (1996). The influence of sexual orientation on body dissatisfaction in adult men and women. *International Journal of Eating Disorders*, 20(2), 135–141. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1098-108X\(199609\)20:2<135::AID-EAT3>3.0.CO;2-H](https://doi.org/10.1002/(SICI)1098-108X(199609)20:2<135::AID-EAT3>3.0.CO;2-H)
- Berman, P. W., O’Nan, B. A., Floyd, W. (1981). The double standard of aging and the social situation: Judgments of attractiveness of the middle-aged woman. *Sex Roles*, 7, 87–96.
- Calzo, J. P., Sonnevile, K. R., Haines, J., Blood, E. A., Field, A. E., Austin, S. B. (2012). The development of associations among body mass index, body dissatisfaction, and weight and shape concern in adolescent boys and girls. *Journal of Adolescent Health*, 51(5), 517–523. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2012.02.021>
- Demarest, J., Allen, R. (2000). Body image: Gender, ethnic, and age differences. *The Journal of*

- Social Psychology*, 140(4), 465–472. <https://doi.org/10.1080/00224540009600485>
- Flament, F., Abric, A., Prunel, A., Cassier, M., Delaunay, C. (2021). The respective weights of facial signs on the perception of age and a tired-look among differently aged Korean men. *Skin Research and Technology*, 27(5), 909–917. <https://doi.org/10.1111/srt.13041>
- Gunn, D. A., Rexbye, H., Griffiths, C. E. M., Murray, P. G., Fereday, A., Catt, S. D., et al. (2009). Why Some Women Look Young for Their Age. *PLoS ONE*, 4(12), e8021. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0008021>
- Lawler, M., Nixon, E. (2011). Body dissatisfaction among adolescent boys and girls: the effects of body mass, peer appearance culture and internalization of appearance ideals. *Journal of Youth and Adolescence*, 40(1), 59–71. <https://doi.org/10.1007/s10964-009-9500-2>
- Mellor, D., Fuller-Tyszkiewicz, M., McCabe, M. P., Ricciardelli, L. A. (2010). Body image and self-esteem across age and gender: a short-term longitudinal study. *Sex Roles*, 63(9–10), 672–681. <https://doi.org/10.1007/s11199-010-9813-3>
- Öberg, P., Tornstam, L. (1999). Body images among men and women of different ages. *Ageing & Society*, 19(5), 629–644. <https://doi.org/10.1017/S0144686X99007394>
- Paxton, S. J., Eisenberg, M. E., Neumark-Sztainer, D. (2006). Prospective predictors of body dissatisfaction in adolescent girls and boys: a five-year longitudinal study. *Developmental Psychology*, 42(5), 888. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.42.5.888>
- Quittkat, H. L., Hartmann, A. S., Düsing, R., Buhlmann, U. & Vocks, S. (2019). Body Dissatisfaction, Importance of Appearance, and Body Appreciation in Men and Women Over the Lifespan. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 864. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00864>
- Smith, D. E., Thompson, J. K., Raczynski, J. M., Hilner, J. E. (1999). Body image among men and women in a biracial cohort: the CARDIA Study. *International Journal of Eating Disorders*, 25(1), 71–82. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1098-108x\(199901\)25:1<71::aid-eat9>3.0.co;2-3](https://doi.org/10.1002/(sici)1098-108x(199901)25:1<71::aid-eat9>3.0.co;2-3)
- Thomas, S., Gerland, P., Wheldon, M. C., Bay, G. et al. (2019). *World Population Prospects 2019: Highlights*. [Electronic resource] https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf (Accessed on 01.05.2023)
- Van den Berg, P., Paxton, S.J., Keery, H., Wall, M., Guo, J., Neumark-Sztainer, D. (2007). Body dissatisfaction and body comparison with media images in males and females. *Body Image*, 4(3), 257–68. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2007.04.003>
- Zimm, A. J., Modabber, M., Fernandes, V., Karimi, K., & Adamson, P. A. (2013). Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery. *JAMA Facial Plastic Surgery*, 15(6), 405–410. <https://doi.org/10.1001/jamafacial.2013.268>

Поступила в редакцию: 09.05.2023

Поступила после рецензирования: 28.05.2023

Принята к публикации: 26.06.2023

Заявленный вклад авторов

Татьяна Алексеевна Воронцова – разработка дизайна исследования, проведение исследования, обработка данных, математический анализ результатов, создание разделов рукописи «введение», «методы», «результаты», «обсуждение результатов».

Алёна Геннадиевна Артамонова – проведение исследования, обработка полученных данных, математический анализ результатов, создание разделов рукописи «результаты», «библиографический список».

Информация об авторах

Воронцова Татьяна Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; РИНЦ Author ID: 482716; SPIN-код РИНЦ: 5881-1344; Scopus ID: 15054882200; WoS Researcher ID: R-8572-2016; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>; e-mail: shkurko@sfedu.ru

Артамонова Алёна Геннадиевна – старший преподаватель кафедры психологии управления и юридической психологии Академии психологии и педагогики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; РИНЦ AuthorID: 1163589; SPIN-код РИНЦ: 7144-8235; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2152-8325>; e-mail: alartamonova@sfedu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Социально-демографические факторы в структуре взаимосвязей между самооценками внешнего облика и оценками субъективного благополучия

Вера А. Лабунская^{1*}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: vlab@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Решение проблемы взаимосвязей между самооценками внешнего облика (ВО) и оценками субъективного благополучия (СБ) может дать ответ на вопрос о направлении детерминации этих феноменов друг на друга. Результаты исследований указывают на необходимость рассмотрения тех факторов, которые преобразуют структуру взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ. **Новизна** заключается в выявлении типов структур взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ при включении совокупности социально-демографических характеристик: пол, принадлежность к определенной возрастной группе, уровень образования, экономический статус. **Гипотеза:** типы взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ могут отличаться в результате влияния совокупности социально-демографических факторов. **Методы.** Были использованы социально-демографический опросник, опросник «Самооценки внешнего облика» В. А. Лабунской (2019), шкала «Субъективное благополучие» в адаптации В. М. Соколовой (1996). Российская выборка – 163 человека: 1) 64,5% – 18–25 лет ($M_{\text{возраста}} = 20,9$); 2) 35,5% – 26–36 лет ($M_{\text{возраста}} = 31,4$); 64,5% – женщины; 52,2% имеют незаконченное высшее, высшее образование; 54,6% относят себя к группе «скорее бедные, чем богатые». **Математические процедуры:** частотный, корреляционный, факторный анализ, Т критерий для двух независимых выборок (IBM SPSS Statistic 23.0). **Результаты.** Определены четыре типа взаимосвязей. Наиболее сильным фактором выступает совокупность самооценок ВО, сопряженная с принадлежностью к

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

возрастной группе 26–36 лет, с экономическим статусом «скорее богатый, чем бедный». **Обсуждение результатов.** Во-первых, самооценки ВО проявляют различную сензитивность к социально-демографическим факторам и их сочетанию; во-вторых, самооценки ВО в совокупности с социально-демографическими характеристиками являются более сильным фактором направления связей по сравнению с оценками СБ; в-третьих, наблюдается независимость, автономия самооценок ВО и оценок СБ у молодых людей с определенными социально-демографическими характеристиками.

Ключевые слова

самооценки внешнего облика, привлекательность внешнего облика, удовлетворенность внешним обликом, обеспокоенность внешним обликом, субъективное благополучие, структуры взаимосвязей, социально-демографические характеристики, пол, образование, экономический статус

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01641 «Детерминанты влияния оценок внешнего облика на межличностные отношения и субъективное благополучие».

Для цитирования

Лабунская, В. А. (2023). Социально-демографические факторы в структуре взаимосвязей между самооценками внешнего облика и оценками субъективного благополучия. *Российский психологический журнал*, 20(3). 255–273. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.14>

Введение

В работе А. А. Бодалева (1982) «Восприятие и понимание человека человеком» были сформулированы теоретические положения психологии внешнего облика, которые легли в основу настоящего исследования. В частности, положение о взаимосвязи восприятия, оценок внешнего облика с этапом жизненного пути, с жизненными событиями, с удовлетворенностью жизнью, с качеством жизни, следовательно, с субъективным благополучием. По мнению А. А. Бодалева, «... восприятие человеком себя и других людей включается в его жизнь и вместе с ним претерпевает изменения» (Бодалев, 1982, с. 109). В настоящем исследовании данное положение развивается, в связи с изучением проблемы «детерминант, опосредующих взаимосвязи между самооценками **внешнего облика** (ВО) и оценками **субъективного благополучия** (СБ)» (Лабунская, 2019, 2021, 2022).

Факторы оценок СБ и самооценок ВО

Анализ работ, посвященных изучению благополучия, показал, что в психологических и междисциплинарных исследованиях употребляется ряд понятий: качество жизни (Рассказова, Неяскина, Леонтьев, Ширяева, 2019), удовлетворенность жизнью, счастье (Лебедева, Леонтьев, 2022; Меренкова, Солодкова, 2020), психологическое (Павлоцкая, 2016), личностное благополучие (Батурин, Башкатов, Гафарова, 2013), психоэмоциональное благополучие (Подольский, Карабанова, Идобаева, Хейманс, 2011; Трошихина, Манукян, 2017), субъективное благополучие больших социальных групп (Ковалева, 2020). Несмотря на многообразие понятий и определений, каждое из них обращается к такому конструкту, как «благополучие» (well-being), который широко представлен в обществе, наряду с понятием «качество жизни» (Балашова, 2012, с. 57; Поливанова, 2020, с. 26;), используется для оценки развития экономики. Получают развитие исследования, в которых рассматривается субъективная удовлетворенность/неудовлетворенность уровнем экономического благополучия (Кузьменкова, Кусков, 2019). На наш взгляд, важнейшим выводом, определяющим взгляд на разновидности «благополучия» является вывод Д. А. Леонтьева (2020б, с. 86) о том, что «...понятие благополучия охватывает и качество жизни, и субъективное благополучие», что оно включает субъективные шкалы, посредством которых формируется интегральная оценка соотношения положительных и отрицательных эмоций, «когнитивных оценок жизни» (Леонтьев, 2020а; Осин, Леонтьев, 2020).

Одним из первых обратился к социально-психологическому изучению благополучия (СБ) Р. М. Шамионов (2008). Он предложил определение СБ, в ядре которого находится «собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение... характеризующееся переживанием удовлетворенности» (Шамионов, 2008, с. 11). Подход к пониманию СБ как к системному явлению остается превалирующим до настоящего времени. В целом СБ рассматривается в качестве интегративного психологического образования, которое включает «личностные характеристики человека, имеющие отношение к оцениванию различных аспектов как собственной жизни (интрарефлексивный компонент СБ), так и окружающего мира (интеррефлексивный компонент СБ), а также переживание удовлетворенности ими» (Брук, Игнатжева, Волосникова, Семеновских, 2021, с. 96).

Систематизация факторов СБ представлена в ряде обобщающих работ (Карапетян, 2017; Леонтьев, 2020; Павлоцкая, 2016; Поливанова, 2020; Рассказова и др., 2019; Соколова, 1996; Шамионов, 2008). К настоящему времени на передний план выходят исследования субъективных показателей качества жизни, благополучия (Лебедева, Леонтьев, 2022).

В контексте нашего исследования представляют интерес работы, в которых рассматриваются взаимосвязи между СБ и объективно-субъективными факторами. Так, Е. Г. Трошихина, В. Р. Манукян (2017), проведя корреляционный

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

анализ, подтвердили включенность тревожности и устойчивых эмоциональных состояний в структуру психоземotionalного благополучия взрослого человека, а М. А. Егорова, А. А. Заречная (2022) обратили внимание на то, что в современных работах зафиксированы взаимосвязи СБ со школьным психологическим климатом, с безопасностью образовательной среды. Они выделили «ментальную школьную скуку» в качестве показателя психологического неблагополучия ученика. СБ молодежи в условиях ограничения пространства общения, угрозы здоровью взаимосвязано с нацеленностью на социальные контакты (Яремчук, Бакина, 2021). Установлено, что более низкое СБ иностранных студентов (китайцев) не только связано со сложностями адаптации, но и с переживаниями по поводу будущего трудоустройства (Даниленко, Сюй, 2016). В исследованиях описаны взаимосвязи между ценностными ориентациями и СБ у студенческой молодежи (Муравьева, Попкова, 2010) и на этапе взрослости (Бергис, 2018). При этом констатируется, что высокие показатели СБ наблюдаются у тех, кто ориентирован на саморазвитие, кто удовлетворен отношениями в семье, личными, профессиональными отношениями (Бергис, 2018). Выраженность такого компонента СБ, как счастье, связана у студенческой молодежи с рядом смысложизненных ориентаций. Одним из главных факторов переживания студентами счастья выступает осмысленность жизни (Гаранина, Андропова, 2022).

А. Ю. Маленова, А. А. Маленов, Е. Е. Федотова (2019) отмечают сходства и различия в структуре СБ студентов в зависимости от их пола и, одновременно, отмечают, что независимо от пола у студентов преобладает средний уровень переживания и выражения различных эмоциональных состояний, у девушек более высокий уровень удовлетворенности жизнью. В. Н. Ослон, Л. М., Прокопьева, У. В. Колесникова (2022) приводят новые эмпирические данные о СБ подростков и молодых людей в возрасте 13–17 лет, проживающих в 22 регионах РФ. Они установили взаимосвязи между активностью образа жизни, субъективной оценкой здоровья, степенью комфортности образовательной среды и СБ, которое снижается у юношей в ситуации сдачи ОГЭ и ЕГЭ, но повышается у девушек. Вместе с этим авторы данной работы зафиксировали, что девушки независимо от их возраста, территории проживания, наличия ОВЗ ниже оценивают свою удовлетворенность по всем показателям. В другом исследовании (Павленко, Бочавер, 2020) отмечается, что ключевое влияние на СБ школьников старших классов оказывает возрастная задача самоопределения, выбор образа собственного будущего, его реализованность в повседневной жизни. Выявлены на выборке детей 10–12 лет взаимосвязи между удовлетворенностью семьей, школой, друзьями, общей удовлетворенностью жизнью, уровнем СБ. Показано, что отсутствуют значимые половые и возрастные различия в оценках детьми этого возраста семьи, школы и друзей, следовательно, и СБ (Брук, Игнатжева, 2021). Взаимосвязь и вклад потребностей в СБ на различных этапах социализации (дети, подростки, молодежь) обсуждается в качестве гипотезы в работе Е. Н. Волковой

(2019), предполагающей, что определенные достижения в совокупности с СБ свидетельствуют об успешной социализации.

На основе анализа большого количества исследований Л. В. Карапетян (2017) сделала вывод о том, что изучение СБ и субъективного неблагополучия в связи с социально-демографическими факторами и в связи с изучением психологических факторов, влияющих на СБ, представляют отдельные группы работ. В ее исследовании получены данные, указывающие на отсутствие снижения СБ в связи с увеличением возраста, что взаимосвязь возраста и уровня СБ имеет разнопериодный синусоидальный вид. В нем констатируется отсутствие существенных различий в уровнях СБ женщин и мужчин, но подчеркивается, что у женщин более высокий уровень эмоционального благополучия, чем у мужчин, особенно в возрасте 35 лет и далее. Кроме этого Л. В. Карапетян (2017) пришла к выводу, что с ростом уровня образования может несколько повышаться уровень оценки СБ, что противоречит данным Е. Н. Козловой, Н. С. Комаровой (2015), указывающим на то, что у лиц с несколькими высшими образованиями ухудшается переживание СБ, а у лиц без образования улучшается СБ.

На уровень СБ, как правило, влияют комплексы внешних (объективных) в сочетании с комплексом внутренних (субъективных, субъектных) факторов, что позволяет утверждать краткий обзор исследований.

Интерпретация СБ как отношения личности к важнейшим модусам своей жизни, сопровождающемся переживанием удовлетворенности, в качестве конструкта, включающего эмоционально-мотивационные, когнитивно-эмоциональные компоненты, принимается многими исследователями, которые обращаются к поиску факторов, определяющих СБ / неблагополучие на индивидуально-личностном уровне, на различных этапах жизненного пути.

Многолетним трендом изучения СБ является рассмотрение в качестве детерминант СБ социально-демографических факторов, осуществление сравнения уровней СБ в группах, отличающихся принадлежностью к определенному полу, возрасту, имеющих различное образование.

Указанные выше факторы обсуждаются в контексте проблемы «самооценка ВО и СБ». Возникновение такого направления исследований не является случайным, поскольку на протяжении десятилетий рассматривались взаимосвязи между рядом показателей СБ и самооценками ВО, образом тела. Обзор таких исследований представлен в ряде наших публикаций (Лабунская, 2019, 2021, 2022а, 2022б). В психологии ВО преобладают работы, в которых акцент сделан на физическом компоненте ВО в связи с изучением различных составляющих СБ. В исследованиях утверждается, что самооценка тела связана с субъективным благополучием, тяжестью депрессивных симптомов (Kokoszka et al., 2022), что у женщин наблюдается эмоциональная дисрегуляция в связи с неудовлетворенностью своим телом (Кирюхина, Польская, 2021), что самооценка связана с удовлетворенностью

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ВО, которая позитивно взаимодействует с внутренней мотивацией и отрицательно с внешней мотивацией (Earl, 2023). Не прямолинейно о снижении СБ у женщин в результате переживания высокого уровня метадегуманизации, гнева, печали в ответ на сосредоточенность партнера на ВО пишут T. Chevallereau et al. (2021). В работах указывается на то, что восприятие здоровья и самооценка являются переменными, включенными в конструкт «субъективное благополучие». Так, результаты исследования (Rahmawati Sholeha & Ayriza, 2019) указывают на интенсивное совместное влияние самооценки и образа тела на СБ, например, подростков. Воспринимаемый подростком ВО своего тела, уровень физической активности значимо связаны с воспринимаемым благополучием (Sollerhed, Lilja, Holmgren & Garmy, 2021). Другие (Хавыло, Ситцева, Еремина, 2021) полагают, что удовлетворенность образом тела выступает в роли компонента СБ человека, рассматривают специфику СБ девушек в связи с удовлетворенностью телом (Пилишвили, Данилова, 2018). Утверждается существование взаимосвязи между оценками ВО и СБ (Епанчинцева, Козловская, Аверкова, 2021). Установлено, что образ тела и самооценка выполняют роль медиатора взаимосвязей между физическими упражнениями и СБ (Shang, Xie & Yang, 2021).

В обзорной статье (Bij de Vaate, Veldhuis & Konijn, 2020) был поставлен вопрос о степени и обстоятельствах влияния типов самопрезентации на благополучие человека и образ тела. В результате анализа выполненных исследований авторы пришли к выводу о неоднозначном воздействии самопрезентации и скрытности на благополучие и образ тела. О неоднозначности выводов о взаимосвязи удовлетворенности жизнью с отношением молодых людей к своему ВО свидетельствует исследование Л. В. Поповой (2021). С целью определения медиаторов, которые могут смягчить значимую связь между обеспокоенностью, тревожностью относительно ВО и социальной тревожностью было выполнено исследование (Gao et al., 2023), указывающее на то, что сочувствие, проявленное к себе, так называемое «самосострадание», может существенно снижать жесткость этих взаимосвязей. Также проводятся исследования, в которых утверждается, что активное использование социальных сетей, ориентированных на ВО, напрямую связано с более низкой оценкой удовлетворенности физическим компонентом ВО и благополучия (Jarman et al., 2021).

Таким образом, в приведенных работах рассматриваются взаимовлияния оценок, самооценок ВО и отдельных компонентов СБ в различных возрастных группах, ставится вопрос о роли половой принадлежности в уровнях удовлетворенности физическим компонентом ВО, но до настоящего времени отсутствуют исследования, в которых бы рассматривались взаимосвязи между интегральными самооценками ВО, самооценками его компонентов и интегральными оценками СБ, его составляющими. Остается мало изученным вопрос о влиянии комплекса социально-демографических характеристик молодых людей на взаимосвязи между самооценками ВО и оценками СБ, дискуссионным является вопрос о направлении

детерминации этих связей, иными словами, вопрос о том; «самооценки ВО определяют СБ или оценки СБ детерминируют отношение к своему ВО?».

Исходя из выводов, касающихся особенностей изучения СБ, а также выводов, фиксирующих разнообразные связи между оценками ВО и СБ, **цель данного исследования** – это определение влияния комплекса социально-демографических факторов на структуру взаимосвязей между самооценками ВО, его привлекательности, удовлетворенности, обеспокоенности им и оценками СБ его составляющих.

В задачи исследования входит определение структуры взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ при включении в факторный анализ комплекса социально-демографических характеристик.

В исследовании проверялась **гипотеза** – структура взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ может преобразовываться в результате влияния комплекса социально-демографических факторов.

Методы

Методики эмпирического исследования:

1. Социально-демографический опросник, фиксирующий: пол; возраст (полное количество лет на момент исследования); образование (среднее и неполное высшее; высшее); экономический статус, определяемый на основе идентификации с группами: (скорее бедный, чем богатый; скорее богатый, чем бедный). В таблицу заносятся обозначения 1–2 балла по каждому социально-демографическому критерию, а возрастные группы создаются с помощью процедуры преобразования и присвоения возрастной группе ранга.

2. С целью изучения самооценок ВО использовались:

2.1. Опросник: «Самооценки внешнего облика», созданный В. А. Лабунской и др. (2019). На основе этого опросника определяются следующие виды самооценок компонентов ВО: самооценка лица; самооценка тела; самооценка оформления ВО, затем рассчитывается интегральная самооценка ВО (суммируются баллы по каждому виду самооценок (самооценка лица + телосложения + оформления ВО, сумма баллов делится на число видов самооценок). В данном исследовании рассматриваются перечисленные виды самооценок компонентов ВО, интегральная самооценка ВО. В указанный опросник входит шкала «самооценка привлекательности ВО». В инструкции указывается, что 1 балл – это крайне негативная самооценка привлекательности ВО, а 10 баллов – это самая высокая позитивная самооценка;

2.2. Десятибалльные шкалы, фиксирующие удовлетворенность и обеспокоенность ВО (Лабунская и др., 2019) от низкого до высокого уровня удовлетворенности и обеспокоенности ВО.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

2.3. Для диагностики СБ применялась Шкала «Субъективное благополучие» A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn & J. Chiche (1988), адаптированный В. М. Соколовой (1996). Общая (интегральная) оценка СБ является производной от оценок его следующих показателей: 1) напряженность и чувствительность; 2) признаки, сопровождающие основную психическую симптоматику, такую как депрессия, сонливость, рассеянность и т.д.; 3) изменения настроения; 4) значимость социального окружения; 5) самооценка здоровья; 6) степень удовлетворенности повседневной деятельностью. На основе прилагаемого к методике «ключа» можно разместить каждого участника исследования на шкале «крайне низкие оценки благополучия – крайне высокие оценки благополучия», определить уровень выраженности СБ. По замыслу создателей данной методики, чем больше баллов набирает участник исследования, чем выше общая (интегральная) оценка СБ, тем сильнее у него выражено неблагополучие. Такой способ обработки первичных данных учитывается в нашем исследовании.

Таким образом, в исследовании в качестве самооценок ВО изучаются самооценки компонентов ВО, интегральная самооценка ВО, самооценка привлекательности ВО, самооценка удовлетворенности и обеспокоенности ВО; общая (интегральная) оценка СБ и шесть ее составляющих, перечисленных выше (всего 14 переменных).

Математические процедуры

Нами применены описательные статистики, частотный, корреляционный, факторный анализ, Т-критерий для независимых выборок (IBM SPSS Statistic 23.0).

Описание выборки исследования

В исследовании приняли участие 163 человека (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение участников исследования в соответствии с их социально-демографическими характеристиками

Социально-демографические характеристики участников исследования		N	%
Пол	1. (М)	58	35,5
	2. (Ж)	105	64,5
Возрастная группа	1. (18–25 лет)	105	64,5
	2. (26–36 лет)	58	35,5
Образование	1. Среднее	78	47,8
	2. Неполное высшее; высшее	85	52,2
Экономический статус	1. Скорее бедный, чем богатый	89	54,6%
	2. Скорее богатый, чем бедный	74	45,4%

Комплекс социально-демографических характеристик участников исследования учитывался в процессе решения сформулированной задачи.

Результаты

Из показателей R и P, приведенных в табл. 2, следует, что между общей (интегральной) оценкой СБ, ее составляющими и самооценками ВО существуют значимые обратно пропорциональные взаимосвязи.

Таблица 2

Корреляции между самооценками ВО и оценками СБ (Спирмен)

Переменные		Обес- покоен- ность ВО	Удов- летво- рен- ность ВО	Само- оценка лица	Само- оценка тела	Само- оценка офор- мления ВО	Интег- ральная само- оценка ВО	Само- оценка привлека- тельности ВО
Общая (интеграль- ная) оценка СБ	R	-,093	-,053	-,479**	-,480**	-,456**	-,418**	-,473**
	P	,235	,499	,000	,000	,000	,000	,000
Напряженность, чувствительность	R	,248**	-,303**	,140	,053	,142	,311**	,161*
	P	,001	,000	,075	,504	,070	,000	,040
признаки, сопровожающие основную психи- ческую симпто- матику: депрессия, сонливость, рассеянность	R	,084	-,298**	-,136	-,154	-,127	,037	-,133
	P	,289	,000	,083	,050	,105	,643	,090
Изменения настроения	R	,033	-,204**	-,265**	-,251**	-,249**	-,140	-,290**
	P	,679	,009	,001	,001	,001	,074	,000
Значение социаль- ного окружения	R	-,022	-,123	-,239**	-,207**	-,233**	-,180*	-,240**
	P	,780	,117	,002	,008	,003	,022	,002
Самооценка здоровья	R	,070	-,247**	-,162*	-,163*	-,138	-,003	-,166*
	P	,377	,001	,038	,038	,078	,967	,034
Удовлетворен- ность повседневной деятельностью	R	,078	-,352**	-,076	-,040	-,075	,111	-,055
	P	,320	,000	,333	,616	,342	,159	,487
	N	163	163	163	163	163	163	163

Примечание. **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

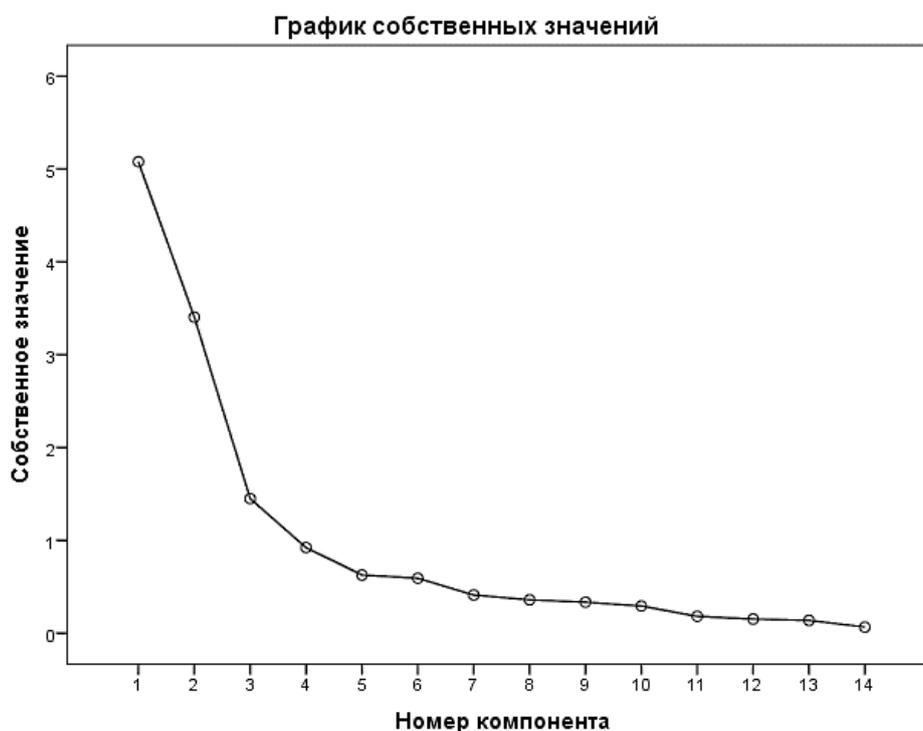
При увеличении выраженности такой составляющей СБ, как «напряженность и чувствительность», происходит повышение обеспокоенности ВО, интегральной самооценки ВО и самооценки привлекательности ВО.

Мы констатируем высокую адекватность применения факторного анализа к рассматриваемым показателям (критерий адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) = 0,810 при $P = 0,000$).

Учитывая график собственных значений (см. рис. 1), была выбрана факторная структура, включающая 4 фактора.

Рисунок 1

График собственных значений

Примечание. Обозначение компонент: 1 – обеспокоенность ВО, 2 – удовлетворенность ВО; 3 – самооценка лица; 4 – самооценка тела; 5 – самооценка оформления ВО; 6 – интегральная самооценка ВО; 7 – самооценка привлекательности ВО; 8 – общая (интегральная) оценка СБ; 9 – напряженность и чувствительность; 10 – признаки, сопровождающие основную психическую симптоматику, такую, как депрессия, сонливость, рассеянность и т.д.; 11 – изменения настроения; 12 – значимость социального окружения; 13 – самооценка здоровья; 14 – степень удовлетворенности повседневной деятельностью.

Четыре фактора объясняют 69,039% от общей дисперсии. В таблице 3 представлены результаты факторного анализа. С целью определения структуры взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ был обозначен минимальный факторный вес переменных 0,3 и задана последовательность расположения факторных весов: от максимальных значений к минимальным.

Таблица 3

Повернутая матрица компонент^a

Переменные	Компонент			
	1	2	3	4
Самооценка привлекательности ВО	,919			
Самооценки лица	,910			
Самооценки тела	,870			
Самооценки оформления ВО	,849			
Интегральная самооценка ВО	,796		,512	
Экономический статус	,434			
Общая(интегральная) оценка СБ	-,415	,833		
Признаки, сопровождающие основную психическую симптоматику: депрессия, сонливость, рассеянность		,831		
Самооценка здоровья		,790		
Удовлетворенность повседневной деятельностью		,769		
Изменение настроения		,736		
Значение социального окружения		,725		
Самооценка удовлетворенности ВО			-,803	
Принадлежность к возрастной группе	,556		,713	
Образование			,658	
Самооценка обеспокоенности ВО			,646	
Напряженность, чувствительность		,432	,458	-,404
Пол				,818

Примечание. Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. a – вращение сошлось за 5 итераций.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Первый фактор (см. табл. 3) определяет наибольшую долю общей дисперсии (30,548). Самые высокие нагрузки имеют следующие переменные: самооценка привлекательности ВО, самооценка лица, за ними следуют самооценки других компонентов ВО, интегральная самооценка ВО. К ним присоединяются переменные: принадлежность к возрастной группе, экономический статус. Данный фактор имеет два полюса: отрицательный полис включает одну переменную: общая (интегральная) оценка СБ. Учитывая структуру данного фактора, его можно назвать «Самооценки ВО, принадлежность к возрастной группе, экономический статус».

Если обратиться к средним показателям переменных, то можно уточнить, о какой возрастной группе и каком экономическом статусе идет речь. Участники исследования, принадлежащие ко второй возрастной группе (26–36 лет) ($T = -7,147$ при $P = 0,000$; $M_1 = 5,75$; $M_2 = 7,95$), идентифицирующие себя с группой «скорее богатые, чем бедные» ($T = -4,789$ при $P = 0,000$; $M_1 = 5,5,84$, $M_2 = 7,35$) имеют более высокие самооценки ВО.

Различия наблюдаются в зависимости от принадлежности к возрастной группе в оценках СБ. В возрастной группе (26–36 лет) более низкая общая (интегральная) оценка СБ ($T = 3,701$ при $P = 0,000$; $M_1 = 5,76$, $M_2 = 4,31$), в группе, идентифицирующих себя с теми, кто «скорее бедный, чем богатый» также более низкая общая (интегральная) оценка СБ ($T = 2,183$ при $P = 0,030$; $M_1 = 5,62$, $M_2 = 4,78$).

Второй фактор объясняет 23,623% от общей дисперсии, что указывает на менее интенсивную объяснительную силу этого фактора по сравнению с первым фактором. Структура этого фактора существенно отличается от структуры первого фактора. В него вошли только переменные, относящиеся к субъективному благополучию: общая (интегральная) оценка СБ и оценки всех ее составляющих. Данный фактор можно обозначить «Оценка субъективного благополучия».

Третий фактор объясняет всего 9,046% от общей дисперсии включенных переменных, среди которых самую высокую нагрузку с отрицательным знаком имеет самооценка удовлетворенности ВО. Этот показатель образует отрицательный полис данного фактора. Положительный полис включает социально-демографические характеристики (принадлежность к возрастной группе, уровень образования), самооценку обеспокоенности ВО, интегральную самооценку ВО, составляющую СБ – «напряженность и чувствительность». Исходя из структуры данного фактора, его можно назвать «Удовлетворенность ВО – обеспокоенность, принадлежность к возрастной группе, уровень образования».

Участники исследования, принадлежащие ко второй возрастной группе (26–36 лет) имеют более высокие показатели обеспокоенности ВО ($T = -5,356$ при $P = 0,00$; $M_1 = 5,09$, $M_2 = 6,43$), интегральные самооценки ВО ($T = -17,185$ при $P = 0,000$; $M_1 = 4,80$, $M_2 = 8,10$), оценки такой составляющей СБ, как «напряженность, чувствительность» ($T = -7,272$ при $P = 0,000$; $M_1 = 4,42$, $M_2 = 6,24$) по сравнению с представителями первой возрастной группы (18–25 лет), у которых значимо выше

удовлетворенность ВО ($T = 7,633$ при $P = 0,000$; $M_1 = 6,39$, $M_2 = 4,02$). У участников исследования, которые имеют среднее образование, выше удовлетворенность ВО ($T = 5,941$ при $P = 0,000$; $M_1 = 6,52$, $M_2 = 4,65$) и ниже обеспокоенность им ($T = -2,935$ при $P = 0,004$; $M_1 = 5,18$, $M_2 = 5,93$), ниже интегральные самооценки ВО ($T = -5,725$ при $P = 0,000$; $M_1 = 5,13$, $M_2 = 6,75$).

При увеличении выраженности такой составляющей СБ, как «напряженность и чувствительность», происходит повышение обеспокоенности ВО, интегральной самооценки ВО и самооценки привлекательности ВО.

Четвертый фактор имеет низкую объяснительную силу – 5,822%. Особенность данного фактора заключается в том, что он демонстрирует обратно пропорциональную взаимосвязь между оценками «напряженности, чувствительности» и полом участников исследования. Данная переменная образует с высоким факторным весом положительный полис. Учитывая тот факт, что между мужчинами и женщинами – участниками исследования отсутствуют различия в оценках «напряженности, чувствительности» ($T = -0,568$ при $P = 0,571$; $M_1 = 4,93$, $M_2 = 5,12$), этот фактор можно обозначить «Пол».

Наиболее сильным фактором является совокупность самооценок ВО, сопряженная с принадлежностью к определенной возрастной группе (26–36 лет), к определенному экономическому статусу («скорее богатый, чем бедный»). Данный совокупный фактор увеличивает оценку благополучия.

Обсуждение результатов

Таким образом, сочетание принадлежности к определенной возрастной группе, к определенному экономическому статусу изменяет структуру взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ. Преобразование взаимосвязей между удовлетворенностью, обеспокоенностью ВО и оценками СБ происходит в результате влияния сочетания принадлежности к возрастной группе с уровнем образования. Молодые люди, имеющие среднее образование, принадлежащие к возрастной группе 18–25 лет, более удовлетворены своим ВО и менее им обеспокоены. Они чувствуют себя более благополучными, чем участники исследования, принадлежащие к возрастной группе 26–36 лет, несмотря на то, что у последних выше интегральная самооценка ВО. Представители этой группы, как правило, имеют высшее образование. Можно полагать, что переход в возрастную группу 26–36 лет, получение высшего образования усиливает обеспокоенность ВО, снижает удовлетворенность им на фоне позитивной самооценки ВО, снижает оценки субъективного благополучия. Эти результаты противоречат данным Л. В. Карапетян (2017), которая констатировала, что не происходит снижения СБ в связи с увеличением возраста. Частично результаты совпадают с выводами ее работы о том, что отсутствуют существенные различия в уровнях СБ между

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

мужчинами и женщинами, у которых к 35 годам становится более высокий уровень эмоционального благополучия по сравнению с мужчинами. Результаты нашего исследования совпадают с данными Е. Н. Козловой, Н. С. Комаровой (2015) относительно повышения уровня СБ у тех, кто не имеет высшего образования, но не соответствуют выводам Л. В. Карапетян (2017) о повышении оценок СБ с ростом образования. Данные о взаимосвязи СБ и самооценок физического компонента ВО (см. первый фактор, табл. 3) совпадают с выводом о том, что самооценка тела связана с СБ (Kokoszka et al., 2022), что на СБ оказывает сильное влияние образ тела (Rahmawati Sholeha & Ayriza, 2019).

Если взаимосвязь между обеспокоенностью ВО и напряженностью, чувствительностью вполне объяснима, то позитивные взаимосвязи между напряженностью, чувствительностью и интегральной самооценкой ВО, самооценкой его привлекательности можно трактовать как влияние самооценок ВО на усиление напряженности, связанной с оценками ВО другими, чувствительности к ним, в связи с тревогой относительно рассогласования самооценок и оценок ВО. Правомерность данного вывода подтверждается отрицательными взаимосвязями между напряженностью, чувствительностью и самооценками удовлетворенности ВО. Эти результаты частично совпадают с выводами о взаимосвязи между генерализованной тревогой и неудовлетворенностью телом, которые опосредованы сочетанием пола и тревожного отношения к внешности (Pritchard, Brasil, McDermott & Holdiman, 2021).

Вклад выполненного исследования в решение проблемы «предикторы взаимосвязей между самооценками ВО и оценками СБ и его ограничения» заключается, прежде всего, в том, что впервые на российской выборке молодых людей (18–36 лет) рассматривались взаимосвязи между самооценками ВО и оценками СБ, что в качестве медиатора этих связей изучалась совокупность социально-демографических характеристик. Новыми являются данные о более интенсивном влиянии на СБ самооценок ВО в совокупности с социально-демографическими факторами по сравнению с воздействием СБ на самооценки ВО.

Выполненное исследование позволяет сформулировать новые гипотезы:

1. показатели отношения к ВО (самооценки ВО, удовлетворенность, обеспокоенность ВО, самооценка привлекательности ВО) проявляют различную сензитивность к социально-демографическим факторам и их сочетанию;
2. самооценки ВО в совокупности с социально-демографическими характеристиками являются более сильным фактором направления связей по сравнению с оценками СБ на различных этапах жизненного пути;
3. самооценки ВО и оценки СБ могут быть независимыми, автономными феноменами.

К ограничениям необходимо, прежде всего, отнести отсутствие в перечне социально-демографических факторов указание на семейный статус. Кроме этого,

важно увеличить состав участников исследования, прослеживая динамику СБ и отношения к ВО. К ограничениям можно отнести применение в исследовании только факторного и корреляционного анализа.

С **практической точки зрения** выполненное исследование способствует пониманию роли самооценок ВО в формировании оценок СБ, созданию дифференцированных практико-ориентированных программ, учитывающих социально-демографические характеристики, различную сензитивность к компонентам ВО и их взаимодействие с СБ.

Перспективным направлением является проведение исследований, учитывающих жизненную динамику самооценок ВО и оценок СБ, взаимосвязи между ними, включение в состав социально-демографических характеристик, в качестве медиаторов, этнокультурных факторов.

Благодарности

Статья подготовлена в память о выдающемся российском психологе, докторе психологических наук, академике Алексее Александровиче Бодалева, столетие со дня рождения которого мы отмечаем в 2023 году.

Литература

- Балашова, Г. К. (2012). Опыт применения методики изучения субъективного благополучия в социологическом исследовании. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*, 3, 57–89. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/3737/3498>
- Батурин, Н. А., Башкатов, С. А., Гафарова, Н. В. (2013). Теоретическая модель личностного благополучия. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*, 6(4), 4–14.
- Бергис, Т. А. (2018). Особенности ценностных ориентаций и субъективное благополучие личности на этапе взрослости. *Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология*, 3(34), 58–63. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2018-3-58-63>
- Бодалев, А. А. (1982). *Восприятие и понимание человека человеком*. Московский университет.
- Брук, Ж. Ю., Игнатжева, С. В. (2021). Субъективное благополучие детей 10-и и 12-и лет в пространстве удовлетворенности семьей, школой и друзьями. *Психологическая наука и образование*, 26(6), 164–175. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260613>
- Брук, Ж. Ю., Игнатжева, С. В., Волосникова, Л. М., Семеновских, Т. В. (2021). Когнитивный компонент в структуре субъективного благополучия детей. *Психологическая наука и образование*, 26(5), 85–100. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260507>
- Волкова, Е. Н. (2019). Субъективное благополучие в системе критериев позитивной социализации детей, подростков и молодежи. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, 2, 805–812. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-100>
- Гаранина, Ж. Г., Андропова, Н. В. (2022). Особенности переживания счастья у студентов с различными смысложизненными ориентациями. *Интеграция образования*, 26(1), 146–162. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.146-162>
- Даниленко, О. И., Суй, И. (2016). Субъективное благополучие китайских студентов на

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- разных этапах обучения в вузах России и Китая. *Российский психологический журнал*, 13(4), 137–156.
- Егорова, М. А., Заречная, А. А. (2022). Позитивные стратегии психологической поддержки субъективного благополучия школьников. *Современная зарубежная психология*, 11(3), 38–47. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110304>
- Епанчинцева, Г. А. Козловская, Т. Н., Аверкова, Е. П. (2021). Внешний облик и субъективное благополучие личности. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 1(229), 112–116. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-229-112>
- Карапетян, Л. В. (2017). Факторы формирования субъективного неблагополучия. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*, 10(1), 12–25. <https://doi.org/10.14529/psy170102>
- Кирюхина, Н. А., Польская, Н. А. (2021). Эмоциональная дисрегуляция и неудовлетворенность телом в женской популяции. *Клиническая и специальная психология*, 10(3), 126–147. <https://doi.org/10.17759/cpse>
- Ковалева, Ю. В. (2020). Субъективное благополучие и субъектность представителей больших социальных групп: на примере первого и второго поколений мигрантов из Армении и армян, проживающих на Родине. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 5, 1(17), 73–115. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document764.pdf>
- Козлова, Е. Н., Комарова, Н. С. (2015). Особенности субъективного благополучия личности в зависимости от уровня ее образования. *Интеграция образования*, 19(1), 60–64. <https://doi.org/10.15507/Inted.078.019.201501.060>
- Кузьменкова, Л. В., Кусков, Д. В. (2019). Индивидуально-личностные особенности клиентов с разным типом экономического самосознания в ситуациях субъективной неудовлетворенности уровнем экономического благополучия. *Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*, 32(2), 31–39. URL: https://psyjournals.ru/journals/scientific_notes/archive/2019_n2/scientific_notes_2019_n2_Kuzmenkova_Kuskov.pdf
- Лабунская, В. А., Сериков, Г. В., Шкурко, Т. А., Андриенко, Т. А., Гура, О. Р., Дроздова, И. И., Зинченко, Е. В., Никитина, Д. А., Погонцева, Д. В., Якименко, Д. И. (2019). *Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография*. Мини-Тайп.
- Лабунская, В. А. (2019). Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость как факторы субъективного благополучия молодых людей. *Социальная психология и общество*, 10(3), 51–66. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100304>
- Лабунская, В. А. (2021). Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии. *Социальная психология и общество*, 12(3), 128–150. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120309>
- Лабунская, В. А. (2022а). *Полидетерминация отношения к внешнему облику и его влияния на субъективное благополучие человека: социально-психологический гендерно-возрастной подход*. А. Г. Фаустова (ред.). В *Психологические исследования внешности и образа тела: коллективная монография*. ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. Рязань: ОТСиОП.
- Лабунская, В. А. (2022б). Особенности воздействия самооценок лица на эмоциональный компонент субъективного благополучия. *Экспериментальная психология*, 15(3), 17–30. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150302>
- Лебедева, А. А., Леонтьев, Д. А. (2022). Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным. *Социальная психология и общество*, 13(4), 142–162. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130409>
- Леонтьев, Д. А. (2020а). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию

- понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 14–37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Леонтьев, Д. А. (2020). Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты. *Психологический журнал*, 41(6), 86–95. <https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7>
- Маленова, А. Ю., Маленов, А. А., Федотова, Е. Е. (2019). Структура субъективного благополучия и ее гендерные особенности у студенческой молодежи. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 3, 22–33. <https://doi.org/10.25513/2410-6364.2019.3.22-33>
- Меренкова, В. С., Солодкова, О. Е. (2020). Исследование феномена «удовлетворенность жизнью». *Комплексные исследования детства*, 2(1), 4–13. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-1-4-13>
- Муравьева, О. И., Попкова, Т. С. (2010). Взаимосвязь субъективного благополучия и ценностных ориентаций у современной студенческой молодежи. *Сибирский психологический журнал*, 36, 98–101. URL: http://journals.tsu.ru/psychology/&journal_page=archive&id=985&article_id=19870
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1(155), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Ослон, В. Н., Прокопьева, Л. М., Колесникова, У. В. (2022). Активность образа жизни, субъективное здоровье и субъективное благополучие детей старшего подросткового и юношеского возраста в Российской Федерации. *Психологическая наука и образование*, 27(6), 116–129. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270609>
- Павленко, К. В., Бочавер, А. А. (2020). Субъективное благополучие школьников в ситуации самоопределения. *Психологическая наука и образование*, 25(6), 51–62. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250605>
- Павлоцкая, Я. И. (2016). *Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография*. Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС.
- Пилишвили, Т. С., Данилова, А. Л. (2018). Специфика субъективного благополучия личности у девушек юношеского возраста (на примере удовлетворенности своим телом). *Казанский педагогический журнал*, 4, 180–184.
- Подольский, А. И., Карабанова, О. А., Идобаева, О. А., Хейманс, П. (2011). Психоземotionalное благополучие современных подростков: опыт международного исследования. *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*, 2, 9–20. URL: http://www.psycdigest.ru/articles/pdf/2011_Podolskij.pdf
- Поливанова, К. Н. (2020). Новый образовательный дискурс: благополучие школьников. *Культурно-историческая психология*, 16(4), 26–34. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160403>
- Попова, Л. В. (2021). Анализ взаимосвязи удовлетворенности жизнью и отношения к своему внешнему облику у молодежи. В К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов (ред.). *Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры*. Московский институт психоанализа- Когито-Центр.
- Расказова, Е. И., Неяскина, Ю. Ю., Леонтьев, Д. А., Ширяева, О. С. (2019). Диагностика качества жизни в психотерапии: апробация русскоязычной версии методики М. Фриша. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(1), 8–29. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270102>
- Соколова, М. В. (1996). *Шкала субъективного благополучия*. НПЦ «Психодиагностика».

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Трошихина, Е. Г., Манукян, В. Р. (2017). Тревожность и устойчивые эмоциональные состояния в структуре психоэмоционального благополучия, *Вестник СПбГУ. Психология и педагогика*, 7(3), 211–223. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.302>
- Хавыло, А. В., Ситцева, М. С., Еремина, И. И. (2021). Удовлетворенность образом тела как компонент субъективного благополучия человека. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*, 38, 100–113. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2021.38.100>
- Шамионов, Р. М. (2008). *Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы*. Саратовский университет.
- Яремчук, С. В., Бакина, А. В. (2021). Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности в условиях пандемии COVID-19. *Социальная психология и общество*, 12(1), 26–43. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120103>
- Bij de Vaate, N. A. J. D., Veldhuis, J., & Konijn, E. (2020). How online self-presentation affects well-being and body image: A systematic review. *Telematics and Informatics*, 47. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.101316>
- Chevallereau, T., Stinglhamber, F., Maurage, P. & Demoulin, S. (2021). My Physical Appearance at the Center of Others' Concerns: What are the Consequences for Women's Metadehumanization and Emotions? *Psychologica Belgica*, 61(1), 116–130. <http://doi.org/10.5334/pb.558>
- Earl, St. R. (2023). Global and appearance-contingent self-esteem: Associations with health and attractiveness exercise reasons. *Psychology of Sport and Exercise*, 65. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2022.102345>
- Gao, J., Feng, Y., Xu, S., Wilson, A., Li, H., Wang, X., Sun, X., & Wang, Y. (2023). Appearance anxiety and social anxiety: A mediated model of self-compassion. *Frontiers in Public Health*, 11, 105428. <http://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1105428>
- Jarman, H. K., Marques, M. D., McLean, S. A., Slater, A., & Paxton, S. J. (2021) Social media, body satisfaction and well-being among adolescents: A mediation model of appearance-ideal internalization and comparison. *Body Image*, 36(March), 139–148. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.11.005>
- Kokoszka, A., Pacura, A., Kostecka, B., Lloyd, C. E., & Sartorius, N. (2022). Body self-esteem is related to subjective well-being, severity of depressive symptoms, BMI, glycated hemoglobin levels, and diabetes-related distress in type 2 diabetes. *PLoS ONE*, 17(2), e0263766. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263766>
- Pritchard, M., Brasil, K., McDermott, R., & Holdiman, A. (2021). Untangling the associations between generalized anxiety and body dissatisfaction: The mediating effects of social physique anxiety among collegiate men and women. *Body Image*, 39(Dec), 266–275. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2021.10.002>
- Rahmawati, E. P., Sholeha, D., & Ayriza, Yu. (2019). The Effect of Body Images and Self-Esteem on Subjective Well-Being in Adolescents. *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding*, 6(4), 635–645. <http://dx.doi.org/10.18415/ijmmu.v6i4.1395>
- Shang, Y., Xie, H. D., Yang, Sh. Y. (2021). The Relationship Between Physical Exercise and Subjective Well-Being in College Students: The Mediating Effect of Body Image and Self-Esteem. *Frontiers in Psychology*, 28. | <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.658935>
- Sollerhed, A-C., Lilja, E., Holmgren, E. H., Garmy, P. (2021). Subjective Health, Physical Activity, Body Image and School Wellbeing among Adolescents in South of Sweden. *Nursing Reports*, 11(4), 811–822. <https://doi.org/10.3390/nursrep11040076>

Поступила в редакцию: 10.05.2023

Поступила после рецензирования: 01.06.2023

Принята к публикации: 26.06.2023

Информация об авторе

Вера Александровна Лабунская – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: 6506616515, WoS Researcher ID: A-7526-2016, SPIN-код РИНЦ: 4365-4921, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-8773>; e-mail: vlab@aaanet.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 316.62

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>

Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем отношения к социальному доминированию

Александр А. Максименко^{1*} , Дина В. Крылова¹ , Ольга С. Дейнека²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: maximenko.al@gmail.com

Аннотация

Введение. Статусные отношения и восприятие статуса являются ведущими драйверами поведения, самовосприятия людей и конструирования ими картины мира. *Цель* данного эмпирического исследования – изучение взаимосвязи морального порицания коррупции у россиян с их отношением к социальному доминированию. Дополнительно проводилась апробация и валидизация опросника отношения к социальному доминированию (ОСД). **Методы.** Было выполнено онлайн-исследование, в котором приняли участие 509 человек, средний возраст респондентов 41,34 года ($SD = 10,67$) (57,6% мужчины, 42,4% женщины). Инструментарий включал в себя опросник «Отношение к социальному доминированию», опросник осведомленности о коррупции, опросник порицания коррупции и короткую версию опросника темной триады. Данные обрабатывались при помощи программы SPSS 19.0. **Результаты.** Результаты исследования свидетельствуют о наличии положительной взаимосвязи между степенью морального порицания коррупции и одобрением социальной иерархии у россиян. Проведенный эксплораторный факторный анализ данных опросника ориентации на социальное доминирование позволил выделить три фактора: «идею социального равенства (антиэгалитаризм)», «идею социального доминирования (эгалитаризм)» и «идею соперничества (конкуренции)», а проведенный корреляционный анализ позволил обнаружить значимые взаимосвязи между личностными особенностями

респондентов (параметрами темной триады) и их отношением к социальному доминированию. **Обсуждение результатов.** Полученные нами данные подтверждаются результатами исследований зарубежных авторов о влиянии ориентации на социальное доминирование на низкую степень осведомленности о коррупции, что в свою очередь, способствует готовности поддерживать социальную иерархию и укрепляет коррупционные намерения. Кроме того, психологическими предикторами коррупционных намерений выступают, согласно результатам зарубежных исследований, представления о мире как о конкурентной среде (competitive world beliefs) и представления о мире как об опасной среде (dangerous world beliefs), что нуждается в дополнительной верификации и является целью наших перспективных исследований.

Ключевые слова

ориентация на социальное доминирование, коррупция, моральное порицание коррупции, восприятие коррупции, отношение к социальному доминированию, социальная справедливость

Для цитирования

Максименко, А. А., Крылова, Д. В., Дейнека, О. С. (2023). Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем социального доминирования. *Российский психологический журнал*, 20(3), 274-294. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>

Введение

Тридцать лет назад западными исследователями Дж. Сиданиусом и Ф. Пратто была разработана теория социального доминирования (Sidanius & Pratto, 1993), которая постулировала превосходство одной группы над другими как некий общественный консенсус, позволяющий минимизировать групповые конфликты. Авторы концепции определили ориентацию на социальное доминирование (ОСД) как степень, с которой индивиды желают и поддерживают групповую иерархию и доминирование «вышестоящих» групп над «низшими».

Как показали дальнейшие зарубежные исследования, мужчины имеют более высокую ориентацию на социальное доминирование, чем женщины (Licciardello, Castiglione, Rampullo & Scolla, 2014; Tan, Liu, Huang, Zhao & Zheng, 2016). Кроме того, люди с более высокой ОСД демонстрируют более сильное негативное отношение к другим в отношении их пола (Pratto, Sidanius, Stallworth & Malle, 1994; Kugler, Cooper & Nosek, 2010), этнической принадлежности (Pratto et al., 1994), социального класса (Guimond, Dambrun, Michinov & Duarte, 2003), сексуальной ориентации (Huang & Liu, 2005).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ориентация на социальное доминирование во время пандемии COVID-19 оказалась взаимосвязана с ментальным здоровьем населения (Shi et al., 2021). Так, люди с высоким уровнем ориентации на социальное доминирование испытывали более высокий уровень депрессии, чем люди с низким уровнем ОСД. При этом воспринимаемые участниками изменения в образе жизни смягчали связь между ОСД и депрессией. Люди с высокой ориентацией на социальное доминирование менее склонны к поведению, направленному на предотвращение распространения COVID-19 (Clarke, Klas & Dyos, 2021). Было обнаружено, что ОСД отрицательно коррелирует с поддержкой правительственных ограничений по борьбе с распространением коронавирусной инфекции (ношение масок и физическое дистанцирование).

Ориентация на социальное доминирование негативно связана с психологическим благополучием согласно исследованиям Van Hiel & Kossowska (2006). Данные крупномасштабного опроса в Великобритании, проведенные Lalot, Jauch & Abrams (2022) показали, что более высокая степень выраженности правого авторитаризма коррелирует с более высокой ориентацией на социальное доминирование. Схожие данные удалось обнаружить и другим исследователям (Nicol & Rounding, 2013).

В исследовании Р. Меслер (Mesler et al., 2022) продемонстрировано, что ориентация на социальное доминирование является предиктором склонности нарушать правила. Кроме того, внутригрупповая идентичность способствует усилению взаимосвязи между ОСД и нарушением правил.

В исследовании О. А. Гулевич и коллег (2018) в ходе проведенного авторами опроса и конфирматорного факторного анализа опросника ориентации на социальное доминирование было выявлено два тесно связанных субфактора (антиэгалитаризм и доминирование), объединившие в модель лишь 10 из 16 представленных в опроснике утверждений. Авторами было предположено, что оставшиеся в модели 10 утверждений лучше соответствуют данным, чем модель, изначально включающая в себя 16 утверждений.

Социально-психологические исследования коррупции обнаруживают взаимосвязь восприятия коррупции с различными факторами, определяющими идеологические взгляды сограждан и их отношение к общественной солидаризации. Так, в работе Modesto & Pilati (2020) рассмотрено 3 уровня причин, способствующих коррупции:

- Микро-уровень, включающий в себя пол, возраст, личностные характеристики (такие как гедонизм, самоконтроль, нарциссизм, сознательность), а также верования и креативность (ряд исследований подтверждают предположение, что у креативных людей более высокие показатели нечестного поведения (Gino & Ariely, 2012; Shu & Gino, 2012; Vincent, Emich & Goncalo, 2013; Gino & Wiltermuth, 2014; Kennedy & Kray, 2022);

- Мезо-уровень модели, включающий конформность, групповые нормы, социальную идентичность, а также принцип четырех глаз (4EP), снижающий нечестное поведение в присутствии другого. Отметим, что такой принцип действует при наличии тона сверху, когда руководство организации (компании) придерживается антикоррупционного поведения и личным примером демонстрирует паттерны такого поведения;
- Макро-уровень, содержащий факторы культурного и политического порядка. Так, либеральная экономическая модель усиливает коррупцию, а влияние демократических институтов на сокращение уровня коррупции состоятельно только в тех странах, где уровень ВВП на человека превышает \$2000.

Вера в справедливый мир, согласно полученным данным Stupnianeck & Navickas (2019), может выступать предиктором более справедливого и менее коррумпированного поведения. Люди, считающие, что они получают то, что заслуживают, менее склонны к коррупции. Напротив, люди, считающие, что они не получают то, что заслуживают, с большей вероятностью будут действовать несправедливо и коррумпировано. Более поздние исследования влияния на взяточничество веры в справедливый мир (Modesto & Pilati, 2020) показали важность учета такого опосредующего взаимосвязь фактора, как осознание наказания за коррупционное правонарушение при анализе предикторов делинквентного поведения.

Теория социального доминирования дополняет теорию веры в справедливый мир и теорию оправдания систем (Jost & Hunyady, 2003) в части оправдания социального положения тех или иных групп в социуме, а также в отношении элиты к коррупционным проявлениям в поведении как использованию власти в своих собственных интересах.

Tan с коллегами (Tan et al., 2016b) убедительно показали, что оправдание общей системы негативно связано с восприятием коррупции и коррупционными намерениями, а также то, что институциональное доверие опосредует эти отношения.

В другой статье (Tan, et al., 2016c) авторы продолжили развивать идеи влияния меритократической идеологии на ослабление восприятия социальной несправедливости и доказали, что меритократическая идеология негативно связана с восприятием коррупции, и положительно ассоциируется с коррупционными намерениями, поскольку побуждает людей выражать готовность участвовать в несправедливых действиях.

Таким образом, проведенный обзор англоязычных источников, посвященных теории ориентации на социальное доминирование, подтверждает высокую актуальность ее изучения во взаимосвязях с другими социальными феноменами.

Зарубежные коллеги подчеркивают дефициты в сфере понимания взаимосвязи восприятия социального доминирования и мотивации коррупционного поведения,

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

а также релевантного противодействия коррупционным правонарушениям. В отечественной социальной психологии коррупции (Журавлев, Юревич, 2012; Беркович, Духанина, Максименко, Надуткина, 2019; Максименко, Дейнека, Крылова, Духанина, 2020; Духанина, Дейнека, Крылова, Максименко, 2020; Крылова, Максименко, 2021; Крылова, Максименко, 2022) также заметен дефицит новых методических инструментов и эмпирических работ.

Целью настоящего исследования явилось изучение взаимосвязи морального порицания коррупции у россиян с их отношением к социальному доминированию.

Было сделано предположение, что степень морального порицания коррупции выше у тех россиян, кто меньше принимает ситуации, связанные с социальным доминированием и больше радеет за справедливые отношения между группами в обществе. Дополнительно в исследовании производилась попытка выявления взаимосвязей между личностными особенностями респондентов и их отношением к социальному доминированию и отношением к коррупции. Кроме того, в рамках настоящего исследования проводилась апробация и валидизация опросника отношения к социальному доминированию (ОСД) (Приложение 1).

Материалы и методы

Выборка исследования

Исследование проводилось анонимно в третьей декаде января 2023 года в режиме онлайн-опроса на сервисе конструктора анкет «Анкетолог.ру», с посредством сбора ответов респондентов через сервис Яндекс.Toloka.

В опросе приняли участие 509 человек, из них 57,6 % мужчины, 42,4% – женщины, средний возраст опрошенных 41,34 года ($SD=10,67$). Учитывались также место проживания (уровень урбанизации), уровень образования и уровень субъективного дохода респондентов.

11,3% респондентов проживает в Москве; в Санкт-Петербурге и других мегаполисах и городах-миллионниках – 21, 2%; в крупных городах численностью менее 1 млн человек – 36,3 % и 31,3 % – в районных центрах.

По уровню образования основная доля приходится на людей с законченным высшим (57 %), со средним и незаконченным высшим образованием – 41,8 %, у 1,2 % респондентов имеется ученая степень.

Уровень субъективного дохода у 3,6 % очень высокий или высокий, у 54,0 % – средний, 31,0 % считают свои доходы низкими и 11,4 % сводят концы с концами.

Инструментарий исследования

Инструментарий включал в себя 16-пунктный опросник «Отношение к социальному доминированию» (Sidanius & Pratto, 1999) (приложение 1), 5-пунктный опросник

осведомленности о коррупции (Davis & Smith, 1991) (приложение 2), 4-пунктный опросник порицания коррупции (Li, Triandis, & Yu, 2006) (приложение 3), и короткую версию опросника темной триады («The Short Dark Triad Questionnaire») (Paulhus, Williams, 2002), методику измерения трех психологических черт личности: макиавеллизма, нарциссизма и психопатии в адаптации (М. С. Егорова, М. А. Ситникова, О. В. Паршикова, 2015).

Методы обработки данных

Данные обрабатывались при помощи программы SPSS 19.0. Использованные методы анализа данных: частотный анализ, регрессионный анализ, факторный (эксплораторный) анализ, корреляционный анализ Спирмена, определение статистической значимости различий (критерий Манна-Уитни).

Результаты

В таблице 1 приведены описательные статистики данных 16-пунктного опросника «Отношение к социальному доминированию».

Таблица 1

Описательные статистики данных шкалы социального доминирования

Утверждение	M	SD
1. Некоторые группы людей просто во всем уступают другим группам	3,18	1,11
2. Чтобы получить то, что вы хотите, иногда необходимо применять силу против других групп	2,81	1,21
3. Это нормально, если у некоторых групп больше шансов в жизни, чем у других	2,57	1,22
4. Чтобы продвинуться в жизни, иногда необходимо соперничать с другими группами	3,66	1,04
5. Если бы определенные группы оставались на своих местах, у нас было бы меньше проблем	2,86	1,09
6. Наверное, хорошо, что определенные группы находятся наверху, а другие – внизу	2,36	1,09
7. Низшие группы должны оставаться на своих местах	2,11	1,03
8. Иногда другие группы должны оставаться на своих местах	2,65	1,10
9. Было бы хорошо, если бы группы могли быть равными	3,71	1,04
10. Равенство групп должно быть нашим идеалом	3,62	1,07

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Утверждение	М	SD
11. Всем группам следует предоставить равные шансы в жизни	4,08	0,97
12. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы уравнивать условия для разных групп	3,78	1,02
13. Необходимо повышение социального равенства	4,11	0,97
14. У нас было бы меньше проблем, если бы мы относились к людям одинаково равно	4,04	1,00
15. Мы должны стремиться к тому, чтобы неравенство доходов снижалось	4,06	1,06
16. Ни одна группа не должна доминировать в обществе	3,90	1,07

Примечание: использовалась 5-ти балльная шкала Р. Лайкерта. Красным цветом в таблице выделены наибольшие средние значения, зеленым цветом – наименьшие.

Высокие показатели проявлений в шкале социального доминирования связываются россиянами с возможностью предоставления равных шансов всем группам общества (4,08), а также снижения неравенства в доходах (4,06) и одинакового ко всем отношения (4,04). При этом низкая степень согласия у респондентов касается утверждений о неизменном статусе низших групп (2,11), и предоставления некоторым группам в жизни больше шансов (2,57). Это можно объяснить социалистическими взглядами респондентов.

В таблице 2 приведены описательные статистики данных 5-пунктного опросника осведомленности о коррупции.

Таблица 2

Описательные статистики данных шкалы осведомленности о коррупции

Утверждение	М	SD
1. Коррупция всегда существовала в разные эпохи	4,18	0,96
2. Большинство людей будут коррумпированными, если у них будет такая возможность	3,85	1,03
3. В настоящее время коррупция является очень распространенным явлением и охватывает почти все отрасли	4,24	0,95
4. Проблема коррупции очень серьезна в современном российском обществе	4,26	0,95
5. Явление коррупции появилось в университетах и становится все более и более серьезным	3,84	1,04

Примечание: использовалась 5-ти балльная шкала Р. Лайкерта. Красным цветом в таблице выделены наибольшие средние значения.

Респонденты оценивают проблему коррупции как очень серьезную в современном российском обществе (4,26), и весьма распространенную, считая, что ею поражены почти все отрасли экономики и сферы жизни общества (4,24).

В таблице 3 приведены описательные статистики данных 4-пунктного опросника порицания коррупции.

Таблица 3

Описательные статистики данных шкалы порицания коррупции

Утверждение	M	SD
1. Поведение, заключающееся в получении взятки и оказании помощи другу с фальшивой сертификацией, является неправильным	4,08	1,07
2. Такой тип коррупционного поведения очень распространен в обществе	4,05	,91
3. Такое коррупционное поведение наносит вред обществу	4,22	,93
4. Такое коррупционное поведение наносит ущерб интересам других кандидатов	4,34	,91

Респонденты выразили порицание коррупционных правонарушений, особо отметив, что коррупция прежде всего дискриминирует других участников соревновательного процесса, нанося при этом вред и обществу.

Факторный эксплораторный анализ данных опроса, проведенный по методу главных компонент с вращением Varimax, позволил выделить 3 фактора (таблица 4).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таблица 4

Результаты факторного анализа данных опросника ориентации на социальное доминирование

Утверждение опросника	Факторный анализ		
	Идея социального равенства (антиэгалитаризм)	Идея социального доминирования (эгалитаризм)	Идея соперничества (конкуренция)
1. Некоторые группы людей просто во всем уступают другим группам			,717
2. Чтобы получить то, что вы хотите, иногда необходимо применять силу против других групп			,718
4. Чтобы продвинуться в жизни, иногда необходимо соперничать с другими группами			,802
5. Если бы определенные группы оставались на своих местах, у нас было бы меньше проблем		,697	
6. Наверное, хорошо, что определенные группы находятся наверху, а другие – внизу		,674	
7. Низшие группы должны оставаться на своих местах		,792	
8. Иногда другие группы должны оставаться на своих местах		,807	
9. Было бы хорошо, если бы группы могли быть равными	,793		
10. Равенство групп должно быть нашим идеалом	,824		
11. Всем группам следует предоставить равные шансы в жизни	,812		

Утверждение опросника	Факторный анализ		
	Идея социального равенства (антиэгалитаризм)	Идея социального доминирования (эгалитаризм)	Идея соперничества (конкуренция)
12. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы уравнять условия для разных групп	,839		
13. Необходимо повышение социального равенства	,825		
14. У нас было бы меньше проблем, если бы мы относились к людям одинаково ровно	,847		
15. Мы должны стремиться к тому, чтобы неравенство доходов снижалось	,758		
16. Ни одна группа не должна доминировать в обществе	,757		
Совокупный объем дисперсии, %	6,436	2,679	1,195

Первый фактор с наибольшим весом (6,436) был назван **«Идея социального равенства (антиэгалитаризм)»**. Он образован дисперсией оценок идеала равенства в доходах, отношения к группам и к каждому, а также отсутствия доминирования какой-либо группы в обществе. В него вошли такие утверждения, как «у нас было бы меньше проблем, если бы мы относились к людям одинаково ровно» (0,847), «мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы уравнять условия для разных групп» (0,839), «необходимо повышение социального равенства» (0,825). Таким образом, идея социального равенства и равных условий является доминирующей среди опрошенных россиян.

Второй фактор (2,679), названный **«Идея социального доминирования (эгалитаризм)»**, сочетает в себе согласие с утверждениями о нежелании чего-либо менять в иерархии, а также понимание сохранения во всем статуса-кво как беспроблемной ситуации. Он включил в себя следующие утверждения: «иногда другие группы должны оставаться на своих местах» (0,807), «низшие группы должны оставаться на своих местах» (0,792).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Третий фактор (1,195), названный как **«Идея соперничества (конкуренции)»**, образован совокупностью ответов на утверждения о необходимости предпринимать усилия для продвижения в жизни с возможностью применения даже силы для достижения результата. В него вошли такие утверждения, как «чтобы продвинуться в жизни, иногда необходимо соперничать с другими группами» (0,802), «чтобы получить то, что вы хотите, иногда необходимо применять силу против других групп» (0,718), «некоторые группы людей просто во всем уступают другим группам» (0,717).

Результаты корреляционного анализа позволяют утверждать, что порицание коррупции оказалось тесно связано с полом и возрастом респондента. Так, женщины и люди старшего возраста чаще высказываются, что «такое коррупционное поведение наносит ущерб интересам других кандидатов» ($p < 0,001$). При этом с порицанием коррупции как явления, наносящего вред обществу, согласны больше респонденты старшего возраста ($p < 0,001$) и меньше – религиозные респонденты ($p < 0,01$) (половых различий в этом виде порицания коррупции не обнаружено). Порицание коррупции оказалось не взаимосвязано с субъективным уровнем дохода, уровнем урбанизации и уровнем образования респондента.

Кроме того, обнаружили взаимосвязи между ориентацией на социальное доминирование и порицанием коррупции (выдвинутая гипотеза подтвердилась): те, кто не согласны с утверждением о нормальности ситуации, когда некоторым группам выпадает больше шансов в жизни, чем другим, в большей степени поддерживают суждения о коррупционности поведения с ущербом интересам других людям ($p < 0,001$) и обществу ($p < 0,001$). Точно такая же отрицательная взаимосвязь обнаружена в отношении утверждения о том, что низшие группы должны оставаться на своих местах ($p < 0,001$), и положительные взаимосвязи установлены в отношении порицания коррупции и суждений по типу «всем группам следует предоставить равные шансы в жизни» ($p < 0,001$), и «мы должны стремиться к тому, чтобы неравенство доходов снижалось» ($p < 0,001$).

Ориентация на социальное доминирование ожидаемо оказалась взаимосвязана с параметрами темной триады. Так, такая психологическая черта личности респондентов, как маккиавелизм, оказалась положительно взаимосвязана с утверждениями фактора соперничества (конкуренции), такими как «чтобы продвинуться в жизни, иногда необходимо соперничать с другими группами» ($p < 0,001$) и «чтобы получить то, что вы хотите, иногда необходимо применять силу против других групп» ($p < 0,001$). Нарциссизм оказался положительно взаимосвязан с утверждением «это нормально, если у некоторых групп больше шансов в жизни, чем у других» ($p < 0,001$) и отрицательно с утверждением о необходимости повышения социального равенства ($p < 0,001$). Психопатия оказалась положительно взаимосвязана с утверждением о том, что низшие группы должны оставаться на своих местах ($p < 0,001$) и отрицательно с утверждениями о необходимости повышения социального равенства ($p < 0,001$) и о констатации меньшего числа проблем при одинаково ровном отношении к людям ($p < 0,001$).

Обсуждение результатов

Как показали исследования В. Розенблатта (Rosenblatt, 2012), ориентация на социальное доминирование обуславливает низкую осведомленность людей об использовании служебного положения в личных целях (злоупотреблении властью), что в дальнейшем способствует высокой готовности поддерживать социальную иерархию и приводит к организационной коррупции. Результаты, полученные Tan, Liu, Zheng & Huang (2015), подтвердили их гипотезу о том, что ориентация на социальное доминирование положительно связана с коррупционными намерениями. По их мнению, лица, набравшие высокие баллы в опроснике на социальное доминирование (субшкале «идея социального доминирования / эгалитаризм») хотели бы продвинуться по служебной лестнице и получить непропорциональные своему вкладу выгоды в организации. При этом для достижения этого они выражают готовность совершить коррупционные правонарушения.

Несмотря на то, что власть обычно рассматривается как потенциально развращающая сила, снижающая нравственность и повышающая вероятность коррупционных намерений, есть исследования, результаты которых подтверждают, что власть усиливает склонность к размышлениям о морали, повышая приверженность к принципам и правилам (Fleischmann & Lammers, 2020). На наш взгляд, ключевым фактором являются ценности, и стремление к власти не всегда развращает, а зачастую ведет к более богатой, зрелой и многогранной форме морали.

Vilanova, Milfont & Costa (2022), объясняя высокий уровень коррупции в Бразилии, предложили модель, включающую в себя идеологические факторы (ориентация на социальное доминирование и правый авторитаризм) и лежащие в их основе мировоззрения (представления о мире как о конкурентной среде (competitive world beliefs) и представления о мире как об опасной среде (dangerous world beliefs)) в качестве предикторов коррупционных намерений.

Все вышеприведенные результаты зарубежных коллег косвенно подтверждают и дополняют полученные нами данные, а также служат гипотезами дальнейших исследований.

Заключение

Таким образом, в рамках проведенного исследования взаимосвязи морального порицания коррупции у россиян с их отношением к социальному доминированию удалось утвердиться в предположении о положительной взаимосвязи между степенью морального порицания коррупции и одобрением социальной иерархии. Проведенный эксплораторный факторный анализ данных опросника ориентации на социальное доминирование позволил выделить три фактора: «идею социального равенства (антиэгалитаризм)», «идею социального доминирования (эгалитаризм)»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

и «идею соперничества (конкуренции)». Кроме того, были обнаружены значимые корреляционные взаимосвязи между личностными особенностями респондентов (параметрами темной триады) и их отношением к социальному доминированию. Также была выполнена первичная валидизация опросника ориентации на социальное доминирование. Для этого (после двойного перевода и сбора данных) была проведена факторизация данных с целью проверки конструктивной (факторной валидности). Структура из 3 факторов, схожих с полученными авторами методики, подтвердила факторную валидность. Кроме этого была осуществлена проверка надежности опросника ориентации на социальное доминирование.

Литература

- Беркович, М. И., Духанина, Л. Н., Максименко, А. А., & Надуткина, И. Э. (2019). Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 2, 161–178. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.10>
- Гулевич, О. А., Агадуллина, Е. Р., & Хухлаев, О. Е. (2018). Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(3), 407–426. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-407-426>
- Духанина, Л. Н., Дейнека, О. С., Крылова, Д. В., & Максименко, А. А. (2020). Представления о коррупции в системе высшего образования у выпускников ведущих российских вузов. *Высшее образование в России*, 29(7), 64–74. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74>
- Егорова, М. С., Ситникова, М. А., & Паршикова, О. В. (2015). Адаптация короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования*, 8(43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>
- Журавлев, А. Л., & Юревич, А. В. (2012). Психологические факторы коррупции. *Прикладная юридическая психология*, 1, 8–21.
- Крылова, Д. В., & Максименко, А. А. (2021). Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта. *Государственное управление: электронный вестник*, 84, 241–255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>
- Крылова, Д. В., & Максименко, А. А. (2022). Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3, 230–253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>
- Максименко, А. А., Дейнека, О. С., Крылова, Д. В., & Духанина, Л. Н. (2020). Отношение россиян к коррупции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология*, 13(4), 407–428. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>
- Clarke, E. J. R., Klas, A., & Dyos, E. (2021). The role of ideological attitudes in responses to COVID-19 threat and government restrictions in Australia. *Personality and Individual Differences*, 175, 110734. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110734>
- Davis, J. A., & Smith, T. W. (1991). *General social surveys, 1972–1991: Cumulative codebook*. National Opinion Research Center.
- Fleischmann A., & Lammers J. (2020). Power and moral thinking. *Current Opinion in Psychology*. 33. 23–27. <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2019.06.008>.
- Guimond, S., Dambrun, M., Michinov, N., & Duarte, S. (2003). Does social dominance

- generate prejudice? Integrating individual and contextual determinants of intergroup cognitions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84(4), 697–721. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.4.697>
- Gino, F., & Ariely, D. (2012). The dark side of creativity: original thinkers can be more dishonest. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 445–459. <https://doi.org/10.1037/a0026406>
- Gino, F., & Wiltermuth, S. S. (2014). Evil genius? How dishonesty can lead to greater creativity. *Psychological Science*, 25(4), 973–981. <https://doi.org/10.1177/0956797614520714>
- Huang, L.-L., & Liu, J. H. (2005). Personality and social structural implications of the situational priming of social dominance orientation. *Personality and Individual Differences*, 38(2), 267–276.
- Jost, J., & Hunyady, O. (2003). The psychology of system justification and the palliative function of ideology. *European review of social psychology*, 13(1), 111–153. <https://doi.org/10.1080/10463280240000046>
- Kennedy, J.A., & Kray, L. J. (2022). Gender similarities and differences in dishonesty. *Current Opinion in Psychology*, 48. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101461>
- Kugler, M. B., Cooper, J., & Nosek, B. A. (2010). Group-based dominance and opposition to equality correspond to different psychological motives. *Social Justice Research*, 23(2–3), 117–155. <https://doi.org/10.1007/s11211-010-0112-5>
- Lalot, F., Jauch, M., & Abrams, D. (2022). Look past the divide: Social dominance, authoritarianism, future thinking, and superordinate identity underlie the political divide on environmental issues. *Current Research in Ecological and Social Psychology*, 3. <https://doi.org/10.1016/j.cresp.2022.100062>
- Li, S., Triandis, H. C., & Yu, Y. (2006). Cultural orientation and corruption. *Ethics and Behavior*, 16(3), 199–215. https://doi.org/10.1207/s15327019eb1603_2
- Licciardello, O., Castiglione, C., Rampullo, A., & Scolla, V. (2014). Social dominance orientation, cross-group friendship and prejudice towards homosexuals. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 116, 4988–4992. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.01.1060>
- Mesler, R. M., Simpson, B., Chernishenko, J., Jain, Sh., Dunn, L. H., & White, K. (2022). Identity salience moderates the effect of social dominance orientation on COVID-19 'rule bending'. *Acta Psychologica*, 223. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2021.103460>
- Modesto, J. G., & Pilati, R. (2020). "Why are the corrupt, corrupt?": The multilevel analytical model of corruption. *The Spanish Journal of Psychology*, 23. <https://doi.org/10.1017/SJP.2020.5>
- Nicol, A. A., & Rounding, K. (2013). Alienation and empathy as mediators of the relation between Social Dominance Orientation, Right-Wing Authoritarianism and expressions of racism and sexism. *Personality and Individual Differences*, 55, 294–299. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.03.009>
- Paulhus, D. L., & Williams, K. M. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 36(6), 556–563. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6)
- Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L. M., & Malle, B. F. (1994). Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 741–763. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.4.741>
- Rosenblatt, V. (2012). Hierarchies, power inequalities, and organizational corruption. *Journal of Business Ethics*, 111(2), 237–251. <https://doi.org/10.1007/s10551-012-1204-y>
- Shi, J., Chen, Zh., Wang, X., Teng, F., Yang, Y., & Chen, H. (2021). Dominate others, hurt self: Social dominance orientation predicts depression during the COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*, 175. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110710>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Shu, L. L., & Gino, F. (2012). Sweeping dishonesty under the rug: how unethical actions lead to forgetting of moral rules. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(6), 1164–1177. <https://doi.org/10.1037/a0028381>
- Sidanius, J., & Pratto, F. (1993). *The dynamics of social dominance and the inevitability of oppression*. In P. Sniderman & P. E. Tetlock (Eds.), *Prejudice, politics, and race in America today* (pp. 173–211). Stanford University Press.
- Sidanius, J., & Pratto, F. (1999). *Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression*. Cambridge University Press.
- Stupnianeck, K., & Navickas, V. (2019). Can Beliefs in Justice Predict Corrupt Behavior? *Journal of Social and Political Psychology*, 7(1), 246–259. <https://doi.org/10.5964/jspp.v7i1.1031>
- Tan, X., Liu, L., Zheng, W., Huang, Z. (2015). Effects of social dominance orientation and right-wing authoritarianism on corrupt intention: The role of moral outrage. *International Journal of Psychology*, 51(3), 213–219. <https://doi.org/10.1002/ijop.12148>
- Tan X., Liu L., Huang Z., Zhao X., & Zheng W. (2016). The dampening effect of social dominance orientation on awareness of corruption: Moral outrage as a mediator. *Social Indicators Research*, 125(1), 89–102. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0838-9>
- Tan, X., Liu, L., Huang, Z., Zheng, W., & Liang, Y. (2016b). The Effects of General System Justification on Corruption Perception and Intent. *Frontiers in Psychology*, 26(7). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01107>
- Tan, X., Liu, L., Huang, Zh., & Zheng, W. (2016c). Working for the Hierarchical System: The Role of Meritocratic Ideology in the Endorsement of Corruption. *Political psychology*, 38(3), 469–479. <https://doi.org/10.1111/pops.12341>
- Van Hiel, A., & Kossowska, M. (2006). Having few positive emotions, or too many negative feelings? Emotions as moderating variables of authoritarianism effects on racism. *Personality and Individual Differences*, 40(5), 919–930. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.09.014>
- Vincent, L. C., Emich, K. J., & Goncalo, J. A. (2013). Stretching the moral gray zone: positive affect, moral disengagement, and dishonesty. *Psychological Science*, 24(4), 595–599. <https://doi.org/10.1177/0956797612458806>
- Vilanova, F., Milfont, T. L., & Costa, A. B. (2022). A dual process social psychological model of corrupt intention and attitudes toward corrupt people. *Journal of Personality and Social Psychology*, 123(4), 854–883. <https://doi.org/10.1037/pspp0000414>

Приложения

Приложение 1

Опросник ориентации на социальное доминирование

Оцените степень своего согласия от 1 до 5 с нижеперечисленными утверждениями, выбрав только один вариант в каждой строке, где 1 – совсем не согласен, а 5 – полностью согласен.

Утверждение	Совсем не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
1. Некоторые группы людей просто во всем уступают другим группам	1	2	3	4	5
2. Чтобы получить то, что вы хотите, иногда необходимо применять силу против других групп	1	2	3	4	5
3. Это нормально, если у некоторых групп больше шансов в жизни, чем у других	1	2	3	4	5
4. Чтобы продвинуться в жизни, иногда необходимо соперничать с другими группами	1	2	3	4	5
5. Если бы определенные группы оставались на своих местах, у нас было бы меньше проблем	1	2	3	4	5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Утверждение	Совсем не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
6. Наверное, хорошо, что определенные группы находятся наверху, а другие – внизу	1	2	3	4	5
7. Низшие группы должны оставаться на своих местах	1	2	3	4	5
8. Иногда другие группы должны оставаться на своих местах	1	2	3	4	5
9. Было бы хорошо, если бы группы могли быть равными	1	2	3	4	5
10. Равенство групп должно быть нашим идеалом	1	2	3	4	5
11. Всем группам следует предоставить равные шансы в жизни	1	2	3	4	5
12. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы уравнивать условия для разных групп	1	2	3	4	5
13. Необходимо повышение социального равенства	1	2	3	4	5

Утверждение	Совсем не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
14. У нас было бы меньше проблем, если бы мы относились к людям одинаково ровно	1	2	3	4	5
15. Мы должны стремиться к тому, чтобы неравенство доходов снижалось	1	2	3	4	5
16. Ни одна группа не должна доминировать в обществе	1	2	3	4	5

Приложение 2

Опросник выявления осведомленности о коррупции

Утверждение	Редко	Иногда	Затрудняюсь ответить	Часто	Очень часто
Коррупция всегда существовала в разные эпохи	1	2	3	4	5
Большинство людей будут коррумпируемыми, если у них будет такая возможность	1	2	3	4	5
В настоящее время коррупция является очень распространенным явлением и охватывает почти все отрасли	1	2	3	4	5
Проблема коррупции очень серьезна в современном российском обществе	1	2	3	4	5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Утверждение	Редко	Иногда	Затрудняюсь ответить	Часто	Очень часто
Явление коррупции появилось в университетах и становится все более и более серьезным	1	2	3	4	5

Приложение 3

Опросник выявления порицания коррупции

После прочтения сюжета оцените степень своего согласия от 1 до 5 с нижеперечисленными утверждениями, выбрав только один вариант в каждой строке (где 1 – совсем не согласен, а 5 – полностью согласен).

Представьте, что у вас есть друг (А), который хочет продолжить учебу за границей. Благотворительная организация Х предложила зарубежную стипендию. Каждый год есть 5 мест, на которые претендуют более 50 кандидатов. Отбор основывается на количестве часов, потраченных на волонтерскую деятельность. Пять лучших кандидатов получают эту стипендию. Вы являетесь президентом ассоциации волонтеров вашего университета. Ваш друг дает вам 150 тыс. рублей и надеется, что вы поможете ему в получении стипендии. Хотя он и не участвовал в волонтерской деятельности из вашей ассоциации он хочет, чтобы вы, как президент ассоциации волонтеров, предоставили ему фальшивое свидетельство, подтверждающее, что он участвовал в волонтерской деятельности в течение многих часов. Если вы поможете своему другу и дадите ему фальшивую справку, вероятность того, что он получит стипендию, значительно повысится.

Утверждение	Совсем не согласен	Скорее не согла- сен	Затрудняюсь ответить	Скорее согла- сен	Полностью согласен
1. Поведение, заключающееся в получении взятки и оказании помощи другу с фальшивой сертификацией, является неправильным	1	2	3	4	5

Утверждение	Совсем не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Полностью согласен
2. Такой тип коррупционного поведения очень распространен в обществе	1	2	3	4	5
3. Такое коррупционное поведение наносит вред обществу	1	2	3	4	5
4. Такое коррупционное поведение наносит ущерб интересам других кандидатов	1	2	3	4	5

Поступила в редакцию: 21.04.2023

Поступила после рецензирования: 08.05.2023

Принята к публикации: 06.06.2023

Заявленный вклад авторов

Александр Александрович Максименко – разработка дизайна исследования, подготовка перевода опросников ориентации на социальное доминирование, выявление осведомленности о коррупции, выявления порицания коррупции, организация и проведение опроса, написание текста статьи, переписка с редакцией журнала.

Дина Владимировна Крылова – формирование идейной основы статьи и ее концептуализация, обсуждение, написание текста статьи.

Ольга Сергеевна Дейнека – разработка концепции исследования, обсуждение, написание текста статьи.

Информация об авторах

Максименко Александр Александрович – доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г.Москва, Российская Федерация; Scopus AuthorID: 57219144362; SPIN-код РИНЦ: 7449-3003; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>; e-mail: maximenko.al@gmail.com

Крылова Дина Владимировна – заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация; Scopus AuthorID: 57218854946; SPIN-код РИНЦ: 8293-1697; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>; e-mail: krylovadv@hse.ru

Дейнека Ольга Сергеевна – доктор психологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Scopus AuthorID: 57194202822; SPIN-код РИНЦ: 9111-5267; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>; e-mail: osdeyneka@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научное издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023

ТОМ 20 № 3

Сдано в набор 20.09.2023 Подписано в печать 27.09.2023

Дата выхода в свет 30.09.2023

Цена свободная

Формат 210×297.

Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Подготовлено к печати и отпечатано: "Особое приглашение"
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Metallургическая 102/2, корпус
«ИЛК», офис 305, E-mail: k@os-pr.ru